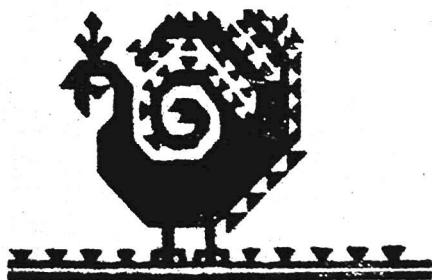


ТАДЖИКИ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА



ДУШАНБЕ—1970

ТАДЖИКИ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

(Вып. 2)

Под редакцией
Н. А. КИСЛЯКОВА
и А. К. ПИСАРЧИК

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН

ИНСТИТУТИ ТАҶРИХ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

ТОҶИКони ҚАРОТЕГИН ВА ДАРВОЗ

(ҶУЗЪИ 2)

Дар зери таҳрири
Н. А. ҚИСЛЯКОВ
ва А. Қ. ПИСАРЧИК

НАШРИЁТИ „ДОНИШ“
ДУШАНБЕ—1970

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой второй выпуск этнографического труда «Таджики Каратегина и Дарваза», написанного коллективом сотрудников сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР по материалам, собранным Гармской этнографической экспедицией в Каратегине и Дарвазе в 1952—1957 гг.

Первый выпуск этого труда, вышедший в свет в 1966 г., содержит главы со сведениями по истории исследования района, краткий географический и исторический очерки, характеристики населения, историю его сложения, сведения о населенных пунктах, а также сведения об основных занятиях населения—сельском хозяйстве, домашних промыслах и ремеслах и охоте.¹ Данный выпуск посвящен материальной культуре таджиков Каратегина и Дарваза в конце XIX—начале XX вв.

Главы, вошедшие в этот выпуск, написаны следующими авторами: Селение—Р. Л. Неменовой и А. К. Писарчик (по материалам, собранным Р. Л. Неменовой, А. З. Розенфельд, Н. Н. Ершовым и И. Мухиддиновым в 1952—1957 гг.); Жилище—А. К. Писарчик (по материалам, собранным ею же в 1954—1957 гг., Н. Х. Нурджановым в 1952—1953 гг. и Н. Н. Ершовым в 1954 г.); Пища—Н. Н. Ершовым (по материалам, собранным им же в 1954—1956 гг., М. А. Хамиджановой в 1952, 1953, 1957 гг., И. Мухиддиновым в 1957 г. и по стационарным наблюдениям Н. Н. Ершова предыдущих лет); Одежда—З. А. Широковой (по материалам, собранным А. К. Писарчик в 1954—1957 гг., З. А. Широковой в 1954—1957 гг., М. А. Хамиджановой в 1952—1957 гг. и Ю. И. Богорад в 1952—1953 гг.); Узорные изделия из кусочков материи—*курама* или *куроқ*—А. К. Писарчик и М. А. Хамиджановой (по материалам, собранным главным образом М. А. Хамиджановой в 1957 г.); Народная медицина—Н. Н. Ершовым (по материалам, собранным им самим в 1954—1956 гг., а также в 1943 г.).

Как отмечалось в предисловии к первому выпуску, при решении сложного вопроса о транскрипции многочисленных терминов и топонимических названий разного происхождения, авторы стремились передавать их в форме, приближенной к литературной таджикской, но с сохранением некоторых характерных диалектных черт, например, произношения таджикского литературного *ӯ*, как *у*. В указателях в скобках приводится диалектное произношение, причем для передачи звуков, отсутствующих в таджикском алфавите, введены дополнительные знаки: *э*—гласный смешанного или заднего ряда среднего подъема, неогубленный; *ў*—огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема; *һ*—глухой верхнефарингальный щелевой (этимологически соответствует ар.ح).

Вошедшие в настоящий выпуск фотографии выполнены: Н. Х. Нурджановым, Э. А. Широковой, А. С. Андреевым, В. А. Мешкерис, И. Мухитдиновым и А. К. Писарчик. Негативы находятся в фототеке сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Рисунки выполнены Х. А. Жаба и М. Р. Габе.

СЕЛЕНИЕ

О селениях и жилище таджиков Каратегина и Дарваза в дореволюционной литературе встречаются лишь отдельные краткие сведения.¹ В послереволюционные годы о них сообщается в ряде работ—Ю. И. Пославского, Н. Г. Маллицкого, В. В. Гинзбурга, Н. А. Кислякова,² причем работы В. В. Гинзбурга посвящены описанию селений и жилищ интересующих нас областей в целом, а Н. А. Кислякова—детальному изучению селений и жилищ одного из районов Дарваза—бассейна р. Хингоу. В результате наших обследований появилась предварительная публикация о селениях Дарваза.³

Типы селений горного Таджикистана характеризуются различными исследователями с различных точек зрения. Н. Г. Маллицкий дает их географическую характеристику, отмечает расположение горных селений в речных долинах и на склонах гор, говорит о делении их на «солнечные» и «теневые» в зависимости от их положения в отношении солнечной экспозиции, приводит краткие сведения о водоснабжении кишлаков и плотности заселения их; касается он также названия селений «верхними» и «нижними» в зависимости от их расположения выше или ниже по течению реки или на склоне горы. Сведения носят общий характер и, помимо Каратегина и Дарваза, относятся к бассейну Верхнего Зеравшана.⁴

Ю. И. Пославского вопросы расселения и типов селений в Таджикистане интересовали с точки зрения экономики и хозяйственного уклада края. Отмечая тесную связь расселения типов населенных пунктов с факторами физико-географического порядка (в первую очередь с солнцем) и с направлением хозяйственной деятельности населения, он сообщает данные о селениях горных районов Таджикистана и выделяет несколько типов их: тип хуторов-дворов или мелкогнездовой в верхнем и среднем течении рек и крупногнездовой в нижнем течении рек, в местах с более обширными земельными площадями.⁵

В. В. Гинзбург по материалам, собранным им в 1932—1935 гг. в Каратегине и Дарвазе, а также в Дашти-Джуме и Шуроабаде (Куляб), дает краткую общую характеристику горного кишлака с точки зрения размеров и расположения, водоснабжения, а также санитарно-гигиенического состояния.⁶

Н. А. Кисляков, детально изучивший в 1932—1935 гг. типы поселений бассейна р. Хингоу, классифицирует их, исходя, главным образом, из фактов социальной жизни, прежде всего из деления населения на родовые группы. Вместе с тем он приводит данные и о различном типе кишлаков, расположенных в высокогорьях и в более низких районах.⁷

Название селений. Основной формой поселения в Каратегине и Дарвазе является селение, называемое здесь повсеместно тюрским сло-

вом *қишлоқ*; таджикский термин, обозначающий селение, — *диҳа* (в местных наречиях *ди*[/дә/ду/де) сохранился главным образом в топонимике, в названиях кишлаков (Дияи-Амир, Дии-Калон, Дии-Та, Дехи-Баланд, Деи-Гилмон), частей селения и кварталов (Сари-Ду—верхняя часть селения, Мина-Ду—средняя часть селения, Пуни-Ду — нижняя часть селения).

Деление кишлаков на *сарҳад* и *тағоу*. В зависимости от высоты и климатических условий селения Каратегина и Дарваза самим населением делятся на *сарҳад*—высокогорные кишлаки с холодным климатом, где нет садов и плодовых деревьев, а иногда даже нет совсем древесной растительности, и *тағоу* (*тағоб*) — приречные, т. е. кишлаки, расположенные в местах с более теплым климатом, часто вблизи реки, изобилующие водой и фруктовыми деревьями.⁸ В кишлаках *сарҳад* зима более сурова, и снег держится значительно дольше, чем в кишлаках *тағоу*; так, например, в к. Бедаки-Боло (неподалеку от Гарма), который относится к *сарҳад*, снег стает на 20 дней позже, чем в Гарме, относимом к *тағоу*. Деление кишлаков на *сарҳад* и *тағоу* прослеживается как в долинах рек Пянджа и Хингоу, так и в долине р. Сурхоб, причем в последней, по-видимому, наиболее отчетливо.⁹ В Дарвазе к *сарҳад* относят кишлаки Равноу, Висхарви-Боло, в долине р. Хингоу—кишлаки, расположенные в верховьях реки, например, Хазрати-Бурх, Рехч, Гундара, Сафедорон и др., а также в долине Сурхау (по правому берегу р. Хингоу). К *тағоу* относят все кишлаки, расположенные по берегам р. Хингоу в ее нижнем течении. В Каратегине к *тағоу* относят все кишлаки, расположенные непосредственно в долине р. Сурхоб, по обоим ее берегам, кишлаки же, расположенные на горных склонах, относят к *сарҳад*.

В настоящее время население почти всех каратегинских кишлаков *сарҳад* переселилось частью в каратегинские кишлаки *тағоу*, частью же в равнинные районы республики.

Хотя в каждой местности имеются определенные кишлаки, относимые к *сарҳад* и к *тағоу*, все же определение это в целом относительно. В то время как в Сагырдаште к. Тавиль-Дара, расположенный значительно ниже над уровнем моря, в более мягких климатических условиях, считается *тағоу*, в Комсомолабаде, расположенном ниже Тавиль-Дары, он считается *сарҳад*, а в Душанбе все перечисленные пункты, включая и Комсомолабад, считаются *сарҳад*.¹⁰

К *сарҳад* относят обычно все высокогорные летовки—*элга*, *девлох*, куда выходит со скотом часть населения кишлаков на летние пастбища.

Летовки в Дарвазе играли роль не только летних пастбищ и мест заготовки молочных продуктов на зиму, но и летних поселений. На летовках строились жилища (см. ниже, стр. 106), в них был самый необходимый домашний инвентарь и селились там, как и в кишлаках, соблюдая семейно-родственные связи. Обычно на летовки выходили только женщины и дети, а мужчины иногда навещали свои семьи, выполняя там работы, что были не под силу женщинам. Существовали летовки более ранние, куда выходили весной, и более поздние, расположенные выше, куда переходили летом. Например, население группы кварталов к. Джорф—Выгай, Пуни-Куча, Хавлии-Тор, Хавлии-Та, Джои-Эшони, Новошт, Кобаст, Боги-Пышон, Сел весной выходило на летовку Тач, а с половины лета поднималась на летовку Хымбог. Население остальных кварталов уходило весной на летовку Багар, а летом—в Пышиф. Летовка, или летний кишлак Ёгида носит название Пшогед (этимологизируется как Пушти-Ёгид — за Ёгидом) и делится

на ряд участков. Летовка, куда выходят жители кишлаков Калаи-Хумб, Ризвай, Дашти-Лич, носит название Хуф и делится на участки Пушти-Кадуно, Акиби-Горо, Пушти-Чашма, Михроб, Гарданга.

Летние кишлаки, или летовки, обычно расположены высоко, значительно выше основных (зимних) кишлаков. Однако в Вахио, на границе с Каратегином, зарегистрированы три кишлака, жители которых зимой живут в верхних селениях, а летом спускаются в расположенные значительно ниже, у подножия гор. В зимних кишлаках нет плодовых деревьев, а в летних довольно обширные сады, много тутовых деревьев. Жилища на летовках строятся по тому же плану, что и в зимних кишлаках, но более упрощенно, поскольку зимой там не живут. К таким «двудомным» кишлакам относятся: Кафтаргузар, в нем живут зимой, а летом население спускается вниз в к. Пуни-Орга; Деи-Баланд — зимний и Паси-Гезун — летний, Ефуч — зимний и Рубот — летний. В к. Ефуч все поля засеваются под дождь, так как единственный источник, имеющийся в селении, обеспечивает жителей только питьевой водой и дает возможность орошать несколько огородов.

Перечисленные двойные кишлаки существенно отличались от других еще тем, что земля вокруг летних селений не служила для выпаса скота, как у других кишлаков летовки.

К сожалению, нам не удалось собрать более подробный материал о хозяйственном быте этих селений. Описанные в литературе аналогичные «двудомные» кишлаки в Припамирье возникали вследствие ограниченности пахотной земли в летних и зимних селениях и необходимости обеспечить те и другие поля удобрением. Поэтому население там живет по полгода в каждом из кишлаков, перегоняя и основной крупный рогатый скот, чтобы накопить навоз.¹¹ Свободно пасти скот, как это обычно делается на летовках, они не имели возможности ввиду наличия полей и опасности потравы посевов.

Деление кишлаков на «верхние» и «нижние». В быту горных таджиков неровности рельефа местности, расположение на горных склонах выше или ниже имеет большое практическое значение, поэтому представление о «верхе» и «ниже» распространено очень широко. Говоря о любом движении — в городе, в кишлаке, о местоположении любого объекта, — говорящий обычно употребляет определение «вверху» или «внизу», «верхний» или «нижний». Это находит свое отражение в топонимике селений (что отмечалось предыдущими исследователями), частей селений, кварталов и даже отдельных домов.

Кишлаки Каратегина и Дарваза делятся на «верхние» и «нижние», иногда еще и на средние, т. е. лежащие выше или ниже на склоне горы или по течению реки; в последнем случае абсолютная высота «верхнего» кишлака может быть меньше «нижнего», если первый расположен у самой реки, а второй — на склоне горы.¹² В Каратегине имеется много таких одноименных селений: Поджеи-Боло и Поджеи-Поён, лежащие одно выше другого по течению р. Сорбух; Кочони-Боло и Кочони-Поён, Бедаки-Боло и Бедаки-Поён, лежащие одно выше другого по склону горы неподалеку от Гарма; Дегилмони-Боло, Дегилмони-Миёна и Дегилмони-Поён, расположенные одно выше другого по левому берегу р. Сурхоб; в Вахио можно указать кишлаки Шури-Боло и Шури-Поён по правому притоку р. Хингоу — Оби-Дарай-Шур; в Дарвазе — Шодаги-Боло и Шодаги-Поён по берегу р. Пяндж, Ширги-Боло и Ширги-Поён по ущелью р. Хумбоу и многие другие. Большей частью они находятся близко один от другого, но иногда на некотором расстоянии, даже в различных климатических условиях. Так, к. Бедаки-Боло относится к сархад, а Бедаки-Поён — к тагоу.

По-видимому, появление таких одноименных селений связано с увеличением населения за счет естественного прироста и прихода новых поселенцев и с ограниченностью годных для обработки земельных площадей, что препятствует выделяющимся семьям селиться в том же кишлаке.¹³ (Таково же должно было быть происхождение и одноименных кишлаков, отличающихся по названию различными определениями: например, Ярхаби-Калон — Большой Ярхаб и Ярхаби-Чукурак — Ярхаб в низине; Каджбеди-Чукурак — Каджбед в низине, Каджбеди-Пешору — Каджбед противоположный и Каджбеди-Чухтак — Каджбед на возвышенности и др.).

Во многих кишлаках прослеживается деление на верхнюю и нижнюю части, иногда называемые *хад*. Так, в кишлаках долины Пянджа и верхнего течения р. Хингоу различают *сари ду* — верхнюю часть селения, *пуни ду* — нижнюю часть и *минаду* — среднюю; такое деление существует, например, в кишлаках Ризвай, Джорф, Кеврон, Ширговад, Хост, Хек; к. Сагырдашт делится на Хади-Афтобру, Хади-Мина, Хади-Поён; в Каратегине в к. Нушори-Поён различаются части: Хадди-Боло — Верхний край и Хадди-Пову — Нижний край. Иногда верхняя часть кишлака называется Дуи-Тор, а нижняя — Дуи-Та, как, например, в к. Вихшарв в Дарвазе. Деление на верхнюю и нижнюю часть возникает постепенно. В одних кишлаках более старой частью является верхняя часть, т. е. заселение шло сверху вниз, например, в кишлаках Ризвай, Хек в Дарвазе, кишлаках Казнок и Навди в Каратегине, в других — наоборот. В к. Шул в Каратегине заселение началось снизу, и лишь после того, как горным силевым потоком около 50 лет тому назад (запись 1952 г.) были смыты многие жилища, кишлак стал застраиваться выше, а в нижней старой части сохранились только те жилища, которые не были смыты. В к. Анджирак (Дарваз), тоже снесенном около 50 лет тому назад (запись 1961 г.) силевым потоком, старая застройка была выше, а последующая — ниже. В Каратегине после землетрясения 1949 г. многие кишлаки восстанавливались ниже старого места.

В кварталах некоторых кишлаков определяются как верхние и нижние даже отдельные дома. Так, в Джорфе квартал Боги-Пышон состоит из трех домов, и каждый из них, помимо имени своего владельца, часто определяется как «верхний», «большой» и «нижний» дом.¹⁴

Деление кишлаков и их частей на солнечные и теневые. В Дарвазе и Каратегине, как и в других горных районах, кишлаки различаются также по экспозиции солнца: кишлаки на склонах, обращенных к югу, к солнцу, носят название *офтобру*/*афтобру* — солнечная сторона, расположенные же на склонах, обращенных к северу — *сояру*¹⁵ или (в долинах рек Пяндж и Хингоу) — *нэшра*, *нэшр* — теневая сторона.¹⁶ Селения офтобру получают больше солнечного тепла и света, и поэтому время сева и вызревания всех культур там наступает раньше, чем в сояру. Это очень сказывается на обработке полей; в долине Хакими (Комсомолабадский район), например, в селениях офтобру часто совсем не приходится весной посыпать снег на полях землей для ускорения его таяния,¹⁷ в селениях же сояру посыпают два-три раза, а в обильные снегопадами годы эту трудоемкую операцию приходится повторять до пяти раз. Но зато на солнечных склонах травы вырастают быстрее. Склоны сояру дольше удерживают влагу, там больше трав и кустарников, они дольше могут быть использованы как пастбище. Разница между склонами офтобру и сояру настолько велика, что линия вечного снега на теневых склонах высоких гор спускается метров на 300 ниже, чем на солнечных.¹⁸

В Дарвазе большинство правобережных припанджских кишлаков — офтобру. Только кишлаки Сангеви-Дароз, Паткиноу, Шкев и Нульванд относятся к нышра, так же как и большинство левобережных, припанджских кишлаков (Афганский Дарваз). Теневыми является и большинство кишлаков долины р. Хумбоу. В нижней части долины Хингоу кишлаки, расположенные по левому берегу, большею частью теневые, по правому — солнечные. В Каратегине кишлаки делятся на теневые и солнечные очень отчетливо: весь правый берег Сурхоба — солнечная сторона, левый — теневая. До революции даже все Гармское миразорство, находившееся на солнечной стороне, носило официальное название Афтобру.¹⁹

Определение *афтобру* часто добавляется к названию отдельных селений (например, к Кули-Афтобру в Каратегине) и даже в одном селении различают части, по-разному освещаемые солнцем. Так, в дарвазском к. Джорф часть, прилегающая к Пянджу, — нышра, часть же, расположенная на более высокой террасе, — офтобру. То же имеет место и в к. Тогмай. А к. Зыгар, окруженный со всех сторон мощными хребтами, летом относят к офтобру, но зимой часть его полтора месяца совсем не освещается солнцем, находится в тени и, по словам местных жителей, становится *нашар*. В к. Сагырдашт (бассейн р. Хингоу) одна из частей селения носит название Хади-Афтобру. В Каратегине название большого кишлака Нушор (Таджикабадского района), по-видимому, связано со словом нышра — теневая сторона; в Гармском районе имеется к. Нуширьён.

Деление на офтобру и сояру прослеживается в долине Сурхоба от верховьев реки примерно до правобережного кишлака Сичирог; ниже, в районе Оби-Гарма, его уже не придерживаются, так как край там предгорный, и такое деление не имеет существенного хозяйственного значения.

Выбор места для селения. Как и во всех горных странах со сложным рельефом поверхности, в Каратегине и Дарвазе кишлаки располагаются очень разнообразно — на гребнях горных отрогов, на горных склонах и в ложбинах, в ущельях горных речек, на конусах выноса их, на высоких и низких речных террасах. Кишлаки, расположенные на конусах выноса и в устьях горных ущелий, имеют типичную форму треугольника, вершиной обращенного к ущелью, а основанием упирающегося в реку или в прилегающую широкую террасу.

При основании селения и постройке жилищ прежде всего выбирались места, безопасные в отношении оползней, осыпей, снежных лавин — *тарма* и, особенно бурных паводковых потоков — *сел*, которые после обильных дождей или после быстрого таяния снега в горах в период сильной жары переполняют горные ручьи, речки, овраги и несутся, увлекая массу грязи, камней, обломков скал. За несколько часов селения и возделанные поля превращаются в каменистые и заиленные пустыри; особенно мощные сели сносят иногда целые кишлаки. Поэтому иногда кишлаки располагались на гребнях горных отрогов (рис. 1).

При выборе места для кишлака прежде всего учитывалось наличие источника воды для питья и для орошения пахотных земель.

Источниками водоснабжения в кишлаках Каратегина бывают ключи и родники — *чашма*, *чишма*, горные речки и большие реки.²⁰ Вода родников и небольших речек подводится к полям и кишлакам по сравнительно небольшим каналам. Горные речки носят обычно названия крупных селений или ущелий, через которые они протекают. Например Оби-Дарай-Шур — река ущелья Шур, Оби-Зыгар, Оби-Равноу — р. Зыгар, р. Равноу и т. п. Мелкие горные речки часто не имеют собствен-

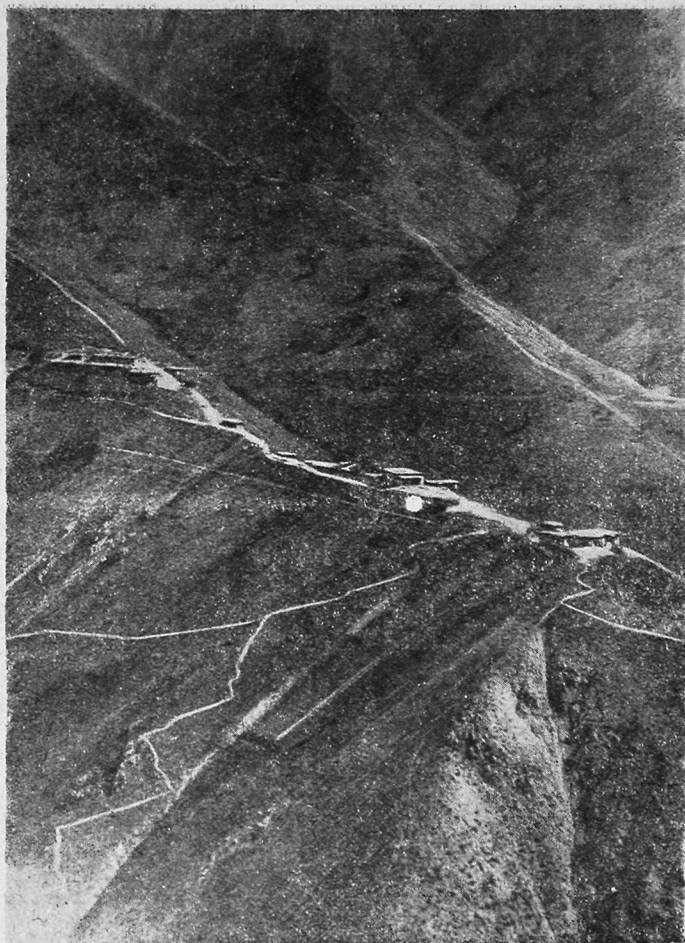


Рис. 1. Селение на гребне горного отрога в Каратегине (дореволюционное фото С. Дудина. Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград).

ных названий и объединяются общим названием *дарова* в Каратегине и *даргоу* (по-видимому, из *дара+об*—вода ущелья) в Дарвазе. Если приходится подводить воду из больших рек, протекающих обычно значительно ниже селения, то головное сооружение строится на реке на много выше селения, и вода издалека подводится по каналам—*чу, чуй*²¹, которые всегда видны на склонах гор по ровной темной полоске зелени на сером фоне склона.

В отдельных кишлаках Каратегина и Дарваза постройка некоторых больших каналов относится населением к очень древним временам и приписывается различным легендарным лицам. Например, существует предание, что группа кишлаков, расположенных на левом берегу Сурхоба.—Нушори-Боло, Нушори-Поён, Шавркиён, Мазори-Шина, Мулло Кенджа—в старое время обеспечивалась водой из канала, называвшегося Джуйбори-Муг (канал Муга), который якобы был отведен из ущелья Шикорга по приказанию легендарного правителя Муга; русло старого канала не сохранилось, но место его старики знают. В настоящее время жители перечисленных кишлаков пользуются прорытым позже каналом—Джуйбори-Дараи-Бедак. В Дарвазе, по преданию, один из первых поселенцев селения Вомар (Шахри-Вомар), располагавшегося когда-то на месте современных кишлаков Умарак и Зинг, некий Аёджумдор, которого почитали как святого, отвел от источника к. Хек канал Хамби-Хоклу, по которому и сейчас можно провести воду (*оши амӣ озир ҳаёт аӣ*); это делается в годы, когда ощущается недостаток воды для орошения.

Планировка селений в связи с административным значением их. Характер селения, его планировка зависят от многих обстоятельств—административного значения данного пункта, физико-географических, хозяйственных, социальных и других условий.

Среди селений Каратегина и Дарваза выделяются сходством с городским типом планировки и домов пункты, являющиеся или бывшие в недавнем прошлом административными центрами, прежде всего центры б. Гармской области — сначала Гарм, а потом Навабад. Эти два пункта и административно относятся к поселкам городского типа. Те же черты, хотя и в меньшей степени, присущи Оби-Гарму (около которого в настоящее время находится курорт), Комсомолабаду, Таджикибаду, Джиргаталю, Тавиль-Даре, Калаи-Хумбу. В них имеются широкие прямые улицы и большие городского типа здания, в которых размещаются советские учреждения, школы и различные специальные учебные заведения, больницы, клубы, кинотеатры, библиотеки, магазины (промтоварные, продуктовые, книжные). Некоторые из перечисленных населенных пунктов—Навабад, Таджикибад, Джиргаталь—построены на новом свободном месте и в них пересекающиеся улицы образуют правильные кварталы. Остальные представляют собой старые до-революционные селения, в центре которых проложены широкие улицы и вдоль них построены новые дома. В этих селениях иногда близкий к городскому облик имеет только центральная часть, на окраинах же улицы, кварталы и дома по своему характеру такие же, как в обычных кишлаках.

Планировка горных селений террасами. В кишлаках, расположенных на крутых склонах гор, жилища располагаются ступенями или террасами, причем, если поселение скученное, то нередко плоские кровли домов или хозяйственных помещений, расположенных ниже, служат двором или улицей для вышележащих. Террасообразные кишлаки встречаются по склонам гор как в Дарвазе—в долине Пянджа (кишлаки Ширговад, Умарак, ущелье Висхарви), в долине р. Хумбоу, в Вахиои-Боло (к. Пуштарог) (рис. 2), так и в Каратегине—кишлаки Шульмак, Поджеи-Поён, неподалеку от Камароуского ущелья, к. Дии-Та (в составе Самсолика) и др. Иногда на склоне горы располагается террасами только часть домов, а остальные более свободно разбросаны ниже, на дне ущелья (например, к. Шулонак, Гармского района).

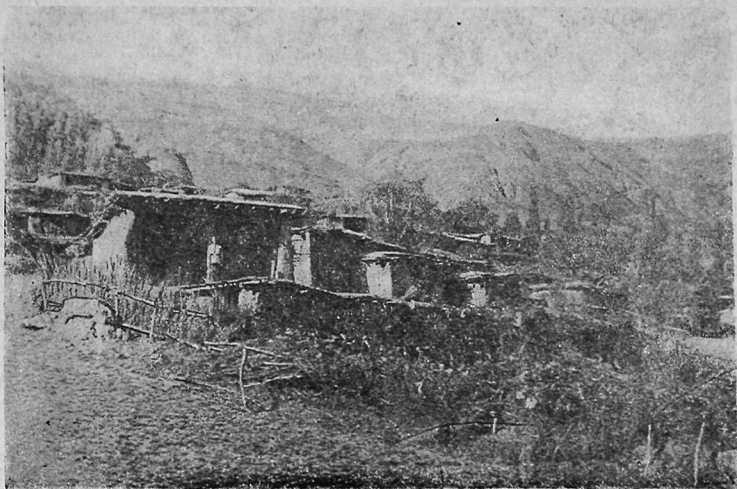


Рис. 2. Расположение домов террасами, к. Пуштарог (бассейн р. Хингоу), 1932 г. (МАЗ).

Три типа планировки, связанные с характером земледелия. Значительная часть селений Каратегина и Дарваза по своей планировке, как нам кажется, может быть разбита на три типа: 1) свободная усадебная планировка, при которой селение состоит из домов, расположенных на более или менее значительных участках земли и при домах имеются дворы, огороды, иногда сады; 2) скученная мелкогнездовая планировка, при которой селение состоит из небольших групп домов, не имеющих дворов и образующих небольшие компактные гнезда, разделенные полями; 3) скученная крупногнездовая, при которой большое количество домов, не имеющих сколько-нибудь значительных приусадебных участков, а часто даже и дворов, образует единый комплекс—кишлак.

Первый тип планировки—свободный, усадебный распространен по всей долине Сурхоба—на широких орошаемых речных террасах и пологих склонах гор (кишлаки Каланак, Нушор, Дарай-Мазор, Яхч), (рис. 3), на ровных площадках межгорных долин (к. Тегирми), на террасах в нижней части долины р. Хингоу (кишлаки Тавиль-Дара, Чиль-дара, Езганд),²² местами в Дарвазе.

В кишлаках с этой планировкой усадьбы обычно окружены оградой—плетневыми или глинобитными, а в долине р. Хингоу—и сложенными из камня. Иногда они свободно разбросаны хуторами на территории кишлака. Усадьбы калитками или воротами выходят на улицы, иногда довольно прямые, иногда извилистые, но обычно не особенно узкие, часто затененные деревьями.

Кишлаки со скученной планировкой—мелкогнездовой или крупногнездовой—преобладают в высокогорных местностях. В них дома обычно не имеют дворов и сколько-нибудь значительных приусадебных участков; они располагаются очень близко друг к другу и разделяются узкими, извилистыми улочками, ширина которых достаточна только для прохода человека с ношей на спине или осла с грузом (рис. 4).



Рис. 3. Свободная планировка домов в селении. Окраина к. Яхч, Комсомол-
абадского района, 1953 г.



Рис. 4. Улочка в к. Пингон, Гармского района, 1932 г. (МАЭ).

Иногда дома в отдельных гнездах настолько плотно прилегают один к другому, что крыши всех жилых и хозяйственных помещений сливаются в одну, очень большую по площади. В 1952—1957 гг. такие группы домов, объединенных одной общей крышей, были отмечены нами в к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу) и припанджских кишлаках Анджирак, Джорф, Курговад.²³ Очень интересно в этом отношении владение Аваза в к. Курговад, где под одной крышей объединено

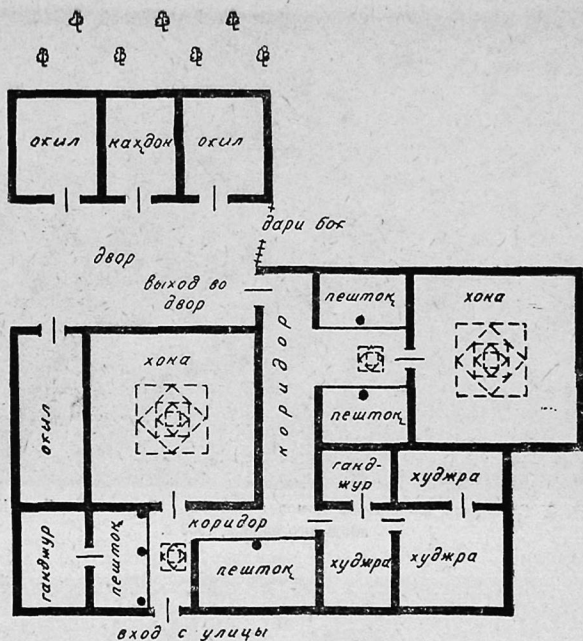


Рис. 5. Схематический план усадьбы Аваза, Дарваз, к. Курговад, 1954 г.

два больших жилых и десяток подсобных и хозяйственных помещений (рис. 5). В отличие от обычной пристройки домов один к другому без особого плана здесь это осуществлено в виде хорошо организованного комплекса, с системой удобных и красивых проходов и коридоров. Общая площадь дома Аваза составляет более 200 кв. м. Компактные группы домов обычно бывают населены родственниками или представителями одного каума, но бывает, что пристраивают дома и совсем чужие люди.

Характерной чертой кишлаков описываемого типа является то, что каждое гнездо домов в них всегда бывает окружено орошаемыми и удобряемыми землями—посевами злаков, иногда овощей, картофеля и пр. Если позволяет климат, около домов растут деревья; в Припанджском Дарвазе среди них много тутовых и других плодовых. Поэтому такие селения растягиваются иногда на несколько километров (Пшихарв, Сангев-Дароз).

Скученность домов в кишлаках данного типа—результат того, что люди в этих малоземельных местах очень бережно относятся к каждому самому малому клочку поливной земли, которую можно использовать для обработки.

Третий тип планировки—скученный крупногнездовой—состоит из многих домов, иногда объединенных в компактные группы, которые располагаются близко одна от другой и разделены, как дома в кишла-

ках второго типа, только узкими улочками. Сколько-нибудь обширных приусадебных участков здесь нет. Вместе с тем здесь нет и прилегающих поливных удобряемых полей, которые окружают группы домов в кишлаках с мелкогнездовой планировкой. Основные земли кишлаков этого типа—богарные, обычно неудобряемые,²⁴ или поливные, находящиеся настолько далеко от селения, что удобрение на них доставить невозможно. Такое положение было, например, в кишлаках Хазрати-Бурх в Вахио, Сагырдашт, на северных склонах Дарвазского хребта, Сари-Шухон (рис. 6) на левом берегу Сурхоба, напротив Гарма, Са-

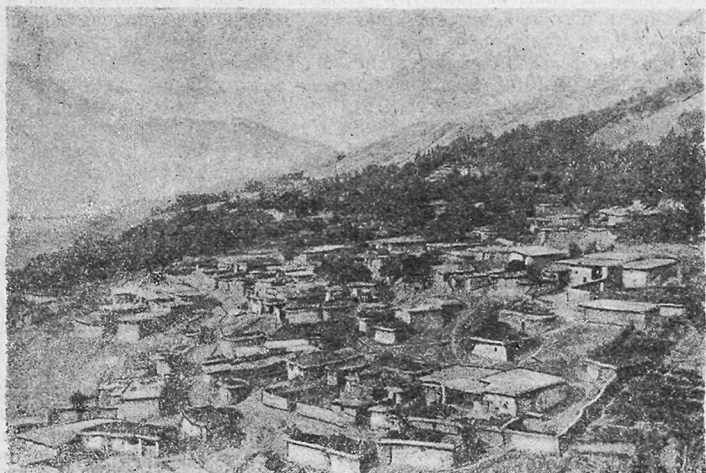


Рис. 6. Скуденная крупногнездовая застройка; на заднем плане сады, к. Сари-Шухон, Гармского района, 1932 г. (МАЭ).

федорон (бассейн р. Хингоу); последний состоял из нескольких компактных, прилегающих друг к другу групп домов, между которыми не было участков свободной или засеянной земли, а лишь неширокие проходы. Только перед мечетями оставались свободные от построек площади. Небольшие возделываемые участки земли имелись лишь выше и ниже селения.²⁵

В кишлаках Каратегина и Дарваза, как правило, нет садов, находящихся вне кишлака, какие имеются во многих равнинных селениях и городах (Ташкенте, Самарканде) и в некоторых кишлаках долины Зеравшана.²⁶ Такие сады встречаются только в немногих кишлаках, например в Сари-Шухон,²⁷ Шуль и Сафедоро в Каратегине, Заки-Абди и Дух в бассейне р. Хингоу, причем нет обычая выезжать в эти сады всей семьей на все лето. Люди идут туда только на время сбора урожая и обработки сада.

Все сказанное о типах планировки в селениях Каратегина, как нам кажется, увязывается с высказанным М. С. Андреевым мнением о связи размеров и форм селений с характером сельского хозяйства, в частности, с удобрением полей.²⁸ Там, где поля получают удобрение, они должны находиться на расстоянии не более 0,5—1 км от домов своих владельцев, так как на большее расстояние в горных условиях

удобрение практически доставлять нельзя. Группы домов в таких кишлаках невелики, поскольку в малоземельных горных кишлаках пригодных для обработки участков немного. В результате возникают мелкогнездовые скученные селения, окруженные возделываемыми участками. В местах, где удобряемых земель вблизи кишлака нет, возникают скученные крупногнездовые кишлаки. Чаще всего это бывает в суровых горных районах (кишлаки Хазрати-Бурх, Шайхо, Сафедорон, Сари-Шухон).

На широких террасах и пологих горных склонах Каратегина и по нижнему течению р. Хингоу, в условиях большей обеспеченности и поливной и богарной земель, злаки высеваются на неудобряемых богарных землях, а поливные земли террас в селениях используются под огороды и сады. Здесь нет такого расчетливого отношения к каждому клочку земли и при домах имеются не только дворы, но и огороды и сады (гл. «Жилище», рис. 19); улицы также в кишлаках со свободной планировкой более широки. На ширину их влияет еще одно обстоятельство—наличие среди сельскохозяйственного инвентаря таких кишлаков саней-волокуш — *чигина* (в Дарвазе их раньше не было), на которых с полей привозили зерно, мелкую солому, вывозили навоз и т. п.

Размеры кишлаков. В годы работы Гармской этнографической экспедиции среди охваченных ее обследованием населенных пунктов почти не было однодомных поселений, хуторов. Только в к. Чакихо было одно хозяйство (мастера-ювелира усто Абдулазиза), но несколько лет назад здесь был большой кишлак, жители которого переселились на юг Таджикистана. Раньше однодомные кишлаки—хутора или выселки встречались чаще. Так, Н. А. Кисляков отмечает в Вахион-Боло однодомный к. Мадынгат,²⁹ который по списку населенных пунктов 1926 г. населяло 4 человека, а также к. Сари-Джангал; в списках последующих лет эти кишлаки уже не указаны. Однодомные кишлаки обычно со временем превращались в многодомные. В Дарвазе раньше однодомным был к. Чахмок, выселок из к. Хек, где сначала жила одна семья, а потом поселилась вторая, принадлежащая к тому же кауму; Дарвазский к. Дашти-Лич, выселок из к. Ризвай, тоже раньше состоял из одного дома, а в годы нашего обследования—уже из нескольких: помимо ризвайцев, там жили еще выходцы из соседних кишлаков Хек и Ширг. Дашти-Лич представляет собой самостоятельное поселение, однако жители его поддерживают самые тесные связи с ризвайцами; так, на семейные празднества, на которые приходят все жители Ризвая, обязательно приходят и обитатели к. Дашти-Лич. В Каратегине из одного дома вначале состоял выселок Ялдамичи-Сари-Джар, расположенный на обрывистом берегу Сурхоба на расстоянии полукилометра от большого селения Ялдамич. Он был основан жителем к. Ялдамич (выходцем из левобережного к. Сари-Шухон), сын которого, Доруходжа, живет там и сейчас. В 1956 г. этот кишлак был заселен уже несколькими семьями, большей частью из кишлаков, разрушенных землетрясением 1949 г. К выселкам, образовавшимся из одного дома, относится и небольшой кишлак Одилобод; его основал в первые годы революции некий Одил, выходец из левобережного к. Дегилмони-Боло; в 1953 г. Одилобод был заселен семьями братьев и сыновей Одиля (позднее все они переселились в хлопкосеющие районы). Ввиду того, что хутора и небольшие выселки в списках населенных пунктов обычно не указывались, а приписывались к основному селению,³⁰ проследить их распространенность в прошлом по литературным данным не представляется возможным.

Небольшие кишлаки, состоящие всего из нескольких домов и не делящиеся на части (А. А. Кисляков называет их кишлак-квартал), во время нашего обследования тоже встречались редко, до революции же и в первые десятилетия после нее кишлаков, состоящих всего из нескольких домов, нередко менее десятка, в высокогорных районах было много.³¹ Г. А. Арандаренко в начале 80-х годов прошлого столетия особо отмечал малое число хозяйств в кишлаках Дарваза и Каратегина; в Дарвазе количество хозяйств более 40 в приводимых им списках оказалось только в 8 кишлаках из 139, а в Каратегине и того меньше — в 3 из 512 (в том числе в Оби-Гарме 80 и в Гарме—70). Вместе с тем он говорит, что селения многолюдны, «потому что у горцев совершенно не практикуется выдел из хозяйства женившихся сыновей».³² Характерно, что большее количество хозяйств было в кишлаках бассейна р. Хингоу, особенно в Вахио, откуда из-за перенаселения всегда шел поток переселенцев в другие места. Еще более ранние сведения о поселениях таджиков небольшими кишлаками, состоящими из 3—4 дворов, или хуторами приводятся анонимным автором «Обозрения Кокандского ханства в нынешнем его состоянии».³³

Основную массу обследованных ГЭЭ кишлаков Каратегина и Дарваза составляли многоквартирные кишлаки.

Встречаются отдельные очень большие селения, которые складываются из нескольких многоквартирных кишлаков. Таковы Тегирми, Самсолик в Каратегине, Висхарв в Дарвазе. По-видимому, в названиях этих селений сохранились названия былых мирозорств, объединявших в прошлом эти кишлаки.³⁴

Кварталы состоят из одной или нескольких групп домов, которые, в зависимости от типа планировки данного селения, построены компактно или разбросанно, причем сколько-нибудь правильных по форме кварталов в горных кишлаках нет.

Размеры кварталов и их расположение в кишлаке очень разнообразны.³⁵ В узких горных ущельях, где земли мало, кварталы состоят из нескольких домов. Например, дарвазский кишлак Пшихарв в 1955 г. состоял из 19 хозяйств, которые группировались в 9 кварталах, растянувшихся на 7 км вдоль ущелья. Очень растянуты и некоторые селения припанджского Дарваза, например, почти соприкасающиеся, вытянутые несколькокилометровой полосой смежные кишлаки Сангевни-Дароз (Длинный Сангевн), Дуробак и Паткиноу или тянувшееся вдоль Пянджа почти на 5 км селение Кеврон.

Обычно кварталы в большинстве кишлаков бывают крупные и насчитывают до нескольких десятков домов.³⁶

В Дарвазе и в Каратегине кварталы называются *махалла*. В больших кишлаках они делятся еще на части, называемые в Каратегине (к. Самсолик) *гузар*, а в бассейне р. Хингоу (к. Сафедорон) — *хад* — сторона. Например: Хади-Хучакиён, Хади-Шаалиён, Хади-Чукуриён, носящие названия родовых групп.

Границы кварталов в мелкогнездовых скученных селениях, где между группами домов располагаются поля, определяются четко, в крупногнездовых же скученных селениях (например, в к. Сафедорон) граница квартала нередко проходит не между группами домов, а, как и в равнинных селениях и городах, внутри групп домов, по их задним соприкасающимся стенам.³⁷ Более мелкие части квартала — *хад* также часто образуются не отдельными комплексами смежных домов, а состоят из домов, входящих в разные гнезда, соприкасающиеся боковыми или задними стенами с домами, входящими в другой хад, и между ними находится проход или небольшая площадка.

Часто кварталы или их части располагаются в границах какого-нибудь естественного участка, и это находит отражение в их названиях. Кишлаки, пересеченные речками или оврагами, делятся на Ибар-Ибара (эта сторона, по эту сторону) и Убар/Убара (та сторона, по ту сторону). Такое деление существует в к. Джорф, который пересекается двумя речками; к. Кеврон делится на Ибари-Дара и Убари-Дара, поскольку он разделяется на две части глубокой горной ложбиной Девдара. Кишлак Хостау в Дарвазе делится речкой Усубджу, впадающей в Пяндж, на две части—Ибараи-Ду (эта сторона селения) и Убараи-Ду (та сторона селения). В к. Мулло Темур в Каратегине различают части или кварталы: Махаллаи-Убари-Об (квартал по ту сторону воды) и Махаллаи-Ибари-Об (квартал по эту сторону воды). Кишлак Кушагба, расположенный у одноименного перевала в Верхнем Каратегине, речкой делится на две части: восточную, называемую Хади-Ибара, и западную—Хади-Убара. Кишлак Ширги-Боло делится пересекающей его дорогой на Ибари-Куча и Убари-Куча.

Названия «ибар» и «убар» иногда бывают условны: то, что считается «ибар» для жителей данной стороны речки, будет «убар» для жителей противоположной стороны. Вместе с тем иногда такое определение присваивается определенному месту. Например, в к. Сафедорон часть домов находилась на левом берегу протекающей через кишлак речки, в то время как большинство домов было на правом берегу. Дома, находившиеся на левом берегу, и вообще левое побережье речки называлось всеми сафедоронцами, живущими как на правом, так и на левом берегу,—«убар». Противоположного названия «ибар» не применялось.³⁸

Во многих кишлаках есть кварталы «верхние», «нижние», «средние», «солнечные», «тенивые» и т. п.

Кишлаки Каратегина и Дарваза, за исключением наиболее высоко расположенных, обычно утопают в зелени насаждений плодовых и прочих деревьев. Особенно хороши раскидистые тенистые чинары, вязы (карагачи), орехи, стройные тополя. Каждый кишлак выделяется на фоне гор, склоны которых покрыты полями, темным зеленым пятном. Обильные родники и арыки и полное отсутствие пыли придают горным кишлакам необыкновенную прелесть и привлекательность. Кишлаки Каратегина более раскинуты, привольнее, в Дарвазе же часто территория их ограничена крутыми склонами гор с одной стороны и рекой—с другой, общий характер их более суровый.

ЖИЛИЩЕ

При изучении жилища таджиков Каратегина и Дарваза следует иметь в виду, что в ряде правобережных районов Среднего Каратегина старые дома в годы нашего обследования не сохранились—в результате ряда разрушительных землетрясений 30-х и 40-х годов, особенно последнего Хаитского землетрясения 1949 г., пострадали почти все кишлаки б. Хаитского и Гармского районов на правом берегу р. Сурхоб. Во многих кишлаках не уцелело ни одного дома.

Вынужденные строить дома заново, люди часто отказывались от жилья старого типа, которое теперь не подходило к складывающемуся новому быту во многих отношениях. Вместе с тем в те годы при массовой стройке ощущался недостаток необходимых строительных материалов, и это нередко вынуждало отказываться от желательного оформления дома и строить так, как позволяли имеющиеся условия. Влияет на характер жилища и род занятий его владельца. Например, дома учителей, которым приходится много заниматься дома, отличаются от домов рядовых колхозников. Очень интересно приспособление жилища к новому женскому занятию—шелководству. В ряде районов выкормка шелковичных червей производится не в червоводнях, а в пустующих летом домах; для этого необходимо, чтобы в них был чистый воздух и определенная ровная температура.

В целом новые черты в хозяйстве, быту и культуре горных таджиков, повышение их материального уровня, появление новых строительных материалов накладывали определенный отпечаток на формирование нового жилища.

С другой стороны, сильно было в народном строительстве и воздействие традиционных форм, навыков, вкусов. Сочетание всех этих факторов способствовало выработке большого количества разнообразных форм и вариантов.

Прежде чем говорить о типах жилища исследуемых районов, остановимся вкратце на некоторых общих вопросах народного строительного искусства горных таджиков—процесс постройки, ориентации жилища, материалах, конструкциях, мастерах и пр.

Выбор места под постройку. В старое время в горах, особенно в малоземельном Дарвазе, стремились к тому, чтобы использовать под постройку минимальное количество земли, пригодной под посевы.

Таджики отличаются большим умением использовать рельеф местности, чтобы живописно расположить свое жилище. При этом, если это возможно, стараются использовать естественные условия для экономии материала и труда. Например, в к. Казнок один из домов построен так, что веранда его открытой стороной прилегает к большой каменной глыбе, скатившейся когда-то с окрестных гор и заменившей

переднюю стенку этой веранды и часть второй, пристроенной к ней под углом. Очень умело используются растущие на участке деревья, под которыми нередко сооружаются глинобитные суфы, и пр.

Иногда принимались во внимание и некоторые обстоятельства иного характера. Так, в Дарвазе старались строить дом на том же месте, где раньше стоял дом отца. Считалось, что если земля под домом отца остается «живой», обитаемой, то это радует духов предков (*хоки хонаи надар зинда бошад, арвохо рози шаванд*). Если человек, имевший возможность построить дом на отцовском месте, не делал этого, его осуждали.¹ Остатки такого отношения сохраняются и теперь. Если выезжавший из кишлака человек возвращается туда жить, даже много лет спустя, то тот, кто поселился в его доме или на его участке, старается его освободить именно из этих соображений.

Перед началом работ принято устраивать угощение, после которого прочитывается сура корана, а затем молитва (*фотиҳа*) о благополучном завершении начинаемого дела, причем поминаются и духи живших на этом месте людей, которым чтение данной суры корана посвящено (бассейн р. Хингоу).²

Ориентация домов в селениях зависит от многих обстоятельств, однако основные соображения, определяющие наиболее благоприятную ориентацию в том или ином районе, связаны преимущественно с рельефом местности, с преобладающими ветрами и их характером, с солнечным освещением, а также с расположением уже имеющихся на участке построек. Сочетание всех перечисленных факторов и учет значения каждого из них в том или ином случае приводит к выработке преобладающей ориентации в селениях, но определяет и отклонения.

Стены домов обычно ориентированы по странам света. Что же касается входа в дом, то не только при постройке на крутых склонах гор, но и на более пологих склонах в предгорьях или на речных террасах строители стремятся обратить дом входом в сторону понижения местности, так как стены, обращенные вверх, к горе, больше засыпаются снегом, чем стены, обращенные вниз, к ущелью.

Стараются также, чтобы вход в дом был обращен в ту сторону, откуда в данной местности идут токи свежего воздуха—к реке, к ущелью. Вместе с тем, в сторону, откуда дуют холодные зимние ветры, дом фасадом не ориентируют.

В Каратегине, в долине Сурхоба, в правобережных кишлаках дома чаще всего обращены на юг, в левобережных—на север. Однако и на левобережье, например в к. Нушори-Поён, Гаджикабадского района, на больших ровных террасах, наиболее благоприятной считается южная ориентация, при которой дома обращены к солнцу (в бассейне р. Хингоу о таких домах говорят, что они расположены «на груди солнца»—*синаи офтоб*); следовательно, зимой низкостоящее солнце освещает и согревает веранды и расположенные за ними или рядом с ними жилые комнаты, а летом, когда солнце стоит высоко, лучи его освещают веранду неполностью, нет перегревания. В Дарвазе (кишлаки Курговад, Калаи-Хумб, Ёгид, Зыгар) нами записаны сообщения, что наиболее благоприятной и желательной считается ориентация на запад и на восток (в к. Ёгид считают, что дома, обращенные на запад, самые теплые—*шамолпано*),³ в кишлаках Ёгид и Зыгар встречаются дома, обращенные на север, но на юг стараются домов не обращать. В к. Ёгид считают, что с юга идет холод, в к. Зыгар нам объяснили, что обращать дом на юг—«нехорошо» (*хосияташ нест*), но какова причина этого, нам выяснить не удалось. В Сагырдаште (бассейн р. Хин-

гоу) избегают обращать дома на восток, так как с востока дует холодный ветер—*кынышбод*.⁴ В Дарвазе расположение входа в дом с ориентацией на запад считается наиболее благоприятным (*хосият дорад*) и из религиозных соображений. В таком случае человек, выходящий из дома, обращен лицом к кибле. Однако в Сагырдаште (Северный Дарваз) считается, что в доме, обращенном входом на запад, человеку пришлось бы совершать намаз, обратившись лицом к двери, а это нехорошо. В Каратегине в к. Казнок, где чаще всего дома состоят из расположенных в ряд комнаты и кладовой с открытой верандой между ними, стараются, чтобы веранда была обращена на юг, а двери выходящей на нее жилой комнаты—на запад, к кибле.

Среди соображений, влияющих на принятие той или иной ориентации дома, имеются и чисто бытовые. Если рядом со старым отцовским домом строится дом для одного из выделяемых братьев или сыновей, то в случае дружественных отношений между расселяющимися семьями стараются, чтобы вход в новый дом был расположен возможно ближе к входу в старый, если же отношения плохие, то наоборот,—чтобы уменьшить возможность возникновения ссор, особенно между женщинами, по различным хозяйственным поводам. В к. Зыгар (Дарваз) и к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу) нам известны случаи переделки нар и пробивки дверного проема в другой, более удаленной стене дома в связи с ухудшившимися отношениями между обеими соседними семьями.

Строительные материалы. Основными строительными материалами в Каратегине и Дарвазе служат земля—*хок*, камень—*санг* и лес—*чуб*. Земля в Каратегине и особенно в Дарвазе имеет часто значительную примесь песка, поэтому в глину для изготовления кирпичей или для штукатурки стен, смазки крыши всегда добавляют мякину—*каҳ*, *майда-каҳ*. Глина (разведенная водой земля)—*лой* является наиболее распространенным строительным материалом во всем Каратегине и, частично, в бассейне р. Хингоу. В малоземельном припанджском Дарвазе много камня, земель очень дорожат, качество ее как строительного материала часто не особенно высокое, и там совсем не строят стен из глины. Хорошая, не пропускающая влагу (*бакувват*—крепкая) земля имеется далеко не везде. Местами земля настолько плоха, что не годится для покрытия земляной крыши; такая земля называется *мурда-хок*, *пучхок*. Например, в Калаи-Хумбе владельцы многих участков при постройке дома не могут использовать землю со своего участка, а вынуждены привозить ее из окрестных селений Хек, Дашти-Лич, Хумби-Вари, где земля хорошая.

Для побелки домов употребляется белая глина—*хоки сафед* и красная—*сурх*. В окрестностях Калаи-Хумба залежи первой имеются в кишлаках Хек, Хумби-Вари, Анджирак, второй—в к. Дашти-Лич.

В Каратегине нам о плохом качестве земли не приходилось слышать, там всегда берут землю для глинобитных стен на месте постройки.

Глина для сооружения глинобитных стен в Каратегине обычно готовится так: вскапывают землю—*хок мекананд*, смешивают ее с водой—*лой мекунанд*, дают немного постоять (например, с вечера до утра), перекапывают — *руйгардон мекунанд*, *тахуру мекунанд*; затем приглашают несколько человек, которые вымешивают глину ногами (в Среднем Каратегине иногда глину месят, гоняя по ней скот), что называется *лойшури* (в Джиргатале—*лойчуки*), еще раз перелопачивают и, дав еще постоять, пускают в дело. О хорошо приготовленной, расстаявшей глине говорят: *лой тасма шуд* (глина тянется), *лой ҳал*

шуд, *лой пухта шуд* (глина поспела), в к. Кушагба еще *лой сақичак шуд* (глина стала вязкой, как жевательная сера).

Обломки старых глинобитных стен, называемые в бассейне р. Хингоу *пахса*, а в Каратегине—*похса*, *қулух* или (к. Кадапа) *қэ эмб*,⁵ как и всюду, употребляются в качестве строительного материала при сооружении стен, заполнении каркаса и т. п.

Из глины, добавив к ней мякины и дав ей постоять дня два, изготавливают овальные комки типа ферганских *гувала*, немного сплюсненные сверху и снизу, которые применяют для выкладки дворовых стен, заполнения каркаса и т. п., главным образом, в Каратегине и бассейне р. Хингоу. Называют этот строительный материал в Каратегине—*кесак*, а в бассейне р. Хингоу—*кесак* или *хишт* (букв. кирпич; говорят *хашта ба дэстэш рехтаст*—он вылепил кирпич, комок глины руками).

Из глины изготавливают и сырцовые кирпичи, называемые также *кесак* или, реже, *хишт*. В бассейне р. Хингоу их делают так. Заготовив с вечера глину с мякиной (без нее кирпичи, подсохнув, растрескались бы), на утро принимаются за изготовление кирпичей. Для этого применяют деревянные формы—*қолаби хиштрэз* или *қолаби кесак-рез*.

Кирпичи, отливаемые в формах, бывают большие и малые. Большие, размером около 50×25×8 см, отливаются всегда в формах без дна, на один или на два кирпича. Форму ставят на место, к которому подносят на носилках (в старину сплетенных из лозы, в настоящее время чаще сделанных из досок) глину и, смазав форму мокрой тряпкой, заполняют ее глиной; затем форму поднимают за ручки и ставят на новое место. Кроме того, делают кирпичи вдвое меньшего размера, немного больше стандартного заводского кирпича; их отливают в формах по 4 и 8 штук, причем формы бывают либо без дна, либо с дном, как на равнинах; в последнем случае их не смачивают, а обсыпают песком. Форму наполняют глиной, а потом несут ее на место сушки кирпича. За последнее время все большее распространение получают меньшие кирпичи.

В бассейне р. Хингоу, реже в Джиргатале, из сырцового кирпича иногда выкладывают стены домов, в Дарвазе он используется только в некоторых кишлаках (Джорф, Ушхарф, Зыгар) на выкладку стен кладовых, на заполнение площадок—*суфа* и пр. В Каратегине из сырцового кирпича обычной городской формы и размера в настоящее время выкладывают иногда стены общественных зданий; например в к. Кадапа мы видели строящуюся из него школу.

Жженный кирпич в строительстве не применяется. Однако в некоторых местах имеются мазары, выложенные из жженого кирпича. На вопрос, откуда эти кирпичи, нам приходилось слышать предположение местных жигелей, что они привозные.⁶ Наряду с этим в к. Фатхабад сохранились предания об изготовлении и обжигании кирпичей для постройки мазара на месте мастерами-строителями, приглашенными из Ферганской долины.

Камень служит основным строительным материалом в Дарвазе и бассейне р. Хингоу. Обычно его приносят с окрестных склонов. Если нужно раздробить крупную каменную глыбу, то приглашают специалиста-мастера, который разбивает ее большим кузнечным молотом; в Дарвазе считают, что не каждый каменщик может с этим справиться. При наличии каких-либо старых разрушенных построек камень берут оттуда. Иногда, если кто-либо не может заготовить себе нужный для постройки камень сам, а у другого он есть, то совершается сделка (в

дарвазском кишлаке Зыгар в предвоенные годы наш информатор, усто Гариб, за камень на постройку своего дома отдал 4 отреза карбоса и 3 деревянных балки).

Обкатанный водой камень из речки—*обй санг, санги обй, санги сан-гоб, қайроқ* считается крепче, но в Дарвазе и бассейне р. Хингоу его на постройку дома не используют, так как он скользкий и выложенные из него стены от дождя разрушаются. В Среднем Каратегине (кишлаки Нушор, Навди, Яхч) он употребляется на выкладку основания глинобитных стен из двух рядов камней, а иногда на сооружение помещений для фуража и других хозяйственных построек.

Лес на постройку применяется разный, в зависимости от местных условий. В большинстве кишлаков Каратегина, где естественного леса, арчи, мало, каждый хозяин выращивает строительный лес на своем участке. На плодородных орошаемых землях деревья растут быстро; тополь, например, уже на пятый год годится на открытые балочки потолка и пр., а на восьмой—на главные балки кровли и на колонны. Поэтому в Каратегине наиболее распространенный древесный материал это искусственно выращенный лес—тополь и ива. На матицы и столбы идет тополь сорта *ар-ар*, отличающегося большой прочностью и дающего толстые ровные бревна, а если его нет,—ива сорта *сиябед, сияхбед*; при хорошей непротекающей крыше балки перекрытия из них служат по сто лет и более, протекание крыши сокращает срок до 20—30 лет. На мелкие части кровли: открытые балочки потолка, перекрывающие их дощечки или горбыльки, на двери и пр. в жилом доме идет тополь сорта *сафедор*, который, помимо своих качеств как строительного материала, ценится еще за способность гнуться, что позволяет применять его для изготовления всевозможных лукошек, круглых коробок и пр. Очень широко применяется в строительстве ива сорта *сиябед*: из нее изготовляют различные детали в жилых помещениях и все основные деревянные части (столбы, балки) в хозяйственных, а в случае невозможности найти тополь—и в жилых помещениях.

Лучшим строительным материалом на колонны и на главные балки кровли считается арча, но ее в Каратегине во многих местах нет; очень ценят тутовое дерево—*тут* и ореховое—*чормағз*, но достать их бывает трудно, так как плодовые деревья без особой причины на строительство не рубят. На самые простые детали, например в хозяйственных постройках, широко употребляется дикорастущая ива сорта *зардбед*; особенно широко используется ее лоза на плетни вокруг дворов.

В Верхнем Каратегине (Джиргатальский район) много арчи, а другого строевого леса почти нет. Поэтому там основные деревянные части построек делаются из арчи и очень редко из привозного тополя *ар-ар* или ивы *сиябед*. На мелкие части идет клен—*фарк*, на лозу—миндаль—*бодом*, зарослей которого много в горах.

В долине р. Хингоу условия для искусственного выращивания строительного леса (тополя—*ар-ар* и ивы—*сияхбед*) имеются не везде; поэтому там, где возможно, приносят строительный лес из горных лесов — *чангал* (наиболее богаты строительным лесом джангали в окрестностях Тавиль-Дары и к. Калаи-Хусайн), где растет арча, клен, ива, челон—*сияхдарахт* и пр. Крепкая древесина клена очень ценится, но она пригодна только на изготовление мелких частей. На двери чаще всего используют древесину ореха и абрикоса.

В припяджском Дарвазе тополь и иву на приусадебных участках и поливных землях, как правило, не выращивают из-за нежелания затенять тутовые деревья и посевы. Главные части дома здесь делают

чаще всего из арчи, приносимой с гор, с летовок, а также из тутового дерева, которое очень ценится в качестве строительного материала за то, что оно, как и арча, мало подвержено гниению даже в сырости. В Дарвазе тутовых деревьев растет очень много, и хотя их тоже не рубят на строительство, но при их обилии довольно часто случается, что они ломаются ветром или их приходится срубить по какой-либо особой причине, и тогда их пускают в дело.

Жители дарвазского к. Зыгар объясняли нам меньшее распространение у них в домах резьбы в сравнении с кишлаками соседней долины р. Оби-Ниу (Дашти-Джумский район), где колонны и подбалки украшены были резьбой очень часто, тем, что там в строительстве широко применялся мягкий тополь, в то время как в Зыгаре столбы и подбалки нередко делают из твердого тутового дерева.

За последние годы в строительстве применяется и привозной лес; из досок настилают полы, делают оконные рамы, двери, из фанеры — потолки, шкафы и пр.

Широко употребляется в строительстве (на перекрытие балочных потолков в хозяйственных, а иногда и в жилых помещениях, на плетневые изгороди и т. п.) лоза—*шапа*, *химча*—различных дикорастущих деревьев и кустарников, например *шэлүш* в Дарвазе, миндаля—в Джиргатале, ивы сорта зардбед во всех районах, а также камыш и тростник—*най*, *пуш*, *нолчак*, сено из различных растений, колючек и трав—*хас*, солома различных злаков, льняная солома—*пахоли загер*, толстые полые стебли ферулы—*камол*, листья чинара (для прокладок при сооружении крыши) и т. п.

Эти, всегда находящиеся под рукой, дешевые материалы в старину играли в хозяйстве не только горного таджика, но и всего оседлого, а частично и кочевого и полукочевого населения Средней Азии большую роль и использовались чрезвычайно разнообразно. Например, лоза служила как заменитель веревок и бечевы, для изготовления самых разнообразных по размеру и назначению плетеных изделий—различных охотничьих силков и ловушек, многих мелких предметов быта и хозяйства. Еще в наши дни всюду в горных таджикских районах, где используется плуг местного типа—*синор*, все тяжи для него, как и для прочего традиционного сельскохозяйственного инвентаря—бороны, сней-волокуш и пр., делают из свитой вдвое лозы; из нее плетут громадное количество разнообразных корзин для переноски урожая, хранения продуктов и пр., щиты для выведения на них червей и для других нужд, шалаши для хранения молочных продуктов и многое другое.⁷

Из новых материалов в строительный обиход широко вошло стекло; в редком доме сейчас нет застекленных оконных рам; иногда употребляется толь и шифер. Однако в частном строительстве все же эти материалы в годы нашего обследования не употреблялись широко, так как мало завозились.

Процесс постройки. Постройку дома стараются начинать с весны, чтобы до начала жатвы пшеницы, когда все население переключается на полевые работы, успеть возвести стены.

Прежде всего на площадке, выбранной под постройку, мастер—*усто* разбивает план в натуре, что называется *тарх кашидан*, *рача кашидан*—нанести план, или *мех чукидан*—забить колышки, так как мастер забивает по внешним и внутренним углам помещения колышки и натягивает шнурок—*таноб*; в старое время иногда вместо шнурка употребляли веревку из лыка—*пустлок*, на которую и укладывали камни

основания стены (к. Тегирми, Комсомолабадского района). В некоторых местах (к. Самсолык) шнур натягивают только по внутренней стороне стен. Правильность углов проверяется промером диагоналей, что называется *тарх*—план (к. Тегирми). В к. Нушор говорят «Мы промеряем углы дома, чтобы было прямо» (*хунара чорбэрч кэним, тугри шава*).

Фундамент называется в Дарвазе *бэлло* (Калаи-Хумб и кишлаки, расположенные выше его), *бэло*, *бэлои хуна*, *билло* (кишлаки ниже Калаи-Хумба—Умарак, Егид), в бассейне р. Хингоу и в Каратегине—*тахдевол*, *тахдеволй*, *сангдевол*, в Верхнем Каратегине (к. Кушагба)—*пайдевол*. В Дарвазе для фундамента обязательно роют канавы—*бэлои хунара меканан* (к. Ушхарв) глубиной от 0,5 до 1,5 м; под небольшие комнаты—0,5 м (*ду вацабу чор ангушт*—две четверти и 4 пальца), под большие дома, особенно двухэтажные (к. Егид),—не менее метра. В условиях горного рельефа фундамент под различными частями дома бывает неодинаков. В нижней части строительной площадки канавы роют глубиной в 2 четверти, а в верхней—глубже, столько, сколько надо, чтобы весь котлован был расположен в одной горизонтальной плоскости, что определялось на глаз. При заполнении котлованов камни кладут без глиняного раствора, всухую, только верхний слой, примерно сантиметров на 15, на глине.

В бассейне р. Хингоу под фундамент роют траншею не менее 0,5 м глубиной, камень (только бутовый, а не из речки) выкладывают на глине, и фундамент выводится затем на 0,5 м. над землей, образуя цоколь; последний особого названия не имеет, считается фундаментом. В Верхнем Каратегине (к. Кушагба) фундамент выкладывается на 0,5 м в земле и иногда от 0,2 до 0,5 м над землей; ширина его равна ширине стен или сантиметров на 10 с каждой стороны шире. В Среднем и Нижнем Каратегине фундамент углубляют в землю там, где грунт слабый. В таком случае выкапывают канавы в соответствии с условиями грунта, от 10—20 до 50 см, укладывают всухую (к. Нушор) или на глине в один или несколько рядов камни (часто обкатанные водой из речки), а дальше лепят стены из глины. Во многих местах (кишлаки Тегирми, Самсолык, Кадара, Каланак) нам сообщали, что канав для фундамента совсем не роют, а прямо на земле укладывают в основание стен парами, по одному с внутренней и с внешней стороны, камни, часто булыжник из речки, и это, как и фундамент, называется *тахдеволй*.

По записям М. С. Андреева, сделанным в 1925 г. со слов жителя к. Вардуч (с/с Казнок) в Каратегине, фундамент делают и в каменистой почве. Выкапывают канавы глубиной в 2 четверти аршина (ок. 36 см) и укладывают камни в два ряда. Первый ряд выкладывается всухую, затем кладется слой глины и затем второй ряд камней.

В припаянджском Дарвазе особым образом сооружается основание кладовых: они обычно строятся на помосте из бревен или камней *бэргавч*, *тагбэргавчй* (в кишлаках выше Калаи-Хумба), или *тагбэрцав* (кишлаки ниже Калаи-Хумба) с целью предохранения находящихся в них припасов от сырости и мышей (рис. 1).⁸

Стены—*девол* в Каратегине и Дарвазе бывают глинобитные, из сырцового кирпича, из камня, каркасные.

Глинобитные стены, называемые в Каратегине и бассейне р. Хингоу *лойдевол*⁹, имеют наибольшее распространение в Каратегине. Они сооружаются из глины слоями—*девол* высотой чаще всего по 45 см (два ваджаба—*ду вацаб*); обычно стена жилого дома состоит из шести слоев битой глины и называется *шашидевола*, наибольшее количество

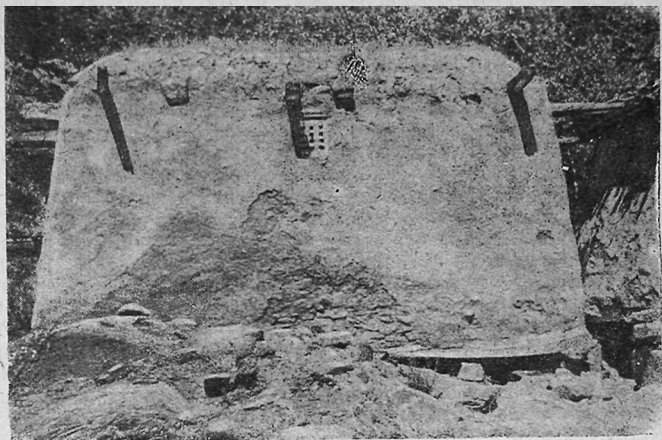


Рис.1. Кладовая на помосте из бревен и камней — *оэргавч*, Дарваз, к. Пшихарв, 1954 г.

во рядов битой глины в стенах—семь. В некоторых кишлаках (например, Навди, Гармского района) слои глины делаются выше—по 60—70 см и даже по 80—90 см; тогда стена сооружается всего из четырех слоев *чордевола*; такие высокие слои делаются чаще всего при постройке дома для себя.

В некоторых местах в бассейне р. Хингоу глинобитные стены делают очень невысокими слоями, всего в 20—25 см (*як вацаб*); называются они тоже *лойдевол*. Чаще всего такими стенами там огораживают приусадебные участки.

В возведении стен обычно участвуют четыре человека; наиболее квалифицированный — *усто*, *устои деволгар* нашлапывает подаваемые куски глины и выглаживает их края, чтобы поверхность стен была гладкой; один человек — *лойбур* специальной железной лопаткой, втыкая ее вертикально в глину, отделяет куски глины и подает их мастеру, если тот лепит первый ряд стены, или (при последующих рядах) помощнику, который передает их мастеру; два человека—*лойкун* готовят глину и помогают в работе.

Как и на равнинах, вылепив слой глины, дают ему немного подсохнуть, пока он не растрескается, а потом уже выкладывают второй слой. Это предохраняет от образования сквозных трещин через все слои.

Иногда встречаются глинобитные стены, на наружной поверхности которых между толстыми слоями глины имеются тонкие прослойки. Стены с такими прослойками называются *мойрадор*, а сами тонкие прослойки—*мойра* (из *мухра*—ожерелье), в некоторых местах (к. Навди)—*локй*—пояс, опояска, в Джиргатале—*кэрчов*.¹⁰

Мойра не делают специально, а просто при лепке стены куски глины не заглаживают с боков, и получается рельефно выделяющийся поясок. Конструктивного значения он не имеет, только декоративное, и поэтому оставляется только с наружной стороны стен, чаще всего, в стенах, окружающих дворы, или в наружных стенах домов (рис. 2).



Рис. 2. Козырек — *харпуштак* на крыше дома над очагом и часть глинобитной стены с прослойками — *мойра*, к. Нушори-Поён, Гармского района, 1957 г.

Стены мойрадор встречаются в Верхнем и части Среднего Каратегина до Гарма. В кишлаках окрестностей Гарма их делают в жилищном строительстве мало, чаще в колхозных постройках. В к. Ялдамич (выше Гарма) считают, что раньше таких стен не было и они начали входить в быт под влиянием колхозного строительства; ниже Гарма (к. Казнок по правому берегу Сурхоба и Кадара—по левому) их нет совсем; местные жители считают, что это хаитский и таджикабадский обычай.

Глинобитные стены всегда суживаются кверху: у основания шириной их 60—70 см (три четверти) а вверху около 23 см (одна четверть).

Кроме глинобитных стен, в Каратегине и бассейне р. Хингоу делаются стены из сухих комков глины—*кесак*, *кулух*,¹¹ а также из обломков различных глиняных материалов—глинобитных стен, сырцового кирпича и пр., называемых *пахса*.¹² Такие стены, выкладываемые на глиняном растворе, называются в Сагырдаште (бассейн р. Хингоу) *пахсадевол*, в Нижнем Каратегине—*похсадевол*, в Комсомолабадском районе (к. Самсолик) *кесакдевол*, в Гармском районе (к. Кадара)—*қарэмбдевол*. Они делаются в случае, если у хозяина дома не хватает средств и времени сделать глинобитные стены, которые считаются более прочными, так как лепятся постепенно, слоями, с перерывами для их просушки, в то время как стены из сухих кусков глины—*похсадевол* возводятся сразу.

В ряде мест выкладываются еще стены из сырцового кирпича—*хиштдевол*. В Дарвазе (кишлаки Зыгар, Ушхарв) их выкладывают из больших кирпичей только в кладовых, для предохранения находящихся в них продуктов от сырости и мышей, проникающих в помещения со стенами, выложенными из камней, между которыми всегда остаются пустоты. В бассейне р. Хингоу из сырца возводят стены современных жилых построек, причем часто это бывает кирпич большого размера, хотя в целом, как упоминалось выше, наблюдается тенденция замены крупного кирпича мелким.

Стены из камня—*сангдевол* наибольшее распространение имели и имеют в припанджском Дарвазе, где других видов стен почти не возводят. В бассейне р. Хингоу каменные стены тоже очень распространены, но наряду с ними, как упоминалось, возводятся стены из сырого кирпича, стены из высушенных комков глины—*кесак*, стены из обломков кирпича, глинобитных стен и пр., а также глинобитные стены. В Каратегине в настоящее время стены из камня делают лишь в немногих высокогорных кишлаках с каменистой почвой (кишлаки Шульмак, Шулонак и др.; только из камня строили дома в долине Гориф, обитатели которой теперь переселились на земли нового орошения), да иногда их возводят в некоторых кишлаках (например, в к. Казнок) хозяева, стремящиеся обеспечить прочность постройки. В старину стены из камня, по-видимому, были распространены в Каратегине больше, так как имеются сообщения о том, что в некоторых кишлаках (например, к. Халкарф неподалеку от Гарма) дома раньше строили из камня, а теперь из глины. Однако имеются кишлаки (например, Тегирми, Комсомолабадского района), где строительного камня нет, и стены всегда возводились только из глины.

В большинстве кишлаков Каратегина из камня строят мельницы *осиоб*, а местами и разные хозяйственные постройки; в долине Муджихарф, например, иногда стены кладовых, хлевов, помещений для фуража, ограды вокруг дворов и пр. возводят из камня. Каменные стены—*сангдевол* в Каратегине и бассейне р. Хингоу всегда выкладываются на глиняном растворе.

В Дарвазе каменные стены выкладываются двух видов: сухой кладкой—*сангдевол* (в к. Егид также *деволи сангин*) и кладкой на глиняном растворе—*лойдевол*. Стены сангдевол сооружаются следующим образом. Выложив из камня, сухой кладкой, без раствора, стены толщиной у основания 50—70 см (два—три ваджаба) на высоту 70—80 см (3—3,5 ваджаба), кладут на нее слой глины толщиной 20—25 см (один ваджаб). Этот слой глины скрепляет выложенную часть стены и выравнивает ее поверхность для укладки последующего слоя камней высотой тоже около 70—80 см поверх которого опять укладывается слой глины, и т. д. Каждый раз, после того, как положен слой глины, делается некоторый перерыв в работе, чтобы глина подсохла. Один слой каменной кладки до глины называется *як қатор девол*. Самый верхний слой камней, кладущийся толщиной в 1,5—2 четверти после укладки балок кровли вместе с положенным на него слоем глины, называется *сардевол*.

Наиболее состоятельные хозяева для укрепления каменной кладки кладут на высоте около 70 см от земли горизонтально, парами, по наружному и внутреннему краю стены бревна—*руфтачуб*, связанные между собой лозой—*шана* (в к. Егид—*химча, ва-химча*); их закладывают от двух до пяти рядов (рис. 3).¹³ На наружной поверхности стены отверстия между камнями кладки заполняются глиной в виде грубой обмазки, внутренняя же поверхность тщательно оштукатуривается.

Стены, выложенные сухой кладкой, считаются более прочными, так как даже при протекании крыши не страдают; стены, выложенные на глиняном растворе, теплее, но при протекании крыши разрушаются. Стены жилых домов в большинстве селений Дарваза выкладываются сухой кладкой; только в некоторых кишлаках (Кургонад, Зыгар) принято выкладывать в домах стены на глиняном растворе. Чаще же все-го стены на глиняном растворе делают в кладовых для хранения продуктов. Толщина таких стен меньше, чем в домах,—около 30 см.

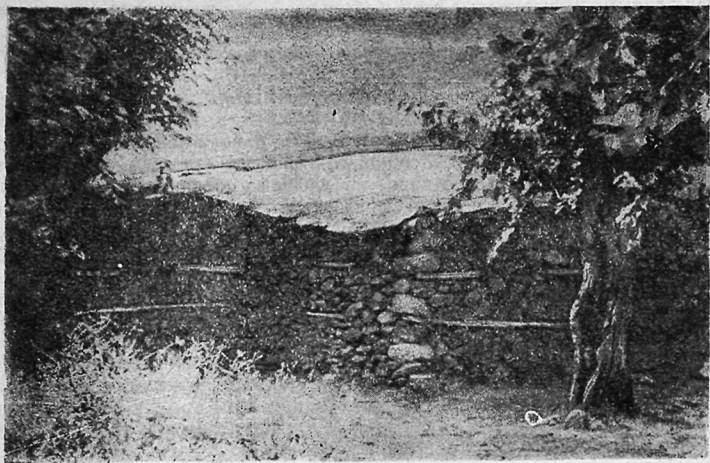


Рис. 3. Стена дома, выложенная из камня, с креплениями из балок, Дарваз, к. Джорф, 1956 г.

Каменные стены возводятся обычно тоже с некоторым сужением кверху. Только в к. Ёгид наши информаторы-мастера сообщали, что у них стены возводятся прямо. Высота стен бывает 2—2,5 маховых сажени (около 3—4 м). Более теплыми считаются жилища с низкими стенами, но красивее—более высокие. В суровых климатических условиях высокогорных кишлаков для утепления домов немного углубляют в землю всю постройку, уменьшая наружную, охлаждающую поверхность стен. С этой же целью утепления жилья, уменьшения его высоты, в жилой комнате иногда поднимают пол на 20—30 см выше, чем на прилегающей к ней веранде.

Каркасные стены в годы нашего обследования в Дарвазе совсем не зафиксированы; в Каратегине они встречаются, но тоже не очень часто. Население ценит их за устойчивость при землетрясениях¹⁴ и за экономию места (стены из однорядного каркаса гораздо тоньше глинобитных и каменных—25—35 см), но мало применяет из-за их дороговизны.¹⁵ Чаще всего их возводят в колхозном строительстве; так, в 1956 г. мы видели постройку колхозной молочной фермы со стенами из двухрядного каркаса в к. Миртоб на правом берегу Сурхоба, неподалеку от б. Хаита. Жилые дома, целиком построенные на каркасе, встречаются единицами. Чаще применяется каркас в небольших помещениях для приема гостей—*мехмонхона*, или же каркасными делают не все, а только некоторые стены дома, например, выходящие на веранду торцовые стены комнат расположенных по обеим сторонам ее (кишлаки Нушор, Тегирми). В старое время каркас был распространен еще меньше—из него делались стены мечетей в больших кишлаках и стены мехмонхона в домах наиболее богатых баев и чиновников.

Каркасные стены — *синч*,¹⁶ *синчдевол*, *кесакдевол*, *кулухдевол* зафиксированы трех видов: 1) каркас состоит из нижней деревянной рамы—*тахсинч*, верхней рамы—*болоснич* (реже, к. Нушор—*саррау*), угловых стоек и промежуточных стоек—*қаламак*. В таком каркасе промежутки между стойками закладываются стенкой из комков и облом-

ков глины;¹⁷ 2) каркасные стены обычного равнинного типа, с подкосами, однорядные и 3) такие же, с подкосами, двухрядные, заполняемые также сухими комками глины—*кесак*, *кулух* (отсюда и название *кесак-девол* или *кулухдевол*).

Поверхность любой стены называется *танаи девол*, нижняя ее часть, панель—*марзаи девол* (Дарваз, бассейн р. Хингоу) или *мехроб*, *мехроби девол* (к. Егид в Дарвазе). Высота панели обычно бывает около метра, она равна высоте сидящего на полу человека. Панель отделяется отступом стены в виде небольшой полочки (5—10 см) или иногда жердью, укрепленной горизонтально на стене на высоте метра над полом или над нарами; все это называется *марза* или *равоқ*; последним термином называется и более широкая полочка, идущая иногда вдоль стены у ее основания; в Каратегине (долина Хакими) такая широкая полочка называется *тоқи лумба* (большая полочка). Внутренняя поверхность стен в домах везде обязательно покрывается штукатуркой: первая, без примеси мякины, наносится рукой — *панчакаш* (Калаи-Хумб), вторая, с примесью мякины, наносится рукой и потом выравнивается штукатурной лопаточкой и называется, как и лопаточка,—*андова*. Мякина добавляется при этом тут же во время работы и не квасится. В к. Егид штукатурка наносится в три слоя, все три рукой: *андоваи хасгил*, *панчакаш* и *рәждлау*.

Поверхность стен, особенно панелей, поверхность нар в домах и на верандах, а также в некоторых местах поверхность глинобитных суф около дома или во дворе оштукатуривают белой глиной—*сафедхок*, иногда с добавлением красной—*хоки сурх*, а потом тщательно шлифуют—*рәжд мекәнан* плоскими камнями — *шовәк*, смачиваемыми водой.

В некоторых местах к штукатурке для окраски панели в тот или иной цвет, а также для придания ей прочности, чтобы она не пачкала одежды сидящих у стены и прислоняющихся к ней людей, добавляют различные специальные ингредиенты. Так, в дарвазском к. Курговад панели в темный цвет окрашивают соком ягод черного тута. Их толкут и дают им постоять, покиснуть; в Калаи-Хумбе этот способ не применяют, а окрашивают штукатурку в черный цвет разведенной в воде сажей. В к. Егид для окраски штукатурки в черный цвет к ней добавляют древесный уголь, толченный с листьями и стеблями мальвы—*фармаш*, а в красный—раствором красной глины, которую потом, для укрепления покрывают яйцом, смешав вместе желток и белок.

В Нижнем Каратегине (долина Муджихарф), где особенно стараются сделать поверхность суфы ровной—*рәжд*, прежде всего берут белую глину—*сафедхок*, разводят ее водой и рукой штукатурят суфу—*рағд мекунанд*. Когда эта штукатурка немного подсохнет, ее поверхность шлифуют камнем, пока она станет гладкой. Отшлифовав раза два, сбрызгивают ее водой—*кунчораоб* (по-видимому, вода, настоянная на жмыхах?) и еще раз шлифуют камнем; когда высохнет, берут две—три пригоршни цветов *сечик* («мужскую» их разновидность, которая цветет) и натирают ими поверхность суфы, отчего она приобретает желтовато-красный оттенок и становится гладкой и сухой.

Каркасные стены в Каратегине поперх глино-саманной штукатурки *андова* покрывают еще слоем штукатурки с примесью песка, называемой *қумсувоқ* (к. Нушор, Таджикибадского района), а затем белят или, наиболее зажиточные, покрывают штукатуркой из ганча—*ғач*. Ганчевой штукатуркой покрывались внутренние поверхности стен богатых мечетей в больших кишлаках. В Калаи-Хумбе, где своих залежей ганча нет, привозили его из долины Ванча; в Каратегине имеются залежи ганча, например, около кишлаков Фолума и Кули-Афтобру.¹⁸

Наружные стены домов в некоторых кишлаках Верхнего Каратегина и Дарваза (Умарак, Ушхарв) не покрывают штукатуркой, в других кишлаках их штукатурят, а иногда и белят (веничком). Особенно тщательно это делается в дарвазском кишлаке Ёгид и в кишлаках Нижнего Каратегина, где передние и боковые фасады домов бывают тщательно оштукатурены и даже отшлифованы камнем. Так же шлифуют поверхность глинобитных площадок суфа перед домом или около дома во дворе.

Ограды дворов в Каратегине в больших кишлаках и в зажиточных хозяйствах обычно глинобитные, от 2 до 3 м высотой. Для предохранения от размывания дождем их, как и на равнинах, покрывают сверху поперечными жердочками, хворостом, на них насыпают землю, а сверху смазывают глиной с мякиной. Такое наверху стены называется *сари сафил* (Нижний Каратегин) или *сарпачала* (Гарм). В к. Нушор с той же целью укладывают поверх дворовых глинобитных стен комки глины, обваленные в соломе; это называется *лумбаз*.¹⁹

Каменные стены вокруг дворов—*девол* обычно выкладывают сухой кладкой; в Дарвазе они называются *сарсафил* и бывают не очень высокими; верхняя часть их делается из слоя колючек или из плетня; в последнем случае они называются *сари шиг*. В Дарвазе каменные стены вокруг дворов очень распространены, в Каратегине их мало; в некоторых каратегинских кишлаках они возводились до землетрясения, а теперь их заменили глинобитными (к. Кадара) или плетневыми (к. Войдара) оградами.

Плетневые изгороди—*шиг* встречаются почти во всех кишлаках Дарваза и Каратегина в небогатых хозяйствах, которым не под силу строить стены из глины или камня. Плетень шиг состоит из тонких стоек—*поя* и переплетающей их лозы—*шапа*, *химча* различных деревьев (например, ивы сорта зардбед) и дикорастущих кустарников. Часто для закрытия недостающего звена в плетне употребляют плетневые щиты—*чапар*, *чапарак*, которые широко применяются в хозяйстве горных таджиков, особенно дарвазцев, для выкормки на них червей, в качестве всевозможных загоронок, дверей—*чапардар* и пр. В некоторых селениях Каратегина (Халкарф, Войдара, Джавони) плетневые изгороди характерны для большинства дворов; они особенно распространились после землетрясения в 1949 г.

Перекрытия. Самый новый вид перекрытия в Каратегине и Дарвазе это двускатная, реже односкатная крыша городского типа на стропилах, крытая шифером. Такую крышу делают иногда в общественных зданиях—учреждениях, больших школах, клубах, в плановых жилых домах, главным образом в районных центрах. Преобладающее большинство жилых построек в кишлаках перекрывается традиционным местным земляным перекрытием—*бунг* с открытым балочным потолком—*кос*, *тори кос*. Только в небольших мехмонхонах наиболее передовых и зажиточных представителей кишлачной интеллигенции и колхозников, а также в помещениях правлений колхозов, построенных за последние годы, можно увидеть фанерные потолки городского типа с закругленными переходами от потолка к стене.

Обычно земляное перекрытие над небольшими прямоугольными помещениями сооружается следующим образом.²⁰ На глинобитные или каменные стены перекрываемого помещения, вдоль длинных стен укладывают толстые балки—*рав*, *зерав* (Каратегин), на которые опираются концами открытые балки потолка, укладываемые поперек ком-

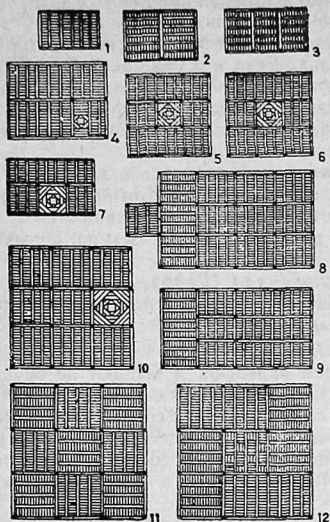


Рис. 4. Схемы устройства потолков в жилых и общественных зданиях: 1—3 — мехмонхоны и небольшие жилые помещения; 4—жилища равнинного типа; 5—7—жилища приамирского типа; 8—9—современные клубы и чайханы; 10—аловхона; 11—12—мечети.

перекрытие ее двухрядное) — *пули мина*, а проходящая по наружному краю веранды — *пули лаб* — крайняя. Выступающие перед пули лаб концы открытых балок потолка в богатых домах обстругиваются, иногда фигурно, и называются *кафак* (к. Каланак) (см. ниже рис. 10).

Обычно балка зерав штукатуркой не покрывается и открыта со стороны комнаты. В помещениях с каркасными стенами концы открытых балочек потолка опираются на балки верхней рамы каркаса — *болосинч*, поэтому в таких помещениях балка рав на верху длинной стены отсутствует; балка болосиндж не выступает над стеной, покрывается штукатуркой, и ее не видно.

Открытые балки потолка в Каратегине называются *дастак*, в бассейне р. Хингоу — *пулча*,²² в Дарвазе — *пулча* (Калаи-Хумб, Умарак) и *пулакча* (Курговад, Джорф); промежутики между балками потолка — *кам* (к. Нушор, Таджикибадского района), или *кумок* (к. Дехаи-Амир, Гармского района) перекрываются дощечками или горбыльками, обычно обращенными гладкой стороной к комнате — *васа* (Каратегин), *каландак* (бассейн р. Хингоу и Дарваз), или *параға* (кишлаки Чильдара и Езганд в бассейне р. Хингоу). Иногда вместо дощечек на балки потолка укладываются тонкие ветки, хворост — *шох* (к. Тегирми, Комсомолабадского района), или *қайиқ* (в Дарвазе — из веток кустарника *хубак*).

наты.²¹ (рис. 4, 1). Балки рав кладут на стену так, что края их выступают над стеной вдоль нее, и снизу их подпирают столбами — *сутуни танаи девол*, стоящими вплотную около стен. Наличие внутри большинства помещений как жилых, так и хозяйственных таких дополнительных опор тяжелого земляного перекрытия характерно для Каратегина и Дарваза; их нет только в каркасных постройках и в маленьких комнатах современного типа.

Пространство между концами уложенных на стене балок потолка заполняют глиной, которую на четыре пальца кладут и на балки; эта верхняя часть стены называется *сардевол*, или (к. Яхч) *чубдаргил*. Наружная балка веранды, на которую опираются концы открытых балочек потолка, тоже называется *рав*, а если веранда большая и балка толстая — *пул*; при этом балка, лежащая на задней стене, называется *пули ақиб*, проходящая над серединой веранды (если последняя велика и

Кровля из уложенных поперек комнаты балок, опирающихся концами на длинные стены, делается только в самых маленьких помещениях, чаще всего в мехмонхонах (рис. 4, 1). Чтобы перекрыть большое прямоугольное помещение, обычно укладывают посредине комнаты вдоль ее оси матицу—*пул*, опирающуюся концами на середину балок *кашак*, лежащих на торцовых стенах; на *пул* опирают один конец перекрывающих потолок открытых балочек (рис. 4, 4), вторые концы которых опираются на балки *зерав*, лежащие на длинных стенах. Дома с одной главной потолочной балкой называются всюду в Каратегине и Дарвазе *яклула*, т. е. с одной матицей (балки, лежащие на стенах, не считаются); только в каратегинском к. Кадара нами зафиксировано для домов с такой кровлей название *харипуш*²³. Обычно посредине комнаты или ближе к одной из торцовых стен матица *пул* подпирается столбом—*сутун*//*сутум*. Иногда матица укладывается не вдоль комнаты, а поперек (рис. 4, 2), их может быть и две (рис. 4, 3); в таком случае колонн обычно не ставят.

Если в помещении, перекрытом описанным образом, имеются открытые очаги традиционного типа, то нередко в крыше делается отверстие для выхода дыма; часто оконце для выхода дыма делается в стене, а не в кровле. В некоторых местах над отверстием в крыше сооружаются небольшие двускатные навесики—*харкиштак* (к. Сесанга, Оби-Гармского района), *харрузан* (к. Зокиробод, Гармского района), чтобы дождь и снег не попадали в дом (рис. 2).

В больших помещениях, например мечетях, современных чайханах, для увеличения ширины перекрытия вводятся две дополнительные матицы и поддерживающие их колонны (рис. 4, 8—12).

Дома припамиро-каратегинского типа (о них см. ниже), имеющие часто близкую к квадратной форму и большой размер (до 10,5 м стороны), отличаются своеобразной конструкцией кровли, называемой *гирд*, *давр*, *каргасхона*²⁴ (Каратегин), *давр*, *давру дарица*, *каргаспуш*, *хонаи каргаспуши даврдор* (Дарваз).²⁵ Эта кровля сооружается следующим образом. На переднюю (с входной дверью) и заднюю стены кладут две толстые балки—*марза* (Дарваз), или *пули танаи девол* (Хингоу)²⁶, а между ними, над помещением, укладывают две матицы—*пул*, опирающиеся концами на боковые стены и делящие потолок на три приблизительно равные части—переднюю, среднюю и заднюю. Эти две матицы поддерживаются свободно стоящими посредине помещениями столбами—*сутун*//*сутум*; их четыре, по два под каждой матицей (рис. 4, 5), или три—два под передней и один под задней (рис. 4, 6). На колонны накладываются подбалки—*овашк* с отверстием посредине, через которое проходят шипы колонн—*ширинак*. Балки *марза*, лежащие на стенах, как и концы матиц, поддерживаются стоящими у стен столбами—*сутуми қадди девол* (к. Бедак), *сутуми танаи девол*. Обилие дополнительных подпор необходимо здесь еще больше, так как большая земляная кровля и деревянный свод очень тяжелы.

В частях, прилегающих к передней и задней стене, потолок делается, как описано выше для прямоугольных помещений: на *пул* и *марза* опираются концами балки *пулча*, укладываемые перпендикулярно *пул*, на расстоянии 60—70 см друг от друга, а на них кладутся дощечки *киландак*. В средней секции, где находится свод *давр*, балочками *пулча* перекрывают не все пространство, а укладывают их от каждой стены до одной трети пространства, т. е. до линии двух столбов, поддерживающих матицу. В результате в середине остается непокрытое пространство квадратной формы (рис. 4, 5 и 6). По обеим сто-

ронам этого пространства вместо балок укладываются (тоже перпендикулярно к матицам, концами на них) по одной толстой балке—*харпул* или *харипул*,²⁷ которые вместе с заключенными между их концами средними частями матиц образуют квадрат или близкий к квадрату прямоугольник. Это, собственно, и есть давр (букв. круг). На этот квадрат накладывается второй, меньший, каждый угол которого опирается на середину балки нижележащего, затем таким же образом третий, еще меньший, затем четвертый (рис. 4, 5, 6, 7 и 10), образуя ступенчатый срубовой свод. Углы, образующиеся при наложении друг на друга наискосок деревянных квадратов, заполняются плотно прилегающими одна к другой плахами. Самым распространенным является свод из четырех рядов накладных квадратов—*каргаспуши чоркатора*, наибольшее количество рядов, по словам информаторов,—семь.

Так как сруб поднимается над крышей, то к нему подсыпают землю, и он выделяется на ровной поверхности крыши в виде небольшого округлого возвышения с квадратным свето-дымовым отверстием наверху—*дарича* (Дарваз, бассейн р. Хингоу) или *рузан*. Это отверстие в старину затыкалось тряпками или над ним опрокидывалась большая глиняная миска, или оно закрывалось деревянной дверкой дарича, к которой была прикреплена палка—*рузанчуб*; при помощи этой палки можно было, не выходя из дома, открыть или закрыть отверстие. За последние годы рузан закрывают куском стекла.

Поверх васа или каландак во всех вариантах кровли настилается слой тростника или камыша—*най* (к. Самсолык), *гаша* (кишлаки Джорф, Умарак), *пуш* (к. Курговад), или чинаровых листьев (кишлаки Умарак, Ушхарв), или сухой травы и колючек—*хас* (в Калаи-Хумбе—*кахи кылк*), или соломы—*поя* (бассейн р. Хингоу),²⁸ а затем наносится тонкий слой глины—*жиб//жип//жиф* (бассейн р. Хингоу, дарвазские кишлаки Джорф, Курговад), или *чин//чиф* (Калаи-Хумб, Умарак в Дарвазе, к. Сафедорон в бассейне р. Хингоу). В Дарвазе (к. Умарак) этот раствор делали жидким и поднимали на крышу в деревянных блодах, теперь—в ведрах. Поверх этой глины насыпают слоем около 15--20 см сухую землю (*хоки қоқ тит мекунад*), которую потом размельчают и утрамбовывают валикообразной колотушкой—*бунгкуб*.

В Каратегине в некоторых кишлаках (Самсолык) самые бедные хозяева этим и ограничивались, посыпая только сверху размельченную землю с мякиной, которая после дождя немного ее связывала. Обычно же поверх земли через некоторое время, когда она немного осядет, наносят слоем в 3--6 см (1--3 пальца—*лик*) штукатурку из глины с примесью большого количества мякины—*андова*, *андоваи бака*, *андоваи серка*.²⁹ Поверх этой штукатурки крышу посыпают солью (на одну крышу дают по 20, 40 и больше килограмм). В Дарвазе до революции соль была очень дорогой (своей не было, привозили ее из Куляба), поэтому ее для посыпания крыш не использовали (помимо этого, существовало суеверие, что посыпать солью крышу—грех, это—осквернение соли). Когда же в советское время начали в большом количестве завозить соль в магазины, то она стала доступной всем, и здесь тоже установился обычай посыпать ею штукатурку крыши.

В некоторых кишлаках Дарваза крыши широко используют для сушки тута, абрикосов, пшеницы и пр. В таком случае поверхность глино-саманной штукатурки посыпают белой глиной, которую затем смачивают, и крышу шлифуют камнем так же, как и штукатурку стен или пола; это называется *бунгшакй*, *рағд*, *рағд кашидан* (в Дарвазе), или *рағд* (к. Тегирми в Нижнем Каратегине).

Летом в сухую жаркую погоду земляные крыши ссыхаются и в них появляются трещины, которые во время дождя и снега дают течь. Поэтому осенью заботливые хозяева утрамбовывают поверхность крыш колотушками *бункуб*, чтобы уничтожить трещины³⁰ (рис. 5), а зимой зазывают ребятишек играть на крышах своих домов, чтобы уплотнить земляной слой, и даже разбрасывают для этого по крыше сладости.

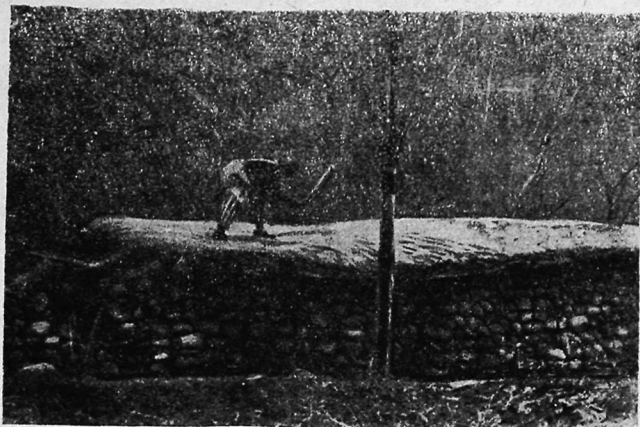


Рис. 5. Утрамбовывание колотушкой земляной крыши после дождя, к. Ромит, 1953 г. (Фото А. В. Попова).

И в Каратегине и в Дарвазе повсюду для предохранения стен от размывания дождями крышу выпускают над стенами сантиметров на 30—40 в виде карниза, застрехи—*полиса*/*сарполиса*³¹ или *пориса*/*сарпориса*³². Основу этого карниза образуют выступающие над стеной концы балок потолка, на которые параллельно стене кладется нетолстое бревно или жерди—*полисагузар* или *полисачуб*, а на них перпендикулярно укладываются дощечки киландак, называемые в данном случае *сарполисагй*. В Дарвазе на полисачуб укладывают тонкие каменные плиты, а на них, как и по всей крыше, слой жидкой глины, сухой земли и штукатурки.

Земляная крыша всегда имеет легкий скат в одну сторону или в две, если перекрытие имеет главную балку, а иногда еще дополнительные наклоны для стока воды во вмазанные в край крыши лотки—*нова*, *новардон*, которые делаются из дерева, из коры деревьев—*пустлоқ* или из половинок полых стволов ферулы—*камол*.

За последние годы в строительной практике районных центров и даже кишлаков начали применять толь и шифер. Из толя делают прокладки в земляной крыше (например, в дарвазском к. Тогмай), шифером покрывают постройки городского типа, а в кишлаках его иногда применяют для покрытия выступающего края крыши пориса. В годы нашего обследования такие перекрытия широкого применения в кишлаках еще не имели.

В местностях, где почва песчаная—*регзамин* и сильно пропускает влагу, земляная крыша легко протекает. Для предохранения ее от этого над ней сооружают двускатный камышовый навес—*шол*, *шолпуш* (рис. 6). Деревянную основу, остоу двускатного навеса укрепляют на



Рис. 6. Двускатные камышовые крыши в к. Пилдони-Боло, Джиргатальского района, 1956 г.

крыше, подпирая главную балку короткими стойками—*шолчуб*, опирающимися на край земляной крыши (рис. 7, 1, 3 и 4) или тонкими столбами, установленными на каменной подкладке на земле около стены, называемыми *сутумишол* (рис. 7, 2). Такими же столбами подпирают иногда нижние боковые балки двускатного камышового навеса (рис. 7, 3). Иногда края шол бывают приподняты над краями крыши на жердях высотой около метра (так делали шол на летовках к. Шкев, над жилыми помещениями). Пространство под навесом—*таги шол* используется для хранения сена и пр.

Раньше в некоторых дарвазских кишлаках, например, в к. Ёгид, шол делались над всеми домами. В настоящее время таких строений на правом берегу Пянджа мало (на левом, афганском, берегу их виднеется много). В к. Ёгид причину исчезновения шол над домами объясняют так. Когда-то, еще до деволуции, на туповые деревья напал вредитель—насекомое *бубин*, которое гнездилось в камышовых навесах над крышами. Когда это было установлено, вся кишлачная община приняла решение разобрать и сжечь все навесы над домами, чтобы спасти деревья. С тех пор в Ёгиде двускатных камышовых крыш нет, их делают только над жилищами на летовках. Такие крыши делают над домами в дарвазском кишлаке Тогмай, где тоже плохая земля; но сейчас их там сохранилось всего несколько. В к. Джорф, ниже Тогмая, шол сооружали и сооружают над кладовыми для хранения продуктов, но не над жилыми помещениями.

Исчезновение в Дарвазе навесов шол над крышами как защиты от протекания, как нам кажется, может быть связано с применением соли для посыпания крыши, а также толя в качестве прокладки при сооружении кровли.

В Каратегине мы видели камышовые двускатные навесы над домами в к. Пилдони-Боло (рис. 6) и в окрестностях Хаита, где, как объяснили нам местные жители, этот прием начал применяться только после землетрясения, с целью облегчения земляной кровли.



Рис. 7. Различные виды укрепления двускатной камышовой крыши в дарвазских кишлаках. Рисунки с фото 1956 г.: 1—магазин в к. Тогмай; 2—4—кладовые при жилых домах в к. Джорф.

Печи и очаги в домах Каратегина и Дарваза в настоящее время очень разнообразны по форме и по функциям (отопление, приготовление пищи, печение хлеба).

Самым новым видом печи, получившим массовое распространение в 50-х годах, является печь, сложенная из сырцового кирпича с дымоходом-обогревателем и чугунной плитой с конфорками, а также с дверкой и поддувалом под ней. Такая печь-плита встречается почти во всех кишлаках описываемых нами районов, чаще всего в комнатах для гостей и в современных жилищах с застекленными окнами. Она служит, в основном, для обогрева помещения; кроме того, на ней кипятят чай, но пищу не готовят. Только в Оби-Гарме зарегистрировано приготовление на плите супа и других блюд, не требующих жарения.

Печи-плиты делают и в старых домах традиционной планировки (см. ниже о них). Иногда при этом печь переделывается из очага *дегдон* и имеет своеобразную форму, сочетая в себе старый очаг в немного измененном виде и трубу-обогреватель. Последняя либо сооружается свободно над очагом (рис. 8), либо делается в стене, к которой в таком случае печь примыкает задней плоскостью. Случается, что дымоход не помещается в стене и образует заметный выступ наружу. В печах, устраиваемых в домах старого типа, иногда вместо чугунной плиты верх оформляют в форме круглого отверстия, в которое вмазывается котел для приготовления пищи.



Рис. 8. Печь с дымоходом в старом доме, переделанная из очага, Дарваз, к. Егид, 1954 г.

В Дарвазе, особенно в кишлаках ниже Калаи-Хумба, печи часто делают в старых больших домах для отопления их в период выкормки шелковичных червей и нередко используются только в это время. В таком случае в верхней части печи не ставится плита с конфорками и не делается отверстие для котла, а верх наглухо замазывается, чтобы в помещении не было дыма. На зиму хозяйки часто переделывают такую печь опять в обычный очаг. Это связано главным образом с необходимостью экономить топливо, которым во многих горных районах служит помет скота и которое имеется в ограниченном количестве; невыгодно тратить его и на печь для отопления большого помещения и на очаги для выпечки хлеба и приготовления пищи. Вместе с тем нам приходилось видеть, например, в к. Егид (Дарваз), как за последние годы хозяйки небольших домов, даже не занимающиеся выкормкой червей, делают у себя печи-плиты для бездымного отопления жилища, а пищу готовят на очагах, устроенных в кухне.

В Каратегине устройство печей в доме не связано с черводством, так как в колхозах имеются для этой цели специальные помещения.

Если печь сооружается только на время выкормки червей, то для того, чтобы обеспечить в помещении чистый воздух, топку иногда делают не из комнаты, а со двора. Мы видели такие топки в долине Хакими (рис. 9) и в к. Казнок (Каратегин).

Довольно широко распространены железные печки, которые появились раньше, чем печи-плиты: они ставятся преимущественно в небольших чистых комнатах для приема гостей и также используются только для отопления и кипячения чая. Иногда железная печка летом ставится в помещении, где выводятся черви, а зимой — в мехмонхоне.

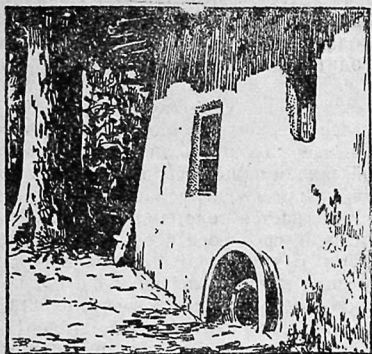


Рис. 9. Топка печи, находящейся в комнате, со двора, долина Хакими, к. Сари-Пулак, Комсомолбадского района, 1957 г.

Помимо печи-плиты и железной, в Каратегине и Дарвазе бытуют еще два вида традиционных очагов.

Первый вид представляет собой яму в полу комнаты или веранды в форме усеченного конуса, широкого внизу и более узкого сверху, со слегка закругленными стенками. Он называется *чахлак* (большая часть кишлаков Дарваза и Каратегина, начиная от долины Хакими и выше), *чахдон* (к. Пуни-Шор, Дарваз), *танур* (самые нижние кишлаки Каратегина — Элок, Сесанга, Оби-Гармского района).

Очаг чакхлак бывает двух разновидностей: 1) в форме ямы глубиной около 50—60 см, с диаметром основания 60—80 см, верхнее отверстие которой находится на уровне пола (рис. 10); в таком чакхлаке пекут хлеб, прилепляя лепешки к раскаленным стенкам, а после прогара-



Рис. 10. Очаг *чахлак* на веранде дома Гиёева, к. Яхч, Комсомолбадского района, 1953 г.

ния огня, когда остается бездымный жар, на отверстие чакхлака кладут накрест две жерди или плетеные щиты *чапарак*, поверх них расстилают постель и спят. В некоторых местах, например в кишлаках Ниж-

лего Каратегина, яма чахлака делается глухой, без поддувала, в других местах (Гарм в Каратегине, кишлаки Калаи-Хумб и Пуни-Шор в Дарвазе) от дна ямы к поверхности пола или (если очаг находится на нарах) к погу у основания нар проводится поддувной проход — *дудка-и-тиркаш, аловдонак, мури*³³. 2) В форме прямоугольной квадратной выемки в полу помещения, около 30 см глубиной и около 1,5 м в поперечнике, в середине которой находится собственно чахлак—яма, несколько меньшего размера, чем описанная выше; глубина и диаметр основания ее равны 30, 40 и до 50 см. В такой чахлак чаще всего высыпается прогоревший бездымный жар, затем над ямой в углубленный квадрат ставится табурет—*сандали*, который покрывается толстым стеганым одеялом. Под края его подсаживаются люди, грея ноги и руки. Эти очаги тоже иногда имеют проход-поддувало. В таком чахлаке больших хлебов не пекут, иногда только небольшие пресные лепешки *фатир*, если срочно нужен свежий хлеб. Чахлаки с прямоугольным углублением, в котором стоит сандали, распространены, главным образом, выше Гарма, хотя иногда встречаются и ниже. Например, мы видели сандали в к. Казнок.

В Дарвазе очаги-чахлак в жилых домах старого типа появились после революции, по-видимому, из Куляба, через долину Оби-Ниоу (Дашти-Джумский район); при этом в годы обследования, по сообщению наших информаторов из Калаи-Хумба, выше Калаи-Хумба над чахлаком после прогорания огня клали жерди и одеяла, а ниже, как и в Кулябе, ставили табурет — *сандали*. Относительно давности распространения чахлака в Каратегине мы опросными сведениями не располагаем. В. В. Гинзбург, обследовавший жилище Каратегина и Дарваза в начале 30-х годов, зафиксировал в полу большинства домов Гармского района очаги, покрываемые после прогорания огня одеялами. На опубликованных им планах домов в кишлаках бассейна р. Хингоу очагов-чахлак нет.³⁴ Ничего не говорится о наличии чахлаков в жилых домах и в подробном описании жилища Вахион-Боло в работе Н. А. Кислякова.³⁵ Он описывает чахлаки, состоящие из ямы в полу для разведения огня и ступеньки, идущей по внешнему краю вокруг чахлака, на которой располагаются люди, греющиеся у огня, только в больших помещениях для гостей—*кушхона* и в *алоухона* при мечетях.³⁶

Традиционный очаг второго вида устраивается не в полу комнаты, а в крае глинобитных нар дома или специально сооруженной глинобитной площадки. Он также имеет форму усеченного конуса, более или менее суживающегося кверху, но открыт не только сверху, а и сбоку по всей высоте; через это боковое отверстие закладывается топливо, а сверху ставится котел. Этот очаг называется *дегдон*, боковые стенки его—*нараи дегдон*; задняя стенка—*кунчи дегдон* (Дарваз). Дегдоны бывают разного размера и назначения: самый большой, высотой в 55—75 см и диаметром основания в 50—60 см, называется главный большой дегдон—*дегдони калон* (в бассейне р. Хингоу—*дегдони лэмб*), или дегдон для печения хлеба—*дегдони нонбанди*, или по видам хлеба—*дегдони чапотибанди*, *дегдони гирдачабанди*—очаг для печения чапоти или гирдача³⁷ (рис. 11).

В Дарвазе, бассейне р. Хингоу и Верхнем Каратегине в домах припамирско-каратегинского типа (о нем см. ниже) большой очаг дегдон часто бывает в доме единственным и служит для печения хлеба, приготовления пищи и обогрева помещения. Иногда, для лучшей тяги и прохода дыма, по бокам поставленного на очаг котла, в задней части верхнего отверстия делается налест-бугорок, называемый в Дарвазе

бинияк—носик³⁸. Он отмечен нами в к. Курговад (Дарваз), Навди, Шульмак (Каратегин) и в к. Кушагба, где такой налп был в очаге меньшего размера, с фигурным оформлением отверстия топки.

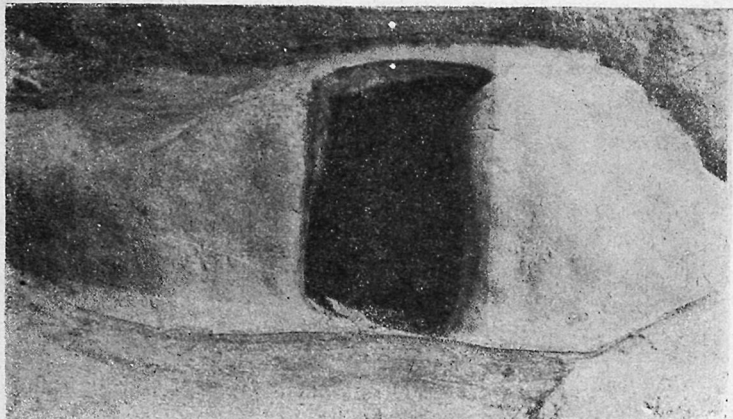


Рис. 11. Большой очаг — *дегдон* в кухне, к. Курговад, 1954 г.

В Нижнем и Среднем Каратегине, помимо большого очага, часто рядом с ним устраивались еще один или два очага поменьше: высотой и диаметром 34—45 см *дегдонча*, для приготовления пищи и печения небольших лепешек (*барои оталаву фатир*) и высотой и диаметром 20—30 см для приготовления пищи в небольшом количестве или специально для кипячения чая—*учоқ* или *дегдончаҳак*. В очагах для кипячения чая боковое отверстие—топка часто имеет сверху перемычку для более удобной установки кумгана (рис. 12).

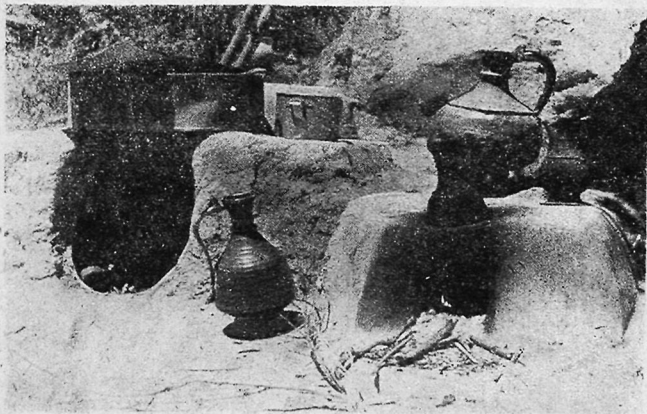


Рис. 12. Очаги для печения хлеба и кипячения чая в летней кухне под навесом, к. Войдара, Гармского района, 1952 г.

Если все очаги находятся в одном месте, то обычно площадка с большим очагом бывает выше, а с меньшими—наклонно понижается. Бывает, что два больших очага делаются рядом, а третий, для чая—в боковой, торцовой стенке меньшего из очагов, или один очаг находится в длинной стороне площадки с очагами, а второй — в торцовой (рис. 13 и планы жилищ), или иногда на площадке сбоку делается маленький очажок (рис. 14 слева сверху). Форма топки очагов в большом

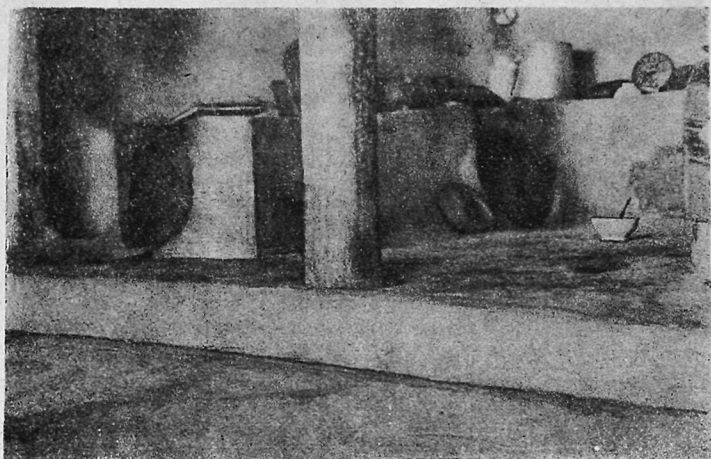


Рис. 13. Очаги у торцовой стены на долоне жилого дома; часть пола, прилегающая к задней стене долона, приподнята, к. Кочони-боло, Гармского района, 1957 г.

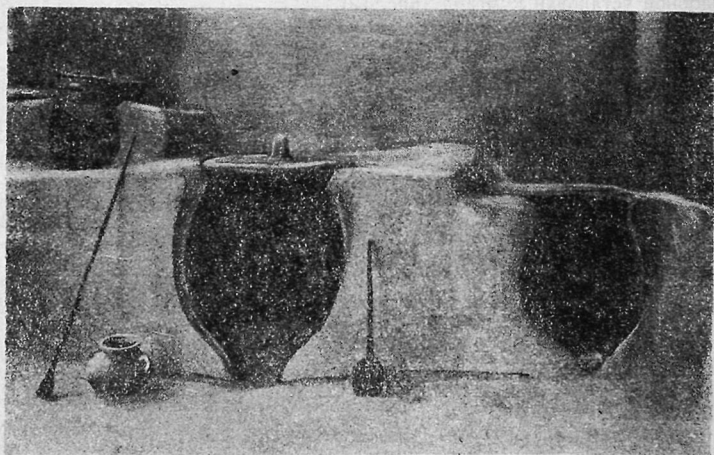


Рис. 14. Очаги *дегдон* в жилом доме, слева сверху на площадке большого очага сделан дополнительный маленький очажок, к. Шуль, Гармского района 1952 г.

и среднем очаге бывает различной: 1) шире внизу и слегка суживающаяся кверху (кишлаки Курговад, Чильдара, Навди, Кугли, Джорф) (рис. 11), или шире посредине и уже вверху и внизу (рис. 13); 2) широкая, почти ровная по всей высоте (кишлаки Шульмак, Каланак, Гарм, Калаи-Лаби-Об, (рис. 12 и 15) и 3) сверху сужена очень немного, а внизу больше и у основания заканчивается фигурно (кишлаки Шул, Кушагба, Нушор (рис. 14).

Бывает, что площадка с очагом целиком или частично находится в стене и в таком случае над очагом имеется полукруглый или вытянутый свод (кишлаки Каланак, Кугли, Кушагба. Джавони, Казнок, рис. 15).

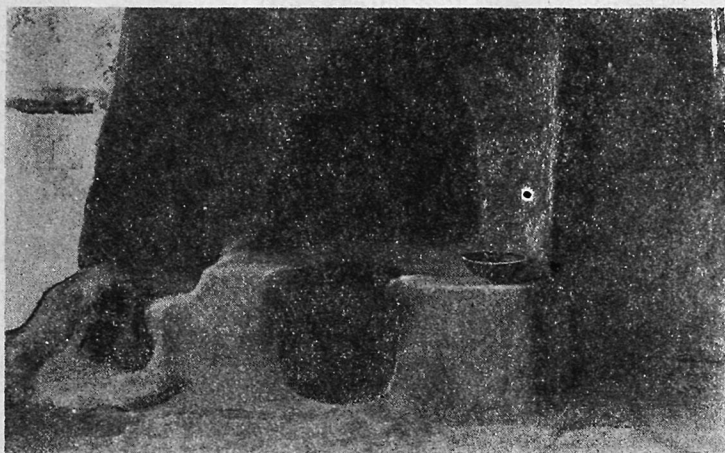


Рис. 15. Очаг, наполовину находящийся в стене, с закругленной нишей над ним, к. Каланак, Гармского района, 1952 г.

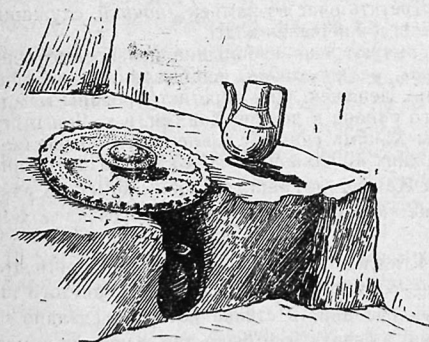


Рис. 16. Очаг, накрытый орнаментированной крышкой, к. Нушор, Гармского района, 1953 г.

Во многих местах Каратегины принято накрывать сверху отверстие очага крышкой—*това*, вылепленной из коровьего навоза с мякиной и сверху оштукатуренной глиной; она имеет сверху посредине ручку-прихватку разной формы, иногда такие крышки украшаются орнаментом (рис. 16). В Дарвазе это нами не зафиксировано.

В к. Джавони, Оби-Гармского района, встречен еще один очень своеобразный вид очага—в форме открытой сбоку глубокой ниши с круглым сводом в специальной высокой глинобитной площадке. Этот очаг служит только для печения хлеба. Фасад его украшен сверху отверстиями, а иногда и по бокам, узорами в виде завитков (рис. 17, 18).

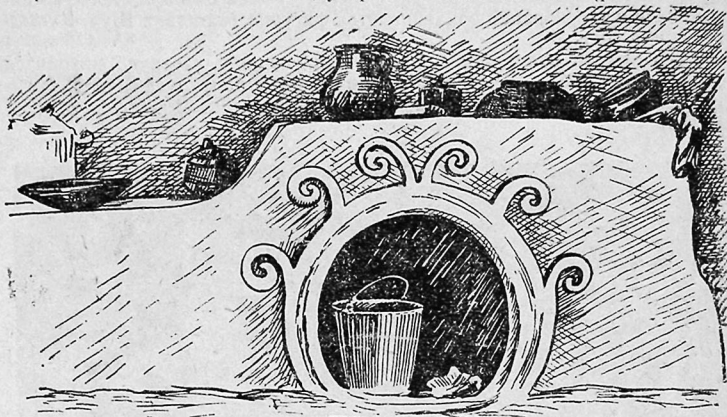


Рис. 17. Очаг в виде глубокой ниши, служащий для выпечки хлеба, к. Джавони, быв. Оби-Гармского района, 1953 г.

Как видно из местоположения кишлаков, где нами были зафиксированы те или иные формы топки, различия форм не ложатся в каком-нибудь порядке на карту. Даже в одном кишлаке и в одном доме встречаются очаги различных форм: например, в к. Нушор формы 1 и 3, в к. Кушагба—3 и со сводом, в к. Джавони—2 и со сводом (рис.18). Возможно, что форма очагов, помимо традиций, которые не могут не сказываться, связана также с назначением очагов и с видом топлива, однако выяснить этого нам не удалось.

Помимо описанных выше разнообразных очагов из глины, устраиваемых в доме на веранде, на суфе или около дома—на земле, во дворах домов нередко можно встретить очаг из камней—*почикй*, служащий только для приготовления пищи и кипячения воды.

В Среднем Каратегине бытуют еще небольшие переносные очаги из глины—*дегдончай гардонак*, *учоқи гардон*, используемые для кипячения чая, печения небольших лепешек. Они зарегистрированы нами в кишлаках Комсомолабдского района в долине Хакими, в к. Яхч и других местах.³⁹ Жители долины Хакими считают такие очаги новшеством, пришедшим в Хакими из верхних кишлаков около 15 лет назад (запись 1957 г.). По их словам, ниже Хакими, в кишлаках Оби-Гармского района, таких очагов нет, так же как и в Хаите и в верховьях долины Зеравшана—в Матче.

В Дарвазе, в кишлаках Ёгид и Зыгар почти во всех домах имеются небольшие переносные очаги—*сарчоқ*, сделанные из перевернутого широким отверстием вниз ведра без дна, в стенке которого сделано отверстие для закладки топлива, а сверху, где было дно, ставится кумган для кипячения чая.

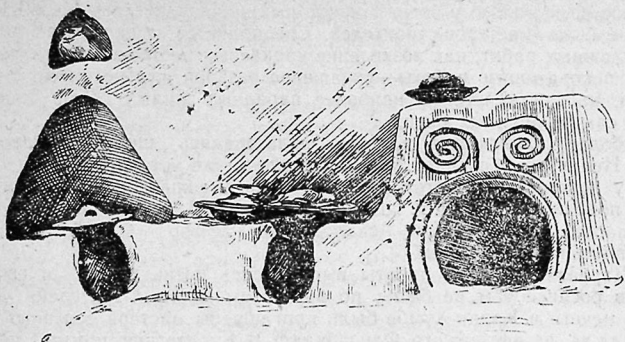


Рис. 18. Очаги разной формы в кухне жилого помещения, к. Джавони, 1953 г.

Изготовление очагов чахлак и дегдон—женское дело, печи-плигы делают мужчины.

Чахлаки делают так (к. Муджихарв): в полу комнаты выкапывают яму нужного размера, стенки ее затирают обычной глиной с мякиной—*сиѣхил мекунад*; дав немного подсохнуть, штукатурят эту смазку белой глиной, разведенной в воде с добавлением мелкого песка; так же двумя штукатурками покрывают и очаги дегдон; только самые маленькие очажки для кипячения чая не покрывают второй штукатуркой с песком.

Прежде чем начать пользоваться новым чахлаком, в нем целый день жгут огонь, и, закопав в жар глиняный кувшин или кринку, варят обрядовое кушанье из дробленой пшеницы—*кашк*, а затем пекут тонкие лепешки—*чапотй*; все это съедают, собравшись всей семьей и пригласив кого-нибудь из соседей.

Мастера-строители. В Каратегине и Дарвазе мастер — это, в основном, каменщик—*деволгар*, мастер по возведению глинобитных стен—*деволкаш*, *деволгар* и плотник—*чубтарош*.

В Дарвазе постройка дома редко производится без мастера—выкладка каменных стен и сооружение перекрытия со срубовым деревянным сводом требует специальных навыков. Из плотничных работ особенно трудным считалось здесь сооружение центрального деревянного свода. Только немного, наиболее квалифицированные мастера были в состоянии выполнить вместе со своими помощниками эту работу за один день.

В Каратегине, где мужчины во многих селениях издавна были специалистами по сооружению глинобитных стен и занимались этим во время отходничества, при постройке дома часто обходятся без мастера.—были бы только рабочие руки в семье. Плотничные работы обычного типа тоже многие выполняли и выполняют сами. В каратегинском

к. Каланак Н. Х. Нурджанову говорили, что плотники-профессионалы покрывали дома только у баев. В некоторых кишлаках (например, Яхч) совсем не было мастеров-строителей. Специалистов приглашали только для сложных работ, как возведение каркасных построек, сооружение мечетей, декоративные работы—украшение резьбой или росписью стен, потолков, колонн мечетей и наиболее парадных жилых домов чиновников и самых крупных баев.

Наиболее талантливые мастера пользовались широкой известностью. Например, в к. Ёгид жил в прошлом веке усто Ходжа Негмат, которому приписывают изготовление колонн и украшенных фигурной резьбой подбалок в мечети к. Шкев около Ёгида. В Каратегине всем известен мастер росписи из к. Аскалон усто Гаффор (О работах этих мастеров см. ниже, стр. 90 и 96).

В Дарвазе ганчевые работы выполнялись очень редко, и своих мастеров росписи там не было; по рассказам местных жителей, для отделки мечети в Калаи-Хумбе были приглашены мастера с левого берега Пянжда, из афганского Файзабада.⁴⁰ В Каратегине, помимо местных мастеров, мечети и частные дома украшали росписью мастера из Ферганской долины. Так, например, ферганские мастера расписывали дом быв. председателя колхоза в к. Шульмак. Приезжие мастера сооружали и некоторые здания из жженого кирпича, главным образом, мазары. По семейному преданию, записанному нами в Андижане, в семье потомственного мастера-строителя усто Юсуф-Али⁴¹, один из его дядей был приглашен около середины XIX в. в Вахио-Боло для постройки известного мазара Хазрати-Бурх.⁴²

Обычно на строительстве дома в Дарвазе работал мастер—*усто* со своими учениками—*шогирд*; при этом каждый мастер выкладывает одну стену (*чор девол аст, чор усто дар болош*—четыре стены в доме, четверо мастеров над ними,—говорят в к. Ушхарв). Обычно кто-нибудь из членов семьи или из помогающих подает камни, а мастер их укладывает на место. Если камни выкладываются на глине, то в работе участвует человек, месящий глину — *лойкун*, и подающий ее — *лойбардор*.

Договариваться заранее о размере платы мастеру за его работу не принято. После окончания постройки хозяин дома одаривает мастера по своему усмотрению. Как говорили, «*гап дар ҳиммати соҳиби хона*»—«все зависит от щедрости хозяина дома» (к. Ушхарв). Однако существовала примерная неписанная такса (к. Курговад): за каждую квадратную маховую сажень—*қулоҷ* площади постройки хозяин должен был уплатить по старому местному счету ценностей по одному *мисқол*. Один мисқол считался равным, например, четырем кускам дмотканной бумажной материи—*карбос* по 12 чубгазов (*чубгаз* = 81 см) каждый. Нередко вместо этого давали мастеру корову или вола, или соответствующую сумму денег, или зерно. Если хозяин дома был щедрым, то дарил мастеру еще и комплект одежды—*сарупо*. Считалось необходимым, чтобы мастер был доволен—*хурсанд* полученным вознаграждением. В к. Курговад по окончании возведения стен, перед началом деревянных работ, хозяин дарит мастеру обувь (*чамбус мепушона*). Главное вознаграждение—упомянутое выше животное или зерно, комплект одежды — хозяин дает мастеру по окончании сооружения кровли, во время специального угощения, устраиваемого по поводу постройки нового дома, на которое приглашают народ—*халқ* (к. Ушхарв). Для этого угощения закалывают животное, варят суп, пекут хлеб. Приходящие родственники и соседи тоже приносят какую-либо пищу (к. Умарак).

Ученикам мастера, принимавшим участие в постройке, хозяин тоже давал небольшие подарки: например, за участие в помощи по возведению стен—каждому по паре узорных чулок (2 пары чулок=1 куску карбоса).

Маленькие постройки возводились мастером с помощью хозяина и членов его семьи. Так, небольшую жилую комнату современного типа в Калаи-Хумбе два мастера строили два дня; камень для стен хозяин наносил заранее сам из находящейся неподалеку старой постройки, затратив на это 5—6 дней.

Во время работы хозяин обязан кормить мастера три раза в день хорошей пищей.

В Каратегине, где, как упоминалось, каждый, чаще всего, строил себе дом сам, оплата приглашенному на помощь мастеру нередко ограничивалась трехразовым хорошим кормлением.

В дореволюционное время часто мастер-плотник, подобно kitchenному кузнецу, обслуживал всех односельчан, а за это жители селения коллективно, путем устройства общественной помощи, обрабатывали и засеивали его участок, собирали и обмолачивали урожай.⁴³

Помочь—хашар. При постройке дома всегда бывает много работ, требующих одновременного привлечения большого количества рабочих рук. Для выполнения таких работ прибегают к традиционной народной форме взаимопомощи, созывая *помочь—хашар*, обязательным условием которой является хорошее питание работающих. Продукты заготавливаются заранее; в к. Зыгар, например, наш информатор усто Гариб, при постройке незадолго до Великой Отечественной войны дома, ездил специально в Муминабад (Куляб) закупать рис на угощение для хашара, в котором обязательно должна быть мясная пища; обычно к хашару закалывают барана или вола.

В Дарвазе хашар обычно созывается три раза: для рытья котлованов фундамента—*хашари былнокашй* или *былнокашонй*; для сооружения стен—*хашари девол* или *деволгарй* (*фалонй деволгарй дора*—у такого-то *помочь* по возведению стен—говорят в к. Пшихарв); для подноски земли при сооружении кровли—*хашари хокпартовй, хокдо-зун*. Кроме того, созывается небольшой хашар из женщин для оштукатуривания стен—это здесь женское дело.

Запасать камень для постройки полагается самому хозяину с членами семьи. Хашара для этого не устраивают.

Хашар для рытья траншей под фундамент созывается не очень большой. Обычно на угощение используется только часть мяса заколотого животного, большая же часть оставляется на более многочисленную *помочь* по возведению каменных стен. Каждый хашар длится только один день, и если работу не удастся завершить, доделывает ее сам хозяин с мастером.

По сообщению плотника Гариба из к. Зыгар, на хашарах при постройке его большого дома работали 3 раза по 60 человек.

По записям М. С. Андреева, сделанным в 1925 г. со слов жителя к. Вардуч (с/с Казнок), в этом каратегинском селении во время хашара по сооружению фундамента выкладываются и первый слой — *покса* глинобитной стены. На этом *помочь* заканчивается и для возведения стен не созывается. Хозяин дома возводит остальные слои стены своими силами, делая после каждого слоя перерыв в работе на 2—4 дня, чтобы дать глине просохнуть.

Обычаи и обряды, связанные с постройкой дома, в старом быту были многочисленны, часть их исполняется и теперь. Перед началом работ хозяин дома закалывал животное—овцу или козу и устраивал

угощение для родственников и соседей; в к. Тегирми (Каратегин) при этом всегда делали *курутоб* (см. главу «Пища»); там же камни в основание стены укладывал какой-либо всеми уважаемый и считающийся удачливым старик, и он же смазывал эти камни глиняным раствором, после чего на этом фундаменте молодые сильные работники выводили глинобитные стены; в к. Навди старик должен был положить только первый камень фундамента; в к. Кадара, начиная постройку, созывали соседей и каждый из них приносил по камню для фундамента, потом собравшиеся съедали приготовленную хозяином пищу, прочитывали молитву (*фотиҳа*) и расходились, продолжал постройку сам хозяин с членами семьи; в к. Халкарф первый слой в глинобитной стене выкладывал хозяин дома.

В к. Вардуч (с/с Казнок), по записи М. С. Андреева 1925 г., при закладке фундамента закалывали барана на краю канавы, так, чтобы кровь животного стекла под будущий фундамент.

В Джиргатале при возведении стен, когда они доведены до уровня двери, обычно работающие начинают кричать: «*Усто афтид*» (мастер упал), а мастер делает вид, что он еле держится на ногах и вот-вот упадет. Это традиционный сигнал для поднесения мастеру небольшого подарка, после чего работа гладко идет до конца. То же самое повторяется и во время работ по поднятию балок кровли. Первый раз подарок получает каменщик, второй—плотник.⁴⁴

Хашар по окончании работы мастеров, соорудивших кровлю, созывается для того, чтобы наносить на крышу землю, и сопровождается большим торжеством. Для устройства его закалывают животное, приходят родственники, если есть возможность, приглашают певцов—*сароянда*. На рассыпанной по крыше земле устраивают борьбу—*гуштин-гирй*.

К числу традиционных обычаев относится угощение, устраиваемое для родственников, соседей и односельчан по окончании постройки нового дома—*меҳмонии хона*, после чего хозяин одаривает мастера. В Дарвазе каждую осень после возвращения с летовок, при вселении на зимнее жительство в дом тоже устраивалось обрядовое угощение—*хонадароё(н)*.

Для горных таджиков характерно очень почтительное отношение к главному столбу в доме — *шасутум*. К этому столбу каждый входящий в дом, если в нем нет людей, обращает свое приветствие; поэтому главный столб называется часто *сутуми саломга*. Приветствует этот столб не только посторонний входящий, но и сам хозяин дома, причем, по записям М. С. Андреева 1925 г. в к. Арганкон (долина Оби-Хингоу), он повторяет это приветствие каждый раз при входе в дом, даже после небольшого отлучки. В богатых домах главный столб смазывают маслом. Это считается богоугодным делом. (Как известно, в горном Таджикистане масло льют на мазаре как жертвоприношение).

В к. Арганкон в мечети также один из столбов называется *сэтэмби салумга* и входящие приветствуют его, а во время общественных трапез в мечети-алоухона (в Арганконе мечеть и алоухона находились в одном помещении) его иногда мазали маслом.

В старое время для защиты дома от всякой нечисти и бед нередко на одном из столбов вешали амулет—*тумор*; изредка его можно увидеть и теперь. С той же целью над входом в жилое помещение или на наружной стороне столба веранды прибавляли рога горного козла, культ которого, как известно, широко распространен среди горных таджиков.⁴⁵ Эта традиция настолько сильна, что рога горного козла можно видеть и у входа в дом современного типа.

Кроме этого, чтобы предохранить дом от сглаза, в Каратегине при завершении постройки оставляют в ней на видном месте какую-нибудь небольшую недоделку. Взгляд смотрящего завистника, недоброжелателя якобы падает прежде всего на это место и теряет свою вредящую силу.⁴⁶

Для предохранения хлева от проникновения волков в бассейн р. Хингоу на двери или на передней стенке хлева прикрепляли растянутую веревку из козьей шерсти. Считалось, что волк не решится войти в такое помещение.⁴⁷

Общая характеристика усадеб. В главе «Селение» мы уже говорили о главных типах планировки в селениях Каратегина и Дарваза — свободной и скученной. В большинстве селений со свободной планировкой каждая усадьба в настоящее время обычно окружена заборами — глинобитными, каменными или, в бедных хозяйствах, плетеными, образующими улицы.

Неогороженные заборами дома более или менее часто встречаются только в кишлаках Верхнего Каратегина, бассейна р. Хингоу и Дарваза. В Среднем Каратегине таких домов мало, они встречаются, главным образом, в кишлаках со скученным поселением.

В ряде кишлаков Каратегина (Джиргаталь, Нушор, Яхч, Оби-Гарм) записаны сообщения о том, что раньше многие дома в них не были огорожены, т. е. в них процесс формирования дворов происходил за последние десятилетия. В Дарвазе этот процесс происходит еще и в настоящее время, там во многих кишлаках большинство усадеб еще не огорожено.⁴⁸ В к. Егид, например, ограды дворов появились за последние несколько лет, и это, по объяснению местных жителей, связано с развитием приусадебного садоводства: заборы ставят для охраны фруктов.

Несомненно, что процесс появления огороженных дворов при усадьбах связан с возрастающим благосостоянием колхозников, а в горных районах также и с разрежением скученности поселения в результате переселения части колхозников на равнины.

В 1952 г. Н. Х. Нурджанов записал в Комсомолабаде очень интересные воспоминания стариков об изменении характера застройки в кишлаках. В старину обстановка была беспокойной. Население с крыш домов следило за окрестностями, не угрожает ли нападение локайцев. В селениях дома строили близко один к другому, без дворов; древесных насаждений и огородов было мало. Позднее стали сажать много фруктовых деревьев, не так густо строить дома, огораживать дворы заборами. Это указывает на то, что умиротворение края в годы Советской власти также является одним из факторов, влияющих на сложение и характер жилища.

Обычно вход во двор ведет через калитку — *дар, дари хавлин*. Если ограда плетневая, то это иногда просто сделанный из жердей прямоугольник с несколькими поперечинами, служащий для защиты двора от захода скотины. В зажиточных домах двор огораживают глинобитными стенами и вставляют одностворчатую или двустворчатую калитку или дверь. Двустворчатая дверь часто бывает довольно большой, называется *дарвоза* — ворота, и над ней сооружается навес-проход — *дарвозахона*, с небольшими завалинками — *суфа* для сидения. Иногда дарвозахона делается очень большой и под ней находятся большие глинобитные площадки, на которых летом хозяин дома принимает гостей-мужчин. Такой большой очень удобный навес с суфами под ним во дворе у ворот мы видели, например, в 1957 г. в к. Яхч в доме

председателя колхоза. Большие ворота—*дарвоза*, через которые может проехать грузовая автомашина, делаются только в колхозных сооружениях, например в животноводческих фермах.

В каратегинской усадьбе обычно имеется огороженный двор—*хавли(н)*, *сахн*, в Дарвазе же, как сказано выше, наоборот, неогороженных усадеб больше. Везде, где есть поливная земля, при доме имеется огород—*сабзикорй*, *хота*, *хотакорй* (Нижний и Средний Каратегин), *обчакорй* (Верхний Каратегин), отделенный от открытой части двора—*руи хавли* плетневой изгородью, а также сад из фруктовых деревьев, иногда небольшой виноградник на деревянных опорах—*катаки ток* или виноградная лоза, вьющаяся по большому дереву. Величина каждой из этих частей усадьбы зависит от размера всего участка. Иногда, если места мало, двор—это только узкая полоса земли перед домом, остальное пространство используется под небольшим огород с посевами лука, кориандра, усмы для окраски бровей и т. п.; вдоль плетневой изгороди высаживаются цветы или выделяется отдельное место для цветника; если участок большой, то на нем же находятся посевы картофеля, кукурузы, фасоли и пр. У заборов насажены деревья—тополя, ивы, фруктовые (рис. 19). Во дворе обычно имеются арыки с проточной водой.

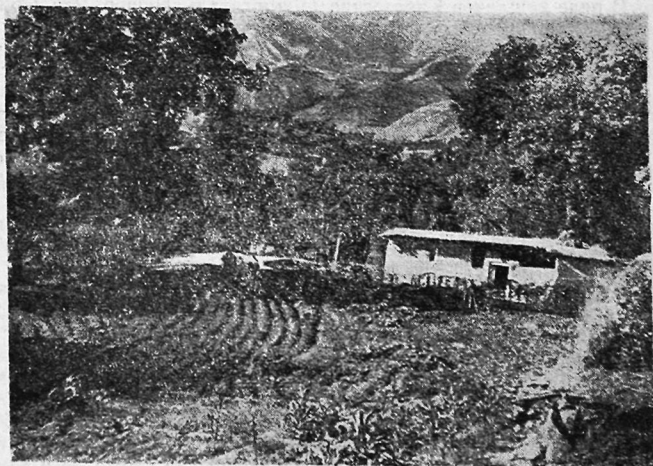


Рис. 19. Общий вид усадьбы в к. Чормагзак, Комсомолабадского района, 1952 г.

иногда при неровном рельефе местности устроен при помощи желоба—*новардон* водопад. В некоторых хозяйствах это место огораживается плетнем или камышом и получается купальня—*обхона* (отмечено в к. Яхак). Иногда на пути протекающего по двору арыка выкапывают небольшую яму-водоем (например, в к. Муджихарв 120×120 см), над которой сооружают оштукатуренное перекрытие с небольшим закрывающимся отверстием для набирания воды; это *сардова*⁴⁹ (см. рис. 20, I и рис. 21).

Если рельеф местности неровный, то стараются жилые постройки поместить наверху участка.

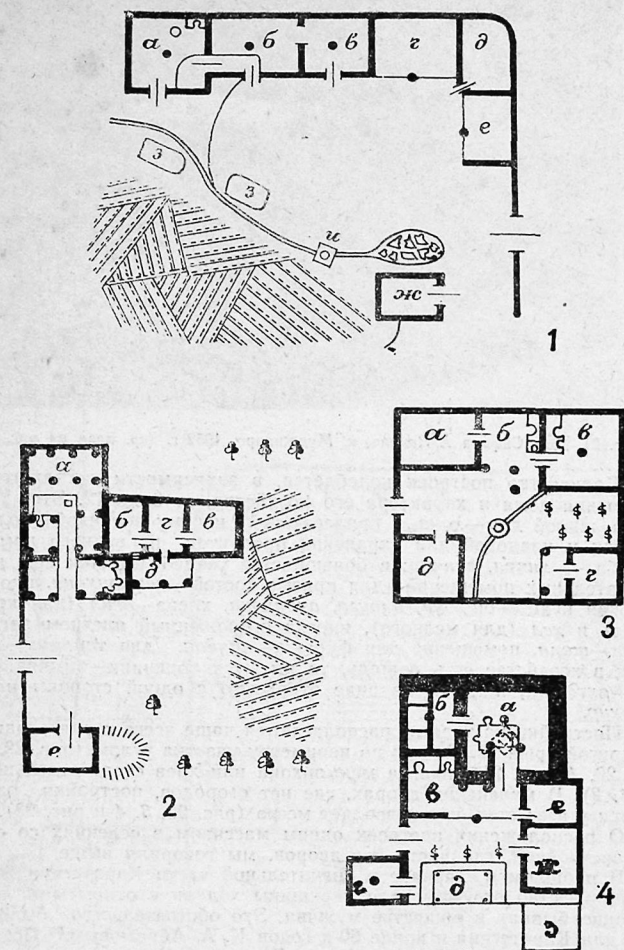


Рис. 20. Схемы планов усадеб: 1—усадьба Ахмадова Сафара, к. Муджихарв, дом построен в 1927 г.: а — хона, б — долон, в — хичра, г, е — рузохур, д — огил, ж — меҳмонхона, з — суфа, и — сардоба; 2—усадьба Зайдуллоева Саадудло, к. Кугли, дом построен в 1937 г.: а — хона, б и в — худжры для гостей, г — дахлез, д — долон, е — конюшня — ахтахона; 3—усадьба Абдуллоева Сияхака, к. Навди, 1920 г.: а — хичра — чистая комната, б — долон, в — хона, традиционной планировки, г — меҳмонхона, д — хлев — огил; 4—усадьба Абдулазима Азимова, Калаи-Хумб: а — старый дом — хона, конец XIX в., б — кладовая — ганчур, в — веранда — пештоқ, г — комната для гостей — қушхона, д — суфа под виноградником, е и ж — хичра — чистые комнаты, построенные в 1957—1960 гг., з — высокий помост на столбах на берегу р. Хумбоу, построенный в 1960 г.

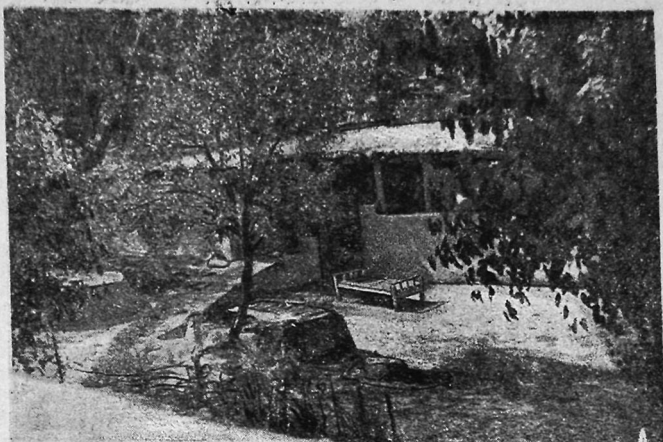


Рис. 21. Дом Сафара Ахмадова, к. Муджихарв, 1952 г. (ср. план на рис. 20, 1).

Количество построек колеблется, в зависимости от зажиточности владельца дома и характера его хозяйства, от 3 до 12. Это, прежде всего, жилой дом—*хона*, с прилегающей к нему верандой—*долон* или *пештоқ* и кладовой для хранения продуктов и всякого домашнего скарба — *ҳичра*, *ганҷур*; в большинстве усадеб имеется еще ряд дополнительных помещений—для приема гостей—*меҳмонхона*, иногда отдельная кухня—*ошхона*, *алоуга*, *алоухона*, хлева—*оғил* (для крупного скота) и *ҳел* (для мелкого), иногда огороженный плетнем загон для скота—*шола*, помещение для фуража—*каҳдон*, для топлива—*лалдон*. Если в хозяйстве есть лошади, то имеются конюшни—зимняя, закрытая—*ахтахона* и летняя в виде открытого с одной стороны навеса—*рузохур*.

Постройки на участке располагаются чаще всего в ряд— одна около другой (рис. 22, 1), или по периметру участка углом (рис. 22, 2 и 3, рис. 20, 1, рис. 21), иногда меҳмонхона или хлев стоят отдельно (рис. 20, 1, 2). В маленьких дворах, где нет огородов, постройки располагаются у всех стен, как позволяет место (рис. 20, 3, 4 и рис. 23).

О расположении построек одним массивом в селениях со скученной застройкой, где часто нет дворов, мы говорили выше.

В прошлом в Дарвазе и значительной части Каратегина женское затворничество отсутствовало, женщины ходили с открытыми лицами, свободно бывали в обществе мужчин. Это обстоятельство было отмечено для Каратегина в конце 60-х годов К. А. Абрамовым.⁵⁰ По нашим данным, в Верхнем Каратегине, от Хайта до Камароуского устья затворничества женщин не практиковалось, а в Камароу и ниже оно уже было. Особенно строго затворничество женщин соблюдалось в нижних кишлаках, населенных представителями каумов. ходжей и ишанов. Во всех кишлаках, где затворничество женщин имело место, в домах наиболее богатых людей и чиновничества существовало, как и на равнинах, деление дома на две половины—внешнюю—*берун* и внутреннюю—*дарун*, отделенных одна от другой забором. Во внешней находилась меҳмонхона, конюшни, во внутренней—жилой дом и хозяйственные по-

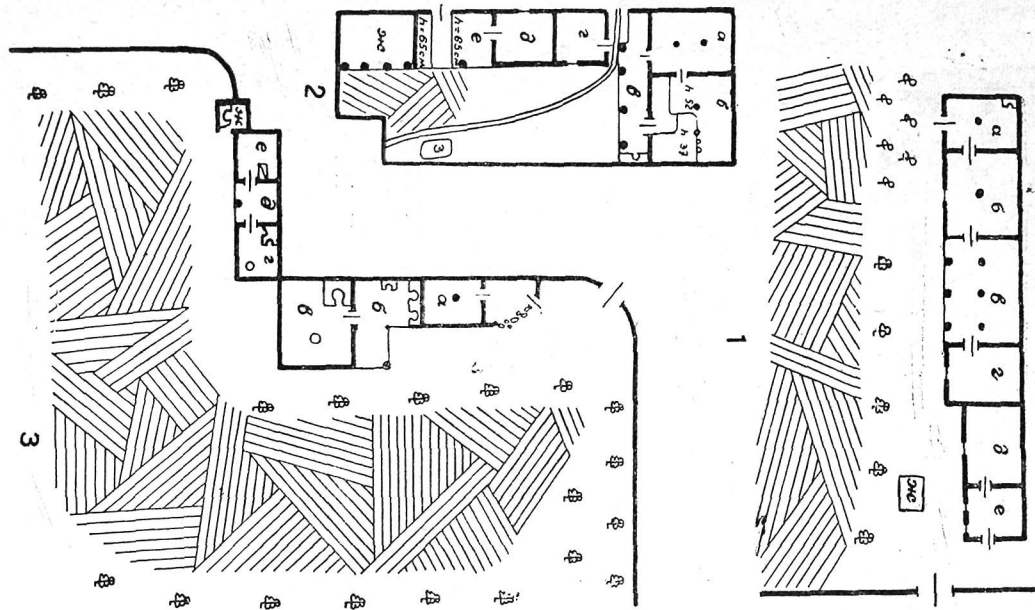


Рис. 22. Схемы планов усадеб: 1—усадьба Сокиева Хушмамада, к. Навди, дом построен в 1938 г.: а—кухня—аловхона, б—жилая комната — хона, в—открытая веранда — долон, г—кладовая — хичра, д—мехмонхона, е—передняя — дахлез, ж—деревянная кровать — кат; 2—усадьба Гибеева Сайфуддина, к. Яхч, дом построен в 80-х годах XIX в.: а и г—хичра, б—хона, в—долон, д—мехмонхона, е—вход в мехмонхону, с площадками по бокам прохода, ж—коношня — рузохури асп; 3—суфа; 3—усадьба усто Худойдода, к. Нушори-Поён: а—хлев, б—долон, в—жилая комната старшей пары, г—жилая комната младшей пары, д—веранда, е—жилая комната, чистая, с железной печью, ж — помещенне для скота.



Рис. 23. Отдельная усадьба, к. Тегирми, 1956 г.

стройки. Однако сколько-нибудь широкого распространения это явление не имело.

Рассмотрим теперь отдельные элементы усадьбы, начиная с самых новых по планировке, в которых находят применение строительные и декоративные приемы, близкие к городским.

Комната для приема гостей, называемая в Каратегине *мехмонхона*, а в Дарвазе чаще *хучра* (в народном произношении *хичра*)⁵¹, всегда расположена во дворе, неподалеку от входа (рис. 24), изредка она стоит



Рис. 24. Дом и мехмонхона (справа) Зайдуллоева Саадullo, к. Кугли, 1953 г. (ср. план на рис. 20, 2).

отдельно вне ограды усадьбы. Современные мехмонхоны бывают небольшого размера—2,5×3—3×4 м. Открытый балочный потолок без матиц обычно бывает в них сделан из аккуратно обтесанных балок и досечек, нередко обклеен оберточной бумагой или обоями; в Каратегине, особенно в Нижнем, встречаются и фанерные потолки, окрашенные масляной краской. Стены часто каркасные, гладко оштукатуренные, нередко по-

беленные, панели иногда окрашены масляной краской. Столбов ни посередине, ни у стен нет. Обязательны окна — *тиреза* с остекленными одинарными рамами, в первое время после появления вмазанными наглухо, теперь чаще открывающимися. Двери городского типа, плотно закрывающиеся, с металлическими ручками, филенчатые, иногда в верхней части застекленные. Пол в большинстве случаев глинобитный, ровный, без традиционного углубления *пога* у входа. Пол, настланный из досок, в годы нашего обследования встречался очень редко.

Отапливается худжа чаще всего железной печкой с железными же трубами, реже выложенной из кирпича печью-плитой—*печ, печга*; традиционные очаги — *дегдон* и *чахлак* в худжах отсутствуют. В этих помещениях бывает тепло, светло и чисто.

Иногда мехмонхона состоит всего из одной маленькой комнаты, однако чаще перед или рядом с ней бывает небольшая передняя—*калдор, сахлез* или открытая с одной или с двух сторон веранда—*долон, нештоқ*; если она находится перед мехмонхой, то называется *нешдолон* (рис. 25, 3 и рис. 26, 4). В отдельных случаях мехмонхона

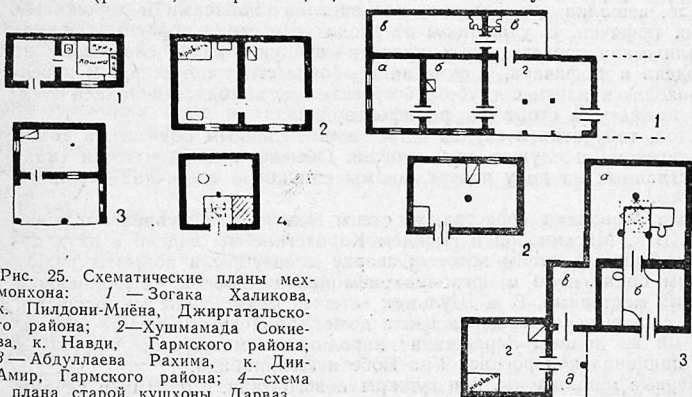


Рис. 25. Схематические планы мехмонхона: 1 — Зогака Халикова, к. Пилдони-Миёна, Джиргатальского района; 2 — Хушмамада Сокиева, к. Навди, Гармского района; 3 — Абдуллаева Рахима, к. Дии-Амир, Гармского района; 4 — схема плана старой кушхони. Дарваз.

состоит из двух комнат с передней между ними, иногда перед всеми этими тремя помещениями строится еще веранда (рис. 20, 2). За последние годы открытая веранда перед худжрой делается все чаще.

Иногда мехмонхона делается на втором этаже, над хлевом или конюшней (рис. 28, 3).

Внутреннее убранство мехмонхоны всегда лучше, чем дома, так как отсутствие копоти и чистота позволяют держать здесь открытыми дорогие хорошие вещи. В целом же убранство комнаты, как и везде, зависит от степени зажиточности и культурного уровня хозяина дома.

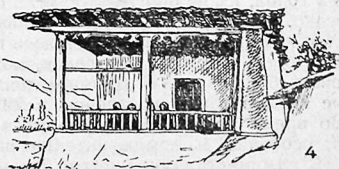


Рис. 26. Схематические планы: 1 — дом Мирзо Рахмата Бобиева, построенный в 1937 г., Каратегин, к. Навди: а — хона, б — дахлаз, в — аловхона, г — долон; 2 — дом Махмадали Набиева, Дарваз, к. Джорф; 3 — дом Давлятьера Рахимова, к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу): а — старый дом, б — закрытые сени — *хавли*, в — проходное помещение, раньше склад князиков — *далдон*, г — новое жилье — *хичра*, построенное в 1937 г., д — веранда перед ней; 4 — *хичра* с верандой перед ней в доме Махмадъёра Рахимова, к. Сафедорон, 1954 г.

Приведем несколько примеров. Мехмонхона Зогака Халикова в к. Пилдони-Миёна состоит из передней и комнаты (рис. 25, 1). Потолок открытый балочный, некрашенный. Стены, покрытые глино-саманной штукатуркой, обиты бумагой. В передней ничего нет; в мехмонхоне в правой длинной стене находится окно с наглухо вмазанной остекленной рамой, слева у входа стоит железная печка. Глинобитный пол покрыт хорошей плотной серой кошмой, оставляющей непокрытым небольшое пространство у входа и полосу под окном. На кошме вдоль двух стен лежат стеганые тюфячки для сиденья—*курпача*, покрытые черным вельветом. В дальнем углу у окна, на подставке сложены кипой одеяла и тюфячки. Все очень чисто и уютно.

Мехмонхона Хушмамада Сокиева в к. Навди, тоже состоящая из передней и комнаты, отделана более современно (рис. 25, 2). Главная балка потолка побелена. Стены в верхней части побелены, в нижней окрашены масляной краской в зеленый цвет. Оконные рамы двустворчатые, открываются наружу. Двери двустворчатые, на навесных петлях, в верхней половине застекленные. На стене висит фабричный ковер, зеркало, вешалка для одежды; пол застлан паласами и дорожками, на них тюфячки. В удаленном от входа углу стоит хорошо убранная металлическая кровать, около кровати—сундук с кипой сложенных на нем одеял и тюфячков, у окна на тумбочке стоит приемник. В передней находится плита с трубой-обогревателем, выходящим задней стенкой в комнату, и стоит шкаф-шифоньер.

Стол, табуретки и стулья встречаются, главным образом, в домах интеллигенции и служат для занятий. Обычно хозяева и гости сидят на постланных на полу поверх кошмы или ковра тюфячках—*курпача*, *якаандоз*.

Если позволяют средства, то стены мехмонхоны украшают росписью. В к. Мискинобод в Нижнем Каратегине мы видели в двух домах мехмонхоны, стены которых сверху донизу были покрыты разноцветным орнаментом с преобладанием красных тонов, выполненным русскими мастерами. В к. Шульмак стены мехмонхоны и открытой с двух сторон веранды перед ней в доме Убайдова расписаны приглашенными из долины Зеравшана народными мастерами—*наққош* в стиле национальной росписи Ура-Тюбе и Ленинабада.

Первые мехмонхоны, или худжры нового типа, с окнами и печами появились, по-видимому, в 30-х годах текущего столетия. Ни В. В. Гинзбург, ни Н. А. Кисляков, собиравшие материалы по жилищу в начале 30-х годов, их не описывают: если они тогда и строились, то, очевидно, редко. По сообщению наших информаторов, более широкое строительство худжр нового типа началось после Великой Отечественной войны, во второй половине 40-х годов, а особенно интенсивно оно осуществлялось в 50-х годах. В Джорфе, например, за три года (1952—1955) чистые худжры были построены в 22 домах.

Во время нашего обследования в домах обеспеченной части населения, особенно в домах интеллигенции—учителей и представителей местной администрации, чистые бездымные мехмонхоны были распространены повсеместно.

В старину при домах более или менее зажиточных людей также имелось помещение для гостей—*мехмонхона* или *кушхона*. По сообщению семидесятилетнего Шарофа из долины Хакими, в Нижнем Каратегине таких кушхона в старое время было мало, а в Верхнем, например в Хаите, они бывали во многих домах, хотя там женщины не избегали мужчин. В Дарвазе кушхона было немного, так как женщины там от

мужчин не закрывались, и гостя часто принимали в доме. Так, в к. Ёгил было всего две кушхоны—у местного правителя и у казиза.

Старые кушхона по архитектурному облику очень отличались от современных мехмонхона (рис. 25, 4). Это было помещение квадратной или близкой к ней формы, с одной колонной посредине, поддерживающей одну или две перекрещивающиеся матицы, с нарами высотой до 50 см вдоль всех стен, кроме небольшого участка у входа. Край нар был обрамлен балками—*санч* (Дарваз). На нарах вдоль стены против входа делалась глинобитная полочка-ступенька—*равок* для посуды и разной хозяйственной мелочи. На боковых нарах направо или налево от входа находилось углубление—*чахлак*, со ступенькой вокруг; в этом углублении разводили огонь, и люди грелись, сидя на ступеньке. В части потолка у входа устраивался деревянный ступенчатый свод *давр*, описанный выше, не такой массивный, как в традиционных домах припамирского типа, но все же достаточно приподнятый, чтобы выполнить функции дымохода. Если кушхона была маленькая, без матицы потолка и без колонны, то свод давр не делался. В таких кушхонах в чахлак: огня не разводили, а приносили и клали в него только бездымный жар—*алови пухта*. В больших кушхонах со сводом давр и глубоким чахлаком разводили огонь, и чахлак использовали еще и для печения хлеба.

Старые кушхона, хотя строились и частными лицами, однако по своим функциям были в значительной степени общественными помещениями. В больших кушхонах совершали коллективно молитву, они бывали местами вечерних сборищ окрестных жителей, в них останавливались путники, если в мечети или алоухона кто-нибудь уже находился.⁵²

Современное жилище нового типа. В годы нашего обследования во всех населенных пунктах Каратегина и Дарваза, особенно в районных и других административных центрах, часто встречались жилища близкого к городскому типа, характерной чертой которых является бездымное отопление, ровный пол без нар (очень редко дощатый), гладко оштукатуренные стены, плотно закрывающиеся большие окна и двери городского типа на навесных петлях-шарнирах и пр. По планировке они иногда не отличаются от описанных выше худжр для гостей и носят то же название, но нередко строятся и иначе, причем определенного сложившегося типа их нам выявить не удалось.

Помимо желания жить в более культурных и комфортабельных условиях, на изменение жилища оказывает влияние распад старой большой патриархальной семьи, которая до революции нередко включала в себя родителей и несколько женатых сыновей с их семьями (выше мы отмечали высказывания дореволюционных авторов о сравнительной многолюдности даже малодомных селений). В годы нашего обследования преобладающим типом была уже семья, состоящая из одной пары супругов и их детей, хотя нередко с ними жили и оба или один из родителей. Перед женитьбой взрослых сыновей для них обязательно отстраивается отдельное помещение, обычно нового типа. Часто оно состоит из одной только комнаты—*хучра*, которая используется и для приема гостей. Молодые первое время часто живут в той же усадьбе, хозяйственно не выделенные, питаются вместе с родителями. Старшая пара с детьми остается жить в старом доме, где готовится и пища.

Один из ранних примеров такого строительства был нами зарегистрирован в к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу). Здесь в доме Абдурахима в 1936 г. была построена рядом со старым домом худжра (рис. 26, 3 и 4) для женатого сына-учителя Давлятьёра. Она же служила и комнатой для приема гостей. После смерти родителей в 50-х годах

старый дом перестал служить жильем и его используют теперь в качестве подсобного хозяйственного помещения: там пекут хлеб зимой, готовят пищу (в худжре на печи-плите только кипятят чай). Иногда сохраняется и используется не вся старая постройка, а часть ее, например веранда (рис. 26, 1).

Интересны изменения в усадьбе Абдулазима в Калаи-Хумбе, которые мы имели возможность наблюдать в течение десяти лет. В 1954 г. семья, состоявшая из родителей и нескольких детей, жила еще в доме традиционного типа, со старой кушхоней у входа во двор (рис. 20, 4). В 1955 и 1956 гг. рядом со старым домом была построена худжра сначала для женившегося старшего сына, а затем и вторая—для родителей. Старый дом и старую кушхону используют с тех пор как склады для топлива и различного домашнего скарба. В начале 60-х годов разобрана была большая веранда и находившаяся за ней кладовая при старом традиционном доме и на этом месте возведена еще одна худжра, перед которой собирались сделать современную веранду. Старая низенькая суфа во дворе под виноградником была немного поднята и на ней появилась большая деревянная кровать, на которой в летнее время на курпачах сидят члены семьи и приходящие гости. Рядом, над крутым спуском к реке Хумбоу, устроен небольшой деревянный помост на очень высоких жердях, так что он находится на одном уровне со двором. Он устлан яркими фабричными дорожками (рис. 20, 43). Это место вечернего кейфа, прохладное от протекающей рядом внизу реки и дующего здесь ветерка.

Если при новом жилище находится старое, то, как сказано, пища готовится там; если же новое жилище построено самостоятельно, то при нем или отдельно во дворе строится кухня—*аловгах*, *аловхона*, с традиционными очагами (рис. 26, 1в).

В к. Джорф дома нового типа, построенные для всей семьи, называются *хонаи аврупой*—европейский дом. Заканчивавшийся постройкой в 1956 г. такой дом учителя Махмадали Набиева состоял из одной большой комнаты, с матицей посредине, поддерживаемой гладкой круглой колонной; в длинной стене два больших открывающихся окна, между ними выложенная из кирпича с дымоходом, стены гладко оштукатурены снаружи внутри еще и побелены, пол ровный только у самого входа сделано небольшое углубление—*пога* (рис. 26, 2). Рядом построено летнее помещение—*кана* из неочищенных веток с листьями, с таким же перекрытием, где стоят кровати, висит умывальник и пр. Домов *аврупой* в 1956 г. в Джорфе было пять.

В к. Егид нам показали недавно построенный дом усто Пира, считающийся здесь домом нового типа. Он состоит из большой (5×3,5 м) и светлой жилой комнаты с двумя большими открывающимися окнами в длинной стене против входа и одним окном в торцовой стене у входа (рис. 27, 1). Потолок открытый, с двумя поперечными толстыми аккуратно обструганными матицами, на которые опираются так же хорошо отделанные балочки *дастак*, перекрытые дощечками. Столбов нет ни посредине ни тем более у стен, которые гладко оштукатурены. В углу против входа устроена большая плита с дымоходом-обогревателем. Кладовая *ганчур(а)*, как и в старых домах, прилегает к жилому помещению, и вход в нее только из него. Хозяин дома намеревался рядом с жилой комнатой построить худжру для гостей, а затем перед всеми тремя помещениями длинный айван — *якапештог*.

Длинная открытая веранда перед построенными в ряд помещениями за последнее время все чаще встречается в каратегинских домах (рис. 22, 2в, рис. 27, 2). Иногда она состоит из двух крыльев, стыкаю-

щихся под прямым углом, и называется *чордолон*. Чордолоны делались иногда и перед домами традиционного типа.

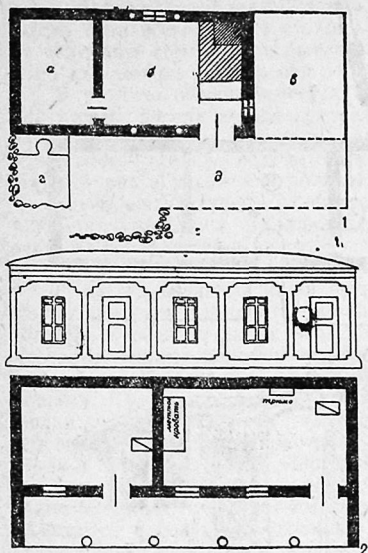


Рис. 27. Схемы планов: 1—дом усто Пира, построенный около 1950 г.: а—кладовая—*ганчур*, б—*хона*, в—комната для гостей—*хичра*, г—кухня, д—место, намеченное для длинной веранды—*якапештоқ*, к. Егид, Дарваз, 1956 г.; 2—дом председателя колхоза в к. Сари-Пулак (долина р. Хакими, Нижний Каратегин), 1957 г.

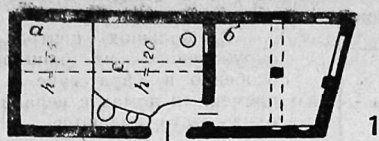
В больших центрах и окружающих их кишлаках, особенно в Каратегине, в современных домах с верандами окна часто делают очень большими и иногда выходят на веранду.

До революции помещения с застекленными окнами и бездымным отоплением посредством сандали встречались только в домах богатых чиновников, причем стекло и рамы для них привозились, как упоминалось, из Бухары.

Традиционные типы жилища. Нашими исследованиями в Каратегине и Дарвазе выявлено два основных типа традиционного жилища, условно названные нами: первый—равнинным или равнинно-каратегинским, а второй—припамирским или припамиро-каратегинским. В годы нашего обследования эти два типа составляли основной жилой фонд кишлаков Каратегина и Дарваза. Равнинный тип, для большинства районов является более поздним, заимствованным снизу, с равнин, припамирский—исконным, местным.

Основная ячейка жилища равнинного типа состоит из расположенных в один ряд, примыкающих друг к другу торцовыми стенами двух или трех прямоугольных помещений: жилой комнаты—*хона*, веранды-навеса—*долон* и (не всегда) кладовой—*хичра* (рис. 28, 1 и 2). Такое жилище распространено во многих равнинных районах Средней Азии, в том числе и в прилегающих к Каратегину районах Гиссарской долины. На изучаемой нами территории оно наиболее характерно для Нижнего и Среднего Каратегина, где таких жилищ большинство. В Верхнем Каратегине, а также в бассейне р. Хингоу и в Дарвазе их немного, они только еще начинают появляться в некоторых кишлаках. Например, в к. Кушагба Джиргатальского района в настоящее время имеется только один такой дом;⁵³ так же только один такой дом зарегистрирован был нами в 1956 г. в дарвазском кишлаке Джорф.

Жилая комната в доме равнинного типа в настоящее время бывает обычно не очень большая—3,5—4×5 м, прямоугольной, реже приближающейся к квадратной формы. Открытый балочный потолок имеет одну, продольную главную балку, которая поддерживается столбом-колонной, стоящей посередине помещения или сдвинутой ближе к входу или дальше от него; если балка сделана из крепкого



х — ташнау

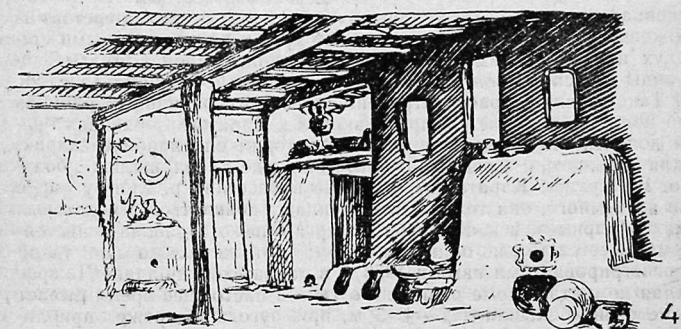
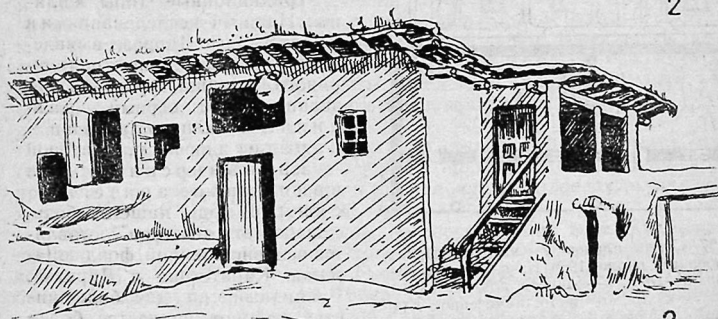
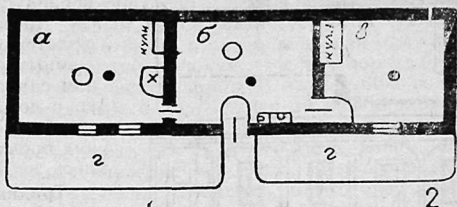


Рис. 28. Схемы планов: 1—дом Таваккаля в к. Самсолик, Комсомолбадского района: а—долон, б—хона, 1956 г.; 2—дом Карчи Рабиева, построенный в 1943 г., к. Джавони: а—хона, б—долон, в—кладовая — хичра, г—суфа, 1952 г.; 3—дом председателя колхоза, к. Самсолик, справа над хлебом веранда и за ней мехмонхона, слева — долон с проемами над дверью и в стене, 1952 г.; 4—интерьер долона дома председателя колхоза в к. Самсолик, 1952 г.

дерева, а помещение не особенно большое, то иногда колонну под продольную балку не ставят. Если матицы положены поперек комнаты, параллельно торцовым стенам, то, как правило, колонну не ставят. Вдоль стен всегда стоят столбы—*сутуни танаи девол*. В зависимости от величины комнаты их бывает по одному посредине торцовых стен и по два-четыре у длинных.

В потолке обычно имеется небольшое отверстие—*рузан* квадратной формы, иногда в виде декоративного сводика из наложенных друг на друга небольших дощатых квадратов; ружан обычно находится над водостоком—*ташноу*, под которым вырыт поглощающий колодец, очищаемый раз в месяц или полтора.

Стены оштукатурены глино-саманной штукатуркой и побелены. Так как дома этого типа отапливаются часто по-черному, то за зиму они очень закапчиваются и каждую весну стены белят, макая веник в раствор белой глины; это называется *рагдилоу*.

В стенах делаются ниши разнообразной формы; часто они имеют форму квадрата или прямоугольника, приподнятого над полом на метр-полтора: иногда во время постройки стены в нее в соответствующих местах помещают деревянные ящики разного размера, открытые в сторону комнаты, которые потом внутри оштукатуриваются и служат нишами. Бывают и ниши, входящие до пола, а также маленькие нишки у самого пола, имеющие форму полусвода, например, для мыла, — *тоқчай собунгирак*, около водостока—*ташноу*, или для обуви в краю пога и т. п. Иногда во время постройки стены в нее в нескольких местах замуровывают положенные поперек стены целые глиняные кувшины, с отверстием, обращенным в комнату; таким образом получается небольшая удобная ниша — *кузадон*, в которой хранят различную хозяйственную мелочь.

В длинной стене комнаты, обращенной во двор, обычно бывает вверху одно или два небольших оконных проема прямоугольной формы—*мурй*, закрываемых деревянной ставенкой—*дарбича*, по названию которой и само окошко нередко называют так же. За последние годы иногда эти ставенки заменяются вмазанными наглухо небольшими деревянными остекленными рамами.

В полу у входной двери обычно бывает углубление—*погаи дар, таи пога*, в котором входящие оставляют обувь; в старых домах описываемого типа иногда углубление пога делалось вдоль всей торцовой стены при входе, и с одной стороны двери в нем строился небольшой хлевok высотой около 1,5 м для ягнят; в недавно построенных домах пога делается небольшим, а иногда и совсем отсутствует и пол бывает ровным.

В комнате и на долоне обязательно бывает вырытый в полу очаг *чахлак*, в котором пекут хлеб, а потом греются у неостывшего жара. Помимо чахлака, в жилой комнате имеется часто один или два открытых сверху и сбоку очага—*дегдон* для приготовления пищи и для кипячения чая, устроенные в специально сооруженной у стены около входа глинобитной площадке. Встречаются дома, в которых дегдоны имеются только в долоне.

В стены в разных местах бывают вбиты деревянные колышки—*мехи танаи девол*, на которых висит одежда и разные предметы домашнего обихода,—сито, разные хозяйственные мелочи, неизменный дутар.

В удаленной от входа части комнаты иногда бывает подвешена поперек на проволоках к потолку жердь—*ходаи пиёз*, к которой привязаны запасенные на зиму связки репчатого лука.

Обычно в комнате и на долоне стоят один или два глиняных лари—*кулл*, в которых хранят продукты. Часто они бывают орнаментированы наклепным рельефным орнаментом, главным образом в виде различных завитков.

Пол комнаты, за исключением отверстия чаклака и углубления перед дверью, покрывается кошмой, паласами или коврами; на ночь на них расстилают постель—тюфячки и одеяла, которые днем лежат сложенными стопкой где-нибудь у стены на сундуке или специальной деревянной подставке-скамейке—*катак* или *сулук*.

Как и на равнинах, удаленная от входа часть комнаты называется «верхней»—*боло* и считается более почетной, а примыкающая к входу—«нижней» — *поён*.

Иногда вдоль длинной или торцевой стены комнаты проходит глинобитная полочка или ступенька—*тоқи лумба* (долина Хакими), шириной и высотой около 40—50 см, на которую ставят разные хозяйственные вещи, например небольшие орнаментированные глиняные лари—*кулл*, имеющие форму небольших корчажек, очень распространенные в долине Хакими.

Кладовая часто бывает по размеру меньше, чем жилая комната; в ней стоят глиняные лари с продуктами и хранится всякое домашнее имущество; молоко и некоторые другие продукты держат там под опрокинутой вверх дном большой полукруглой корзиной—*гирдсабат*. В худже иногда бывает тоже очаг-чаклак для печения хлеба.

Веранда—*долон* бывает такой же величины, как жилая комната, с одним столбом, поддерживающим матицу, но часто—больше, с двумя, а то и с тремя столбами.

На долоне обычно находятся очаги—один чаклак и два-три дегдона—для печения хлеба, приготовления пищи и кипячения чая.

Если задняя стена долона выходит на свой же участок, то в ней иногда пробивают дверь—*дари пасак*, откуда идут токи свежего воздуха.

Оформление веранды бывает различно. В некоторых домах она делается почти закрытой: спереди возведена более или менее высокая стенка, не доходящая до крыши,—*девори пеши долон* или, реже, *пича*. Остающиеся сверху проемы—*тоқ* служат для освещения, а главное для выхода дыма и доступа воздуха. Если на долоне есть передняя стенка, очаги типа дегдон располагаются с внутренней стороны около нее, что облегчает выход дыма.

Мастер-строитель Додарбек из к. Самсолык объяснил нам, что передняя стенка в долоне возводится для защиты очагов от ветра; чем сильнее в данной местности ветры, дующие с той стороны, куда обращен долон, тем выше стенка.

В Самсолыке нам приходилось видеть открытые долоны, защищенные потом спереди от дождя и снега загородкой из плотно прилегающих друг к другу толстых стеблей ферулы—*чамол*; в Дарвазе для этого иногда применяют плетеные из лозы щиты—*чапарак* (рис. 29).

Высота стенок долонов в разные периоды бывала неодинакова: в старое время их делали выше, за последнее время наблюдается тенденция к понижению. В доме самого Додарбека тоже раньше стенка долона была высокая, но около 1946 г. он ее переделал, и теперь она выше дегдона всего на 25—30 см.

Высота стенок *девори пеши долон* и форма проема, остающегося между верхом стенки и потолком долона, бывает очень разнообразна и зависит главным образом от того, имеется ли в стенке дверь для выхода со двора в долон и где она помещена—посредине стены или сдви-



Рис. 29. Жилой дом в к. Курговал, Дарваз, 1954 г.

нута вбок (обычно в сторону комнаты, а не худжры), прилегает вплотную к комнате или находится от нее на некотором расстоянии, длиннее или короток долон. Иногда стенка бывает ровная, но чаще над дверью она повышается. Все эти факторы, вместе взятые, дают возможность создавать многочисленные и разнообразные варианты фигурного оформления стенки девори пеши долон, а это придает большое разнообразие и фасаду жилища (рис. 19, 21, 30, 31, 32). В полу долона, как и в комнате, имеется у входа небольшое углубление *погаи дар* или *таги пога*.

Довольно часто встречаются дома описываемого типа, состоящие только из жилой комнаты и долона с недоходящей до верха стенкой (рис. 28, 1 и рис. 31).

В ряде домов, состоящих из комнаты и долона (к. Сесанга, к. Самсолук, дом Таваккаля), пол в долоне не одного уровня: в части, примыкающей к наружной глухой торцевой стене долона, он приподнят, образуя широкую ступень; часть, прилегающая к комнате, ниже, и в ней имеется еще у входа углубление пога (рис. 28, 1); верхняя площадка пола называется *суфаи тор*, нижняя—*суфаи тах*, или верхняя—*дукон*—нары, а нижняя—*суфа*. В доме Таваккаля верхняя суфа выше нижней на 35 см.

Очень часто перед домами с передней стенкой долона вдоль всех или части помещений сооружается глинобитная площадка *суфа* или *долонча* (рис. 31), но встречаются дома и без такой суфы. Иногда она сооружается отдельно неподалеку от жилья (рис. 21 и рис. 61), причем нередко проявляется замечательное умение использовать рельеф местности для живописного и уютного оформления пространства двора.

Иногда перед худжрой, если она используется не как кладовая, а как помещение для жилья, устраивается открытая с двух сторон веранда—*долонча* (рис. 33).

В некоторых благоустроенных домах рассматриваемого варианта, с бездымным отоплением, в долоне вместо открытых проемов делаются большие и широкие проемы, в которые вставляют застекленные оконные рамы (рис. 34).

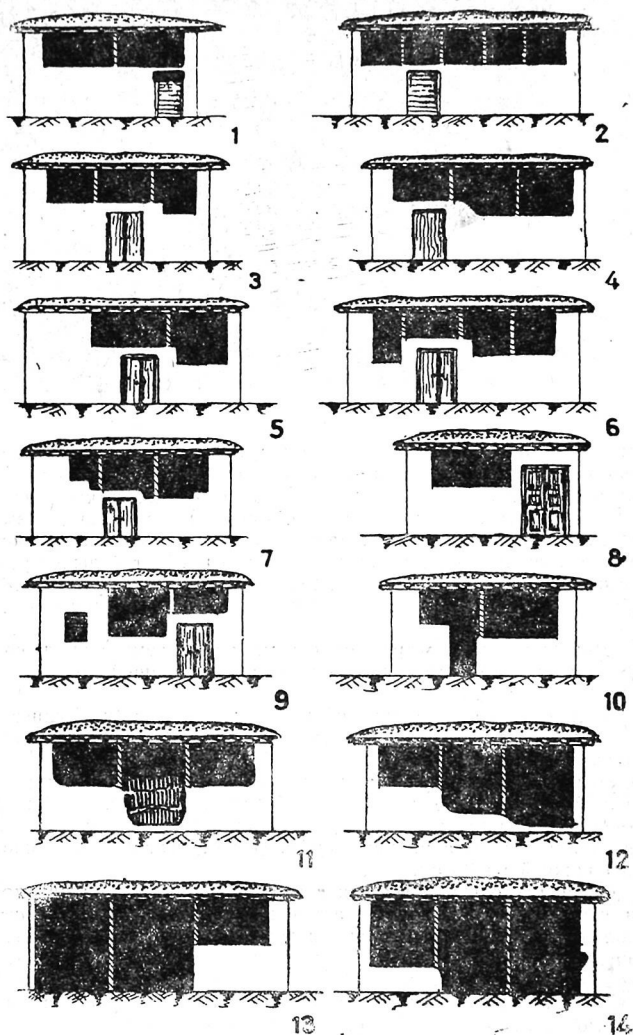


Рис. 30. Оформление передней стенки долона в домах равнинного типа в кишлаках Киратегины: 1—Нушор; 2—Шульхоб; 3—Оби-Гарм; 4—то же; 6 и 7—Тегирми; 8—Бедак; 9—Самсолик; 10—то же; 11—Сари-Пулак (дол. Хакими); 12—Қочон; 13—Нушор; 14—Самсолик.



Рис. 31. Дом в к. Муджихарв, Комсомолабадского района, 1952 г.

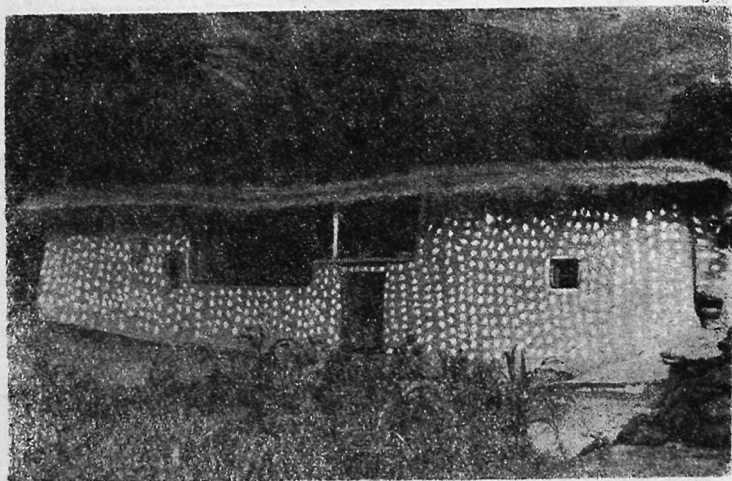


Рис. 32. Дом в к. Дии-Та, Комсомолабадского района, 1953 г.

Насколько можно судить по имеющимся фотографиям прошлых лет, раньше оформление стенок долуна было однообразнее и гораздо беднее.

В годы нашего обследования долон с фигурно оформленной передней стенкой, в которой имеется дверь, был наиболее распространенным в кишлаках Оби-Гармского района и нижних сельских советах Комсомолабадского района: Хакими, Муджихарв, Комсомолабад, Тегирми. Выше они встречались реже, хотя все же такое оформление



Рис. 33. Дом равнинного типа с верандой перед художрой, к. Сари-Пулак, Комсомолабадского района, 1957 г.



Рис. 34. Проемы долона с остекленными рамами, к. Бедаки-Поён, около Гарма 1956 г.

передней стенки долона нами зафиксировано в кишлаках Бедаки-Поён и Зокиробод (рис. 30, 8) неподалеку от Гарма и даже выше Гарма, в кишлаках Таджикабадского сельского совета.⁵⁴

Помимо долонов с дверью в передней стенке, бывают долоны без дверей. В таком случае передняя стенка часто строится не вдоль всего фасада долона, а только на небольшом пространстве перед очагами, иногда возвышаясь над ними довольно значительно, а порой—лишь на 25—30 см; однако встречаются и стенки без дверей, построенные вдоль всего наружного края долона, кроме проема для входа. Стенки без дверей менее разнообразны по форме (см. рис. 30, 10—14 и рис. 35). Такое оформление долона зарегистрировано нами в кишлаках Самсо-лык, Казнок, Нушор, но оно почти не встречается по правому берегу Сурхоба, начиная от Гарма и выше—в Кочони-Боло, Навди, Каланаке. В этих местах преобладают долоны, совершенно открытые спереди; очаги в них устроены чаще всего в углу на стыке торцовой стены жилой комнаты и задней стены долона, а иногда еще и у торцовой стены долона, примыкающей к жилой комнате (рис. 36, 2, рис 13 и 15).

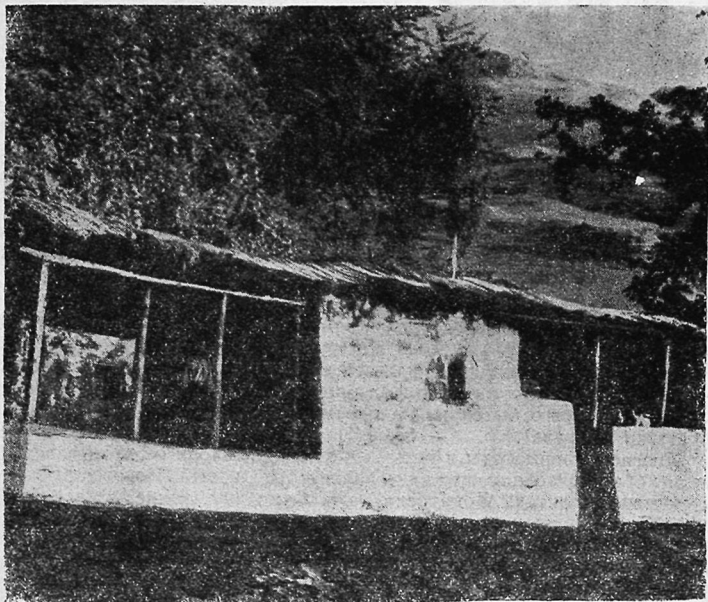


Рис. 35. Дом Джихоншо Юнусова; справа—комната и долон со стенкой и входным проемом без двери, слева—худжра с верандой, к. Самсолык, Комсомолабадского района. 1956 г.

Чаще всего в открытых долонах пол приподнят над уровнем двора. Иногда углубление пола—*таги пога* в нем проходит узкой полосой вдоль всей торцовой стены, смежной с жилищем; иногда пол долона бывает двух уровней, причем более высокая часть располагается вдоль задней стены долона (рис. 13). В некоторых домах по наружному краю суфы долона бывает проложена балка, на которую опирается колонна. Изредка по краю веранды бывают сделаны перила из вертикальных досочек (рис. 26, 4).

В домах описываемого типа, особенно в кишлаках, находящихся неподалеку от Гарма—главного экономического и культурного центра Каратегина, встречается много черт современного жилища. Очень

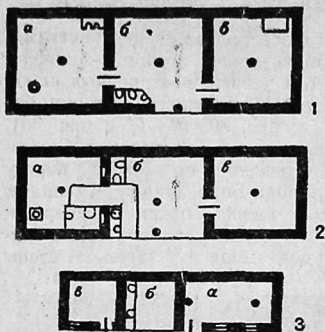


Рис. 36. Схемы планов: 1—дом Сафолова Хола, построенный в 1952 г.: а—хона, б—долон, в—кладовая — *хицра*, к. Казнок, 1957 г.; 2—дом Алима Шоева: а—хона, б—долон, в—кладовая — *хицра*, к. Каланак, Гармского района, 1952 г.; 3—дом Хакима Давлятова, построенный около 1950 г.: а—хона, б—долон, в—кладовая — *хицра*, Гарм, 1956 г.

часто в домах имеются печи, сочетающиеся с чахлаком-сандали, куда высыпается только бездымный жар, нередко очаги отсутствуют не только в жилой комнате, но и на долоне, их выносят в отдельную кухню. В стенах вместо маленьких окошек с деревянными ставнями сделаны застекленные окна. В к. Кочони-Боло, например, как нам сообщали, нет ни одного дома без застекленных окон.

В некоторых домах чистая комната, отапливаемая печью, выходит дверью прямо во двор, так же, как и худжра — кладовая, а на находящемся между ними долоне устроены очаги, и он служит кухней. Так, например, устроен дом Хакима Давлятова в Гарме (рис. 36, 3). В жилой комнате этого дома в удаленном от входа конце стоит железная кровать с сеткой, на которой спят старшие члены семьи, а против входной двери расстелены кошмы, на них тюфячки для сиденья. Здесь

собирается для еды и для беседы в свободное время семья. Хаким имел намерение пристроить перед всеми тремя помещениями длинную открытую веранду.

Равнинный тип жилища является в Каратегине и Дарвазе прогрессирующим: жилища этого типа распространяются все шире в районах теперешнего своего бытования и проникают в новые районы (Верхний Каратегин, Дарваз).

Многие информаторы в разных кишлаках, говоря об этом типе жилища, характеризовали его как сравнительно новый. По воспоминаниям мастера-строителя Додарбека из к. Самсолык, такие дома с долонем, расположенным рядом с жильем, а не перед ним, как делалось раньше, появились в Самсолыке «около 40 лет тому назад» (запись 1956 г.), в предреволюционные годы. Вначале долоны всегда делались с высокой, немного недоходящей до крыши передней стенкой и очагами, расположенными при ней; в годы Отечественной войны и особенно после нее все чаще стали строить долоны, открытые спереди, с очагами около задней и боковой стены, или выносят очаги в кухню.

Этот процесс—тенденция к превращению не только жилой комнаты, но и долона в чистое, без копоти и дыма помещение—прослеживается отчетливо за последние годы по всему Каратегину.

Припамирский тип жилища—второй традиционный тип жилища Каратегина и Дарваза. Жилище этого типа состоит из одного большого жилого помещения своеобразного устройства (см. ниже), при котором иногда бывают закрытые сени или открытая веранда-навес, но иногда входят в него прямо с улицы. Число и расположение помещений перед домом бывает очень разнообразно, не связано с тем или иным вариантом жилища и, в отличие от равнинного типа, не может быть по-

ложено в основу классификации по вариантам. Поэтому мы рассмотрим эти помещения позже, а сейчас остановимся на общих для всех вариантов и специфических для каждого из них чертах.

Общие черты для всех вариантов жилищ припамирского типа—это прямоугольная, близкая к квадратной форма основного жилого помещения—*хона* (*хуна*), большой размер его — до 10,5 м (7 маховых сажен — *қулоч*) каждая сторона и большая высота—3,5—4 м, ступенчатое сводчатое перекрытие—*давр* или *каргаспуш* (см. выше), поддерживаемое четырьмя или тремя массивными столбами.

Жилище припамирского типа до последнего времени имеет распространение в Припамирье,⁵⁵ бассейне р. Хингоу,⁵⁶ припанджском Дарвазе и в Верхнем Каратегине. До землетрясения 1949 г. оно широко было также и в Среднем Каратегине—по правому берегу Сурхоба, до впадения в Сурхоб его правого притока р. Сорбух, и в бассейне р. Сорбух (за исключением долины Гориф); нами засвидетельствован такой дом в к. Шульмак. Ниже, в к. Самсолык, такого жилища сейчас уже нет, в старину же, лет 40—50 тому назад, судя по рассказам, оно было. Не выявлено нами домов этого типа и еще ниже, в к. Тегирми, хотя там нами записано сообщение, что в находящемся в этом же сельском совете кишлаке Болошахр такие дома раньше были. На левом берегу Сурхоба интересующие нас дома до последнего времени бытовали, начиная от Таджикабадского района до яхак-юсской группы кишлаков в Комсомолабадском районе. Самый нижний осмотренный нами в 1957 г. дом такого типа находился в к. Яхч; по сообщению местных жителей, подобные дома встречаются и ниже по левобережью Сурхоба, вплоть до к. Рогун.

В долинах Муджихарв и Хакими Комсомолабадского района не выявлено никаких воспоминаний о бытовании домов этого типа, так же как и в кишлаках б. Оби-Гармского района. Только в самом Оби-Гарме Н. Х. Нурджанов записал в 1952 г. со слов стариков, рассказывавших о старых домах (прямоугольных, с одной колонной посередине), что в них рузаны, устроенные над ташноу у входа, были сделаны из наложенных наискось друг на друга квадратов из досечек. В таком декоративном оформлении рузана, возможно, сохранился последний отзвук прежнего бытования здесь срубового свода.

Припамирский тип жилища—это в прошлом жилище большой патриархальной семьи, в нем обычно одновременно жило по несколько десятков человек—братья с женами, детьми, внуками. В доме такого типа в к. Оби-Лурд, Хумдонского сельского совета, до 1945 г. жила семья Абдуллохона Олимова, насчитывавшая тогда более 40 человек.

Обращают на себя внимание малые размеры сохранившихся старых домов, построенных во второй половине XIX в. (например, в к. Сафедорон в бассейне р. Хингоу), несмотря на то, что в них нередко жили большие семьи. Дома, построенные в XX в. и, особенно, в годы Советской власти, обычно бывают больше. По-видимому, это объясняется низким уровнем благосостояния населения в XIX в. и недостатком строительного леса.⁵⁷

В настоящее время, в связи с интенсивным процессом распада больших семей, этот тип жилища отмирает; большая часть обследованных нами объектов была построена давно. Все же нами зарегистрированы дома этого типа, построенные во второй половине 30-х годов.

Именно этот тип жилища Каратегина и Дарваза был описан предыдущими исследователями. Насколько нам известно, общая характеристика его впервые была дана И. И. Зарубиным, который отметил принадлежность его к припамирскому типу и указал, что он «един на

всем пространстве от Каратегина до Канджута»⁵⁸. Эту характеристику в общей форме — «жилище Гарма, Каратегина и Дарваза представляет собой вариант высокогорного бадахшанского типа» — повторяет В. Л. Воронина⁵⁹. Более глубокое исследование жилища одного из районов интересующей нас области — бассейна р. Хингоу — мы находим у Н. А. Кислякова.⁶⁰ Он различает в кишлаках бассейна р. Хингоу две разновидности жилища — арзингскую и каратегинскую, дает их подробное описание и планы и также отмечает общность их с припамирским типом, характеризуя жилище Каратегина, Дарваза и Припамирья, как единый тип горного жилища областей, известных в древности под общим названием Тохаристана. В районах севернее Зеравшанского хребта, в частности в верховьях Зеравшана, бытует уже особый тип горного жилища, отличный от описанного.⁶¹

Материалы, собранные ГЭЭ, позволяют более детально классифицировать этот тип каратегинского жилища и выявить три его варианта, которые мы условно называем ванчским, дарвазо-каратегинским и шультмакским. Отличаются эти варианты один от другого главным образом размером и формой пога и устройством и расположением очага и нар, отдельные части которых находятся в определенном соотношении друг с другом и с очагом.

Ванчский вариант назван нами так по своему сходству с таким же типом жилища у таджиков долины р. Ванч, расположенной выше самого верхнего обследованного нами дарвазского кишлака Пшихарв.

Для ванчского варианта характерно большое пога прямоугольной формы посредине помещения, под сводом давр, наличие вокруг пога высоких, разной высоты на разных участках нар, устройство боковых нар с одной стороны помещения в виде широких ступеней и устройство в крае верхней ступени очага — *дегдон*, открытого боковым отверстием в сторону пога. Столбов посредине помещения бывает четыре, реже — три.

В больших домах ванчского варианта, размером 6×6 маховых сажен (около 9×9 м), на нары с каждой стороны и на пога отводилось по 2 сажени, в меньших домах соответственно уменьшались и пога и нары, однако ширина нар должна была оставаться достаточной для того, чтобы на них поперек, головой к пога, могли спать люди. В самых больших домах, размером 7×7 маховых сажен (около 10,5×10,5 м) увеличивалась ширина нар, а пога оставалось таким же; домов размером больше чем 7×7 маховых сажен не строили.

Дома ванчского варианта зафиксированы нами только в Дарвазе в кишлаках Пшихарв и Курговад (рис. 37, 1, 2, 3).

В качестве примера мы приведем описание дома Кадама Джобирова в к. Курговад (рис. 37, 3). В нем справа от входа находится помещение для ягнят и телят, высотой 1,8 м — *чалаи гусола*, крыша которого является полом отделения нар *новачо* (место для корыт, в которых приготавливается тесто)⁶² — основное место хозяйственной деятельности женщин: здесь обычно хранится всякая деревянная и прочая посуда и хозяйственная утварь. Иногда здесь где-нибудь в углу делается маленький очаг, на котором подогревают воду для теста. Невысокой, не доходящей до потолка стенкой — *нича* новаджо отделено с одной стороны от прохода, ведущего от входной двери к пога, а с другой — от находящихся рядом нар с очагом, для выхода на которые из новаджо около самой стены дома оставлен проем. Нары с очагом — *ду-кони сари дегдон* имеют высоту 1,5 м над полом, а находящаяся перед ней ступень — *дари дегдон* — 80 см. В ней против отверстия очага нахо-

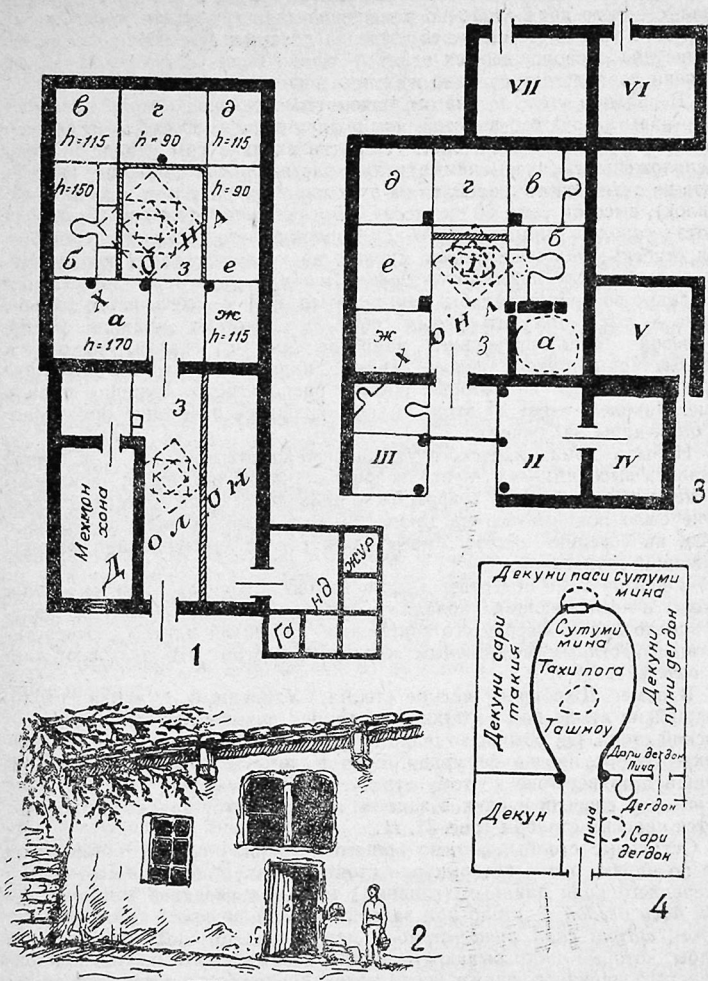


Рис. 37. Схемы планов домов ванчского варианта припамирского типа: 1—дом Вали Нурова; нары: а—новачо, б—сари дегдон, в—паси дегдон, г—шилакак, д—шашин, е—сартакция, ж—паси дар; з—пога; к. Пшихарв, Дарваз; 2—фасад дома Вали Нурова (рис. с фото); 3—дом Кадама Джобирова, построенный около 1905 г. 1—хона, нары: а—новачо, б—дукони сари дегдон, в—дукони паси дегдон, г—дукони шилакак, д—дукони шашин, е—главные нары дукони дароз, ж—дукони паси дар; з—пога; II—III — навесы пештоқ; IV—кладовая ганчур; V—сеновал — каҳдон, VI—хлев огил; VII—конюшня — саисхона, к. Курговад, Дарваз; 4—схема плана жилища арзингского типа (по Н. А. Кислякову).

дится углубление для золы и небольшого запаса топлива, а внизу, у пола, с одного края, устроено помещение для кур—*чалаи мурҕ*; иногда с другого края в этой нижней ступени делается еще небольшое помещение для новорожденных ягнят — *чалаи бича*. Сверху на нижней ступени дари дегдон сделано из глины сиденье—*сулукй*.

В дальнем углу, за очагом, находится отделение *дукони паси дегдон*—нары за очагом, высотой, как и дари дегдон, 80 см, а на нем небольшой дополнительный очаг. Напротив входа в дом у задней стены расположены так называемые голые нары—*дукони шилаак* (если в доме не очень много людей, то на этих нарах не спят и на них нет подстилок), высотой тоже 80 см; перед ними устроены ясли для кормления скота—*сарохур* (иногда вместо них бывает просто доска или глинобитная ступень—*рахравак, равак, сулукй*, на которую кладут корм). Нары в левом углу называются *дукони ша(х)ши(н)*—нары жениха (на них сидит во время свадьбы жених), высотой 1 м. Здесь часто раньше в яме — *чах* с оштукатуренным дном и стенками хранили зерно. У левой стены посередине, напротив нар с очагом, находятся главные нары—*дукони дароз*—длинные нары, или *дукони сартакия*—нары для спанья, на которых обычно располагается старшая пара в доме. Наконец, слева от входа в угол находится отделение *дукони паси дар*—нары за дверью.

Нары в домах ванчского (и дарвазо-каратегинского) варианта делались высокими—«до пупка человека», чтобы на них не заскакивали животные, которых в старом быту приводили в дом кормить. Чтобы легче было подниматься на такие высокие нары в них где-нибудь с краю, на середине высоты вмазывается слегка выступающий камень, служащий ступенькой.

В центре дома под отверстием в крыше находится водосток *обшин (оуши)* с поглощающим колодцем, выкопанным на глубину до колена или до пояса. Сверху его закрывают каменной плитой с отверстием, иногда старым мельничным жерновом; поэтому его называют также *сангча*.

В доме Джобирова четыре столба. Удаленный от входа столб, стоящий на стыке нар сартакия и шашин, называется *ша(х)сутун* — царский столб. Он обычно отделан лучше других, над ним имеется подбалка—*овашик*, иногда фигурная. Если в доме нет людей, входящий обращает приветствие к этому столбу. Если в доме не четыре столба, а три—два спереди и один в заднем ряду, то этот задний столб считается царским столбом (рис. 37, 1).

Остальные столбы, помимо общего названия *сутун*, называются еще по нарам, около которых они стоят: *сутуни дукони дароз*— столб у переднего края длинных (главных) нар, под передней матицей; *сутуни паси дегдон* — столб под задней матицей на краю нар в углу за очагом, *сутуни сари пича*—столб у нар новаджо. Дополнительные столбы, которые часто бывают в домах припамирского и дарвазо-каратегинского варианта, также носят названия по месту своего нахождения: столб у входа на отделение нар новаджо называется *сутуни дари новачо* и т. п. Вверху между двумя передними столбами обычно бывает укреплен жердь—*чигас*. Иногда от нее бывают протянуты жерди к стене с входной дверью и на этом остоле над проходом от двери к пога сделан настил, род полатей—*катак*, на котором хранится всякий домашний и хозяйственный скраб (рис. 8). Иногда жердь укрепляется и между задней парой столбов и на нее вешаются одежда и всякие мягкие вещи.

Во втором варианте припамирского типа жилища, названном нами

дарвазо-каратегинским, пога имеет вид более или менее широкого прохода, загибающегося под прямым углом в виде буквы Г направо или налево, причем за счет этого загиба сокращается отделение нар с очагом, которое совершенно меняет свою форму. Вместо двух широких ступеней с очагом, находящимся в крае верхней ступени и открытым к середине комнаты, остается одна низкая площадка с очагом *дегдон*, обращенным к боковому проходу (образуемому верхней частью буквы Г)—*дари дегдон* — у очага; иногда очаг помещают не здесь, а в конце прохода дари дегдон, у стены (рис. 39, 4, 5, 7) или иногда еще в крае углового отделения нар; случается, что очагов устраивают два-три (рис. 38, 3; 39, 4 и 5).

Нары в домах дарвазо-каратегинского варианта гораздо ниже, чем в ванчском; самое высокое отделение — новаджо здесь редко бывает выше 90—100 см (в ванчском варианте—до 180 см), прочие отделения — в среднем 40—50 см (в ванчском варианте—70—90 см), причем в верхних кишлаках (Курговад, Джорф) они выше, а в нижних—ниже.

Дарвазо-каратегинский вариант жилища бытует во всем Дарвазе, в бассейне р. Хингоу и в верхних районах Каратегина—Джиргатальском и Таджикабадском.

В дарвазо-каратегинском варианте жилища имеются локальные различия, в первую очередь между Дарвазом и Каратегином, а в Дарвазе, в свою очередь, между микрорайонами. В Дарвазе наблюдается дробное, сходное с Припамирьем, деление нар на отдельные участки, причем в верхних кишлаках (Курговад, Джорф) число отделений бывает больше, в нижних же наблюдается тенденция к объединению двух отделений в одно, например отделений новаджо и дукуни сари дегдон, дукуни шилакак и шашин, дукуни дароз и дукуни паси дар (рис. 40, 1, 2). При этом большое объединенное отделение носит обычно название одного из составивших его отделений; только в к. Зыгар нами зарегистрировано новое название *дукуни бологй*—верхние нары для отделения, получившегося из объединения дукуни шилакак и дукуни шашин.

В бассейне р. Хингоу и в Каратегине различают всего три части нар: *паси дар*—за дверью, по одну сторону от входа, *сари дегдон* или *пои дегдон*—нары с очагом—по другую сторону от двери и *дукуни пеш*—передние нары или *суфа*—большие нары вдоль всей стены против входа в дом (рис. 39, 1). Если в доме на стыке нар *дукуни паси дар* и *дукуни пеш* находился ткацкий стан—*чахи бофандагй*, то весь этот участок нар носил название *дукуни сари чахи бофандагй*.⁶³

В бассейне р. Хингоу отделение нар против входа шире, чем в ванчском варианте, захватывает почти половину дома, а площадь пога гораздо меньше.⁶⁴ Таков дом дарвазо-каратегинского варианта, построенный в к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу) Замоном Курбоновым в 1937 г. Он очень аккуратно содержится и летом благодаря большому светодымовому отверстию в потолке производит впечатление большого светлого зала⁶⁵ (рис. 39, 1).

Описываемый вариант жилища был усвоен и переходящими к оседлости каратегинскими киргизами; у них он носит название *зур уй* — большой дом (к. Сайрон). Устройство дома такое же, как и таджикского, с пога в виде буквы Г и нарами (рис. 39, 4), но терминология смешанная; некоторые термины таджикские в киргизском произношении: веранда—*пешталан* (из *пешдолон*) или *даулез* (из *дахлез*), пога—*пайге*, водослив—*аурез* (из *обрез*), другие термины свои, иногда являющиеся точным переводом с таджикского: очаг типа дегдона—

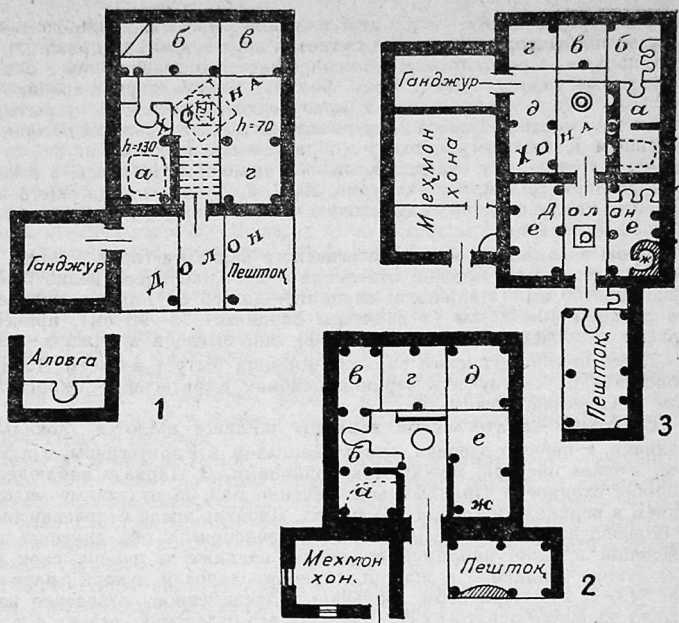
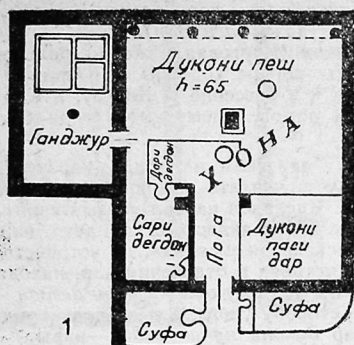
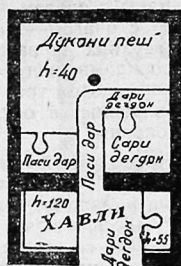


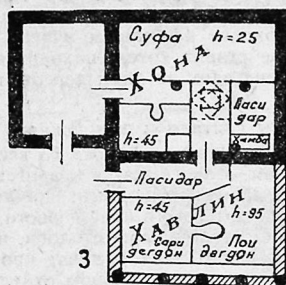
Рис. 38. Схемы планов домов дарвазо-каратегинского варианта припамирского типа: 1—дом Савлатшо Мерганова; нары: а—новачо, б—шилакак, в—шашин, г—дароз; к. Джорф (Дарваз); 2—дом Акрама Муаззамова; нары: а—новачо, б—дари дегдон, в—паси дегдон, г—шилакак, д—шашин, е—дароз, ж—паси дар; к. Курговад (Дарваз); 3—дом Джанги Егнева; нары: а—паси печа, б—дари дегдон, в—шилакак, г—шашин, д—паси дар; к. Умарак (Дарваз); 4—там же, пештоқ и помещения 2-го этажа над ним, 1954 г.



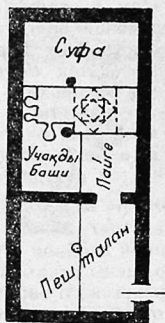
1



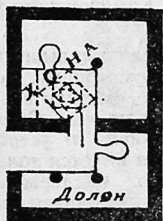
2



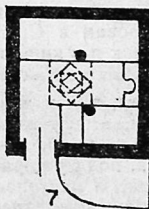
3



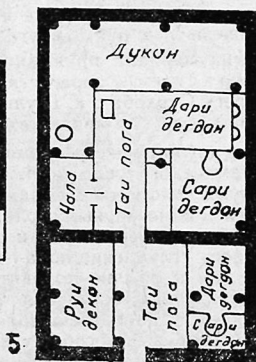
4



6



7



5

Рис. 39. Схемы планов домов дарвазо-каратегинского варианта припамирского типа: 1—дом Замона Курбанова, построенный в 1937 г., к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу); 2—старый дом в к. Езганд; 3—дом Қишвара Хайдарова в к. Чильдара (бассейн р. Хингоу); 4—киргизский дом, к. Сайрун, Джиргатальского района; 5—дом Ризвонова, к. Лахш, Джиргатальского района; 6—дом Зогак Холикова, к. Пилдони-Миёна, Джиргатальского района; 7—дом Фахриддина, к. Пилдони-Боло, Джиргатальского района.

учақ, нары с очагом—*учақды баши* (тадж. *сари дегдон*), нары напротив нар с очагом—*эшик арқаси* (тадж. *паси дар*).

В верхних дарвазских кишлаках (Курговад, Джорф) большинство домов припамирского типа имеет четыре колонны, в Калаи-Хумбе и ниже—обычно по три, так же как и в бассейне р. Хингоу, в Каратегине в большинстве обследованных домов описываемого типа было четыре колонны.

Переходной формой между ванчским и дарвазо-каратегинским вариантом, на наш взгляд, следует считать разновидность жилища бассейна р. Хингоу, которую Н. А. Кисляков назвал «арзынгской» (рис. 37, 4)⁶⁶. Здесь, как и в дарвазских домах ванчского варианта, нары окружают пога со всех сторон, за исключением входа, но устройство нар и их деление на части иное. Очаг устроен в отделении нар, находящемся при входе в дом и называемом поэтому *дукони сари дегдон* — нары с очагом, и открыт он не в сторону пога, а в сторону прилегающего отделения более низких нар *дукони пуни дегдон*—нары ниже очага,⁶⁷ часть этих нар, непосредственно прилегающая к основанию очага, называется *дари дегдон*—у очага. Отделение нар сари дегдон отгорожено от прохода и от отделения пуни дегдон недоходящей до потолка стенкой—*нича*, которая проходит над краем очага, так что верхнее отверстие очага, на которое ставят котел, находится внутри загородки, а боковое отверстие его выходит на дари дегдон, и топливо закладывается оттуда.⁶⁸

Такой же переходной формой мы считаем и дом Джанги Ёгиева в к. Умарак (рис. 38, 3), где тоже нары окружают пога со всех сторон, нет широкой двойной ступени с очагом, а очаги, как в арзынгском варианте, обращены открытой стороной к задней стене дома; однако, в отличие от арзынгского варианта, очаг находится не в крае первого, а в крае второго отделения нар, т. е. на линии второй пары столбов, и оба эти отделения отгорожены от пога невысокой стенкой *нича*; кроме обычного большого очага, в доме Ёгиева в дальнем угловом отделении нар расположены под прямым углом к большому очагу еще два меньших.

Третий вариант припамирского типа жилища, названный нами шульмакским, зарегистрирован в Среднем Каратегине: по правому берегу Сурхоба в к. Шульмак и в кишлаках Камароуского ущелья, а по левому берегу в кишлаках Булкос, Кадара, Яхч.⁶⁹

Дома шульмакского варианта, как и два описанных выше варианта припамирского типа жилища, имеют квадратную форму, перекрытие с двумя толстыми матицами и ступенчатым сводом давр посредине, 4 или, реже, 3 массивных столба, поддерживающих матицы. Отличается он формой и размером пога и нар и местоположением и устройством очага. Здесь углубление пола—*дари пога*, *таги пога* имеется только при входе в дом и обычно доходит до линии столбов, поддерживающих первую балку *пул*; остальная часть пола—*дукон* приподнята над пога на 20—30 см, и на этой ровной невысокой площадке где-нибудь у боковой стены сооружена особая узкая глинобитная площадка 60—70 см высотой, в которой устроены очаги (рис. 41, 1, 2 и 4). В середине комнаты под сводом давр находится водослив *ташноу*, углубление которого отделяется от углубления дари пога полосой приподнятого пола. У стен стоят высокие лари для муки на ножках—*кулй*.

В левобережных обследованных домах шульмакского варианта, в кишлаках Кадара, Шульхоб, Яхч, иногда площадка *дукон* бывает не одной высоты; в удаленной от входа трети дома, за столбами, поддер-

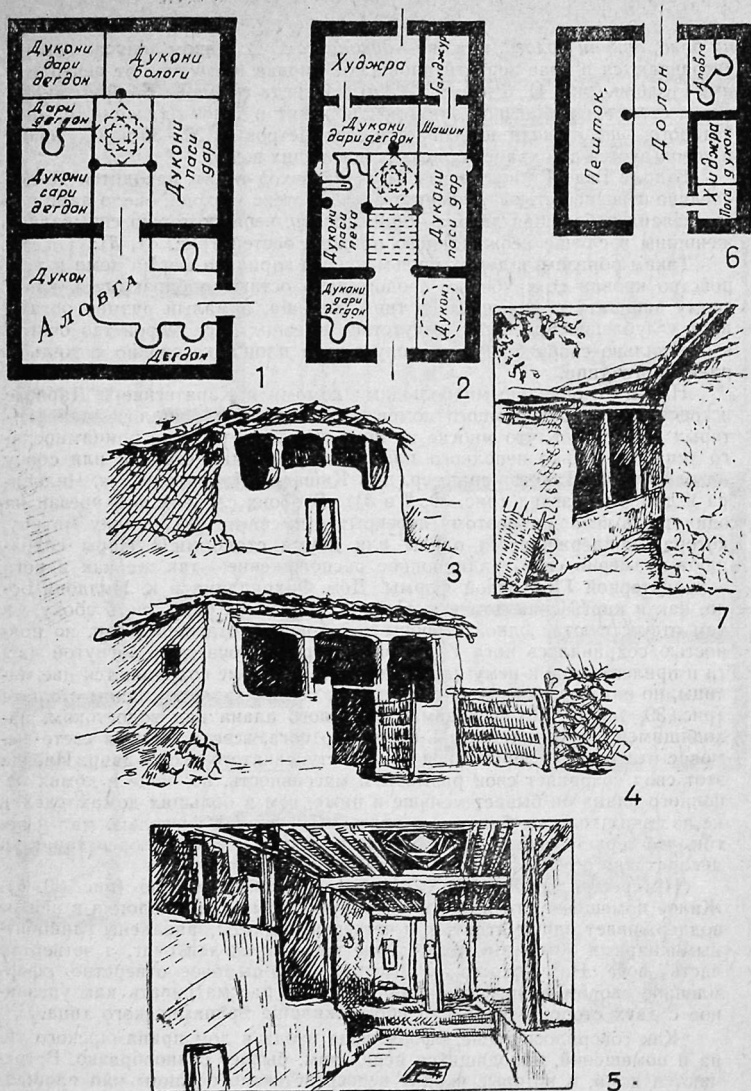


Рис. 40. Дарвазские дома: 1—дом Мардона Урхонова, к. Зыгар; 2, 4, 5—дом Мира Зикрихудоёва, к. Егид; 3—оформление стенки долона в к. Пуни-Шор; 6, 7—помещения перед домом Гадо, к. Джорф.

живающими дальнюю матицу, она бывает выше, а в передней части ниже; более высокая часть площадки называется *дукони боло*, *руи дуко-*

ни боло, дуconi болой, нижняя—дуconi тах. В таком случае очаги устраиваются в крае верхней площадки, справа или слева от центральных столбов (рис. 41, 3 и рис. 22, 26). Иногда с одной стороны около входа строится небольшой закуток для ягнят и телят—*хелчала*, крыша которого—*руи хелчала* возвышается сантиметров на 20—30 над дуконом и используется для хранения всяких домашних вещей.

В доме Гадо Кабирова в к. Шулонак вход в дом находится не посредине передней стены, а сдвинут вбок. В стене у входа, около дари пога сделана небольшая дверка—*дари партоу*, через которую скрывались женщины в случае неожиданного прихода гостей (рис. 41, 3).

Таким образом, в домах шульмакского варианта форма дома и устройство кровли со срубовым сводом давр остаются близкими к ванчскому варианту припамирского типа жилища, а малый размер пога в виде углубления при входе, отсутствие высоких нар, устройство очагов в специально сооруженной на полу жилья площадке сходно с жильем равнинного типа.

Наряду с описанными большими домами в Каратегине и Дарвазе встречается довольно много домов малого размера, анализ плана которых показывает, что многие из них—это дома того же припамирского типа, но только неполного плана—сокращенные спереди или сбоку на одну треть. Таков, например, дом Кишвара Хайдарова в к. Чильдара и дом в к. Езганд (рис. 39, 2 и 3). В обоих случаях дом урезан на одну треть спереди; поэтому перекрытие имеет не две, а одну матицу, которая поддерживается одним или двумя столбами.⁷⁰ Нары сохраняют примерно свое традиционное расположение, так же как и пога—характерной Г-образной формы. Дом Фахриддина в к. Пилдони-Боло, как и киргизский дом в к. Сайрун, урезан на одну треть сбоку; в нем отсутствуют с одной стороны три боковые отделения нар, но полностью сохранилось пога Г-образной формы с очагом в загнутаго части и прилегающие к нему части нар. В таком доме сохраняются две матицы, но они короткие, и каждая из них поддерживается одним столбом (рис. 39, 4 и 7). Во всех домах неполного плана над водостоком, находящимся в средней части Г-образного пога, всегда имеется свето-дымовое отверстие, оформленное в виде ступенчатого свода давр. Иногда этот свод сохраняет свои размеры и массивность, но чаще в домах неполного плана он бывает меньше и ниже, чем в больших домах, сделан не из таких толстых балок, а в отдельных случаях настолько мал и легок, что теряет свой конструктивный характер и имеет скорее характер декоративного оформления свето-дымового отверстия.

Интересен дом Зогака Халикова в к. Пилдони-Боло (рис. 39, 6). Жилое помещение его имеет квадратную форму, одна колонна в центре поддерживает одну матицу, три четверти комнаты заполнены глинобитными нарами 50 см высотой, в крае которых сделан очаг, а четвертая часть—пога. Над водостоком имеется свето-дымовое отверстие, оформленное сводом давр. Это жилище можно рассматривать как урезанное с двух сторон—спереди и сбоку жилище припамирского типа.

Как говорилось выше, оформление входа в дом припамирского типа и помещений, находящихся перед ним, бывает разнообразно. Встречаются дома, в которые входят непосредственно с улицы или площадки перед домом. Однако чаще перед домом бывает веранда—*нештэк* (Дарваз), *долон* (Каратегин), полностью или частично открытая с одной стороны, прилегающая к дому торцовой или вытянутой стороной (рис. 42 и планы на рис. 37—41). На веранде, примыкающей к дому длинной стороной, обычно по бокам прохода, ведущего к двери дома, называемого *пога* (*погаи нешток, долон, куча*), устроены глинобитные

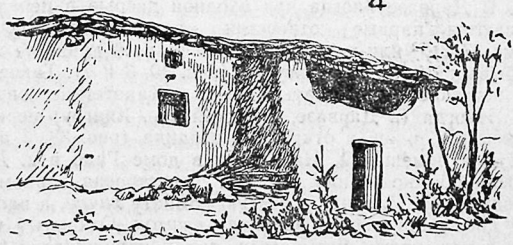
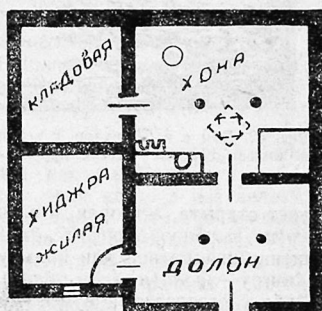
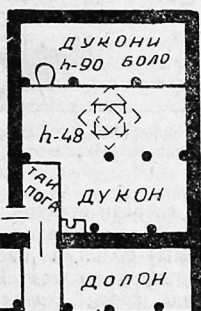
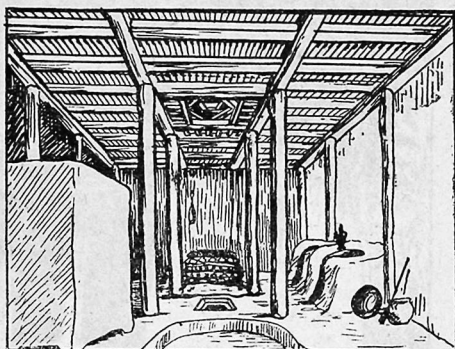
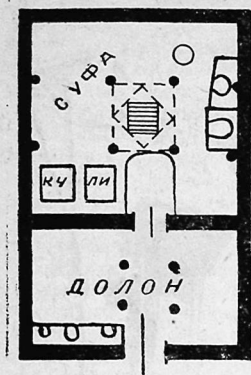


Рис. 41. Дома шульмакского варианта припамирского типа: 1—2 — дом Саида Джамоля, построенный во второй половине XIX в., к. Шульмак, Гармского района, 1957 г.; 3—дом Кабирова Гадо, построенный около 1912 г., к. Шулолак, Гармского района; 4—5 — старый дом с пристроенной жилой хиджрой, к. Бедаки-Поён, Гармского района, 1956 г.

площадки—дукон, высотой, как и нары в доме, от 80 до 40—50 см. Иногда на одной половине этих нар находятся очаги, одна сторона бы-



Рис. 42. Дом в к. Пшнхарв, с верандой — *пештоқ*, прилегающей торцовой стенкой к жилью; справа у двери круглое отверстие деревянного замка-засова — *кылафул*, рис. с фото 1954 г.

вайт открыта, а вторая, без очагов, закрыта спереди стенкой (см. план дома Джобирова, рис. 37, 3). Бывает, что перед домом находится помещение квадратной или прямоугольной формы — *долон*, в бассейне р. Хингоу — *хавли(н)* (или *айвон*),⁷¹ полностью закрытое передней стенкой, либо с отверстиями в ней — *тоқ* (Кувговад), *таволі*, *таволгі* (Пуни Шор), *дарозі* (Умарак), *санч* (Зыгар) в верхней части передней стенки. В Дарвазе иногда над входной дверью в передней стенке долона делаются парные отверстия, разделенные фигурной колонкой (рис. 37, 2),⁷² или передняя стенка по всей длине не доходит до потолка и бывает оформлена фигурно (рис. 40, 3 и 4). Такое оформление долона встречается и в старых домах в Каратегине (рис. 41, 5).

Иногда (в Дарвазе, в бассейне р. Хингоу) перед домом бывает и закрытый долон, и открытая веранда (рис. 38, 3 и 4), и даже целая система помещений. Например, в доме Гадо в к. Джорф к одному крылу обычного типа веранды пристроена торцом кладовая *ганчур*, позднее переделанная в чистую комнату *хицра*, а напротив нее к другому крылу пристроена веранда — *пештоқ*. Открытый проход между этими помещениями называется, как и находящаяся под крышей часть прохода, — *долон* (рис. 40, 6, 7)⁷³.

Вход на открытую веранду, так же как и в закрытый долон, в большинстве случаев находится на одной оси с входом в дом, хотя бывает, что вход в долон находится под углом к входу в дом (рис. 39, 3 и 4; рис. 40, 1). Особенно часто это встречается в к. Егид. В долоне на одной половине нар обычно имеются очаги. В к. Зыгар помещение перед домом, если в нем находятся очаги, часто называют не долон, а *аловга* — кухня.

В Верхнем Каратегине, как в таджикских, так и в киргизских домах, иногда закрытое помещение перед жильем. имело, как и жилье, четыре колонны со сводом давр над центральной частью, причем жилое помещение называлось *хонаи дарунгӣ*—внутренний дом, а закрытые сени — *хонаи берунгӣ* — внешний дом (к. Кушагба)⁷⁴. В к. Нушор сохранились воспоминания о том, что таковы были в прошлом дома живших там немногочисленных киргизов.

Такая же черта отмечена в записях М. С. Андреева, сделанных в 1925 г. в к. Сангвор. Особенностью здешнего жилища, пишет он, является то, что в виденных нами случаях жилых помещений было два, расположенных рядом, под одной крышей: одно внешнее, другое внутреннее. Последнее, по словам жителей, является зимним, защищенным от холода, первое — летним.

Жилища припамирского типа имеют обычно одностворчатую дверь — *дари ялтабақа* на деревянных шипах, закрывавшуюся раньше характерным деревянным замком-засовом — *калиғу*, *кылғул*, широко распространенным в старом жилище как в горах (рис. 42),⁷⁵ так и на равнинах (засвидетельствованы нами в Ферганской долине, в бухарских районах), а теперь — прикрепленной к двери цепочкой с пробоем на конце, накладываемым на вбитую в косяк двери петлю, и обычным металлическим замком — *қулф*; кое-где встречаются металлические замки среднеазиатского изготовления с ввинчивающимся ключом.

Для удерживания двери в закрытом положении употребляют деревянный колышек, втыкаемый после закрытия двери внизу в паз дверной коробки, или жердь, или бревно — *тамба*, упираемое одним концом в дверь, а другим — в пол дома.

При доме припамирского типа обычно находится кладовая для продуктов — *ганҷур*. Иногда она делается, как и в Припамирье, отдельно, но чаще примыкает стеной к дому; если дверь в нее делают прямо из дома, тогда продукты пропахивают дымом — *буи дуд мекаша*, поэтому стараются делать вход в нее с долона или пештока (рис. 37, 1, 41, 4). В Дарвазе и часто в бассейне р. Хингоу в кладовой сооружают 3—5 глинобитных закровов — *хамба(н)* для муки из разных сортов зерна, тутового толочка и пр. Чаще всего закровов бывает три: один за дверью — *хамбаи наси дар* и два — вдоль стены против двери; из них угловой, прилегающий к тому, что за дверью, называется *хамбаи ми-нагӣ* — средний, а находящийся напротив двери — *хамбаи пеши дар* — закров перед дверью. В Каратегине и в нижних кишлаках Хингоу чаще мука и пр. хранится не в закромах а в больших глиняных часто орнаментированных ларях — *кулӣ* или *хамба на ножках*.

Если кладовая построена прямо на земле, то для предохранения продуктов от сырости закрома поднимают над полом на 0,5 м, если же кладовая построена на помосте из камней или бревен, закрома устраивают прямо на полу. Над закромами под потолком в дарвазских кладовых делают полки из продольных жердей, на которые поперек накладывают жердочки *киландак*; эти полки называют *равоқ* (Курговад) или *патк* (Егид); на них ставят всякую утварь и хозяйственную мелочь.

Жилище припамирского типа было максимально приспособлено к старому местному быту и условиям жизни. Каждая частица имеющейся площади использовалась с наибольшей пользой: у входа делалось помещение для ягнят и телят, которых нельзя содержать в неотепленных хлевах, а крыша этого помещения служила местом хозяйственной деятельности женщин, хранения посуды и т. п. На нарах в каждом отделении располагались брачные пары с детьми или старики и молодежь, в яме на нарах хранились зерно; в теплых участках, например в нарах с

очагом, устраивались норы для кур. Традиционный очаг—*дегдон* давал возможность наиболее экономно и рационально использовать дефицитное топливо — одновременно для приготовления пищи, печения хлеба, обогрева жилища и частично для освещения. Но все же жизнь в таком жилище в условиях старого быта была очень суровой. Образное описание такой жизни в зимнее время в высокогорных кишлаках бассейна р. Хингоу в 30-х годах приводит Н. А. Кисляков: «Большую часть суток дом был наполнен дымом из очага, вследствие чего потолок и стены его покрывались густым слоем копоти и чернели. Зимой, когда топка производилась интенсивно, из почти постоянно открытых для выхода дыма двери и рузана проникал холод, а вследствие разницы температур в отдельных частях дома образовывались сильные сквозняки. Обитатели дома теснились вокруг дегдона, причем по окончании топки, когда в очаге оставались лишь угли, садились на край и опускали ноги в очаг, накрываясь сверху одеялом. Сплошь да рядом случалось, что дети, пользуясь очагом для согревания таким способом, в отсутствие взрослых попадали в очаг и сильно обжигались».⁷⁶

Мы уже говорили о том, что традиционное жилище припамирского типа было жилищем неразделенной большой семьи, в котором часто проживало по несколько брачных пар. Такое положение неизбежно приводило к некоторой простоте нравов. Жилые ячейки — части нар, выделяемые для брачных пар, не были отделены одна от другой, но это особенно никого не смущало. Исключение делалось только для новобрачных. По записи М. С. Андреева в к. Сангвор (1925 г.), по окончании свадебных торжеств их оставляют на несколько ночей одних. Остальные обитатели дома уходят в это время ночевать к соседям.

Локальные типы старого жилища. Помимо описанных основных типов жилища с их разновидностями, в Каратегине и Дарвазе встречаются еще разновидности жилища, характерные для определенного небольшого района или даже для одного селения. Так, по словам наших информаторов, в Каратегине, в долине Гориф (бассейн р. Сорбух) дома строились по типу матчинских—прямоугольные, без свода давр, в долине Хакими имелся свой тип жилища, приближающийся к кулябскому, встречаются малые жилища в к. Нушор и т. п. (рис. 43, 1—2). У самых бедных жилища иногда состояло из одной комнаты без сени и веранды (рис. 43, 4).

В Дарвазе в к. Ёгид, наряду с обычными большими домами припамирского типа (рис. 40, 2 и 5), часто встречается жилище с характерными чертами, редко встречающимися даже в соседних кишлаках. Это небольшие дома, основное жилое помещение которых совпадает с описанной нами разновидностью дарвазо-каратегинского варианта неполного плана—в нем имеется одна матица потолка, поддерживаемая одной колонной, в центре свето-дымовое отверстие, оформленное в виде ступенчатого свода. Но нары в нем, в отличие от обычных дарвазских, бывают очень низкими, возвышаясь над уровнем пола всего на 10—20 см, а очаги находятся в специальной высокой глинобитной площадке, т. е. в этом отношении данный ёгидский вариант сходен с шульмакским. Ёгидские дома этого варианта строятся обычно двухэтажными: под домом и верандой типа лоджии—*нештоқ* (иногда под частью их), используя неровности рельефа, сооружают помещения для скота и для фуража, но нижний и верхний этажи расположены не террасами, выступая один из под другого, как это часто бывает в горных кишлаках, а фасадные стены верхнего и нижнего этажа строятся всегда вровень (рис. 44, 4), как в городских домах. Жилое помещение, построенное на втором этаже, считается более теплым (*шамолпано*), и кто может, ста-

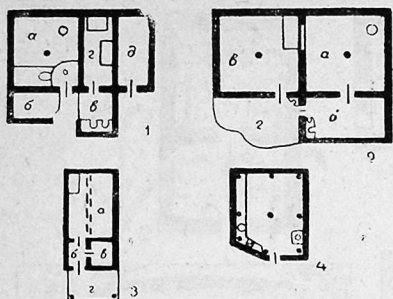


Рис. 43. Локальные типы старого жилища: 1—жилой дом в к. Нушор: а—нары—суфа, слева у входа площадка с очагом, б—долон, в—кухня, г—кладовая, д—хлев; 2—жилой дом в к. Сари-Пулак (долина Хакими): а—хона, б—долон—веранда перед домом с недоходящей до крыши передней стенкой и входом с торца, в—кладовая для топлива, г—открытая площадка—суфа; 3—старый дом в к. Ёгид (Дарваз): а—жилье, б—сени с очагом — пекам (очаг недавно убран), в—ганчур, г—пешток; 4—дом Бадахшон Халиловой, 70-х годов XIX в. Слева — очаги — дегдони лумб (большой) и майда (малый), справа — ташнов, к. Шул, Гармского района, 1952 г.

рается строить так. Перед жилым помещением ёгидского жилища этой разновидности всегда имеется пешток с большим, не доходящим до пола, вытянутым в длину прямоугольным проемом в наружной длинной стене, в середине которого обычно стоит колонна. Вход в пешток всегда находится в торцевой стене, чаще под углом к входу в дом, но иногда на одной оси с ним (рис. 44, 1, 4 и 6).

Чтобы не нарушать целостности описания ёгидского жилища, остановимся вкратце и на его орнаментации (рисунки ее выполнены большею частью по зарисовкам В. А. Мешкерис и фото И. Мухиддинова).

Стены ёгидских жилищ и особенно пештоков бывают украшены очень характерными узорами, наносимыми женщинами перед Новым годом на побеленные белой глиной к празднику стены. В жилище орнаменты быстро покрываются копотью и менее заметны, на пештоках же они выделяются очень четко.

Панель, а часто и пол на пештоках окрашиваются в красный или черный цвет, и по этому фону иногда наносится более светлой краской узорная полоса из крупных во всю высоту панели четырех-, восьми-, шестнадцатилучевых или круглых концентрических розеток, а также ромбов, веток и пр. Все эти элементы снабжены многочисленными завитками и другими деталями и разделены на членения вертикальными полосками, часто тоже орнаментированными. Среди этих рисунков встречаются и реалистические—листья, птицы.

Непосредственно над панелью, прикасаясь к ней нижней частью, обычно располагаются на некотором расстоянии друг от друга отдельные узоры: различной формы и названия завитки—*қушқорак*—(рога) барана, *товус*—павлин, *қош*—брови (рис. 44, 5, рис. 45, 17), часто украшенные по наружному краю треугольничками—*туморча* или более мелкими завитками (рис. 45, 5, 11, 13, 14), круги, ромбы, называемые *лукхак*—кукла, имитирующие по форме лицо куклы, и пр.

Однако наиболее интересны, с точки зрения их смыслового значения и роли оберега, разнообразные по форме фигуры, объединенные общим названием *қадбача* (этимология неясна, м. б. от *қад*—стан, фигура человека и *бача*—ребенок, детеныш).⁷⁷ В наиболее простом варианте они состоят из схематического изображения прямого ствола с отходящими от него в обе стороны из одной точки парными ветвями. «Ствол» часто завершается треугольником, обращенным вершиной

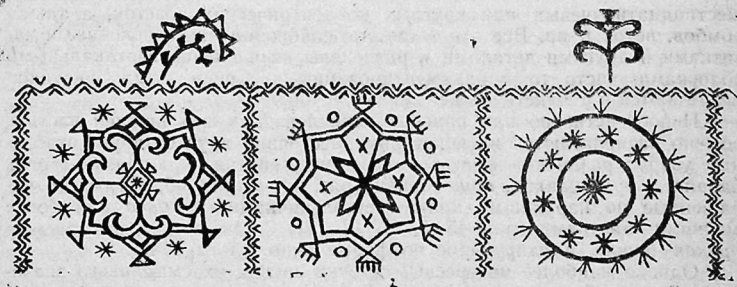
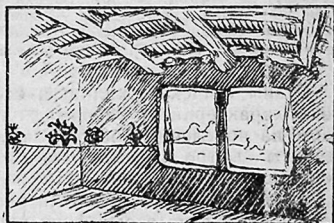
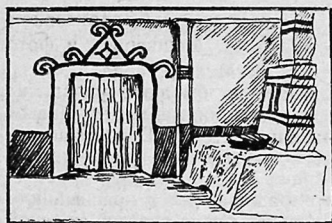
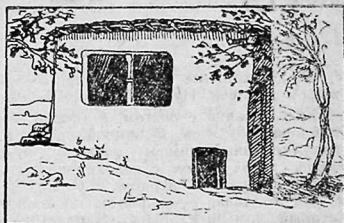
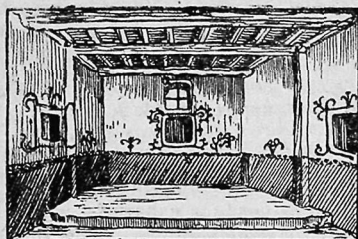
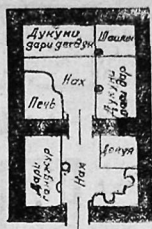
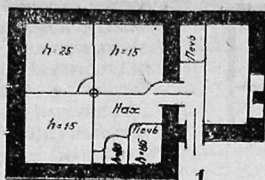


Рис. 44. Дома кишлака Егид (Дарваз): 1—дом мастерицы Сайлон, схема плана; 2—дом мастера-строителя Наврузали, построенный около 1900 г., схема плана; 3—внутренняя отделка современной худжры в доме Амирджона Мухтарова; 4—там же, общий вид; 5—6—там же, внутренняя стена пештока с дверью в дом и наружная с проемом; 7—узор на панели.

вниз (по записям И. Мухиддинова, это *саллача*—чалма, хотя треугольник завершает изображения не только мужчин, но и женщин), а иногда и ромбом (рис. 45, 5—8 и рис. 46). Встречаются кадбача и более сложные в виде ромбообразной фигуры на ножке, с отходящими в бок завитками и ромбом или треугольничком внутри фигуры или над ней⁷³

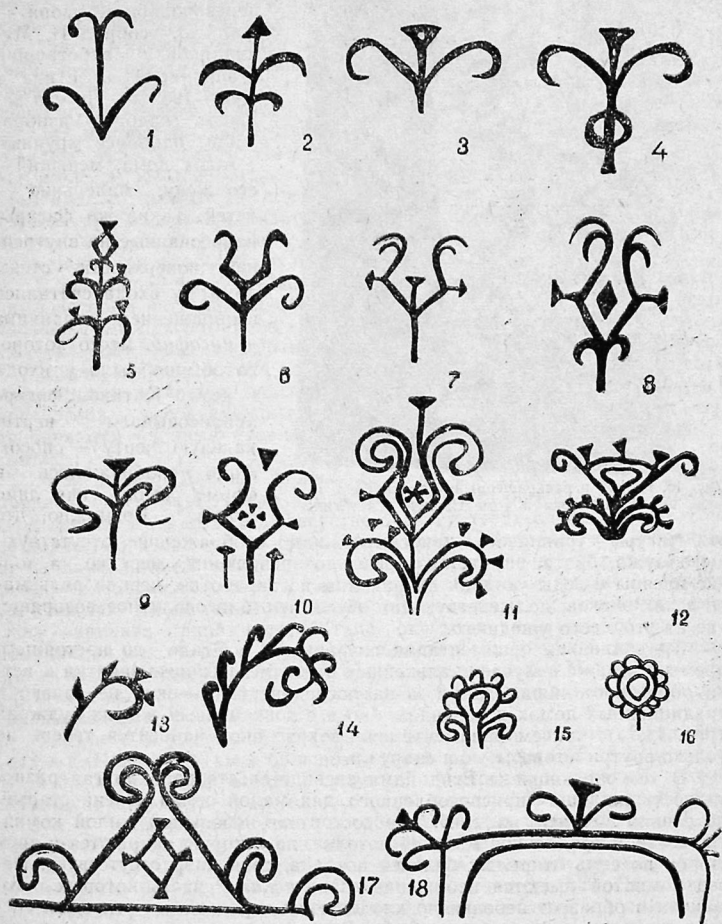


Рис. 45. Настенные узоры в жилых домах, к. Егид (Дарваз): 1—12—варианты узора *кадбача*; 13—18—различные узоры, наносимые на стены вокруг ниш, окон и пр.

Узоры *кадбача* воспринимаются населением как изображения людей. Несомненно—это отголоски древнего представления о каком-то антропоморфном существе, божестве, изображение которого должно присутствовать на стенах жилища.



Рис. 46. Резной и раскрашенный узор кадбача на щеке проема пештока в доме Сайлон в к. Егид.

эти фигуры странников, наносимые как изображения отсутствующего мужа, брата, сына, которые до революции нередко на долгие месяцы и годы уходили на равнины на заработки, играли роль магических знаков, должествующих обеспечить благополучное возвращение на это место ушедшего.

Традиционная орнаментация сохраняется в Ёгиде до настоящего времени и даже получает дальнейшее развитие. Пышные завитки и ветки обрамляют ниши, двери, а за последние годы—окна не только в традиционных домах и верандах, но и в современных жилых худжрах (рис. 44, 3), причем орнаментация вокруг окон наносится теперь не только внутри комнаты, но и снаружи.

В том же кишлаке Ёгид нами засвидетельствована другая разновидность жилища—приспособленного для малой семьи. Очень старый, по словам местных жителей, дом состоит из небольшой жилой комнаты, с одной продольной матицей потолка, на которую опираются с двух сторон по семь открытых балочек потолка, свод давр отсутствует. Перед комнатой имеются небольшие сени—*пекам*,⁸⁰ часть которых отгорожена и образует небольшую кладовую, и перед ними—открытая спереди веранда—*пештоқ* (рис. 43, 3). В старое время в комнате и сенях были очаги, в комнате в стене—дверка для выхода дыма, теперь в комнате сделано окошко и печь-плита с дымоходом-обогревателем.

В старое время в каратегинских и дарвазских домах традиционного типа, особенно в холодных местах, в доме содержался молодняк скота, куры; здесь же находились и орудия труда, используемые зимой для работы—прялки, станочки для очистки хлопка, веретена, ткацкие станки и пр.

Очень интересные данные об архаической семантике ёгидских узоров, в том числе изображений человека в виде деревоподобного узора — кадбача, собрал И. Мухиддинов, работавший стационарно в Ёгиде в 1958—1959 гг. По его записям, кадбача изображали: наиболее крупный — главу дома, меньший — его жену, маленькие — детей. Такие же фигуры, нарисованные на внутренней поверхности стены дома, у входа считались изображением странника — *мусофир*, место которого обычно было у входа в дом. К такой фигуре пририсовывали вертикальную черту — посох. Лицо изображалось в форме ромба, как лицо куклы.⁷⁹ Возможно, что

Таким образом, дом служил одновременно и жильем, и кухней, и мастерской, и складом всякого домашнего скарба и, частично, помещением для животных. Впрочем, в домах равнинного типа и в шульмакском варианте припамирского типа жилища молодняк животных содержался редко, это было более характерно для жилищ ванчского и дарвазо-каратегинского варианта, где под высокими нарами новаджо (для хранения поеуды) почти всегда имелся небольшой хлевок.

Пол в жилищах делался и делается, как правило, земляным. На зиму на нем расстилают солому, а поверх нее—кошмы, паласы, в настоящее время часто ковры. В старину для подстилок широко использовались шкуры мелкого рогатого скота. Спят на полу или нарах, на ватных одеялах и плоских прямоугольных подушках. На день вся постель складывается стопкой у стены на деревянной подставке или, если в стенах имеются большие ниши,—в них. Если в домах с бездымным отоплением имеется кровать, то она пока часто стоит нарядно прибранная, с кружевными подзорами, вязать которые таджички научились у русских, но спят по-прежнему на полу. В Гарме и в кишлаках ниже его на кровати иногда спит кто-либо из членов семьи.

В настоящее время редко можно встретить старый дом любого типа, в котором не было бы сделано тех или иных перестроек или нововведений для приспособления его к новым запросам и условиям жизни (застекленные окна, плотно закрывающиеся двери, бездымные печи).

Дома равнинного типа часто после переделок становятся удобным современным жилищем, большие же дома припамирского типа труднее приспособить к современным требованиям. Но и в них почти всюду пробиваются оконные проемы, иногда очаги переделываются в печи-плиты.

В к. Зыгар (Дарваз) в жилище дарвазо-каратегинского варианта припамирского типа иногда закладывают загибающийся в бок проход дари дегдон, куда выходит отверстие очага, и тогда очаг получает форму корчагообразной ямы и называется *чахлак*, но этот чахлак в отличие от чахлака жилища равнинного типа находится не в полу комнаты, а в высоких нарах, которые в таком случае получают название *дукони сари чахлак*. После такой переделки нары здесь, как и в жилище ванчского варианта припамирского типа, окружают центральное пога со всех сторон, кроме входа. Такой очаг-чахлак используется для отопления и печения хлеба, но не для приготовления пищи. Чаще всего эта переделка бывает переходным этапом к сооружению на этом месте плиты с дымоходом.

Интересные перестройки зафиксированы нами в доме Вали Нурова в к. Пшихарв. Там в большом долоне, размером 6,75×8,20 м и высотой 3,5 м, на нарах с одной стороны пристроено к передней стене небольшое помещение современного типа—*хичра*, 2,5×5 м, высотой около 2 м. Стены его не доходят до крыши, и оно имеет самостоятельную кровлю; между этой кровлей и кровлей долона остается еще пространство.⁸¹ Худжа отопляется небольшой железной печкой, которая не могла бы обогреть все помещение дома или долона. Потолок из открытых балочек оклеен светлыми бумажными обоями, на стенах самой хозяйкой нанесены узоры в виде кустов с трилистниками на концах веток. В торцовой стене пробито окно (рис. 37, 1 и 2).

Как сказано, старые большие дома трудно приспособить для удобного проживания в них современной малой семьи, поэтому они редко подвергаются капитальной переделке. Обычно они служат как большое хозяйственное помещение, а рядом строятся худжры современного типа, где селятся брачные пары с детьми.

Во время нашего обследования большинство жилищ освещалось керосиновыми лампами; иногда в стене между комнатой и долоном делается специальное застекленное оконце, чтобы лампа, стоящая в одном из помещений, освещала и второе. За последние годы все большее распространение получает электрическое освещение. Оно имеется не только в районных центрах, но и в рядовых кишлаках. Так, например, в 1960 г. получили электричество жители высокогорного к. Сагырдашт и некоторых других.⁸²

В старину проблема освещения была одной из важных. Сальные свечи из-за своей дороговизны были доступны немногим. Наиболее распространенным видом освещения были, как и во многих горных районах Таджикистана, свечи-лучины из прутьев, облепленных спрессованными и поджаренными зернами различных масличных растений, вставляемые в прикрепленные к столбу деревянные держатели-поставцы—*сокинак*, необычайно разнообразные и нередко очень архаичные по форме.⁸³ Местами применялись масляные светильники, в которых жгли растительное масло. Однако в старину были места, где растительного масла не производили (например, к. Ёгид в Дарвазе, долина Хакими в Нижнем Каратегине), и масляные светильники там не использовались. В Хакими изготавливали из глины специальные сосуды с отверстиями для прохода воздуха—*чалахатун*, жгли в них сухой помет крупного рогатого скота, собираемый на летовках, и при таком свете делали то, что было можно.

Этот чрезвычайно примитивный светильник, помимо Нижнего Каратегина, зарегистрированный и у белуджей (см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 256—257), по данным Б. Х. Кармышевой, в дореволюционные годы был широко распространен среди полукочевого населения всей Восточной Бухары, а также в Северном Афганистане (см. Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, стр. 118—119).

Хозяйственные помещения сооружаются, в основном, так же, как и жилища — в Дарвазе выкладываются из камней, в Каратегине — из битой глины, лишь изредка в горных кишлаках из камней. Обычно они грубее отделаны, часто неоштукатурены. В хлевах для крупного рогатого скота — *офил* имеются у стен кормушки-ясли — *охур*, в хлевах для мелкого рогатого скота — *жел* их нет, корм кладут на пол. Более тщательно отделываются конюшни — зимние, закрытые — *ахтахо* и летние в виде открытого с одной стороны навеса — *рузохур*. В каждом хозяйстве, где есть скот, как упоминалось, имеется и помещение для фуража—*каҳдон*, иногда делается специальное помещение для хранения кирпичей из навоза, заготовленных на топливо,—*лалдон*.

В наиболее зажиточных хозяйствах встречаются помещения второго этажа, которые сооружаются над хозяйственными помещениями: *дарвозахона*, хлевами или помещениями для хранения фуража. В Дарвазе чисто отделанные помещения второго этажа, используемые в качестве комнаты для гостей, называются *чордара*, букв. «с четырьмя дверями», хотя количество дверей в них не всегда четыре.⁸⁴

Архитектурно-декоративное оформление. В декоративном оформлении построек Каратегина и Дарваза выявляются две линии: профессионально-декоративное искусство, связанное стилистически с искусством тех центров, откуда происходили мастера или где они обучались, и искусство местное, народное, глубоко традиционное.

Первый вид архитектурного декора, особенно роспись, в жилых домах и мехмонхонах применялся редко. В годы нашего обследования мы встретили только мехмонхону в Шульмаке, стены которой были расписаны в советские годы мастерами, приглашенными из Зеравшанской доли-

ны, творчество которых относится к ферганской, в данном случае уратюбинской школе. Имеются сообщения и о других работах уратюбинских мастеров в кишлаках Каратегина как до, так и после революции. В Дарвазе профессиональные мастера росписи — *наққош* для отделки мечетей

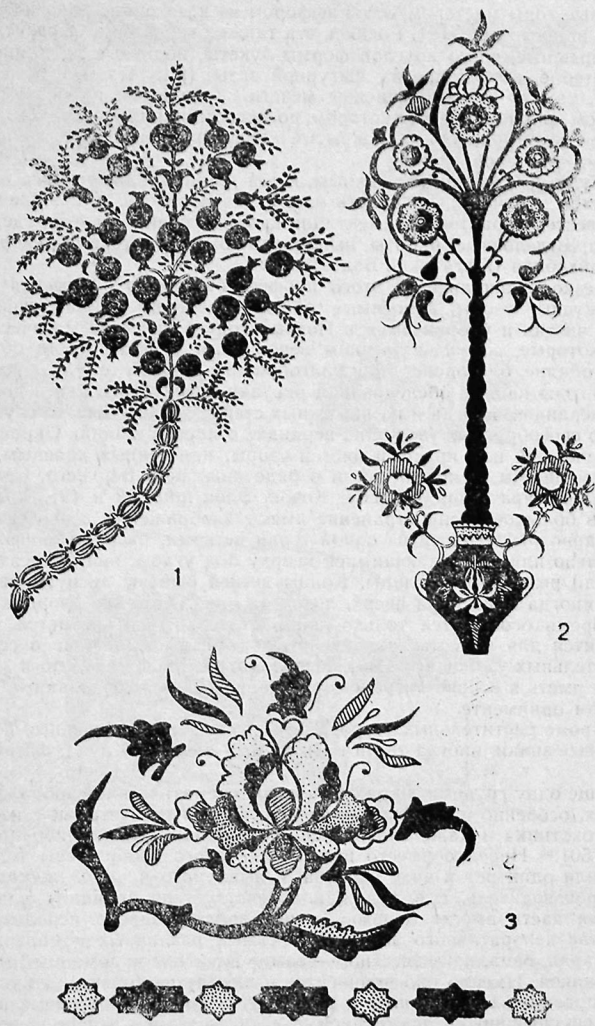


Рис. 47. Роспись в мечети к. Ялдамич, Гармского района, выполненная в предреволюционные годы усто Гаффором из к. Аскалон. Гармского района: 1—2—роспись в вертикальных панно над панелью; 3—орнаментальное оформление верхней части панели, 1957 г.

наиболее крупных кишлаков приглашались нередко из Афганского Бадахшана. В годы нашего обследования в Каратегине и Дарвазе мечетей, украшенных росписью, почти не сохранилось. В 1957 г. мы видели только мечеть в к. Ялдамиш, стены которой были расписаны в предреволюционные годы мастером усто Гаффором из к. Аскалон (левый берег Сурхоба, напротив Гарма). Роспись эта также относится к ферганской школе — пышные, часто круглой формы букеты, поднятые на длинном тонком стебле, выходящие из фигурной вазы (рис. 47). По всей вероятности, так же были расписаны мечети в большом и богатом каратегинском кишлаке Хаит, в котором, по воспоминаниям стариков, несколько мечетей имели стены, покрытые красочной росписью работы ферганских мастеров.

Судя по имеющимся данным, к той же школе относилась и роспись потолков в мечетях, но видеть нам их не довелось. К сожалению, нам не известен характер орнаментации калаи-хумбской мечети, где, по преданию, отделочные работы выполнены были мастерами-декораторами из Файзабада (Афганский Бадахшан).

Резко отличались от этого профессионального орнамента простые безыскусные узоры, наносимые обычно на стены жилищ женщинами после чистки и уборки дома к Новому году в качестве магических знаков, которые, согласно древним верованиям, должны были обеспечить дому обилие, благоденствие и благополучие в новом году.

В годы нашего обследования рисунки встречались как в домах, так и на верандах, иногда и на наружных стенах домов. Выше мы уже говорили о своеобразных узорах на верандах эгидских жилищ. Окраска панелей в черный или красный цвет и узоры, нанесенные красным, белым, черным цветом, отмечены нами в ряде кишлаков Верхнего, Среднего и Нижнего Каратегина (Нушор, Кочон, Элок, рис. 48 и 49). Среди этих узоров большое распространение имеют изображения деревьев (*чанор*) с попарно отходящими из одной точки ветвями, расположенными горизонтально или поднимающимися кверху под углом; они наносятся краской или рельефом из глины. Концы ветвей бывают загнуты вверх или вниз, иногда одна пара вверх, а другая вниз. Хотя эти узоры в настоящее время осознаются только как растительные и считается, что они наносятся для красоты, приведенные нами выше данные о семантике растительных узоров в к. Эгид позволяют предположить, что и здесь они могли иметь в основе антропоморфные формы, зашифрованные в растительном орнаменте.

Кроме растительных узоров, встречаются многочисленные розетки — солярные знаки, иногда так и называемые — *мах* — луна, *офтоб* — солнце.

Еще одну группу узоров составляют схематические изображения животных, особенно часто горных козлов, иногда в сочетании с изображением охотника и даже охотничьей собаки или каких-либо предметов (рис. 50).⁸⁵ Нередко вместо целого животного изображены только его рога или один рог в виде завитка, называемого *кучқор*, *кучқорақ* — баран-производитель, т. е. художница действует по принципу магии, изображая часть вместо целого. Такие завитки широко используются в качестве декоративного элемента в самых различных композициях.

Баран, овца, как известно, — самое почитаемое домашнее животное у таджиков. Именно оно приносится в жертву не только на мусульманский праздник Курбан, но и в ряде других случаев — во время поминок, обрядов, связанных с постройкой дома и вселением в него, и пр.⁸⁶ Рога баранов и горных козлов являются неизменным атрибутом местных святынь — *мазор*.



1



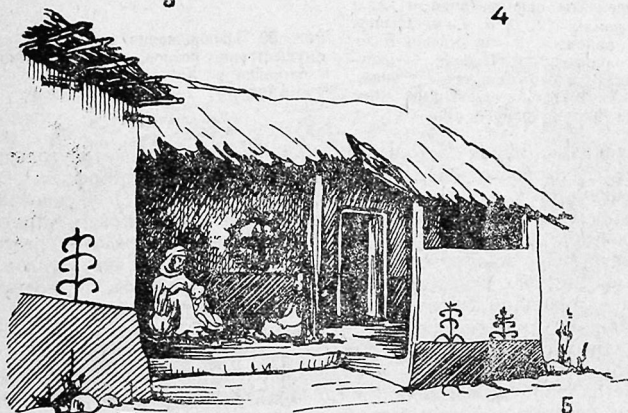
2



3



4



5

Рис. 48. Орнаментация на стенах веранд в Каратегине: 1, 2, 4, 5—к. Нушор, Гармского района, 1957 г.; 3—дверь с росписью вокруг нее в школе, к. Яхак, Комсомол-абадского района, 1953 г.

Горный козел — это одно из самых «чистых» животных; в народных представлениях он связан с пери — *парй*,⁸⁷ человек, поевший его мяса, считается очистившимся от грехов и всякой скверны. Рога горных козлов прибивали, а иногда, по традиции, прибивают и теперь в качестве оберега на видном месте снаружи дома—на колонне веранды, вешают на перекладине у входа и т. п.⁸⁸

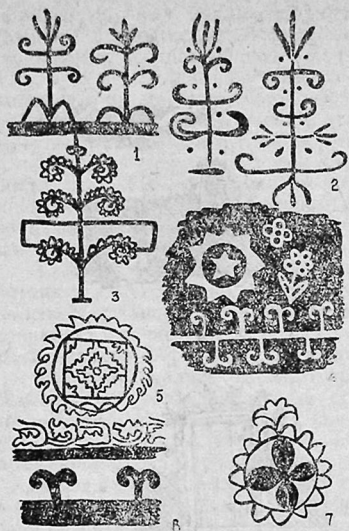


Рис. 49. Элементы орнамента в каратегинских домах: 1, 5, 6, 7—к. Нушор, Гармского района; 2—к. Кочони-Боло Гармского района; 3—к. Нушор; 4—рисунки на удаленной от входа стене в доме, построенном в 1943 г., к. Самсолик, Комсомолбадского района, 1957 г.

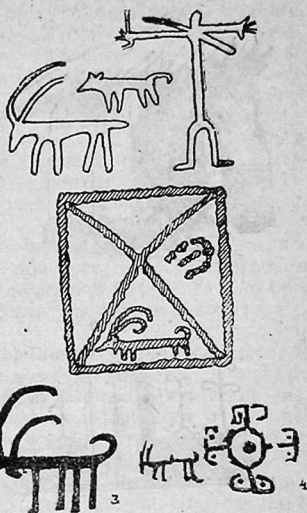


Рис. 50. Изображения животных, преимущественно козлов, на стенах жилищ в бассейне р. Хингоу: 1 (вверху)—по Андрееву; 2—4—по Кислякову.

В рисунках на стенах часто встречаются фигуры ромбов, треугольников, генетически восходящие к изображениям антропоморфных существ,⁸⁹ отпечаток руки с раздвинутыми пальцами (зафиксировано И. Мухиддиновым в к. Егид,⁹⁰ Н. Х. Нурджановым—в Нижнем Каратегине), отпечаток детской ступни, изображаемой как магическое средство, способствующее многодетности,⁹¹ и многие другие элементы, названия и смысл которых в настоящее время часто не удается установить, но которые в прошлом, несомненно, имели магическое значение.

В Нижнем Каратегине распространен обычай покрывать поверхность фасадных стен жилища большими белыми пятнами (рис. 32).

Рельефные глиняные узоры в виде завитков или более или менее пышных веток с загнутыми концами (рис. 51)⁹² часто наносятся на глиняные лари, которые в старом быту были неизменной принадлежностью каждого дома, а также иногда ими украшают и очаги в Нижнем Каратегине (рис. 17 и 18).

Все эти виды орнамента стен жилища традиционными узорами, имевшими в старину магическое значение, встречаются и в ряде других мест среди горных таджиков — в долине рек Яхсу, Варзоба, в Припамирье,⁹³ орнаментация глиняных ларей — в долине Яхсу,⁹⁴ Варзоба, в долине р. Панджшир в Афганистане.⁹⁵

В годы нашего обследования в новых современных домах художественно оформленные в традиционном стиле двери, колонны, подбалки не встречались. Как говорилось выше, двери в новых домах обычно

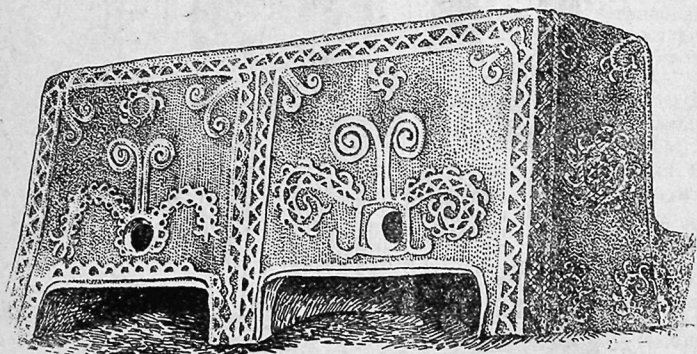
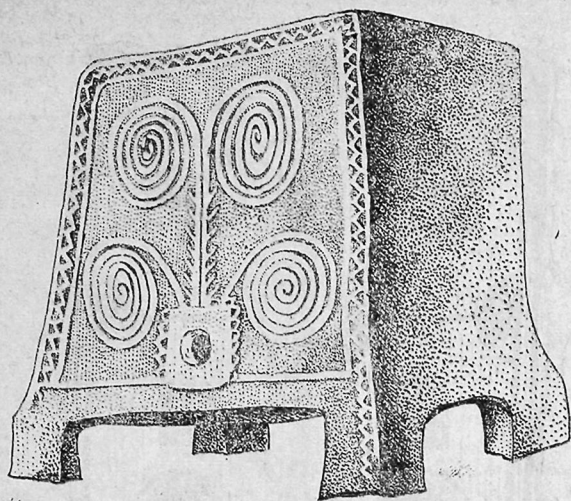


Рис. 51. Орнаментированные глиняные лари, к. Джавони, быв. Оби-Гармского района.

делаются городского типа, иногда застекленные в верхней части. В старых домах резные двери зафиксированы лишь в нескольких случаях; в Каратегине в комнатах или в долонах жилища равнинного типа бывают иногда двустворчатые двери бухарского типа, с резным орнаментом в виде фигурного вертикального медальона на каждой средней длинной филенке и небольшими резными розетками на верхней и нижней. В домах припамирского типа резные двери в Каратегине встречены не были. В Дарвазе в больших домах припамирского типа двери всегда одно-

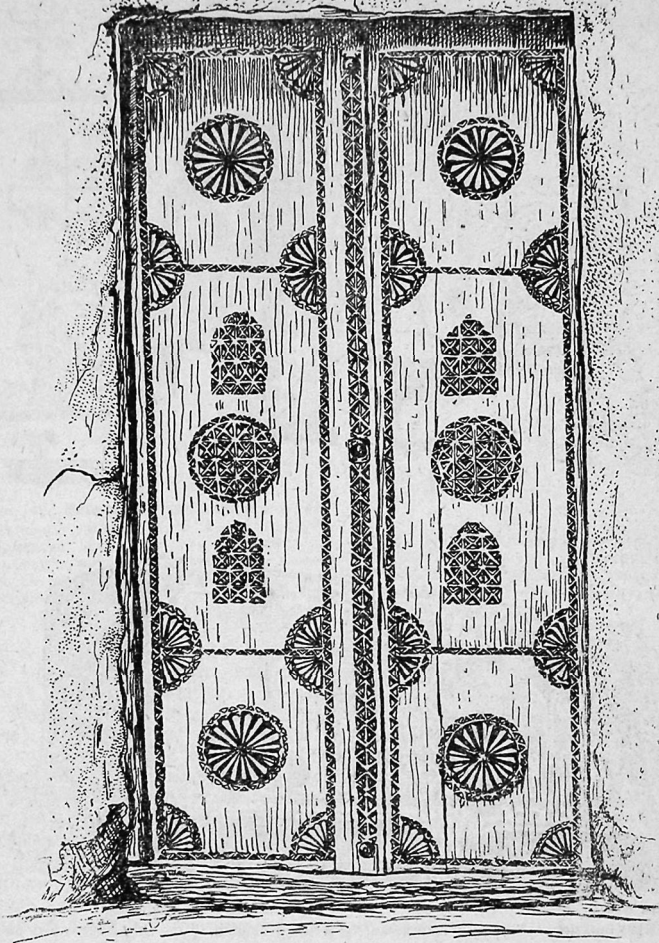


Рис. 52. Резная дверь в жилом доме, к. Джорф (Дарваз).

створчатые, часто с вертикальной планкой посредине, как в припамирских домах,⁹⁶ иногда украшенные резьбой (рис. 52, 53). В богатых домах в Каратегине иногда несложной резьбой бывают украшены входные ворота, ведущие во двор. Бывали резные двери в мечетях, иногда фигурно-решетчатые, ферганского типа (рис. 54).

Колонны в домах старого типа часто бывают в виде простых столбов, круглых, прямоугольных или восьмигранных в сечении. Однако центральные столбы, особенно главный столб—*шасутум* бывают оформлены более тщательно. На прямоугольном в сечении столбе сверху остается гладкая часть, длиной в 30—40 см и более, а ниже ребра срезаются, образуя восьмигранный ствол колонны.

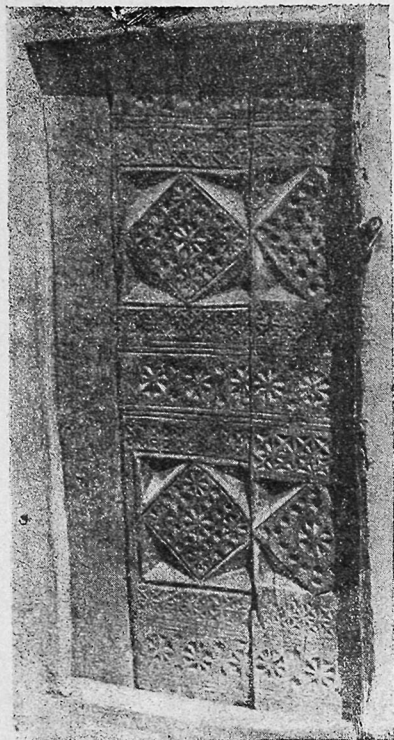


Рис. 53. Резная дверь в жилом доме, к. Кургов (Дарваз).

Срез этот обычно оформляется в виде плавного закругления, но бывает, что сверху в начале среза на ребре остается нависающий сосочек (рис. 55, 1).⁹⁷ В результате верхняя часть колонны образует подобие капители, иногда отделенной от тела колонны поперечными поясками — *ангиртак* (рис. 57 и 58). Пояски *ангиртак* бывают не только под капителью, но и посредине колонны и внизу. Особенно распространен прием украшения колонн ангиртаками в Западном Дарвазе. Накладных сталактитовых капителей нами не зарегистрировано, но фигурное оформление верха колонн встречается часто (рис. 55—57 и 59, 3). Довольно часто, особенно внутри жилых помещений, колонны не имеют базы. Иногда базой служит отделенная от тела колонны более или менее широким поперечным пояском нижняя часть столба. Однако на

верандах перед худжрами и на верандах мечетей колонны часто имели более или менее сложно отделанные базы. Нижняя часть тела колонны над базой иногда бывает оформлена округло (рис. 55, 2), но часто она нависает над базой в виде раструба (рис. 55, 1). Иногда между телом колонны и базой имеется яблоко, форма которого в каратегинских и дарвазских колоннах бывает очень разнообразна — от гладкой грушевидной (рис. 55, 4) до многогранной короткой (рис. 56, 2) или вытянутой (рис. 56, 1, 3, 4); в последнем случае «яблоко» доходит иногда почти до половины колонны.

Тело колонны нередко бывает расчленено на несколько частей, причем верхние элементы нависают над нижними (рис. 55, 1 и 4 и рис. 56, 4). Все описанные приемы придают силуэтам каратегинских и дарвазских колонн большое разнообразие. Встречаются колонны, вся по-

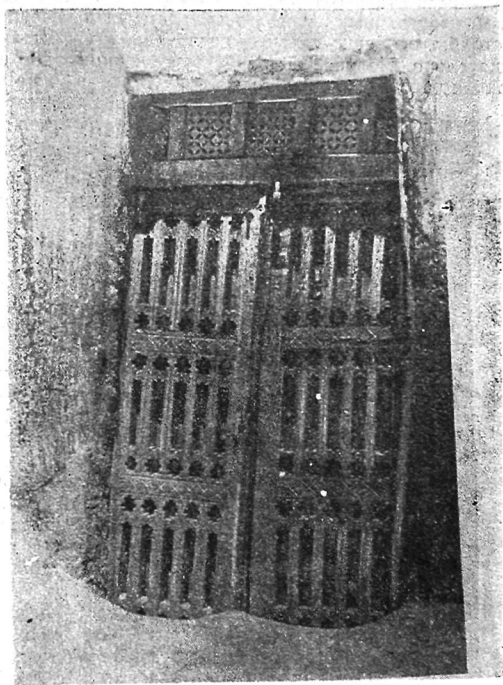


Рис. 54. Фигурная решетчатая дверь в мечети, к. Нушор, Гармского района.

верхность которых украшена орнаментом. Так, были покрыты узором в виде ломаных линий (рис. 55, 5) или жгутообразных валиков колонны в б. соборной мечети Калаи-Хумба, изготовление которых народное предание приписывает мастерам из к. Варфат в округе Джумарч в Афганском Бадахшане. Однако последние два вида орнамента—жгутообразный и из ломаных линий—не являются специфическими местными, они встречаются и на колоннах равнинных городов Средней Азии — Самарканда, Бухары и др.

Чаще всего художественно оформлялись деревянные подбалки—*овашк*, лежащие между вершиной колонны и матицей—*пул* (рис. 55—57 и 59—60). В Каратегине фигурные овашки делались почти исключительно в мечетях и на небольших открытых верандах перед комнатами для гостей, в Дарвазе же очень тщательно и искусно вырезанные подбалки бывали и в жилых домах, особенно в кишлаках к западу от Калаи-Хумба (Егид, Зыгар). Стиль оформления колонн и подбалок в этих западных дарвазских кишлаках очень своеобразен и самобытен.

В Дарвазе выделяется художественным оформлением деревянных деталей—подбалок, колонн, дверей—старая мечеть в к. Шкев, в 1,5 км ниже Егида; резные работы в ней были выполнены, как рассказывают старики, мастером усто Ходжа Негматом, уроженцем к. Егид.

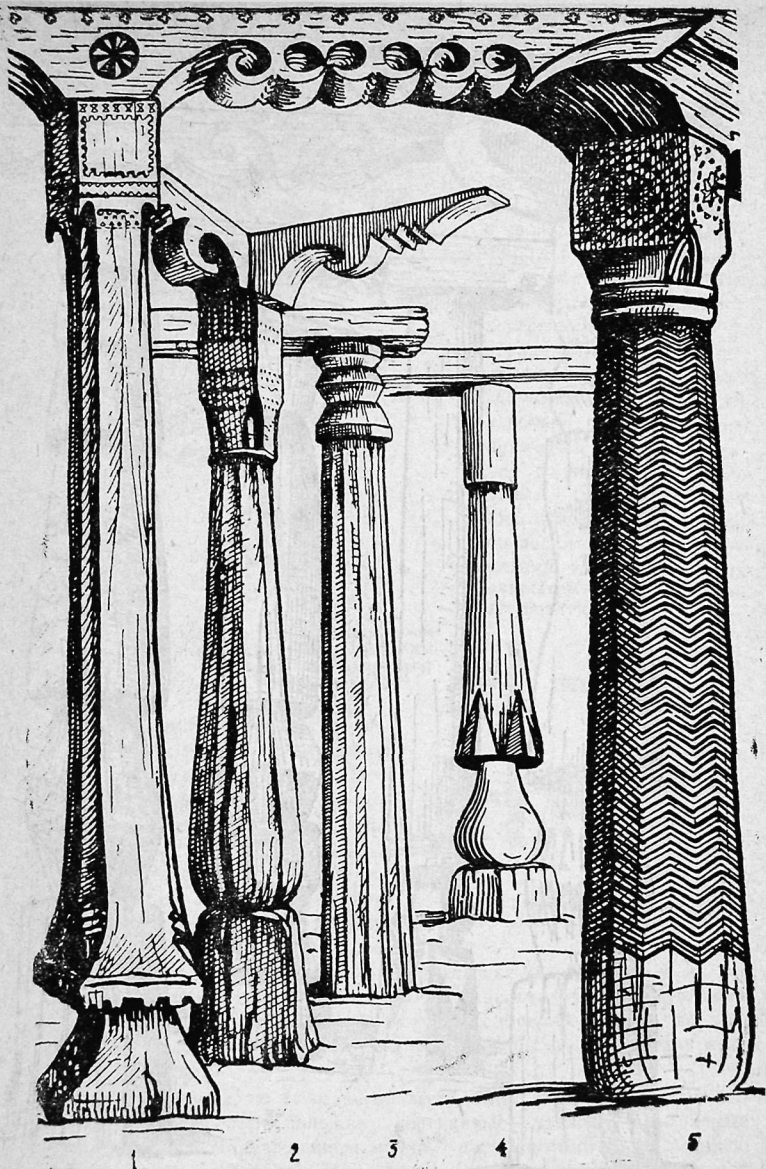


Рис. 55. Колонны: 1—к. Шкель (Дарваз); 2—к. Джавонь (быв. Оби-Гармского района); 3—к. Калаи-Нав (быв. Оби-Гармского района); 4—к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу); 5—старая колонна из быв. соборной мечети в Калаи-Хумбе, работы мастера из к. Варфат в округе Джумарч в Афганистане.

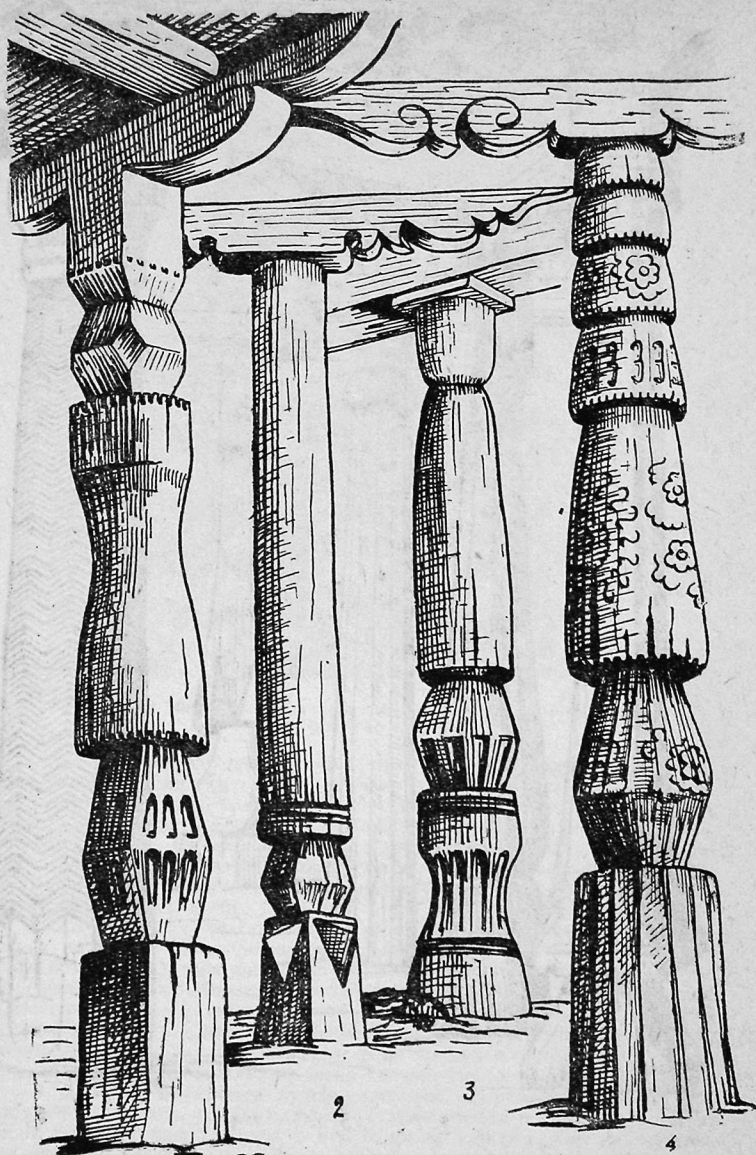


Рис. 56. Колонны: 1 и 4—к. Кадара, Гармского района; 2—к. Кочони-Боло, Гармского района; 3—к. Сари-Пулак (долина Хакими), Комсомолабадского района.

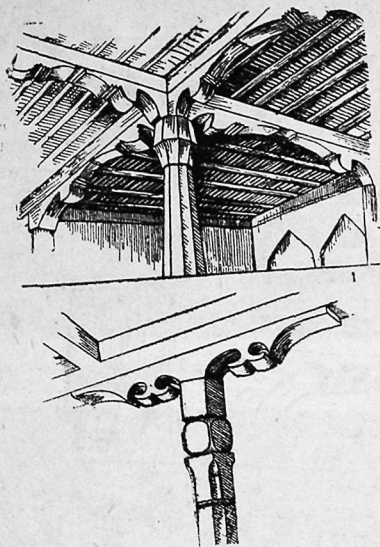


Рис. 57. Детали колонн: 1—верхняя часть колонны и подбалки в быв. мечети к. Рогон, быв. Оби-Гармского района, 1954; 2—то же в доме Амираджона Мухтарова в к. Егид (Дарваз).

Как мы уже упоминали, в некоторых домах Нижнего и Среднего Каратегина, а также изредка в Дарвазе, во дворе, неподалеку от жилого помещения (рис. 61) или перед ним (рис. 27, 37, 39), бывает устроена глинобитная площадка *суфа* (в долине Хакими в местном произношении *сэрфа*, как и в Кулябе), на которой обитатели дома проводят время и спят. В Среднем Каратегине (к. Казнок) нами записано сообщение, что раньше суфы делались только общественные, по одной в каждом квартале, для вечерних собраний мужчин, во дворах же домов их начали делать недавно уже после организации колхозов, в 30-х годах.

Чаще чем суфы, но тоже не во всех домах, а только в более зажиточных, встречаются большие деревянные кровати, называемые *каравот*, *кат*, а в Дарвазе еще и *манча*,⁹⁸ которые стоят либо во дворе (рис. 21), либо на веранде. По словам наших информаторов-стариков из к. Казнок, деревянные кровати тоже появились недавно, в совет-

Летние сооружения.

Горные таджики очень чувствительны к духоте и любят свежий воздух и прохладу. Поэтому летом они совершенно не живут в своих домах, как, впрочем, и равнинные таджики и узбеки. После зимы, с наступлением тепла, все переселяются из дома на веранду, а затем на открытое место около дома, где часто проводят время и ночью, спят, расстелив прямо на земле подстилки, а на них постель, днем — в тени деревьев или виноградника (если он поднят на обрешетке— *катаки ток*), ночью — на открытом месте, где больше воздуха.

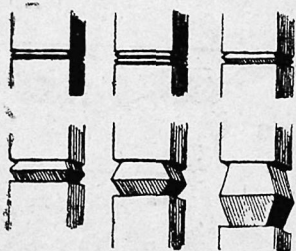


Рис. 58. Вырезанные пояски — *ангир-так* на колоннах в кишлаках Егид и Зыгар.

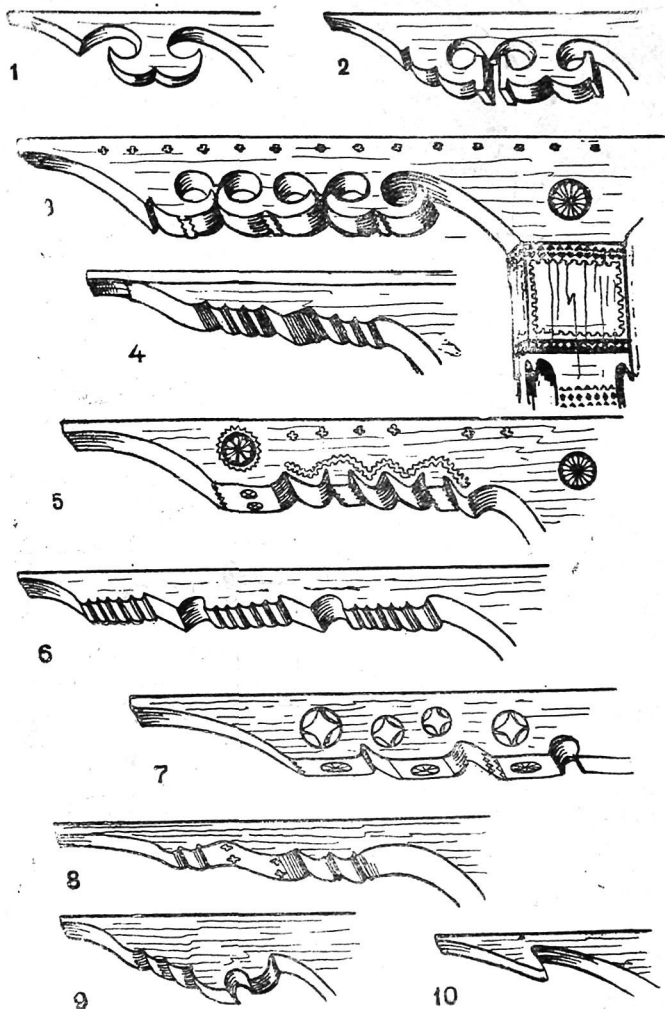


Рис. 59. Фигурные подбалки *овашк* над колоннами в зданиях бывших мечетей: 1—к. Яхч, Комсомолабадского района; 2—к. Элок, быв. Оби-Гармского р-на; 3—к. Шкев (Дарваз); 4—8—овашки в жилых домах, к. Зыгар (Дарваз); 9—овашк в жилом доме, к. Умарак (Дарваз); 10—к. Тегирми, Комсомолабадского района.

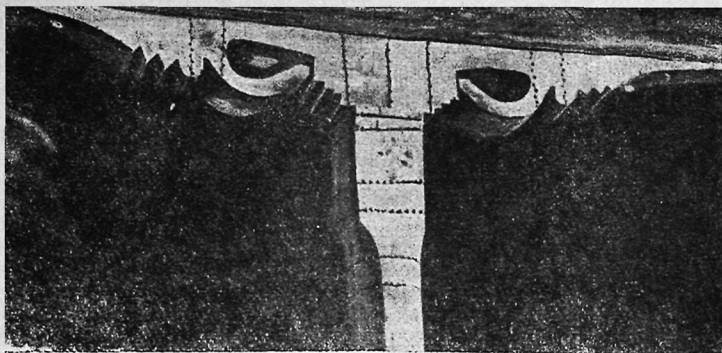


Рис. 60. Фигурная подбалка *овашк* над колонной бывшей мечети, к. Дяч, Комсомол-
абадского района, 1957 г.

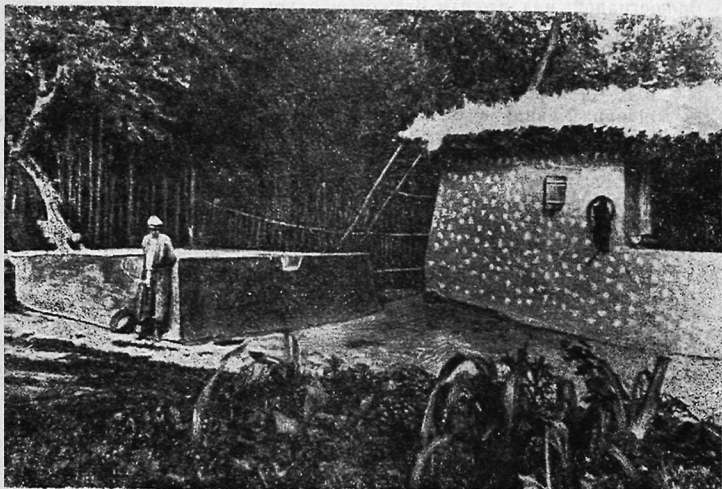


Рис. 61. Суфа около дома, к. Дин-Та, Комсомолабадского района, 1953 г.

ское время; в долине Хакими (Нижний Каратегин) нам сообщали, что там они начали делаться еще позже, только в 40-х годах. В Среднем Каратегине они, по-видимому, имели значительное распространение уже в начале 30-х годов, так как на photographиях, сделанных в 1932 г. отрядом по изучению населения Таджикской комплексной экспедиции, мы обнаружили немало таких кроватей в кишлаках Гармского района.⁹⁹

По сведениям, собранным И. Мухиддиновым в 1960—1961 гг. в Дарвазе, деревянные кровати, начавшие распространяться там еще в 30-х годах, делались иногда с переплетом из ветвей (к. Ёгид) или

с настилом из плетеных щитов *чапарак* (к. Хост) вместо дощатого настила. Иногда кровати делаются высокими, и к ним бывает приставлена деревянная лесенка — *шатапоя, палампо, зинапоя*, в к. Егид — *селу(н)*. В старину в Дарвазе деревянные кровати бытовали только в домах богатых чиновников и обычно были обильно украшены резным орнаментом.

В некоторых местах Среднего Каратегина, например в к. Бедаки-Поён, часто около или неподалеку от дома устраивают более или менее высокий дощатый помост, заменяющий суфу или кровать (рис. 34).

В дарвазском кишлаке Джорф мы видели около дома одного учителя большое летнее жилье — *капа*¹⁰⁰, со стенками и легкой кровлей из тонких ветвей. В этом летнем жилье стояла металлическая кровать с сеткой, детская колыбель, к одному из столбов был прикреплен металлический рукомошник; земляной пол был покрыт подстилками.

Очень редко в кишлаках Каратегина и Дарваза можно встретить глинобитную суфу с двускатным камышовым навесом над ней (она очень характерна для южных кишлаков кулябской группы, где называется *чапкандй*). Такое сооружение — двускатная крыша на жердях, устроенная в качестве беседки, огороженной низкой деревянной балюстрадой, над вторым этажом в одном из домов в Припянджском Дарвазе, приведено А. А. Семеновым (Этнографические очерки Зарафшанских гор..., стр. 34). В Каратегине суфа с двускатным камышовым навесом зарегистрирована нами в к. Яхакпаст. В долине р. Хингоу, в к. Чильдара мы видели в 1956 г. такой навес на столбах в доме Кишвара Хайдарова (рис. 62, 1); хозяин назвал его *шушилка* (очевидно из-за некоторого сходства с сушилками для коконов, которые тоже не имеют стен). Однако, как нам говорили, это сооружение было единственным в округе и больше ни у кого такого не было. Такие же навесы на столбах в 1956 г. были еще на бахчах в окрестностях б. к. Хаит; только вместо глинобитной суфы внизу был деревянный помост, поднятый на метр и более над землей, на который вела небольшая лесенка.

В Нижнем Каратегине на бахчах часто возводят из ветвей легкие шалаши — *капа* подковообразной формы (рис. 63) или состоящие из составленных под острым углом в виде карточного домика двух щитов.

В некоторых местностях Припянджского Дарваза особую проблему составляет защита от комаров и мошек, которых много бывает вечерами. Чаще всего эта проблема разрешается постройкой неподалеку от жилья легких помостов на жердях — *чольоб, чойлоб*. Они делаются обычно на высоте не менее метра и до двух метров над землей; поэтому к ним всегда приставлена лестница (рис. 64). Чойлобы зарегистрированы нами в кишлаках Пшихарв, Кургова, Джорф, Пуни-Шор (в Умараке их нет). Чойлобы на высоких столбах часто делают на бахчах. А. А. Семенов писал, что в 1898 г. помосты имелись почти под каждым раскидистым деревом близ дома.¹⁰¹

Если селение расположено вдоль горной быстрой речки, то жители прибрежных домов, как только начинает темнеть, спускаются (захватив с собой постель, а женщины, неся на головах колыбели) к самой воде, где комаров нет, и проводят там ночь в сплетенных из прутьев шалашах *капа* различной формы, чаще всего прямоугольной, с легкой крышей и плетеными стенами или на помостах чойлоб, которые в этом случае бывают не такими высокими, как вдали от воды (рис. 65). В некоторых домах, расположенных у речки, за последние годы иногда

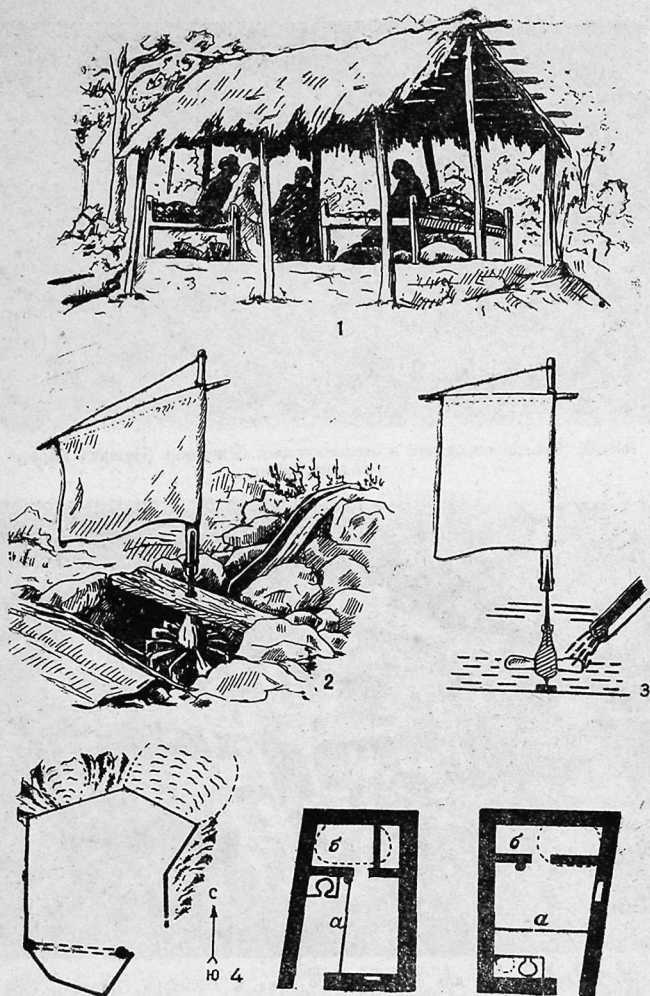


Рис. 62. Летние сооружения: 1—открытый со всех сторон навес в доме Кишвара, к. Чильдара (бассейн р. Хингоу); 2 и 3—веер-опалало—*бодбарак*, приводимый в движение водой, к. Егид, 1956; 4 и 5 — планы летних жилищ на летовке Пшогад, куда выходят жители к. Егид: а—жилье с нарами и очагом, б—кладовая. Под кладовыми на склоне устроены хлева; 6 (внизу слева)—план летнего сооружения *яхдон* в к. Джорф.

строятся более прочные, из гладких досок сооружения для сна (к. Джорф) — в виде беседок с деревянной стенкой высотой 60—70 см.

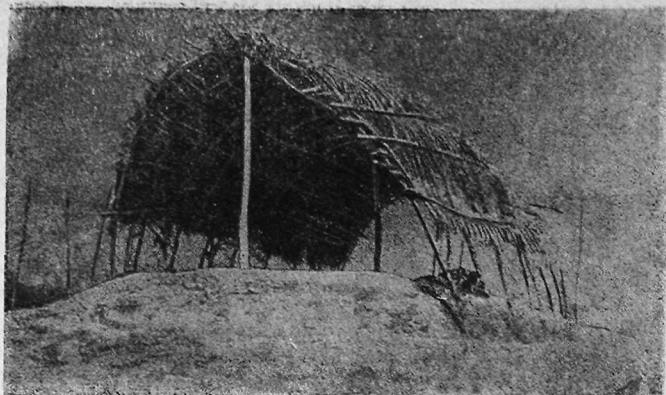


Рис. 63. Шалаш на бахчах в окрестностях к. Джавони (Нижний Каратегин), 1953 г.

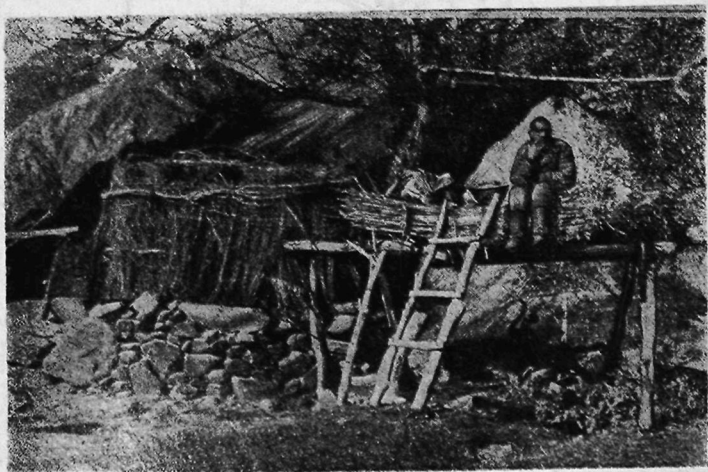


Рис. 64. Чойлоб—помост для сна, около дома, к. Пшихарв (Дарваз), 1954 г.

В долине Пянджа раньше чойлоб тянулись вдоль всего побережья. На левом берегу они видны и сейчас; характерная черта многих из них — небольшой подковообразный шалашик с одного края помоста, в котором днем хранится постель.

В ряде припянджских кишлаков зарегистрирован еще один интересный способ защиты от комаров — вращающийся веер-опахало, приводимый в движение водой (рис. 62, 2 и 3). Вода из желоба падает на колесо, подобное мельничному, и приводит его вместе с вставленным в него вертикальным стержнем во вращательное движение. Вмес-



Рис. 65. Шалаши — *капа* на месте ночлега у берега речки, к. Курговад (Дарваз), 1954 г.

те с ним вращается и прикрепленное к стержню полотнище. Рядом с веером бывает устроена гладкая площадка, на которой располагаются на ночь и нередко сидят и днем люди: ветер от вращающегося опахала приносит прохладу и отгоняет комаров. Иногда для большей прохлады ниже водяного колеса над струей воды укладывают плетеные щиты чапарак, и постель стелят на них. Описанное устройство называется в кишлаках выше Калаи-Хумба (к. Джорф) *пашахайкунак* — отгоняющее комаров, а ниже (кишлаки Ёгид, Пуни-Шор, Зыгар) — *бодбарак* — веер. Бодбаракі бывают в кишлаках не во всех домах. В больших кишлаках Ёгид и Пуни-Шор в годы нашего обследования их было около десятка в каждом, в Джорфе — три, в Зыгаре — один. В Ёгиде нами записано, что за последние годы количество бодбараров увеличилось, раньше их было меньше.¹⁰²

Наконец, в к. Джорф нами зафиксирован еще один вид убежища от комаров — *яхдон* (в местном произношении *агдун*) — ледник. Выбирают какое-либо место на склоне, с нависающими камнями, ранней весной набивают все пространство под камнями и все щели между ними снегом, пристраивают из плетня загородку, сооружают легкую крышу из ветвей и в получившемся помещении, часто самой неправильной формы, ночуют. Холод здесь такой, что приходится накрываться теплыми одеялами, зато комаров нет совершенно. В осмотренном нами яхдоне (рис. 62, б и рис. 66) через него протекал небольшой арык, и щиты для сна были положены над ним. На них отдыхают днем в жару и спят ночью обе семьи, живущие в квартале Буни-Ку.

Выбор того или иного вида летнего сооружения зависит от местных условий. Например, в к. Джорф, где применяются все четыре описанных вида убежищ от комаров, семьи, живущие близ реки, спускаются на ночь к воде, живущие же далеко от реки, выше по склону (в кварталах Буни-Ку, Выгай, Пуни-Куча) устраивают себе опахала, строят помосты чойлоб, а если поблизости от дома имеются подходящие условия, сооружают себе яхдон. В 1956 г. в Джорфе было 12 яхдонов, три опахала и много чойлобов.



Рис. 66. Летнее сооружение для спанья яхдон (ледник), к. Джорф (Дарваз), 1956 г.

В горах в расщелинах скал, под камнями и т. п. образуются естественные яхдоны, которые также используются людьми. Например, по дороге из Вишхарва в Джорф имеется яхдон в узкой щели между камней. Идущие по этой дороге делают здесь обычно привал, садятся на край яхдона и спускают вниз ноги, чтобы скорее прошла усталость.

Летние жилища строятся еще и на летовках — *эл*, *элга*, куда раньше выходили со своим скотом почти все семьи кишлака. Иногда там сооружались такие же дома, как и в зимних селениях. Например, на летовках кишлаков Курговад и Егид, (рис. 62, 4 и 5), а также на летовках Джугуни и Ёун, куда выходили жители к. Шкев, каждое из 60 хозяйств имело по дому — в нижнем этаже делали помещение для скота — *офил*, а над ним, на втором этаже жилье — *хона*. Однако обычно жилища на летовках делались в виде простых сооружений из камней или из веток — *кана*. Кроме того, там устраиваются открытые загонь для скота — *шола* и помещения для хранения молочных продуктов. Так как летом в доме не живут, то для приготовления пищи и выпечки хлеба делают где-нибудь на открытом воздухе, около дома, очаги; иногда над ними устраивается легкий навес на жердях, называемый *хаспушак* (к. Пшихарв). В некоторых дарвазских кишлаках (Курговад, Умарак) при домах строят специальные помещения — летние кухни — *аловга*, *ошхона* или *аловхона* — в виде открытого с одной стороны навеса или даже закрытое помещение, где находятся очаги и небольшие нары для кухонного инвентаря.

Молочные продукты хранятся под большой круглой корзиной на открытом воздухе или в кладовой. В Дарвазе для хранения летом молочных продуктов на крыше дома или где-нибудь в сторонке на земле устраивается плотно сплетенный из ветвей дугообразный или прямоугольный шалаш, с плетеной же дверкой или без нее, закрываемый плетеным щитом (рис. 64, слева).¹⁰³

Общественные постройки. Самое заметное здание в кишлаке—это чаще всего школа, которая всегда бывает выбелена и выделяется светлым пятном на фоне прочих построек. Распространенные в маленьких кишлаках начальные школы сооружаются обычным для местного строительства способом, в Дарвазе из камня, в Каратегине — из битой глины. В таких школах классы бывают расположены в одну линию и выходят дверями, находящимися в торцовых стенах, в проход между ними или на веранду. В настоящее время школы часто строятся из сырцового кирпича; даже в самых дальних кишлаках они имеют окна с застекленными рамами и бездымное отопление. При школах часто есть участок земли, разбит сад. В крупных кишлаках и районных центрах имеются школы-десятилетки, а также школы-интернаты. Все они размещаются в специально построенных зданиях, часто городского типа, хорошо отапливаемых, с большими окнами, большей частью с электрическим освещением, с большими дворами, оборудованными спортплощадками — сеткой для волейбола, турниками и пр. (школы в кишлаках Тегирми, Самсолук, Комсомолабад).

При сравнении осмотренных нами школ со школами, описанными В. В. Гинзбургом в 1932 г., ясно видна громадная работа, проделанная за истекшие годы в области школьного строительства в кишлаке. Тогда школы обычно не имели дворов, иногда даже печного отопления и уборных, нередко начальные школы состояли всего из одного класса. В лучшем случае это было «четырёхугольное здание, к которому иногда пристроено одно-два крыла».¹⁰⁴ Современные школы намного благоустроеннее, причем даже за годы после начала нашего обследования произошел большой прогресс. Очень показательным в этом отношении здание школы-десятилетки, построенное в далеком высокогорном кишлаке Сагырдашт в 1959 г. (рис. 67).

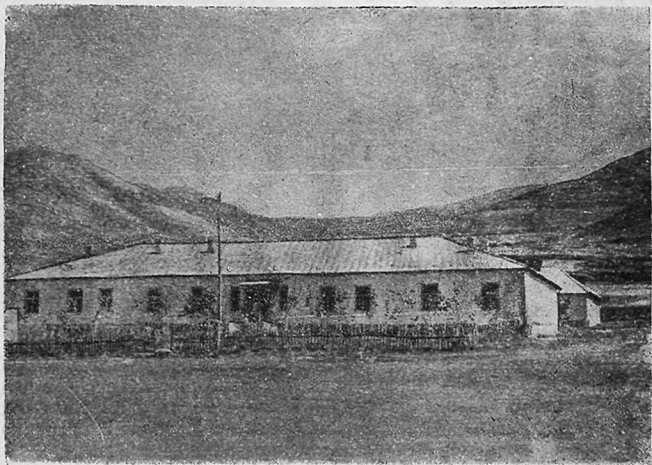


Рис. 67. Школа-десятилетка в к. Сагырдашт (бассейн р. Хингоу), построенная в 1959 г. Фото 1961 г.

Относительно архитектуры дореволюционных старометодных школ — мактаб мы сведений не имеем. Известно только, что такие школы

были во многих кишлаках, в больших даже по несколько. Например, в к. Работ в долине р. Хумбоу было четыре школы, по числу кварталов. Вероятно, эти школы, как и на равнинах, функционировали при мечетях.

Были в Каратегине и высшие конфессиональные училища — *мадраса*. Об этом можно судить по названию к. Мадраса около Калаи-Хумба. А. З. Розенфельд в 1953 г. было записано предание о том, что в кишлаке Ходжа Валишо (Каратегин) находятся развалины крепости, где когда-то жил местный правитель — *ша*, и там среди прочих построек было и медресе. Медресе было и в Гарме. Однако ко времени нашего обследования здания эти не сохранились.

Местные административные учреждения — конторы сельских советов, правлений колхозов обычно помещаются в специально построенных зданиях иногда местного, иногда уже городского типа, крытых шифером, с большими окнами. Внутри они обставлены мебелью, в них всегда есть столы, часто покрытые суконной скатертью (в кабинетах председателей колхозов и сельсоветов они часто стоят в виде буквы Т), имеются стулья, в больших кишлаках — диваны. Часто при этих учреждениях имеются садики или озелененные дворы с цветниками (рис. 68), а в них суфы или деревянные помосты.

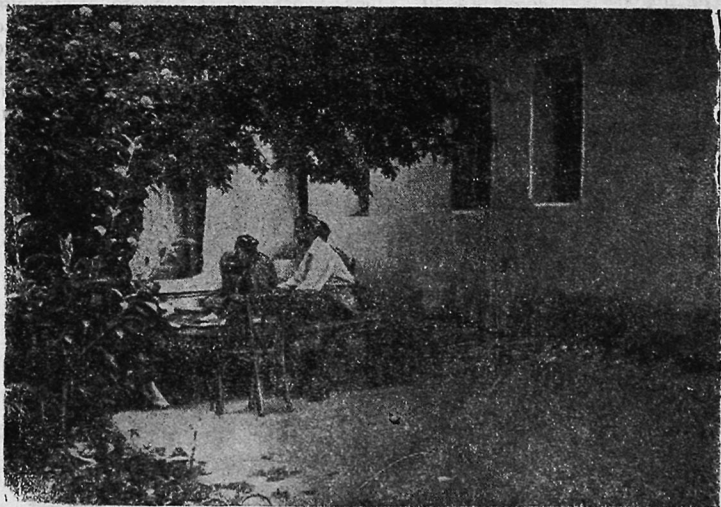


Рис. 68. Правление колхоза в к. Казнок, Гармского района, 1957 г.

Все более благоустроенные здания возводятся для больниц, магазинов, библиотек, отделений связи и пр. Особенно интенсивно ведется это строительство за последние годы. Даже в таких удаленных высокогорных кишлаках как Сагырдашт в бассейне р. Хингоу нередко под эти учреждения строятся здания городского типа (рис. 69).

Во многих больших кишлаках существуют даже гостиницы для приезжих. Например, в том же Сагырдаште построена гостиница на 11 мест, городского типа, с деревянными полами и электрическим освещением.



Рис. 69. Больница на 10 мест, построенная в 1959—1960 гг., к. Сагырдаш (бассейн р. Хингоу).

До сих пор еще из старых сооружений общественного пользования функционируют традиционные водяные мельницы — *осиоб*, раньше часто находившиеся в частном владении (рис. 70).

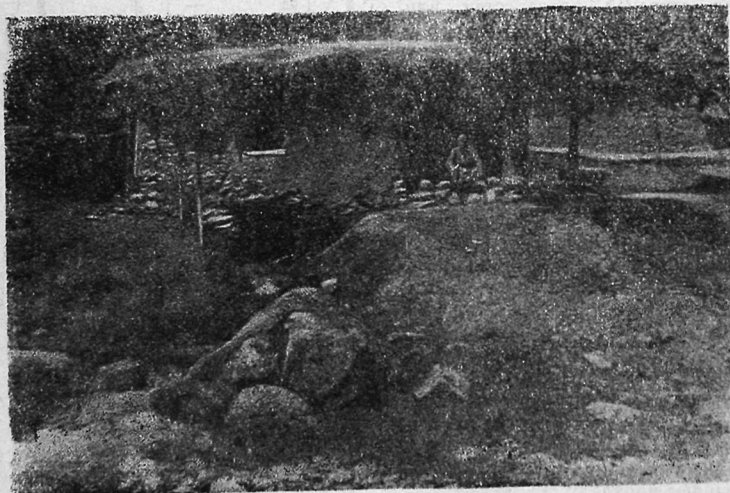


Рис. 70. Водяная мельница в к. Муджихарф, 1952 г.

Очень популярное и распространенное здание в современном кишлаке это, несомненно, клуб-чайхана, заменившее собою для tradi-

ционных вечерних сборищ мужчин мечеть и аловхону. Место для нее стараются выбрать наиболее живописное, в центре кишлака, часто на возвышенности, около больших тенистых деревьев и источника или арыка.

Клубы-чайханы, построенные за последние годы в больших кишлаках — Тегирми, Джавони, Навобод, не говоря уже о Гарме, — это просторные залы, размером 10—15×6—8 м, высотой метра в четыре. Окна обычно очень большие. Например, в Навабаде ширина окон в чайхане 170 см, а высота — 225 см. Располагаются они на высоте 20—30 см над уровнем нар, где на разостланных коврах и паласах сидят посетители. В больших клубах в удаленном от входа конце устраивают сцену (рис. 71, 3). Открытый балочный потолок поддерживается одним или двумя рядами колонн, чаще всего гладких, без орнаментации; двери одностворчатые или двустворчатые, досчатые или филенчатые, на шарнирах, с металлическими ручками.

Большую часть пола занимают глинобитные или деревянные нары — *суфа*, *дукон*, а собственно пол, в большинстве чайхан глинобитный, составляет либо небольшое углубление у входа — *таги пога*, либо более или менее длинный проход, прямой или изогнутый в виде буквы Г (рис. 71, 1 и 2). Иногда нары в клубах-чайханах делаются не в одной плоскости, а в виде двух широких ступеней вдоль стен или вдоль удаленной от входа торцовой стены. Таково устройство нар в чайхане в центре г. Гарма. Посредине или несколько ближе к входу находится печь, обогревающая чайхану в холодные месяцы, тут же громадный самовар или бак для кипячения воды.

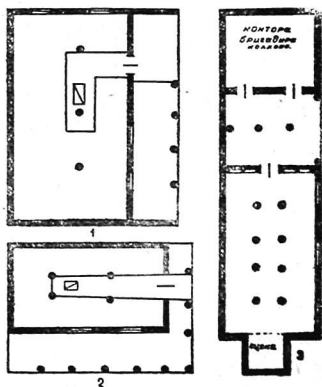


Рис. 71. Планы клубов-чайхан: 1—к. Тегирми, Комсомолabadского района; 2—к. Джавони (быв. Оби-Гармского района); 3 — к. Навабад, Гармского района.

Перед чайханой часто бывает открытая веранда — *долон*; иногда, например в к. Джавони, она охватывает чайхану с двух сторон. Колонны веранды, особенно стоящие при входе в чайхану, иногда имеют сложные фигурные основания, а также подбалки.

Закрытое помещение чайханы используется, в основном, в зимние месяцы. Летом вся общественная, как и домашняя, жизнь проходит на открытом воздухе. Около чайханы — на веранде, на специальных глинобитных или деревянных нарах-площадках или просто на земле в тени деревьев расстилают ковры и паласы, и приходящие устраиваются на них. Только в самое жаркое время дня, в местах, где нет деревьев и тени, переходят в помещение, толстые глинобитные стены которого сохраняют прохладу.

Чайханы Каратегина и Дарваза летом необычайно живописны благодаря удачно выбранному месту, обилию деревьев и воды, красоте окружающих гор и традиционному умению таджиков красиво оформить пространство, создать с помощью самых ограниченных средств—

нескольких цветных подстилок, разложенных в тени деревьев, — красоту и уют. Особенно хороши многие чайханы, расположенные в больших населенных пунктах вдоль автомобильных трактов. Кто хотя бы раз проехал по Каратегину и Дарвазу, тот навсегда запомнил величественные, в несколько обхватов чинары, карагачи, орешины, под мощными кронами которых располагаются чайханы — в Калаи-Хумбе, Казноке, Янголике, Комсомолабаде. В последних двух кишлаках с высоко поднятых площадок чайхан открывается прекрасный вид на долину Сурхоба с разбросанными по горным склонам большими и малыми зелеными пятнами кишлаков.

В маленьких кишлаках клубы-чайханы гораздо скромнее по размерам, но нередко не менее живописны. Иногда они помещаются в переделанных зданиях старой мечети.

Летом, когда колхозники заняты на полях, людей в чайханах вечерами собирается меньше, но и в это время всегда кто-нибудь есть, и каждый приезжий может рассчитывать там на гостеприимство. У чайхан собираются несколько человек, они приносят из домов пищу, и допоздна идет беседа. Зимой же все мужское население кишлака, как правило, проводит вечера в чайханах, а холостая молодежь иногда остается там и ночевать.

Традиция совместного препровождения вечернего времени мужской частью населения в Средней Азии очень древняя, она восходит к мужским домам, бытующим или бытовавшим у многих народов мира.¹⁰⁵ В дореволюционное время в горах Каратегина и Дарваза местами таких собраний мужчин были *алоухона* — дома огня. В них в зимние месяцы каждый вечер собирались мужчины данного селения, совместно съезжали приносимую из домов пищу, а затем проводили время за беседой и развлечениями.¹⁰⁶

Подробное описание каратегинских алоухона и кишлачных мечетей дано в работах Н. А. Кислякова. Он отметил характерные их черты: большое помещение, перекрытие которого поддерживается четырьмя стоящими посредине толстыми столбами, небольшое углубление у входа — *таи пога*; в алоухона — большое углубление *чахлак*, окруженное широкими ступенями, на которых могли бы разместиться 50—60 человек; оно устраивается в центре, в углу или сбоку помещения, потолок над чахлаком в виде припамирского деревянного свода или в виде специального сооружения: на крыше над чахлаком оставляется большое прямоугольное отверстие, по краям которого возводятся четыре невысокие стенки, имеющие сверху плоскую или двускатную крышу; в торцовых стенках этого сооружения делаются отверстия, закрываемые, когда огонь не горит, деревянными ставенками — *дарича*. При устройстве перекрытия в пространстве между балочками укладываются не жердочки—*васа*, а плоские каменные плиты, чтобы предохранить потолок надстройки от огня, разводимого в чахлаке.

Пол алоухона покрывается соломой, поверх которой расстелены кошмы и паласы, приносимые жителями кишлака или приобретаемое складчину.

Рядом с алоухона находится помещение собственно мечети — *хонақо*, служащее для совершения намазов. Оно отличается от алоухона тем, что в нем нет чахлака, но есть михраб. Н. А. Кисляков отмечает случаи, когда мечеть и алоухона объединены в одном помещении, и высказывает мнение, что «тип здания, в котором мечеть и алоухона находились в одном помещении, по-видимому, является более древним, чем тот, где имелись отдельные от алоухона хонақо», что

функция алоухона, как общественного «дома огня», более древняя и что мечетью алоухона стали с распространением в крае ислама.¹⁰⁷

К этому совершенно правильному, на наш взгляд, положению можно добавить, что население, говоря о мечети, чаще всего подразумевает под ней алоухона и мечеть, объединенные в одном помещении, а собственно мечеть, без алоухона, называет *хонақо*.

Для примера приведем план алоухона в к. Сафедорон, находящейся в одном помещении с мечетью (рис. 72, слева), план алоухона и мечети в к. Кочони-Боло, находящейся в двух смежных помещениях (рис. 72, справа, а также фото мечети и алоухона в к. Хазорчашма, Гармского района, рис. 73). Время постройки алоухона и мечети в Ко-

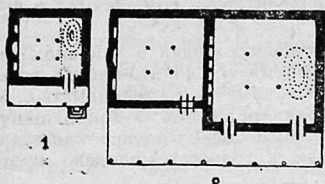


Рис. 72. Планы алоухона и мечетей в Каратегине: 1 — алоухона-мечеть в к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу) (по М. Р. Рахимову); 2 — алоухона и мечеть, расположенные рядом, в двух отдельных помещениях, к. Кочони-Боло, Гармского района.

чони-Боло неизвестно, в 1933 г. производился капитальный ремонт, переделывалось перекрытие. Приведем описание кочонской алоухона и мечети (по материалам Н. Х. Нурджанова). Алоухона очень велика — $11 \times 11,5$ м, высота ее равна 8 м, хонако — 9×9 м при высоте 7 м. Перед обоими помещениями проходит общая открытая спереди веранда — *долон*, высотой, соответственно высоте алоухона и мечети, в восточной части — 8 см, а в западной — 7 м. Над чаклаком в крыше

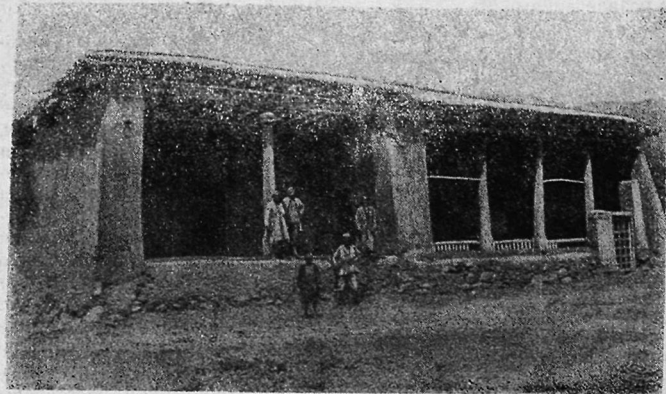


Рис. 73. Мечеть (слева) и аловхона в к. Хазорчашма, Гармского района, фото МАЭ АН СССР, 1932 г.

алоухона устроен большой *рузан* (свето-дымовое отверстие) припамирского типа из наложенных наискось друг на друга квадратов; в верхней части восточной стены на высоте 3,5 м над полом устроено окно с деревянной ставенкой — *дарича*, размером 90×60 см. В стенах алоухона и мечети на высоте 120 см над полом устроены узкие (50—60 см) и очень высокие (5—6 м) ниши — *тоқ*.

Отопление чахлаком и освещение черными свечами-лучинами наполняло алоухона дымом и копотью, и за зимний сезон бороды стариков из белых превращались в грязно-желтые.

В алоухона имелись две двери: одна, крайняя, всегда служила для входа и выхода, прилегающую же к хонако дверь открывали только перед намазами, и через эту дверь по веранде люди переходили из алоухона в хонако на молитву. Иногда веранда перед алоухона и хонако разделена стеной, в которой имеется проем для прохода на молитву (рис. 73). Бывает, что алоухона и мечеть построены на некотором небольшом расстоянии одна от другой.

Описываемая алоухона в к. Кочони-Боло функционировала до 1937 г.; в ней ежевечерне с ноября по май разводили огонь — *алоу*,¹⁰⁸ у которого собиралось всегда не менее 100—150 человек.

Согласно прочно укоренившейся традиции, люди в алоухона группируются по возрасту — с западной стороны костра сидели старики; среди них, опираясь спиной на колонну, самый старший, 104 лет, которого каждое утро на спине приносили, а поздно вечером относили домой; с северной стороны сидели люди зрелого возраста, ближе к выходу — молодежь, еще ниже — мальчики до 14 лет, которые приносили из дома чай, хлеб и пр., а потом оставались послушать беседы. Для молодежи это была своеобразная школа: здесь пели песни, читали стихи, устраивали представления масхарабозов, чтение грамотными людьми книг; здесь же обсуждались все хозяйственные дела, и молодежь перенимала от старших житейский опыт.¹⁰⁹

Топливо, подстилки и прочее необходимое для алоухона приносили все посещавшие ее. Отходники иногда приносили специально для алоухоны из городов кто чайник, кто ведро.

В кочонской алоухона прислуживал присутствующим служитель мечети — *муаззин* (в местном произношении *мувазин*). Он сообщал об очереди на доставку в алоухона топлива, закрывал после прогорания огня рузан и т. п.

В настоящее время на веранде спереди сооружена стенка, и помещение превращено в чайхану. Весной здесь колхозники выводят червей тутового шелкопряда.

Мечети отличались от алоухона отсутствием чахлака. Поэтому в них не было такой грязи и копоти и их чаще отделывали архитектурным декором.

Из других сооружений, связанных с религиозным культом, во многих местах имеются святыни — *мазор*. Чаще всего это источники, считающиеся священными, отдельные священные деревья или целые рощи (например, около к. Яхч) или скалы, или могилы «святых» людей на кладбище. Но над некоторыми наиболее значительными из них возведены постройки из жженого кирпича (например, мазар в Фатхабаде, рис. 74, мазар в к. Хазрати-Бурх, мазар в к. Калаи-Хусайн).¹¹⁰

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В годы нашего обследования (1952—1957) в Каратегине и Дарвазе начался процесс перехода от старых традиционных форм жилища к новому, значительно более благоустроенному и чистому, чем старое, — с печным отоплением, большими окнами и дверями городского типа, с отделенными от жилья хозяйственными помещениями, в частности кухней. Это жилище чаще всего состоит из комнаты с передней или из ряда комнат, выходящих на расположенную перед ними веранду.

Единого определенного типа нового жилища в 50-е годы еще не сложилось.

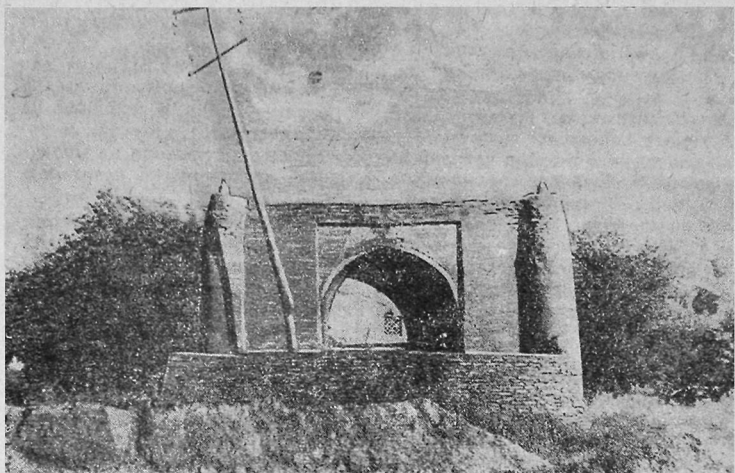


Рис. 74. Мазар в к. Фатхабад, Гармского района, построенный в XIX в., фото 1953 г.

2. Благоустройство жилища (в первую очередь введение печного отопления) и повышение материального и культурного уровня горных таджиков имеет своим следствием улучшение внутреннего убранства дома, появление дорогих и красивых бытовых вещей (одежда, ковры, вышивки, приемники и пр.), удобной домашней утвари заводского и артельного производства.

3. В связи с тем, что в условиях колхозной деревни рабочий и молочный скот колхоза содержится на фермах и количество скота, находящегося в личном пользовании колхозников, сократилось, количество хлебов и помещений для фуража в усадьбах тоже уменьшилось.

4. В годы нашего обследования в Каратегине и Дарвазе преобладали традиционные жилища двух типов — равнинного и припамирского.

Равнинный тип жилища состоит из одной прямоугольной жилой комнаты и примыкающей к ее торцовой стене веранды, по другую сторону которой иногда находится кладовая. Это жилище сравнительно новое, распространяющееся снизу из прилегающих к Каратегину равнинных районов, где оно бытует как среди таджиков, так и среди узбеков. Оно широко распространено в Нижнем и части Среднего Каратегина и продвигается в вышележащие районы Каратегина и в Дарваз. Так как это жилище легко приспособить к новым требованиям и условиям жизни (введение бездымного отопления и пр.), то оно вытесняет более старый тип традиционного жилища — припамирский. В основном это жилище одной брачной пары.

5. Припамирский тип является исконным традиционным типом жилища Каратегина и Дарваза. Оно состоит из большого квадратного или близкого к квадратному помещения, без окон, над центральной частью которого возведен характерный срубный ступенчатый (по определению некоторых исследователей кассетный) свод, со свето-дымовым

отверстием в центре. По устройству нар мы выделяем в данном типе жилища три варианта: 1) ванчский, в котором вдоль всех стен, кроме входа, имеются высокие глинобитные нары, а в центре, под деревянным сводом углубленный прямоугольник пола — *пога*; с одной стороны нары имеют форму двух широких ступеней, в крае верхней находится очаг, открытый в сторону пога; 2) дарвазо-каратегинский, где пога имеет Г-образную форму и очаг находится в крае нар, выходящих в загнутую часть пога и 3) шульмакский, где, собственно, нар нет, вся площадь пола ровная, небольшие углубления имеются лишь при входе и под свето-дымовым отверстием, а очаг устроен у одной из стен в специально возведенной глинобитной площадке.

Первый вариант, ванчский, бытовал в годы нашего обследования только в двух самых верхних кишлаках Дарваза, второй, дарвазо-каратегинский, — по всему Дарвазу, бассейну р. Хингоу, Верхнему и части Среднего Каратегина (Таджикабад), третий, шульмакский, — в Среднем Каратегине.

В Дарвазе и Каратегине наблюдаются различия в терминологии, связанной с жилищем.

Припамирский тип жилища по своим общим для всех трех вариантов чертам — большому помещению зального типа и ступенчатому срубовому своду сходен с вариантами жилища, бытующими в Припамирье.

Помимо Припамирья, Каратегина и Дарваза, характерные черты его, особенно потолок, встречаются в районах, примыкающих к ним с юга, что дало основание И. И. Зарубину определить его как «единый на всем пространстве от Каратегина до Канджута»¹¹¹. Имеются данные о наличии такого потолка и к северу от Зеравшанского хребта.¹¹²

Вторая большая область недавнего бытования жилища с потолком интересующего нас типа — Закавказье: высокогорная Армения, Нагорный Карабах, Грузия, Южная Осетия.¹¹³

Исходя из факта бытования деревянного срубового сводчатого потолка в Припамирье и Закавказье, а также его высеченных в камне имитаций в древних пещерных храмах Бамиана (Афганистан) и Кизила (Восточный Туркестан), М. С. Андреев высказал в 1929 г. мнение о том, что этот потолок был некогда распространен на всем пространстве между Закавказьем и Припамирьем.¹¹⁴

Жилище припамирского типа было жилищем большой патриархальной семьи. В настоящее время большая патриархальная семья постепенно исчезает, и припамирский тип жилища отмирает. Способствует этому и трудность приспособления такого большого помещения к современным условиям быта.

ОДЕЖДА

Первые сведения об одежде таджиков Каратегина и Дарваза встречаются в ряде работ, начиная с конца XIX в. Так как все они написаны людьми самых разнообразных профессий, совсем не ставивших своей целью изучение одежды, то и сведения, содержащиеся в них, имеют характер общих путевых замечаний и обычно ограничиваются указанием на материал, из которого сшита одежда, и кратким перечислением самих предметов одежды.¹

В некоторых работах встречаются более подробные описания: так, например, Г. А. Арандаренко и А. А. Бобринский дают сведения о ремесленниках, изделия которых, ввиду изолированности Каратегина и Дарваза и отсутствия там привозных фабричных товаров, определяли костюм горца. Там, где можно было посеять или приобрести хлопок, одежда была хлопчатобумажная, в тех же кишлаках, где хлопка не сеяли или его было очень мало, одежду делали не из хлопчатобумажной, а из шерстяной ткани. Только после присоединения Средней Азии к России фабричные ткани стали проникать в эти отдаленные уголки Восточной Бухары. Так, в Каратегине, более доступном в смысле дорог, в 1896 г. были лавки, где можно было купить фабричную мануфактуру.²

Многие авторы (Г. А. Арандаренко, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. Л. Иванов), давая описание одежды, подчеркивали необыкновенную бедность подавляющего большинства горцев, особенно дарвазцев, доходившую часто до нищеты. Упоминания об одежде привилегированных зажиточных лиц показывают, что она по составу и покрою, в основном, была такая же, как и у всего населения, но отличалась количеством вещей и качеством тканей, из которых была сшита; иногда же была более широкого бухарского покроя, так как часто привозилась из Бухары.

Из специальных этнографических работ дореволюционного периода большой интерес представляет прежде всего книга А. А. Семенова, в которой впервые дается сравнительно полное описание мужского, женского и детского костюма каратегинцев и дарвазцев.³ Автор останавливается на покрое и приводит сведения о некоторых социальных различиях в мужском костюме и возрастных—в женском. В посвященной прикладному искусству горных таджиков книге А. А. Бобринского дано не только прекрасное подробное описание и воспроизведение чудочного орнамента и орнамента на лицевых занавесках, но и сжатое описание костюма и некоторых кустарных промыслов.⁴

В советское время некоторые сведения по орнаменту одежды дарвазских таджиков опубликованы М. С. Андреевым⁵, Н. А. Кисляковым дано полное описание костюма охотника,⁶ Е. М. Пещерева упоминает о расшитых шелками женских рубахах и мужских тюбетейках с чрезвычайно богатым и разнообразным орнаментом, характерным вообще для Каратегина.⁷ Некоторые материалы были собраны в 1964 г. в дарвазском кишлаке Егид О. Л. Данскер.⁸

В 1946—1947 гг. С. П. Русайкина занималась специально сбором и изучением материала по национальному костюму населения Каратегина и Дарваза, результатом чего явился ряд ее работ,⁹ в которых приводится большой материал по одежде населения обследованных районов, снабженный прекрасно выполненными иллюстрациями; однако в этих работах недостаточно ясно проводится дифференциация между одеждой Каратегина и Дарваза, а в аннотациях и иллюстрациях часто не указывается место и время изготовления вещей.

В 1953 г. вышла статья Н. А. Кислякова, в которой дается обстоятельное описание лицевых занавесок Каратегина и Дарваза (главным образом по собраниям МАЭ и ГМЭ и некоторым частным), их использования в быту и районов бытования.¹⁰

В 1952—1957 гг. систематические сборы материалов по одежде проводились Гармской этнографической экспедицией на всей территории Каратегина и Дарваза, за исключением долины р. Хингоу.

Собранный сотрудниками этой экспедиции материал и послужил основой для настоящей главы; в ней использованы также коллекции этнографического фонда Института истории им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР (Душанбе) и частично Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии (Ленинград).

ШИТЬЕ ОДЕЖДЫ И ШВЫ

Почти каждая таджикская женщина или девушка умеет шить и обычно сама шьет одежду для себя и своей семьи; лишь иногда в ответственных случаях обращаются к помощи тех, кто делает это лучше, компенсируя труд чаще всего чем-нибудь из продуктов.

Девочки начинают шить и вышивать лет с 8—9, учась у своих матерей и соседок.

Несмотря на то, что в последнее время не только в районных центрах, но и в кишлаках в быт широко вошли швейные машины, в кишлаках еще иногда одежду шьют на руках, а швейная машина больше употребляется для украшения одежды машинной строчкой и для шитья тюбетеек.

Шитье и шов называются *дарз*, *дарз духтан*, один стежок — *кук*; если нужно что-нибудь зашить, говорят: *як кук бизан*. При сшивании двух кусков материала, если он хлопчатобумажный и не высыпается по разрезу, применяют обычно одинарный шов вперед иголку, называемый чаще всего *тепчй*, *тахгирак* (Гарм) или *песузан* (из *пешсузан*) (Дарваз). Шьют довольно крупными стежками. В женских платьях и мужских рубахах из домотканной материи полотнища иногда сшиваются по кромке через край, такой шов называется *дарзи сарак*.

Изредка в удаленных от центров кишлаках можно еще встретить старинный способ сшивания, при котором края материи накладываются один на другой, так что и с левой и с правой стороны шва видна кромка или бахрома края материи. Такой шов называется *ростаки сарак кардагй* (к. Хакими) или *кшыныкй* (к. Пшихарв), что значит «край

разорванной материи». В отличие от этого край подогнутой материи называется *мойра*. В старину считали, что применение шва кшыныки на платье предохраняет его носителя от сглаза. Подтверждение указанному суеверию можно видеть в том, что этот шов применяется при шитье одежды младенцев (см. ниже «Детская одежда»).

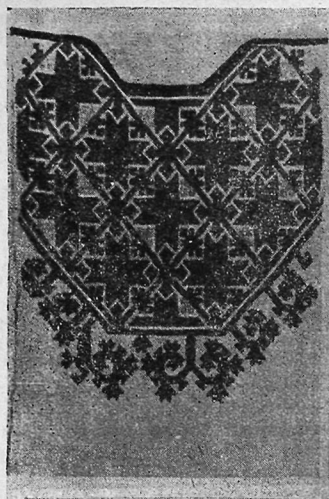
Если материал шелковый, то, чтобы он не высypался, его сшивают двойным швом — *молак*, сначала края ткани левой стороны сшивают швом вперед иголку, а потом край этого шва загибается и подшивается через край швом *сарак тепчй*. Термином *молак* называется еще рубец, которым подшивается подогнутый материал, например, подол платья.

Шов назад иголку называется *қаиқ*; часто им шьют, делая два три стежка швом вперед иголку и раз назад иголку, это называется *наскук*. Если каждый стежок шьют назад иголку, особенно при мелких ровных стежках и аккуратной работе, то получается строчка наподобие машинной. Таким швом часто при отсутствии швейной машины прострачивают ворота, приполки и подолы женских платьев. Комбинация швов вперед и назад иголку дает возможность создавать различные орнаменты. Это часто применяется при простегивании воротов мужских халатов.

В некоторых местах (Джиргаталя) для сшивания краев (кромek) карбоса в женских платьях, например для пришивания основания рукава к стану, применяется шов типа русского «козлика» или перекрещенного шва, называемый *сагдандон*. Расстояние между кромками материала составляет при этом 0,5 см.

Что касается швов, применяемых в вышивании, то в настоящее время наиболее распространенным, преобладающим швом является гладь вприкреп, называемая *гулдузй* (букв. вышивание узоров) или *гулдузиш якруя* — односторонний шов гулдузи. Вышивают этим швом крученым шелком, по лицевой стороне ткани, по рисунку, нанесенному карандашом или чернилами. Сначала протягивают нить от одного до другого края элемента орнамента, закрепляют ее, затем мелкими косыми стежками через правильные промежутки пришивают эту нить к ткани.¹¹ По воспоминаниям мастериц (Махбура Бобиева из к. Ялдамич), этот шов появился в центральных кишлаках Каратегина около 40 лет тому назад (запись 1957 г.), т. е. в начале 20-х годов.

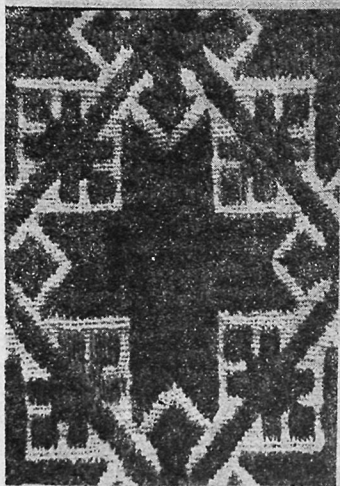
В старину вышивали швом *сияхдузй* или *чападузй*. В настоящее время этот старинный шов применяется в нижних (западных) кишлаках Дарваза — к. Егид и нижележащих. Техника этого шва следующая. Первоначально на карбос наносят черной ниткой контур узора, что собственно и называется *сияхдузй* — букв. шитье черным, шитье по черному (рис. 1, 1,2), а затем по обозначенному контуру зашивают части рисунка шелком, это *пуркуни* — заполнение. Для рассматриваемого шва характерно применение некрученого шелка, что определяет очень приятную шелковистую фактуру вышивки. Вышивают обязательно с левой стороны ткани (отсюда и второе название — *чападузй* — шитье слева, с изнанки) швом назад иголку, так, чтобы на изнанке был короткий стежок, а с лицевой стороны ложилась длинная нить (рис. 1). Шитье швом *сияхдузй* требует большой тщательности и сноровки, так как для получения правильных контуров орнаментов нужно очень точно по одной линии втыкать и выводить иголку при каждом стежке. Это делают, считая нити и следя за тем, чтобы иголка пришлась каждый раз между одними и теми же нитями основы и утка. Как и всякий шов со счетом ниток, *сияхдузй* хорошо получается на тканях полотняного переплетения кустарной выделки, но им почти невозмож-



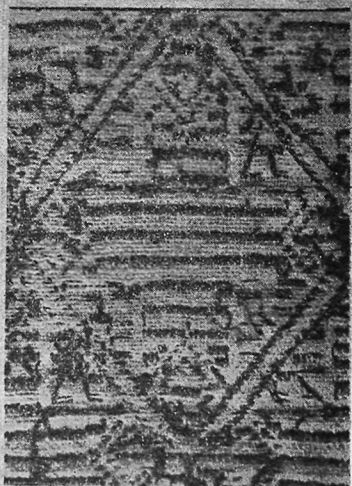
1



2



3



4

Рис. 1. Образец старинного шва *сияхдузӣ* или *чападузӣ*: 1 — перед для женского платья; 2—контур узора, нанесенный черными нитками (деталь); 3—вышивка по контуру (та же деталь); 4—обратная сторона (та же деталь).

но вышивать по тонким фабричным тканям. И мы наблюдаем, как с массовым распространением фабричных тканей шов сияхдузи сменяется швом гулдузи, сохранившись лишь в тех местах, где еще бытует кустарная выделка хлопчатобумажных тканей — в Дарвазе. Там мы застали очень интересный переходный момент, когда мастерицы стремятся выполнять новый модный орнамент на цветных платьях из фабричной ткани (см. ниже), но по традиции делают это техникой чападузи — вышивают с левой стороны ткани швом назад иголку, некрученым шелком, но уже по нарисованному, а не намеченному нитками контуру новых узоров.

В старину только этим швом вышивали получившие широкую известность свадебные лицевые занавески *рубанд* таджичек Дарваза и Верхнего Каратегина, нашивные переда, ворота платьев, концы рукавов женских платьев.

До последнего времени в нижних кишлаках Дарваза применяется шов крестом, называемый *пухтадузи*, который раньше был распространен значительно больше. Применяется он почти исключительно для вышивания по карбосу концов рукавов женских платьев и воротников детских, а иногда и мужских летних халатов без подкладки *ятак*.¹² Однако длинные полосы, нашиваемые на перед платья, мастерицами Дарваза и Каратегина крестом не вышивались.

Тамбурный шов, выполняемый железным вязальным крючком, вставленным в короткую деревянную ручку, применяется в Каратегине и Дарвазе в настоящее время очень широко, главным образом, для вышивания узорных полосок — *шероз*, *шероза* для обшивания края тюбетеек, для прострачивания подолов платьев. Шьют им, протыкая ткань крючком и захватывая снизу шелковую нитку нужного цвета, которая пропускается сквозь имеющуюся на крючке петлю и при дальнейшей вязке-шитье ложится на ткань. Сочетание ниток различных цветов дает возможность получить бесконечное разнообразие узоров. Полоски *шероз* вышиваются на ткани без пялец.

Вышивают готовыми шелковыми нитками, привозимыми из Душанбе; в кишлаках, где разводят коконы, женщины сами прядут нитки и окрашивают красками, купленными в магазинах.

В старое время с шитьем был связан ряд обычаев. Кройка и шитье производились по определенным «счастливым» дням: в среду кроили, в четверг шили и впервые надевали новую одежду. Считалось, что если новое платье надеть в пятницу, то платье сгорит. Сейчас о «счастливых» и «несчастливых» днях уже мало кто помнит.

Когда кто-нибудь надевает новую одежду, присутствующие поздравляют: *Муборак шавад* (да благословит тебя бог). Надевший обычно отвечает: *Худо муборак гардонад* (да благословит и вас бог). Иногда же он отвечает несколько по-другому: *Ба шумо тааллуқ, дорад* (пусть эта одежда принадлежит вам). Тогда поздравляющий снова говорит: *Ба худатон тааллуқ дошта бошад* или же: *Ба худатон насиб кунад* (пусть это принадлежит вам самим).

В старину надевание новой одежды иногда сопровождалось шутками, принимающими довольно острый характер. Так, кто-нибудь из присутствующих брал надевшего новую одежду человека за подол и, угрожая отрезать его, спрашивал: *Оронара метӣ ё не?* (Заплатишь ли ты за свою честь?), т. е. требовал угощения. Спрашиваемый должен был ответить согласием и говорил: *Бар худ дорам* (Беру на себя). Если же надевший новое платье не соглашался, то иногда доходило до того, что действительно отрезали конец подола, а если это касалось тюбетейки, то мяти ее или топтали ногами. При надевании новой

обуви в горах обычно говорили: *Дусто тоҷи сар шаванд, душмано та- ги по*, т. е. пусть друзья возвысятся, а враги будут унижены.¹³

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Характерной чертой развития современного мужского костюма таджиков Каратегина и Дарваза является массовый переход на общепринятую городскую одежду. Особенно большую роль в этом сыграло пребывание мужчин в армии в период Отечественной войны, во время учебы в городах и т. д.

Служащие, местная интеллигенция, передовые колхозники и молодежь в настоящее время носят почти исключительно городскую одежду: рубашку с отложным воротником, белый китель и брюки навыпуск, называемые *брук* или *шим*; пиджак — костюм и брюки навыпуск или заправленные в сапоги, гимнастерку — *куртаи гимнастерка* и брюки галифе — *'шими галифе/шими фулофй*, особенно распространены брюки цвета хаки (рис. 2, 1). В Гарме в годы нашего обследования модными считались брюки, сшитые из темного вельвета. В большом ходу, особенно у учащихся, майки, шаровары или бриджи, собранные у щиколотки на резинку. Рубахи и штаны национального покроя часто сохраняются, но носят их в качестве нижнего белья.

Основная масса колхозников носит смешанный костюм: штаны традиционного покроя с рубахой городского покроя навыпуск или с гимнастеркой.

Национальный костюм в чистом виде носят только старики и колхозники удаленных от районного центра кишлаков (рис. 2, 4). Один старик из к. Нушор сказал, что когда человек становится старым, ему уже не пристало носить городскую одежду, поэтому он и переходит на национальную (рис. 2, 2—3).

В настоящее время мужская одежда шьется из хлопчатобумажных, шелковых, полушелковых и шерстяных тканей, преимущественно фабричного, иногда артельного и лишь отчасти (в Дарвазе) кустарного производства.

Рубахи и штаны традиционного национального покроя шьются чаще всего из одинакового материала, из фабричных тканей в полоску, например, из тика. Раньше они делались из карбоса и калами.¹⁴

Мужские рубахи делаются прямого туникообразного покроя длиной до середины бедра, с рукавами, доходящими до кисти (рис. 3, 1). Ширина рукавов невелика. В старину при этом учитывали, что они должны быть достаточно широкими, чтобы во время ритуальных омовений их можно было свободно засучить. Грудь, спина и плечи рубах делаются для прочности двойными. Мужские рубахи различаются по покрою ворота.

Наиболее архаичной формой мужской рубахи считается рубаха с воротником *китифак* в виде полукруглого выреза для шеи, с горизонтальным разрезом вдоль правого или левого плеча. В Дарвазе на старинных рубахах ворот китифак иногда делался только в виде достаточно широкого полукруглого выреза без дополнительного разреза вдоль правого или левого плеча. По краю такой ворот обшивается кантом *мағзй* (Дарваз) или *кува* (Каратегин) из какого-нибудь цветного материала. Рубахи с воротом китифак называются также *куртаи муллои*, потому что представители духовенства в Средней Азии всегда носили рубахи такого покроя.¹⁵ В настоящее время эти рубахи сохраняются только у стариков.

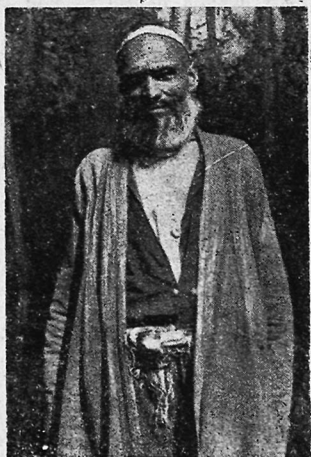


Рис. 2. Мужская одежда: сверху слева—сельский служащий, к. Яхак Юс, Комсомол-абадского района, 1953 г.; сверху справа—летняя одежда пожилого колхозника, Каратегин; внизу слева—то же, к. Дин-Та, Комсомол-абадского района, 1953 г.; внизу справа — старики из кишлака Мискинабад, Оби-Гармского района.

Разновидностью ворота китифак является ворот *шоинак* или *куват* (Оби-Гарм) в виде полукруглого выреза для шеи, от которого сбоку, слева, отходит вниз вертикальный разрез с завязкой или застежкой на пуговицу в верхней части. Этот ворот, как и предыдущий, всегда обшивается кантом из цветного материала. Он особенно характерен для Дарваза и Таджикибада.¹⁶

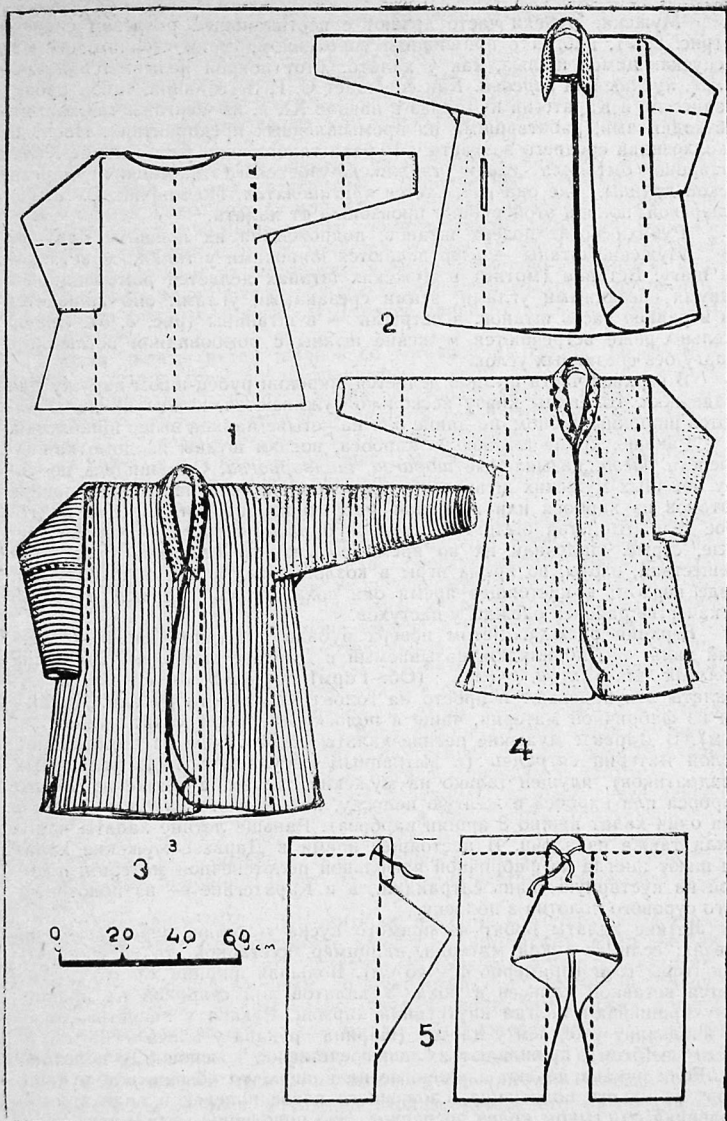


Рис. 3. Мужская одежда: 1—рубаша традиционного покроя, к. Умарак, КП 156—63; 2—рубаша-халат, к. Хакими-Боло, КП 306—479; 3—стеганный халат традиционного покроя, Калаи-Хумб, КП 156—261; 4—летний халат, к. Хостав, КП 273—301, 5—шаровары, к. Умарак, КП 156—64.

Мужские рубахи часто делают с вертикальным разрезом спереди (рис. 2, 2), иногда с пришитым воротником, сзади стоячим, спереди спускающимся шалью, как у халата. Этот покрой называется *пешчок-как*, *куйнак* или *гиребон*. Как сообщает С. П. Русаякина, такая рубаха занесена в Каратегин и Дарваз в начале XX в. из Ферганы таджиками-отходниками, работавшими на промышленных предприятиях. Носят ее колхозники среднего возраста.¹⁷ Рубаха такого вида уже в конце XIX в. широко бытовала среди таджикско-узбекского населения Ферганской долины, где она называется *куртаи яхтак*. По мнению Е. М. Пещеревой, покрой этой рубахи произошел от халата.¹⁸

Рубахи носят поверх штанов, подпоясывая их поясным платком. Мужские штаны — *зор* делаются широкими у талии, со вставкой в шаг. Вставка (мотня) в мужских штанах делается ромбовидной с двумя срезанными углами; этими срезанными углами она вшивается в верхнюю часть штанов, а острыми — в штанины (рис. 3, 5). Значительно реже встречаются мужские штаны с ромбовидной вставкой в шаг без срезанных углов.

В верхней части штанов делается широкий рубец швом наружу для вздержки. Штанины книзу несколько суживаются, концы их подшиваются широким рубцом, по длине они на четыре пальца выше шиколотки.

Раньше, кроме штанов из карбоса, носили штаны из домотканной шерсти *рағза*, называемые *шорағза*, *шалворрағза*. Они шились по типу обычных мужских штанов, но более широкими и надевались поверх штанов из карбоса или из белой фабричной материи, изредка на голое тело. Шорағза были естественной окраски шерсти — черные, белые, серые. Надевали их во время сельскохозяйственных работ, путешествий, охоты, во время игры в козлодранье, во время скачек, при езде верхом; в настоящее время они сохранились, главным образом, в качестве рабочей одежды у пастухов.

Верхняя одежда. Летом поверх рубахи и штанов надевают легкий халат без подкладки, называемый в Дарвазе *актай*, в Каратегине — *яхтак* или *яктай*, *челак* (Оби-Гарм) (рис. 2, 3—4 рис. 3, 4). Халаты эти надевают и просто на голое тело, вместо рубахи. Делают их из фабричной материи, чаще в полоску (на один халат нужно 3—4 м). В Дарвазе мужские летние халаты шьют также из домотканной белой материи *сатранҷӣ* (с вытканым рисунком в виде рельефных квадратов), идущей только на мужские халаты, а также из белого карбоса или карбоса в желтую полоску, называемого *карбоси маллағӣ* (на один халат нужно 8 аршин карбоса). Раньше летние халаты часто шили также из алочи. В настоящее время в Дарвазе мужские халаты шьют иногда из фабричной вафельной полотенецной материи, похожей на кустарную ткань сатранджи, а в Каратегине — из полотенецного сурового полотна в полоску.

Летние халаты кроют из прямого куска материи, перегнутого на плечах; если из узкой материи, например, кустарной, то ее сшивают в полторы точи (примерно 43—45 см). Большая ширина халата достигается вставкой клиньев в бока. У халатов для стариков на правом боку пришивают иногда внутренний карман. Рукава у запястья делают вполовину уже, чем у плеча (ширина рукава у плеча — 30 см, у кисти — 15 см), пришивают их непосредственно к основному полотнищу. Если рукава делают зауженные на концах, то обычно оба рукава кроют из одного полотнища, сложенного вдвое поперек в виде прямоугольника со стыком краев посередине. Это полотнище складывают еще вдвое по косой линии, разрезают и получают два скошенные рукава. В широкой части обоих рукавов получается клин — *тирези остин*, ко-

торый приходится на одном рукаве спереди, а на другом — сзади. (См. ниже — женские платья из кустарных тканей).

Воротник — сзади стоячий, спереди спускается сантиметров на 30 вниз в виде шальки и косо срезается на нет. Чтобы ворот был более крепким и не мялся, внутрь его прокладывают вату или бумагу. Сам воротник всегда прострачивают машинной или ручной строчкой разнообразными узорами.

В дарвазских халатах, сшитых из кустарных материй, воротники часто украшают ручной вышивкой, выполненной белыми нитками строчкой швом назад иголку или разноцветными шелками, гладью или крестом, узорами преимущественно геометрического характера (рис. 4). Вышивка и узорная строчка делается только по карбосу, поэтому у всех халатов, сшитых из сатранджи, воротники обычно сделаны из карбоса. По краям халат всегда обшивается цветным кантом, с боков внизу делаются разрезы — *човэк*. В Дарвазе раньше стан и рукава халата были длиннее.

Иногда халаты ятак шились со вставкой на груди, называемой *пешак*, представлявшей собой треугольный кусок ткани, одна сторона которого пришивалась наглухо к правой стороне халата, а другая пристегивалась с помощью петли и пуговицы к левой стороне. Когда халат запахнут и подвязан платком, создавалось впечатление, что на человеке надет халат, а под ним — рубашка. По всему Каратегину, как отмечено С. П. Русьяйкиной, очень распространены летние халаты, доходящие до колен, какие носят в Фергане.¹⁹

Разновидностью описанных выше двух халатов является сохранившаяся до сих пор в Каратегине нательная одежда, известная под названием *курта-якта*, *якта-курта* или *челак*, представляющая собой рубаху-халат. По длине ее шьют равной укороченному халату или длинной рубахе, только разрез оформляют несколько иначе: первоначально делают горизонтальный разрез, наподобие выреза в рубахах китифак, от которого с левого боку делается вертикальный разрез вниз, до конца подола. Сзади и по краям горизонтального разреза (с левой стороны на образовавшейся поле) пришивают, как и в обычных халатах, воротник шалькой, который спускается вперед на 20 см. Горизонтальный разрез спереди обшивают тесемочкой, на боку его находится петля, которая надевается на пуговицу, пришитую с внутренней стороны ворота левой полы (рис. 3, 2). Воротник, полы и рукава обшиваются кантом.

Когда курта-якта подпоясывают платком, создается впечатление, что надеты рубаха и халат, так же как и при халате со вставкой *пешак*. Этот вид одежды также заимствован из Ферганы и Самарканда, где он бытовал до революции. В настоящее время курта-якта характерен для горных районов, где его носят преимущественно пожилые колхозники.²⁰

Как отметила в 1952 г. Ю. Богорад, в Гарме и Комсомолабаде существует еще одна разновидность халата — *якта-челак*. Якта-джелак по своему покрою ничем не отличается от обычного летнего халата якак, но делается очень длинным, до щиколотки, и широким. Он надевается поверх другой одежды во все времена года, зимой даже поверх ватного халата; носят его только муллы. Якта-джелак сейчас шьют из плотных белых хлопчатобумажных материй, покупаемых в местных магазинах и называемых местными жителями *сон* или *без*. Раньше он делался из белого карбоса, а также хлопчатобумажного материала — *қаламй* и носили его не только муллы, но и старики и мужчины средних лет.

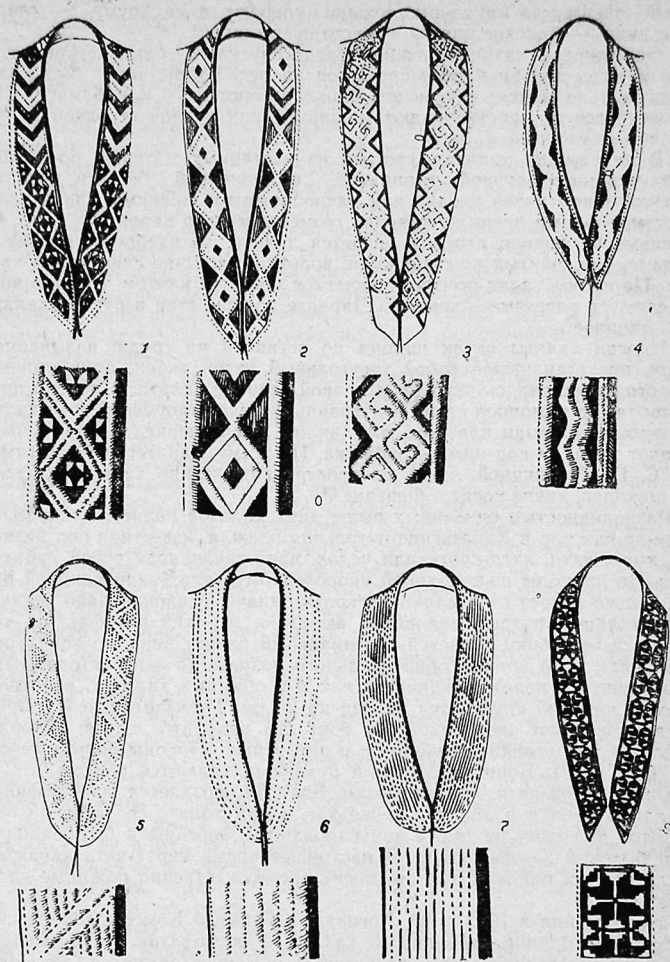


Рис. 4. Узоры воротников мужских халатов: 1—ворот летнего халата, к. Егид, КП 273—128; 2—то же, к. Пуни-Шор, КП 156—34; 3—то же, к. Хостав, КП 273—301; 4—то же, к. Пуни-Шор, КП 156—35; 5—то же, к. Умарак, КП 156—51; 6—то же, к. Умарак, КП 156—98; 7—то же, к. Пшихарв, КП 156—149; 8—ворот к летнему халату, вышитый крестом, к. Зыгар, КП 273—261.

В зимнее время большая часть мужского населения носит ватный стеганный халат *чома*, колхозная же интеллигенция заменяет его иногда пальто обычного городского покроя. В Дарвазе ватные хала-

ты получили широкое распространение после революции, в Каратегине они тоже раньше были далеко не у всех.

Халаты шьют чаще всего из черного сатина или какой-нибудь полосатой материи, подкладка делается из более дешевой ткани, по краю обычно обшивается косой полосой материи, называемой *фаровез*. Очень нарядными считаются мужские халаты из полушелковой материи *беқасаб*. В отдаленных кишлаках стеганные халаты до сих пор делают из цветного сатина или ситца, особенно в ходу халаты с темным фоном, например, коричневым, и мелкими цветами. Ватные халаты шьют таким же покроем, как и летний яктак, но делают их немного шире, и к полам спереди обязательно пришивают клинья для запаха. Весь халат выстегивается крупными стежками вдоль точи, таким образом рукава оказываются выстроченными поперек. Мужские халаты обычно делают без застежек, полы запахируются одна на другую и сверху пошиваются поясным платком.

Другим видом зимней одежды является халат из домотканного сукна, называемый *чакман*, который раньше был преобладающим видом верхней зимней мужской одежды. Чакман по своему покрою не отличается от покроя стеганого халата, но делается немного шире и длиннее. Сукно рагза ткется довольно толстым и узким (около 30 см ширины), подвергается специальной обработке (декатировке), после чего не пропускает воду.²¹ Подкладки чакман не имеет, цвет его зависит от естественной окраски шерсти. Полы и подол обшиваются тесьмой из шерстяных ниток, называемой *зияки чакман*. Если чакман белого цвета, то тесьма делается обычно черная или темная, если черный или коричневый, то чаще желтая или красная. Сзади пришиваются четыре кисточки из шерстяных ниток тоже отличного от халата цвета: из них три у основания воротника и одна над ними, на краю воротника.

В старину чакманы были распространены очень широко, представляя собой основную часть мужской одежды. Иногда у бедняков весь мужской костюм состоял из одного чакмана, даже без штанов; штаны и рубаху из маты имели далеко не все. Для зажиточных чакманы делали очень богатыми, белоснежными, чрезвычайно мягкой выделки. В настоящее время их носят почти исключительно чабаны. Иногда шьют их не из домотканного сукна, а из черного грубого фабричного.

Во время войны, когда подвоз фабричных товаров был почти прекращен, из ваты старых одеял или старой шерсти ткали толстый грубый материал типа рагза, из которого шили чакманы. Назывались такие халаты *қайдан* или *чакмани қоқма*.

В зимний период мужчины надевают и меховые тулупы — *пустин*, которые покупают обычно у джиргатальских киргизов. Шьются они женщинами из овчины, мехом внутрь, тем же покроем, что и стеганный халат, хлопчатобумажными нитками, швом через край с помощью большой иглы, называемой *тевана*. Рукава, ворот, перед и подол отделываются каймой — *курпа* из того же или другого меха. Такие тулупы бытуют по всему горному Таджикистану, больше всего они встречаются в Верхнем Каратегине, Джиргатале; здесь их носят и женщины, но женские тулупы более короткие. Существовали они и в дореволюционное время.

Сейчас население покупает в магазинах короткие меховые шубы фабричного производства, называемые также *пустин*.

За последнее время среди колхозников большое распространение получили ватники.

Мужские поясные платки. Как уже говорилось, рубахи, которые носят поверх штанов, а также халаты подпоясывают поясным платком, называемым *чорсџ*, *лунгџ*/*лингџ*, *локџ*. Поясные платки делают квадратными, примерно 90×90 см, из белой, черной или гладкой цветной материи или из шелка в разводы с вышитой двусторонней гладью каймой и внутренними углами (рис. 5). Вышивают платки обычно к свадьбе родственницы невесты для жениха и его родных. Молодые девушки вышивают их также и повседневно для своих братьев, отцов, родственников.

Обычно носят один поясной платок; его складывают по диагонали, перекручивают и повязывают таким образом, что вышитый угол приходится на спину, а концы платка завязываются спереди петлей. В платок часто заворачивают хлеб, табакерку и различные мелкие вещи. Иногда в качестве поясных платков употребляют обычные фабричные женские головные платки, приобретенные в местных магазинах. При полевых работах рубашку или халат нередко подпоясывают шерстяной веревкой.

Раньше поясные платки делали из карбоса, который сшивался в 3 и в 2,5 точки. Длину определяли так: свернутую жгутом ткань клали на плечи человека, сидящего на земле с поднятыми коленями, концы его должны были сходиться на коленях. Такой платок служил и молитвенным ковриком — *чойнамос* и скатертью — *дастархон*, если ничего другого не было под рукой. Вышитые поясные платки появились позднее. Мужских поясов в виде длинного куска ткани, по собранным нами сведениям, в Каратегине и Дарвазе не было.

Обувь. В настоящее время среди мужчин больше всего распространена покупная фабричная обувь различных фасонов. Основными видами рабочей обуви являются кирзовые или кожаные сапоги, ботинки, среди интеллигенции — полуботинки. Большим спросом пользуются ичиги—*махџ* со среднеазиатскими резиновыми галошами, которые в большом выборе находятся в местных магазинах. Махси проникли в горные районы еще до революции с равнин. В горах их изготовляли из кожи — *рахт*, выделанной кустарным способом, и лишь для богатых и мулл их шили из привозной кожи, называемой *шидринг* (сорт хрома).

В кишлаках сохранились некоторые виды кустарной обуви в качестве рабочей.²² Повсюду отмечена обувь из сыромятной кожи, с низкими голенищами, доходящими до щиколотки, называемая *мукки* (рис. 6, 6). Характерной особенностью ее является двойной шов на голенище (спереди и сзади), загнутый кверху носок и отсутствие каблук. Подошва рантовая, сделана из нескольких слоев кожи. К заднику пришивается кожаная петля, за которую мукки можно привязывать к ноге, чтобы прочно сидели. В настоящее время мукки часто подшиваются не кожей, а резиной от автомобильных шин. Обувь эта, как и вся кустарная, шьется местными сапожниками, которые имеются почти в каждом кишлаке. В Верхний Каратегин в старое время мукки привозили из Куляба, в настоящее время там их носят очень немногие.

Вторым, не менее распространенным, видом обуви являются сапоги в виде кожаного чулка, доходящие до колен, известные под общим названием *чоруқ* (рис. 6, 5, 8). Чоруки, в зависимости от того, как они оформлены, носят различные названия: *чоруқи гир(д)наъл*, *чоруқи пуштакџ* и т. п. Наиболее подробные сведения об оформлении чоруков и их названиях собраны в к. Пшихарв.

Сапоги в виде кожаного чулка, со швом, проходящим посредине ступни, называются *чоруқи нахчириш* *баландак* или *чоруқчомис*

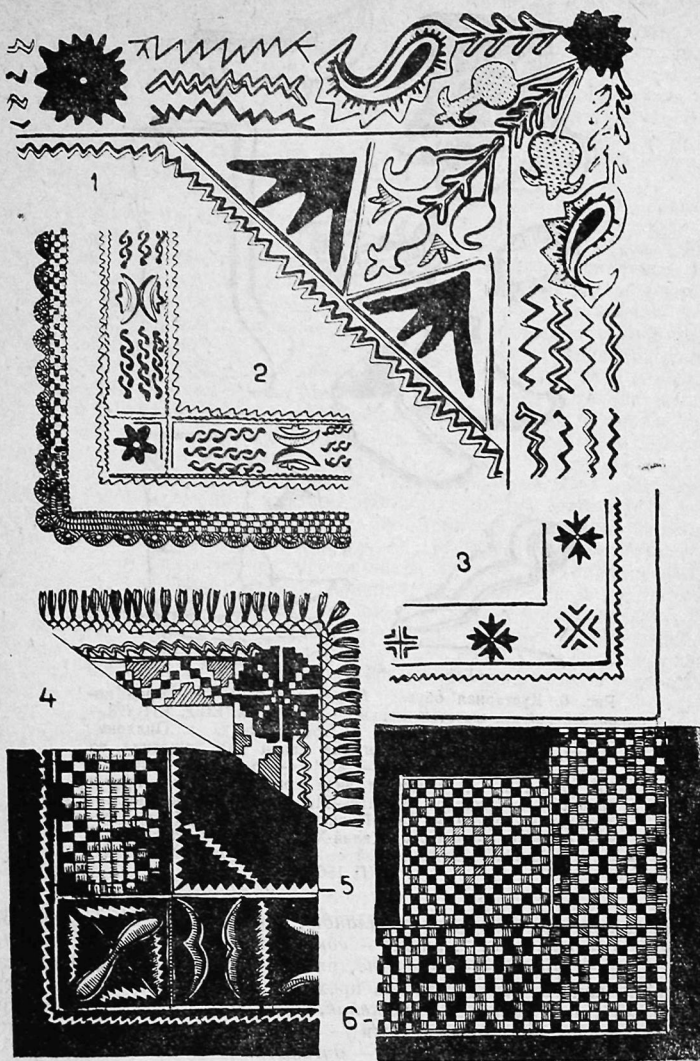


Рис. 5. Узоры мужских поясных платков и платочков для рук: 1—поясной платок, Калан-Хумб, КП 156—245; 2—платочек для рук с узором *качак* (завиток), к. Нушор, КП 306—309; 3—то же, рис. Х. А. Жабба, Гармская экспедиция, 1957; 4—то же, с узором *тцморча* (амулет), к. Кошой, КП 306—103; 5—то же, к. Нушор, КП—306—325; 6—детский поясной платок, к. Зыгар, КП 273—294.



Рис. 6. Кустарная обувь: 1—рабочая обувь из сырой коровьей шкуры, шерстью наружу — *хомак*, к. Егид, КП 273—335; 2—деревянные галоши на трех ножках, к. Пилдони-Миёна, КП 306—211; 3—роговые цапки для хождения по горам, к. Хостав, КП 273—237; 4—то же, к. Пшихарв, КП 156—113; 5—сапоги в виде кожаного чулка—*чоруки баландак*, к. Пшихарв, КП 156—214; 6—сапоги с низким голенищем — *муккй*, к. Сари-Пулак, КП 306—565; 7—шерстяные обмотки — *пайтова*, Калай-Хумб, КП 156—253; 8—сапоги, подшитые толстой кожей — *чоруки чармбаста*, к. Зинг, КП 156—101.

(в Сафедороне они называются *баландак* или *пустакй*). Отдельные части сапог называются: голенище — *соқ*, ступня — *пай*, подъем — *чахтй*, носок — *нул*, подошва — *кафи по*, пятка — *пошина*, петля, пришитая к заднику сапога, через которую проходит шнурок или тесьма, удерживающая сапог на ноге — *шакелак*, вставной кусочек кожи внутри шва, соединяющего два края кожи — *мағзй*. Шов, стежок, называется *кук*, двухигольный сапожный шов — *дутаноба*.

Если к этим же чорукам подшить два куса кожи под пяткой и под передней частью ноги, то такие сапоги называются *чорпоргй*. После износа подметки в чоруках чорпорги ее отпарывают и на ее место подшивают целую подошву, не заходящую наверх. Такие сапоги называются *нохунгирак*. После износа этой подошвы остатки ее отрезают и подшивают сапоги толстой кожей, края которой завертывают

наверх и пришивают, причем она по краю обуви немного собирается сборками. Подшитые таким образом чоруки называются *чармбаста* (ниже в Дарвазе таким образом подшитые чоруки называются *гирднал*). Такая операция может повторяться до 2—3 раз. При этом часто приходится срезать и часть (края) износившихся головок. Их тогда надставляют кусочками кожи, и эти надставленные головки носят название *аулуни*.²³ В кишлаках вблизи Гарма чоруки вместо подошвы подшивают резиной и называют *чорукмуза*.

В Дарвазе (Пшихарв) известен еще один вид чорук, называемый *чоруки почай гови*. Эти чоруки носились главным образом в старину и шились из кожи, снятой целиком до паха с ноги коровы, быка или лошади, причем разрезали кожу на ноге убитого животного сзади. Выделявали эту кожу, смазав изнутри тестом, замешанным на ячменной муке и горячей воде; в таком виде кожу оставляли на 10 дней, после чего она очищалась от шерсти; потом, соскоблив тесто, солили внутреннюю поверхность кожи и оставляли так на три дня и, наконец, еще в течение трех дней ее мяли. Выделанная таким образом кожа называлась *сафедмол*. Место коленной чашечки делали носком, а дальше сшивали. Такие чоруки обычно бывали ниже колена и только из конской кожи — выше. Они были очень крепкими и надевали их при жатве и других полевых работах.

Другим видом кустарной обуви, употреблявшимся во время сельскохозяйственных работ, а также во время охоты, являются сапоги, называемые *хомак*, которые шьют из сырой шкуры коров, лошадей, ослов и коз, волосом наружу (рис. 6, 1). Из бараньей шкуры такие сапоги не шьют (по объяснению стариков потому, что баран считался священным животным). Когда приходят с работы (с поля), хомаки чистят и посыпают солью, чтобы они не гнили и не портились.²⁴

И, наконец, последним видом кустарной рабочей обуви, зафиксированной нами в Дарвазе, является мягкая обувь с высокими голенищами из выделанной бараньей или козьей шкуры мехом внутрь, называемая *мукак*.

Для наиболее богатой части населения квалифицированные мастера-сапожники в прежнее время шили кожаные сапоги с высокими голенищами, иногда на высоких каблуках.

Очень распространены в настоящее время резиновые галоши, которые начали носить уже при Советской власти. До этого их избегали, так как существовало суеверие, что они выделяются из человеческой кожи. Сейчас их носят не только зимой, но и летом, особенно старики, часто на босу ногу.

До недавнего времени зимою мужчины носили деревянные галоши — *кафши чубин*, которые иногда еще можно встретить в кишлаках (рис. 6, 2). Их надевают на босу ногу, на чулки или на мягкие сапоги без подшивной подошвы — *чорук*. Выдалбливаются они из одного куска дерева и имеют слегка загнутый вверх носок и три высоких каблука-подставки (два спереди и один под пяткой), иногда подбитых металлическими шипами. Раньше они были распространены широко.²⁵

Обувь с короткими голенищами носят обычно с обмотками. Первоначально ногу обертывают куском ткани, как портянкой, верхнюю часть которой закрепляют обмоткой — *пепеч* или *пойтоба* (*пайтоба*). Пойтоба имеют вид широкой тесьмы 10—30 см ширины и 2—1,5 м длины, плотно сотканной из шерстяных или хлопчатобумажных ниток, они иногда украшаются вытканными по краям цветными полосками (рис. 6, 7). Концы обшиваются каемочкой из какого-нибудь цветного

материала, к одному из концов обмотки пришивается шнурок для укрепления ее на ноге. Обмотки наматываются на всю нижнюю треть голени и захватывают нижний край штанов. По словам мужчин, они придают крепость и устойчивость ноге. Сейчас обмотки часто делают из ситца и бязи, иногда двойными, ширина их бывает сантиметров 20, длина — 1 м. Обмотки иногда носят и с ботинками. Под обувь с длинными голенищами в Каратегине и Дарвазе надеваются чулки — *чуроб*²⁶. Они вяжутся женщинами из шерстяных ниток на четырех спицах.²⁷ Делаются они до колен, ширина их совершенно одинакова, начиная сверху и до начала ступни. Паголенки чулок всегда орнаментированы, низ вяжется из какой-нибудь однотонной шерсти, без узоров (рис. 7). В чулках обычно сначала вяжут узорную верхнюю часть в четыре нитки — *чоррешта*, *чорвошкй*, а затем такой же длины вяжется нижняя не орнаментированная часть. И только когда ее связано столько же, сколько узорной, начинается быстрое убавление в одном и том же месте петель, чем и образуется ступня.²⁸ В верхнем крае чулка пропущен обыкновенно шнур, составленный из нескольких шерстяных ниток, который затягивают под коленом, иногда выше, смотря по длине чулка. Шерстяные чулки пользуются большим спросом до настоящего времени и ценятся. В к. Шульмак только за вязание одной пары чулок из материала заказчика дают один отрез ситца.

Для хождения по крутым склонам и ледникам, особенно во время охоты, надевают на ноги поверх обуви железные обхватывающие пластины с четырьмя шипами наружу — *возвол* и цапки из распиленного рога дикого козла, с четырьмя железными шипами внизу — *кафак*²⁹ (рис. 6, 3—4).

Головные уборы. Наиболее распространенным мужским головным убором таджиков Каратегина и Дарваза была и продолжает оставаться тюбетейка — *тоқй*, которая сохраняется даже при полном переходе к европейскому костюму.

Тюбетейки носят как купленные в магазине, так и местного изготовления. Из покупных наиболее распространены тюбетейки *чустй* (чустские) из черного или темно-зеленого сатина с узором в виде четырех миндалеобразных фигур белого цвета. Эти тюбетейки первоначально привозили из Чуста, Коканда, Намангана, сейчас они в большом выборе имеются в местных магазинах. В Каратегине они появились раньше, в Дарвазе — несколько позднее (около 1954 г.) и сейчас очень модны.

В годы нашего обследования в Нижнем и Среднем Каратегине изредка встречались тюбетейки, вышитые крестом — *ироқй*, модные в то время в Душанбе; в Дарвазе же видеть их не пришлось.

Тюбетейки местные шьют из цветастой или гладкой хлопчатобумажной материи, а также из шелка и бархата, чаще всего конусообразной формы. Сшитые из одноцветных бумажных материй белого, черного и красного цветов часто украшаются вышивкой, которой иногда покрывается сплошь вся тюбетейка (рис. 8).

Шьют тюбетейки следующим образом: выкраивают круглый лоскут материи, образующий верх шапочки, называемый *тора* или *таи тоқй*, и продольный косой лоскут, образующий околыш, называемый *гирда*. Если тюбетейку предполагают сделать вышитой, то на лицевую сторону раскроенных частей ее — тулью и околыш чернилами или карандашом наносят рисунок. Если вышивается бархатная тюбетейка, то рисунок наносят на его левую сторону карандашом, затем делается наметка по рисунку белыми или черными нитками, предварительно ворс бархата с лицевой стороны на месте вышивки срезают. Вышивают с

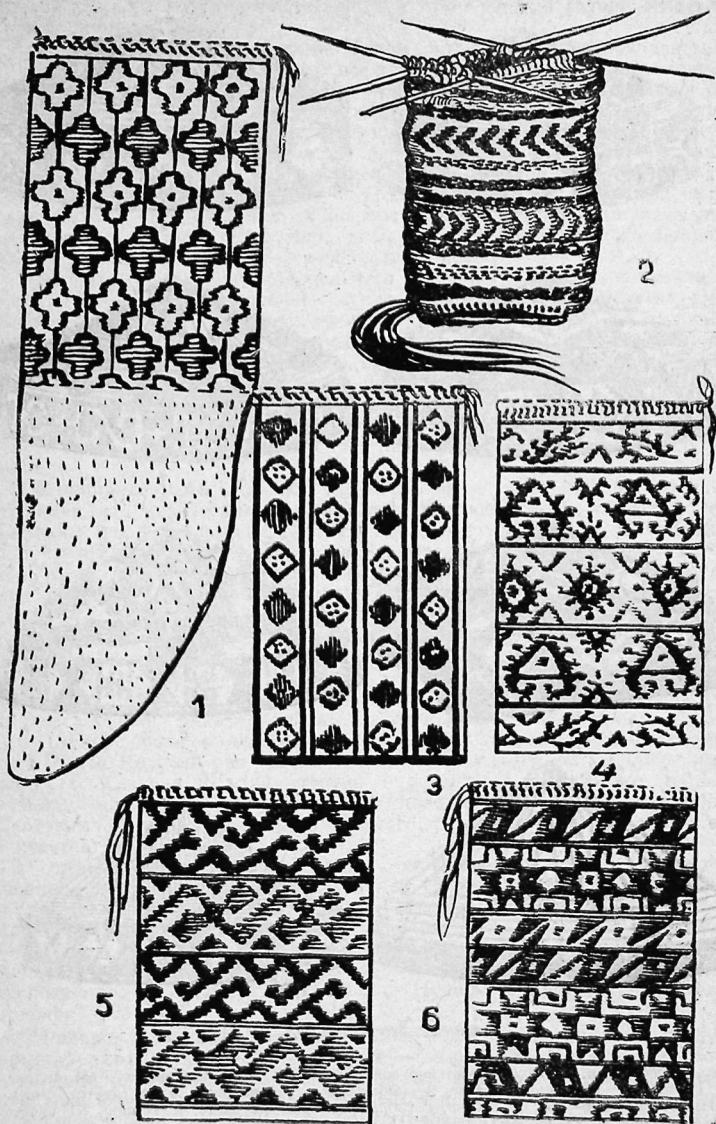


Рис. 7. Шерстяные чулки—чуроб: 1—шерстяной чулок, к. Пшихарь, КП 156—151; 2—чулок, начатый вязкой, к. Пшихарь, КП 156—130; 3—верхняя часть чулка, к. Пшихарь, КП 156—159; 4—то же, Тавиль-Даринский район, КП 156—85; 5—6—то же, рис. Х. А. Жаба, Гармская экспедиция, 1957 г.

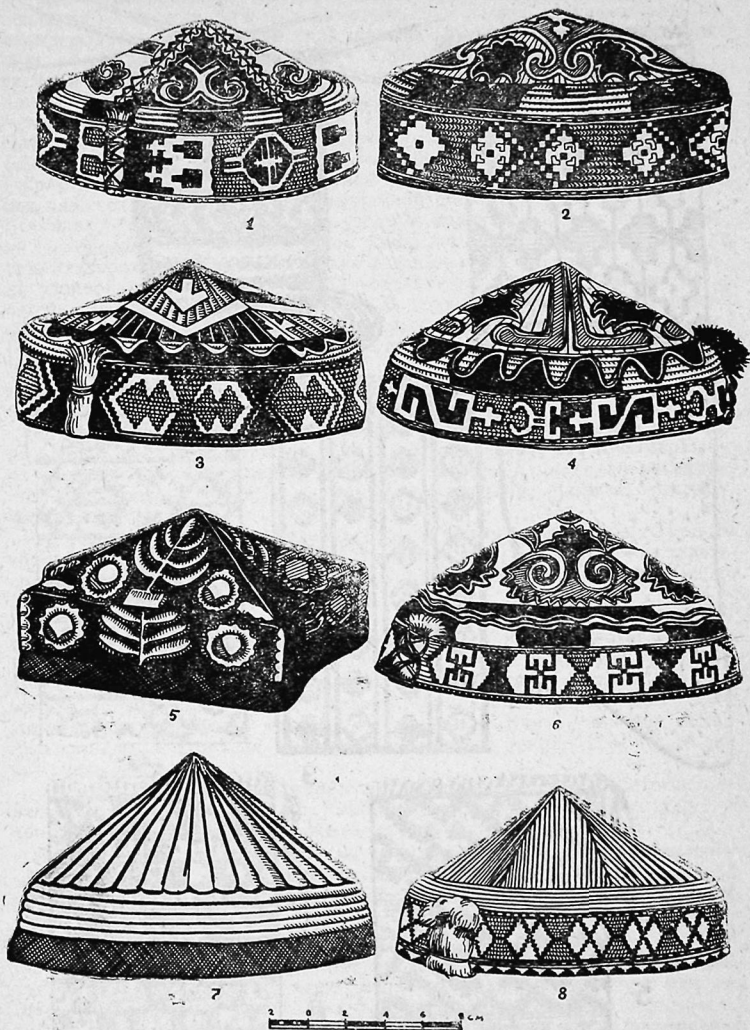


Рис. 8. Тюбетейки: 1—*тоқй*—тюбетейка современная, к. Егид. По рис. худ. М. Р. Габее, Гармская экспедиция, 1954 г., 2—тюбетейка с узором *гули алов* (цветок огня), к. Нушор, КП 306—252; 3—то же, с узором *туморча* (амулет), к. Нушор, КП 306—341; 4—то же, к. Умарак, КП 156—54; 5—тюбетейка *тоқийи чустӣ*, сшитая по фасону ферганских четырехугольных тюбетеек, Калаи-Хумб, КП 156—224; 6—вышитая тюбетейка, к. Сари-Пулак, КП 306—528; 7—старинная тюбетейка, сшитая из светлой хлопчатобумажной материи, Калаи-Хумб, КП 156—260; 8—современная тюбетейка из красного сатина, к. Сари-Пулак, КП 306—570.

правой стороны по наметке. Вышивка в том и другом случае делается гладью вприкреп.³⁰

Под подготовленную таким образом тулью и околыш подкладываются бумага и подкладка, затем все три слоя прометываются на руках и простираются на машине, причем на тулье стежки расходятся от центра к краям, на околышке же идут параллельными горизонтальными рядами (рис. 8, 7). Для того чтобы тюбетейка сохраняла конусообразную форму, в стежку между верхом и подкладкой при помощи металлической спицы вставляют свернутую в тугой валик — *пилта* (букв. фитиль) бумагу или вату.³¹ После этого тулью и околыш сшивают вместе, низ тюбетейки обшивают вышитой тесемочкой, называемой *шероза*, *шероз*, *зеҳак/зияк*, *пе(ш)сузан*. Сбоку обычно пришивается небольшая кисточка — *пилкак* или *тулак*.

Вышитые тюбетейки, как отмечает и С. П. Русаякина, получили в Каратегине и Дарвазе широкое распространение лет 30—40 назад. Однако первоначально зашивали узорами не всю тюбетейку, а вышивали на ней лишь небольшие цветочки. Сплошная вышивка появилась позднее, например в Дарвазе она получила широкое распространение только за последнее десятилетие. Мода сплошь зашивать тюбетейки пришла сюда из Каратегина, где она появилась тоже не везде одновременно (в Верхнем Каратегине значительно позднее, чем в Нижнем). Моды в Каратегине вообще распространяются снизу вверх по течению реки.

В кишлаке Ёгид (Дарваз) конусообразные тюбетейки делают часто иначе, чем каратегинские или калаи-хумбские, околыш кроют более широким и в виде валика заворачивают на тулью, отчего макушечка получается плоской (рис. 8, 1). Край тюбетейки обшивают очень широкой, почти во всю ширину околыша узорной тесьмой. Этот тип вышитых тюбетеек — с загнутой тульей — распространился лет десять тому назад и в верхних кишлаках Каратегина (Таджикабад) (рис. 8, 2).

Вышитая тесьма — *шероза* бывает очень яркая и разнообразная по узору. Выполняется она крючком, тамбурным швом. Узор на тесемках вышивается по счету тамбурных петель и рядов, на память или по имеющимся образцам. Альбомчики с образцами узоров составляются иногда в течение ряда лет, их имеют у себя многие женщины.

Длина шероза отмеряется по окружности головы, ширина делается 3—4 см. Каждый ряд петель вышивки называется *чилик*, *рабат* или *гашт* (к. Казнок). Ширина тесьмы определяется количеством рядов: пятнадцатирядная — *понздаҳчилика*, двадцатирядная — *бистчилика*. Считаются обычно только ряды самого узора, окаймление узора не считается.³²

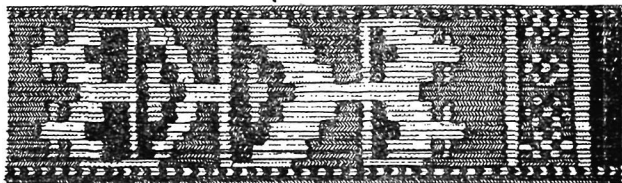
Обычно тесемки шероза вышиваются одинарной ниткой крученого шелка, если нити тонкие, то — двойной (рис. 9, 3—6—7).

В последнее время вошло в моду каждый ряд вышивать двойными, тройными, а иногда и скрученными вчетверо шелковыми нитками. При этом хотя число рядов бывает то же, что и раньше, ширина тесьмы получается значительно больше. Особенно часто такие тесемки встречаются в к. Ёгид (Дарваз) и к. Нушор (Таджикабадский р-н) (рис. 9, 1—2—5).

Раньше в Дарвазе край тюбетейки обшивался тесемками с мелкими узорами, вытканными на станке — *заминбофӣ*. Шероза, вышитые тамбуром, появились в начале 30-х годов. Сначала их делали только красного и черного цвета, с центральным полем из трех или пяти рядов; трехрядные делались с узором *секука* и *кирмак* (шелковичный червь), пятирядные — *чашми булбулак* (глаз соловья). В старину в



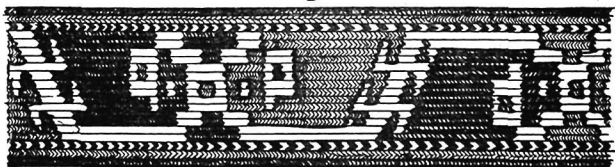
1



2



3



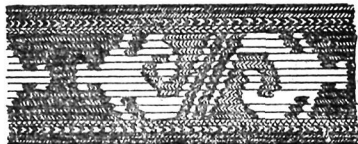
4



5



6



7

Рис. 9. Образцы тесьмы для тюбетеек, вышитые тамбурным швом: 1—тесьма с узором *нимеула* (полцветка), к. Хант, КП 306—226; 2—тесьма с узором *гули товус* (узор павлина), к. Егид; КП 273—156; 3—то же, с узором *качак* (завиток), к. Умарак, КП 156—76; 4—то же, с узором *гули кучкорак* (узор рогов барана), к. Егид, КП 273—141; 5—то же, к. Нушор, КП 306—290; 6—тесьма с узором *садбарг* (роза), к. Тегирми, КП 273—450; 7—то же, к. Тегирми, КП 273—444.

к. Егид считали, что шить шероза на заказ за деньги нельзя, так как на страшном суде спросят взятые деньги. В Каратегине в старое время тесемки были узкие (в 1 см ширины) и вышивались иглой.

Несколько лет тому назад в Дарвазе начали вышивать тюбетейки, называемые *тоқиш чустӣ* или *тоқиш фаргонағӣ*, которые по форме напоминают описанные выше покупные тюбетейки чустӣ, с четырьмя белыми миндалеобразными фигурами на темном фоне, т. е. имеют квадратное донышко с четко обозначенными четырьмя ребрами, но вышиты по фасону аналогичных ферганских тюбетеек типа *чамандагул* (рис. 8, 5). Они шьются из темного бумажного материала. В отличие от тюбетеек конусообразной формы, стежка на них не делается, а между верхом и подкладкой тюбетейки прокладывается картон или плотная бумага. Четырьмя перекрещивающимися на макушке прямыми линиями узор на тулье делится на четыре сектора. Фон зашивается сплошь. Низ такой тюбетейки оторачивается гладкой тесемочкой из темного материала.

Тюбетейки делают каждый год новые, приурочивая это к одному из праздников — революционному или традиционному, когда все старается сшить себе что-либо новое из одежды.

Раньше мужская тюбетейка шилась конусообразной формы из домотканной материи,³³ на подкладке, только стежка делалась на руках более редкой и, как упоминалось, в стежку вставлялись очень толстые валики из ваты — *пилта* (рис. 8, 7). Такие тюбетейки назывались *тавилбегӣ* и вышивкой не украшались.³⁴

В зимнее время головным убором теперь нередко служит шапка-ушанка фабричной работы. В Джиргатале мужчины надевают шапки с меховой опушкой, называемые *телпак*. Часто зимой надевается все та же тюбетейка, но только обвязанная поверх поясным платком.

Некоторые старики носят чалму — *салла*, обычно белого или серого цвета, но вообще чалма не только теперь, но и до революции не была характерна для каратегинцев и дарвазцев; по этому признаку их отличали от гиссарцев, так как в Гиссаре повязывали голову чалмой даже самые бедные.

В Каратегине и Дарвазе чалма являлась, в основном, принадлежностью одежды духовенства или представителей привилегированного сословия.³⁵ Для духовенства она делалась из карбоса, зажиточные мужчины носили чалму из белой кисеи, привозимой из Индии. Молодые иногда носили чалмы из красных головных платков *румоли гардӣ*, продаваемых в неразрезанном виде. На одну чалму шло 5—6 штук.

В Дарвазе делались чалмы из домотканной полушерстяной материи (с бумажной основой и шерстяным утком) — *саллаи мошобӣ* и из полушерстяной материи — *саллаи тибитӣ*. Длина такой чалмы обычно бывала 8—10 м (10—12 чубгазов), ее конец *фаш* свисал длиной до 20—25 см.

Прическа. Мужчины волосы на голове обычно бреют, как это было принято и до революции, но молодежь иногда отпускает их на городской манер. Раньше длинные волосы носили только дервиши, заплетая их иногда в косички.³⁶

Раньше мужчины не брили усов и бороды. Теперь лишь старики и некоторые мужчины средних лет отпускают бороду и усы, но подстригают их короче, чем в старину. Молодое поколение обычно растительность на лице сбрасывает.

Платочки для рук и мешочки для чая. Из предметов мужского костюма следует упомянуть еще платочки для рук — *даструмол* (*даст-нумол* или *румолча* и мешочки для чая — *чойхалта* (рис. 10). Платоч-

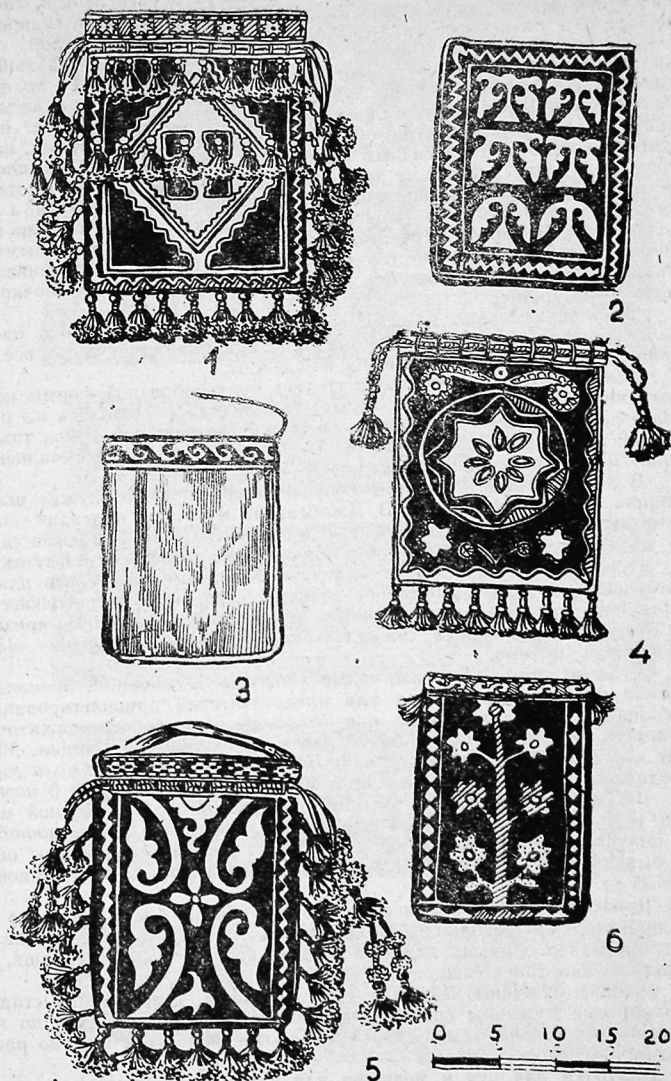


Рис. 10. Вышитые мешочки для чая: 1—мешочек с узором *гули замин* (узор земли, поля), к. Ялдамич, КП 306—445; 2—мешочек с узором *ислими* (орнамент в виде гибкого побега), к. Нушор, КП 306—265; 3—мешочек из шелка-атласа с тесьмой, вышитой крестом, к. Пуни-Шор, КП 156—40; 4—вышитый мешочек, к. Егид, КП 273—75; 5—то же, с узором *ислими*, Гарм, КП 273—433; 6—то же, с узором *гули садбарг* (цветок розы), к. Кочони-Боло, КП 306—389.

ки для рук шьются из бязи, сатина, шелка. Они делаются всегда с вышитой разноцветным шелком каймой, а иногда и углами внутреннего поля. В последнее время вышивка на платочках иногда заменяется кружевом, которое вяжут местные мастерицы. Эти платочки, как и поясные платки, вышиваются к свадьбе стороною невесты для жениха, а молодые девушки вышивают их для своих старших братьев, отцов, дядей и заготавливают впрок к своей будущей свадьбе.

Мешочки для чая (в настоящее время они часто используются вместо кисета) вышиваются обычно гладью разноцветным шелком, верх мешочка обшивается тесьмой, вышитой тамбурным швом. По краям мешочек иногда обшивается кисточками с бисеринками на конце. Вышивка на мешочках появилась в недавнее время. Раньше мешочки для чая шились из атласа и бекасаба.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Одежда таджичек Каратегина и Дарваза является одним из устойчивых элементов народной материальной культуры, сохраняющих до сегодняшнего дня в значительной мере свой национальный характер.

Обычный национальный костюм женщины состоит летом из одного, двух или более платьев, шаровар, доходящих до щиколотки, головного платка или, реже, тюрбейки; туфель или галош обычного среднеазиатского типа или городской обуви; зимой — еще из стеганого халата или бархатного пальто, фабричных или шерстяных вязаных чулок и ичигов с галошами.

В Среднем и Нижнем Каратегине девушки и молодые женщины поверх платья иногда надевают еще жилетки, называемые *камзулча*.

На женские платья в настоящее время используются, в основном, ткани фабричного или артельного производства, которые в большом выборе имеются в местных магазинах. На одно платье обычно идет 5—6 м ткани. Для будничного платья женщины предпочитают хлопчатобумажные ткани белого цвета и гладкие ткани различных оттенков красного, розового, бордо или желтого цветов. Широким спросом пользуются также ситцы и сатины с яркими цветами на ярком же фоне. Очень распространены платья, сшитые из фабричных бумажных платков — красного цвета с белыми и светло-розовыми цветами.³⁷

Праздничные платья шьют из яркого гладкого сатина и украшают вышивкой, а также из шелка, атласа, бархата без вышивки; часто для таких платьев используют узорчатый шелк и атлас — *абр*, выделяемый на Душанбинском или Ленинабадском текстильных комбинатах. В Каратегине, где домашнее ткачество хлопчатобумажных и шелковых тканей давно прекратило свое существование, одежды из них нами почти не встречено. Только в Дарвазе наряду с платьями из фабричных тканей до сих пор встречаются женские платья, сшитые из кустарных бумажных и шелковых материй домашнего производства:³⁸ из гладкой белой бумажной ткани — *карбос*, из карбоса в красную и синюю полоску — *сурхканч* и *сияхканч*, карбоса в желтую полоску — *карбоси маллагй* (платья для пожилых женщин), из белой ткани с белыми же рельефными полосками, называемой *куртачй*, иногда еще с дополнительными полосками красного или синего цвета — *куртачии ва сурх* и *куртачии ва кабуд*, из шелковой кустарной ткани — *қазин* или *дорой* (только в Калаи-Хумбе и нижележащих кишлаках), окрашенной в красный цвет или в разные цвета способом перевязки — *гул-баст*.

С. П. Русаякина говорит об употреблении в 1946—1947 гг. на женские платья бумажной полосатой ткани алоча,³⁹ во время нашего обследования ее не встречалось.

До Октябрьской революции кустарные хлопчатобумажные ткани, главным образом белый или иногда окрашенный карбос, были почти единственным материалом, из которого шилась одежда, если не считать небольшого количества шерстяных домотканых материй.⁴⁰ Только женщины из зажиточных семей могли позволить себе шить платье из ситца и сатина, а тем более из шелковой материи.

Платья. Женское платье-рубаха называется в Каратегине и Дарвазе *курта*.

В настоящее время распространены два типа платьев. К первому из них относятся платья последней моды с отрезной кокеткой и с отложным воротником — *ёқа*, называемые *куртаи узбакӣ* (рис. 11, 3; рис. 12).⁴¹ Кокетку делают различных фасонов — круглую, прямую, но называется она всегда одинаково — *куртача*; на спине она подшивается подкладкой из другого материала, спереди подкладку делают чаще из того же материала, что и платье. Рукава вшиваются в вырезную пройму, они не особенно длинные, доходят только до кисти, ширина их сантиметров 20. Стан у этих платьев делают прямой, у кокетки собирают в сборки или закладывают в складки в зависимости от существующей моды.

Фасон куртаи узбаки получил за последние годы широкое распространение в районных центрах Дарваза и Каратегина среди женщин из местной интеллигенции и молодых девушек. В Каратегине он дошел и до кишлаков, но там рукава платьев делают шире и длинее описанного, а разрез ворота часто делают глубже, ниже кокетки.⁴² Особенно характерен фасон куртаи узбаки для нижних кишлаков Каратегина.

Платья куртаи узбаки шьют сами женщины, а также их всегда можно встретить в большом выборе в местных магазинах. Моды приходят сюда из Душанбе и Ленинабада, хотя с некоторым опозданием.

В 1957 г. в кишлаках близ Гарма были встречены платья куртаи узбаки, украшенные на кокетке, нижней части рукавов и по подолу ручной вышивкой, выполненной цветными шелками. Вышивка подола — явление новое.⁴³ Сначала она появилась на платьях старого покроя, на которых мы остановимся ниже, а затем перешла и на платья на кокетке, оставаясь по технике выполнения и характеру узоров прежней (рис. 12, 2).⁴⁴

Такое платье надевают иногда одно, причём женщины из местной интеллигенции под него надевают нижнее белье — лифчики и комбинации, которые вошли в моду в последние годы. Белье чаще делают из белой материи и обшивают по подолу и на груди кружевом. Кружева вяжутся часто самими женщинами. Это новое искусство, заимствованное от русских и татар.

Ко второму типу относятся платья старинного туникообразного покроя, который сохраняется до сих пор и является преобладающим во всех районах Каратегина и Дарваза. Этот покрой основан на прямых и скошенных линиях без закруглений и одинаков как для праздничных, так и для будничных платьев (рис. 11, 1—2; рис. 12).⁴⁵

При раскрое женского платья этого типа прежде всего отмеряется полотнище для стана — *қад* и складывается поперек, образуется перед и спинка платья. Длина платьев делается сантиметров на 25 от земли, а в Дарвазе иногда и еще короче. В старину платья шили длиннее. Независимо от того, из кустарной или фабричной материи шьется пла-

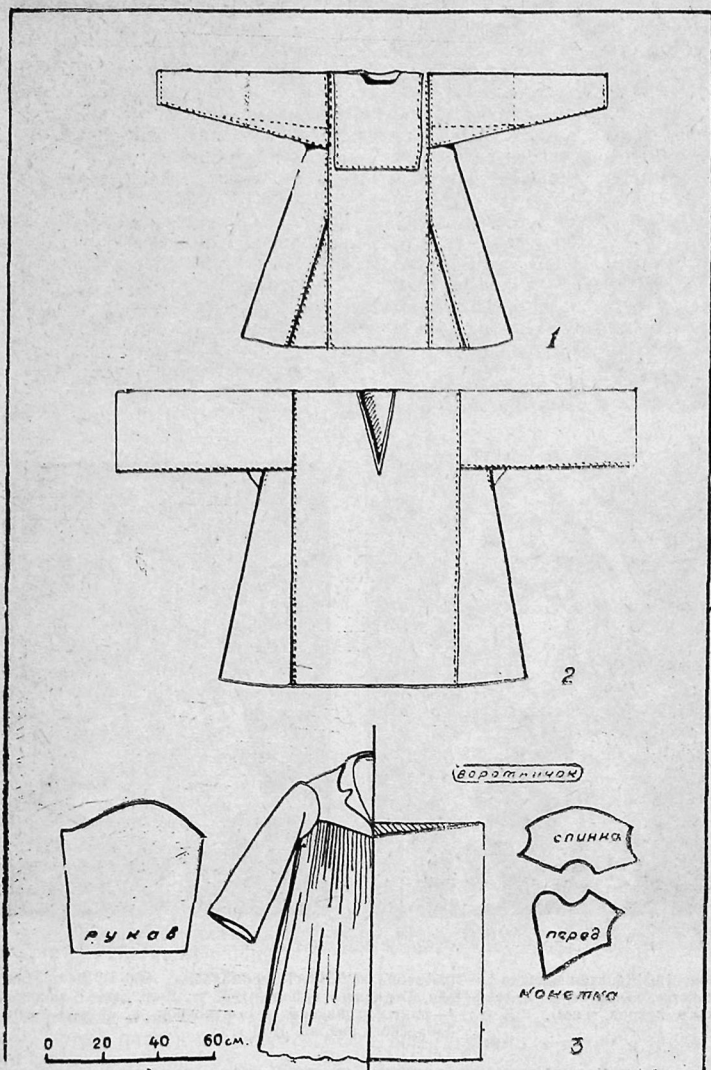


Рис. 11. Женская одежда: 1—платье туникообразного покроя нижних кишлаков Дарваза; 2—наиболее распространенный туникообразный покрой платьев; 3—платье на кокетке куртаи узбаки.



1



2



3



4

Рис. 12. Женская одежда: 1—платье на кокетке, Комсомолабад, 1956 г.; 2—платье на кокетке, вышитое, к. Бедаки-Поён, Гармского района, 1957 г.; 3—платье туникообразного покроя, Гарм, 1957 г.; 4—платье туникообразного покроя, к. Яхч, Комсомол-абадского района, 1953 г.

ть, по собранным нами данным, ширину стана делают в различных районах по-разному: наибольшей — около 60 см — она делается в Каратегине (гораздо больше ширины плеч женщины, для которой шьется платье), несколько меньше — около 40 см — в Калаи-Хумбе

и прилегающих к нему кишлаках, наименьшей — около 30 см — в дарвазских кишлаках, расположенных ниже Калаи-Хумба (Егид, Зыгар, см. таблицу).

Таблица обмера каратегинских и дарвазских платьев из коллекций
Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР

	№ платьев по книге поступления	Длина платья		Ширина стана		Длина рукава от стана в см	Длина рукава (от середины спины) в см	Ширина рука- ва у стана в см	Ширина рука- ва на конце в см	Боковые клинья	
		в см	в см	в см	в см					размер вверх в см	размер вниз в см
Каратегин	306—218	109	60	59	87	37	37	14,5	25		
	306—310	113	58	55	84	31	31	12	20		
	306—311	118	69	56	90	41	41	10,5	23		
	306—35	111	60	78	107	36	35,5	11,5	24,5		
				(платье белое нижнее)							
Калаи-Хумб и прилегающие кишлаки	156—94 (куст.)	106	43	71	93	33	33	9	26		
	156—73 (фабр.)	110	37	65	82	31	31	13	27		
	156—230 .	116	38	59	77	32	32	8	32,5		
	156—244 .	109	52	58	85	32	32	7	19,5		
Кишлаки, рас- положенные ниже Калаи- Хумба (Егид- Зыгар)	156—5 (куст.)	101	29	66	79	30 (из них 8 см. шир. клина)	10,5	8	23		
	273—39 (фабр.)	111	28	64	77	36	10,5	9	28,5		
	273—246 (куст.)	113	30	65	81	34	12	10	31,5		
	273—252 (фабр.)	107	33	63	79	30 (клини- нет)	12,5	10,5	30,5		

Непосредственно к стану платья (без вырезанной проймы) пришивают рукава — *остин*, в бока вшивают клинья — *тирез*, имеющие форму усеченного треугольника (рис. 11, 2). Кроются они из одного куска материи, сложенного вдвое и разрезанного по косой линии; иногда один клин получается из цельного куска, а другой сшивается из косых лоскутов. Клинья пришиваются к стану косыми сторонами. Прямые стороны приходится на бока платья, которые поэтому не отвисают, а иногда даже слегка приподняты.

В дарвазских платьях, особенно в платьях нижних кишлаков (Егид, Зыгар), клинья делают значительно более узкимиверху и более широкими внизу, чем в каратегинских (см. обмеры клиньев в таблице), отчего платья получаются более облегающими в талии и широкими в подоле.

По всему Каратегину, а также в большей части Дарваза (Калаи-Хумб с прилегающими к нему кишлаками и кишлаки, расположенные выше него) рукава кроют прямые, наставляя до нужной длины сло-

женное поперек полотнище. На край почти всегда приходится кромка, и рукав не подрубаются. Если шьется выходное платье, которое рассчитывают надевать поверх другого, рукава его делают короче рукавов нижнего платья сантиметром на 20.

В Дарвазских кишлаках ниже Калаи-Хумба (Егид, Зыгар) рукава также пришивают непосредственно к стану, но делают их сильно суживающимися от основания к кисти (см. таблицу и рис. 11, 1). При этом в платьях из кустарных тканей при покрое материал складывается так, что в широкой части рукава получается клин — *тирези остин* (клин рукава), вшиваемый в шов рукава снизу — в одном рукаве спереди, а в другом сзади (см. мужские халаты). Узкие концы рукавов в этих платьях обшиваются цветным кантом. Широкий на конце рукав в нижних кишлаках Дарваза обычно встречается только у женщин, приехавших из вышеуказанных кишлаков или часто бывающих в них, особенно в Калаи-Хумбе. В к. Пуни-Шор, находящемся ниже Егида, делали широкий прямой рукав на платьях для невесты, так как ей на свадьбе приходится надевать несколько платьев одно на другое.

Под мышкой рукава почти всегда вшивается ластовица — *кулфак*. В Дарвазе она делается преимущественно в форме небольшого треугольника, широким основанием обращенного вниз, а вершиной — в основание рукава, в Каратегине — в форме ромба. В кишлаках их иногда выполняют из материи другого цвета, чем само платье. По объяснению старух, это делается для предохранения от влияния «дурного глаза». На платьях, приобретенных в к. Зыгар, ластовица по краям обшита цветной строчкой, швом «за иголку».⁴⁶

В к. Пшихарв, наряду с платьями, широкими в стане, на пожилых женщинах встречены и более узкие, напоминающие покроем егидских платьев. По сообщению самой старой жительницы (якобы 120-летней) к. Пшихарв, широкие рукава здесь заимствованы из Калаи-Хумба; в старину носили платья из маты с узкими рукавами.⁴⁷

Обобщая все сказанное, мы видим, что женские платья туникообразного покроя не везде однородны. Для покроя современных каратегинских платьев характерен широкий стан, большая ширина и прямые линии всего платья, широкие прямые рукава. Для нижних кишлаков Дарваза (Егид, Зыгар) характерен узкий стан, узкие сверху и широкие у основания клинья, что делает платья облегающими в талии и слегка расклешенными внизу; рукава — широкие у основания и очень узкие у кисти. Покрой платьев центральных кишлаков Дарваза в настоящее время таков же, как в Каратегине, т. е. прямой, но несколько менее широкий (см. таблицу).

Женские платья туникообразного покроя отличаются друг от друга покроем ворота, по которому определяется и название платья. Помимо ворота, название платья может определяться материалом, из которого оно сшито (*куртаи шоҳӣ* — шелковое платье, *куртаи алвон* — платье из кумача), или какой-нибудь характерной деталью, например, вышивкой — *куртаи гулдузӣ*, но чаще всего оно определяется все же по вороту. Нами отмечены следующие виды воротов: 1) в виде вертикального разреза на груди; 2) стоячий воротник — без оборки или отороченный плиссированной оборкой; 3) отложной воротник; 4) ворот в виде горизонтального разреза вдоль правого или левого плеча.⁴⁸

1. Ворот в виде вертикального разреза спереди является самым распространенным в настоящее время для женщин всех возрастов; такой ворот называют *пешчокак* или *пешкушо* (в к. Пшихарв также

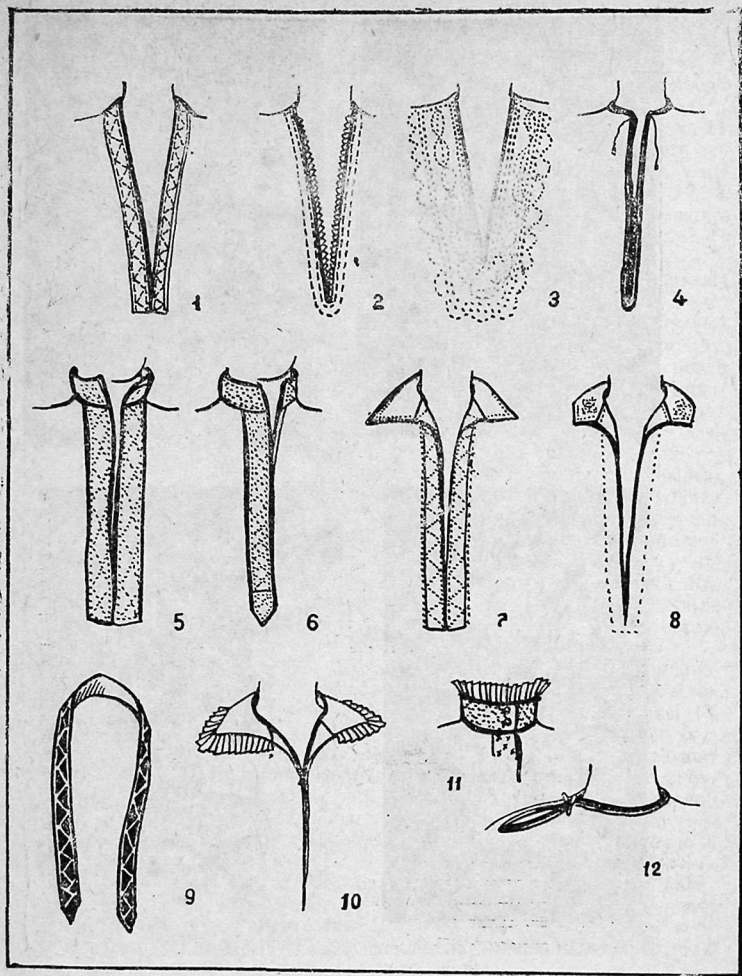


Рис. 13. Вороты женских платьев: 1—ворот *пешчокак* с нашитой полосой из другой материи, КП 156—94, к. Умарак, 1954 г.; 2—ворот *пешчокак* с фестонами в виде разноцветных треугольников, КП 273—27, к. Самсолик, 1956 г.; 3—ворот *пешчокак*, украшенный машинной узорной строчкой, к. Пилдони-Миёна, 1957 г., КП 306—218; 4—ворот *пешчокак*, обшитый цветным кантом, к. Зыгар, 1956 г., КП 273—278; 5—стоячий ворот, к. Нушор, 1957 г., КП 306—284; 6—стоячий ворот, Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—244; 7—отложной ворот, к. Нушор, 1957 г., КП 306—335; 8—отложной ворот, к. Нушор, 1957 г., КП 306—311; 9—накладной ворот для платья *пешчокак*, к. Хаки-ми-Боло, 1957 г., КП 306—477; 10—отложной ворот с плиссированной оборкой *пар-пар*, к. Пилдони-Миёна, 1957 г., КП 306—208; 11—стоячий ворот с плиссированной оборкой *пар-пар*, к. Пуни-Шор, 1954 г., КП 156—33; 12—ворот *китифак*, к. Зыгар, 1956 г., КП 273—273.



Рис. 14. Женская одежда: 1—платье пожилой женщины: нижнее — с горизонтальным воротом, верхнее — с вертикальным, к. Чильдара, 1956 г.; 2—обычный покрой платья пожилой женщины, к. Яхак, Комсомолабадский район, 1953 г.; 3—платье молодой женщины, со стоячим воротом с оборкой *пар-пар*, Калан-Хумб, 1954 г.; 4—молодая женщина в выходном платье, к. Яхак, Комсомолабадского района, 1953 г.

фаровез) (рис. 12 3, 4; рис. 13. 1, 2, 3, 4). Этот покрой ворота в старину был распространен по всему Таджикистану. Раньше его носили только замужние женщины, имеющие детей, на девичьих платьях ворота были с горизонтальным разрезом.⁴⁹ В настоящее время различие между женскими и девичьими платьями в этом отношении исчезло, ворот пешчокак делается и на девичьих и даже на детских платьях,

При покрое ворота пешчокак делают горизонтальный разрез по сгибу плеч и от него длинный (30—35 см) вертикальный разрез посредине груди. Вертикальный разрез оформляют по-разному.

1) Верхние края разреза подгибают в виде клина внутрь (рис. 14, 1—2), иногда отрезают совсем, снизу подшивают полоской другого материала — *адиф*// *адиб* и прострачивают на швейной машине узорной строчкой нитками другого цвета, чем само платье (рис. 12, 3; рис. 13, 3), иногда полоску адиф подшивают не снизу, а нашивают в виде тесьмы на край ворота сверху (рис. 12, 4; рис. 13, 1). Сзади к вырезу подшивают планочку, называемую *паскавдак*.

2) Подогнутые или срезанные края разреза ворота обшивают кантом из другого материала; этот кант называют *мағзй*, *фаровез* (Дарваз), *қува* (Каратегин) (рис. 13, 4).⁵⁰ Кант сначала пришивают к краю ворота с правой стороны, затем перегибают на левую сторону, оставляя на правой стороне узкую полоску, прошивают еще раз с правой же стороны у самого основания каемки, после чего подшивают и с изнанки. В дарвазских кишлаках Ёгид и Зыгар такой ворот оформляют несколько по-другому: вертикальный разрез делают значительно глубже, а сверху вырезают полукруг для шеи. По краю ворот также обшивают цветным кантом, спереди полукруглого выреза пришивают нитяные шнурки, которые завязывают у самой шеи. Нижнюю часть вертикального разреза скрепляют елочкообразной ажурной строчкой типа мережки, называемой *ғалбелак* (рис. 13, 4).⁵¹ Старинные платья из карбоса также обшивались по разрезу кантом — у молодых красным или цветным, у пожилых — черным. В Нижнем Каратегине клиновидный вырез платья иногда обшивают не обычным кантом, а вшивным, состоящим из разноцветных треугольных фестончиков (рис. 13, 2).

3) В Нижнем Каратегине молодые женщины обшивают клиновидный вырез платья накладным воротом из прямой полосы материи, обычно другого цвета, чем само платье, называемым *пешак* (рис. 13, 9; рис. 14, 4).⁵² Эта полоса материи делается шириной 4,5 см, со срезанными углом концами, на подкладке. Верх и подкладку делают часто из различных материй, внутри между ними прокладывают бумагу, а снаружи прострачивают на машине или на руках узорной строчкой. Полосу пришивают вокруг всего клиновидного выреза, сзади получается стоячий воротник, который спереди спускается вдоль разреза шалью.

Вертикальный ворот застегивают на петлю и пуговицу или завязывают на завязочки; иногда его закалывают булавкой или брошкой, а иногда и совсем ничем не закалывают и не застегивают. Длину вертикального разреза у платьев пешкушо делают обычно 32—34 см, так что если ворот не застегнут, то видна даже грудь.

2. Стоячий ворот, как упоминалось, бывает двух разновидностей — без оборки и с оборкой (плиссировкой). Стоячий ворот без оборки (рис. 13, 5—6) распространен очень широко. Называется он *қазоқй*, *гаранй* (Дарваз), *куйнак* (Каратегин). Этот фасон особенно характерен для дарвазского кишлака Ёгид и верхних кишлаков Каратегина — Нушор, Пилдони-Миёна и др. Совсем не встречен он в верхних дарвазских кишлаках Курговад и Пшихарв.

Кроят ворот казаки следующим образом. Первоначально делают горизонтальный и вертикальный разрезы; к горизонтальному разрезу пришивают стоячий воротник 4—5 см высоты. На правой или левой стороне вертикального разреза (в зависимости от того, на какую сто-

рону застегивается воротник) нашивают планку (приполлок) такой же ширины (рис. 13, 6). Приполлок и воротник часто делают другого цвета, чем самое платье; на красном платье — из темной материи, на белом — из красной. Приполлок и стоячий воротник делают двойными, а щеголихи в середину прокладывают бумагу и прострачивают узорной машинной строчкой (рис. 15, 6). Застегивают воротник и приполлок на прорезанные петли и пуговицы.

В Ёгиде вдоль планочки нашивают в виде украшения один или два ряда белых перламутровых пуговиц. На одном из платьев, приобретенных в Калаи-Хумбе, приполлок украшен нашивными металлическими круглыми пластинками.

Иначе делают стоячий воротник в верхних кишлаках Каратегина — Нушор, Пилдони-Миёна. Там приполка нет, а края вертикального разреза подшивают широкой планкой и прострачивают узорной строчкой на швейной машине (рис. 13, 5). Иногда весь перед имеет вид вышитого машинной строчкой нагрудника (рис. 15, 9). Стоячий воротник в этих платьях очень высокий, до 8—9 см, обычно тоже прострочен узорной машинной строчкой и стоит прямо. Обычно женщины застегивают только разрез на груди, а сам воротник оставляют незастегнутым, поэтому края его слегка отгибаются, красиво обрамляя лицо.

Вторая разновидность ворота *қазоқй* это стоячий воротник, отороченный плиссированной оборкой, называемой *пар-пар* (Дарваз и, реже, Каратегин), *қазоқй пар-пар* или *қазоқии пар-пар* (Каратегин) (рис. 13, 11; рис. 14; рис. 15, 1—2).⁵³

Платья с этим воротом широко распространены в средних и нижних кишлаках Каратегина, начиная с Гармского района, и в нижних и центральных кишлаках Дарваза — в Калаи-Хумбе, Умараке; выше по Пянджу, например, в к. Курговад, их носят очень мало, а в самом верхнем посещенном экспедицией к. Пшихарв их не встречено вовсе. В Верхнем Каратегине в настоящее время такие платья почти не носят, хотя, по словам местного населения, до землетрясения 1949 г. их было больше.⁵⁴

Стоячий воротник с плиссированной оборкой оформляют по-разному: чаще всего делают обычный стоячий воротник, в верхний край которого вшивают оборочку, заложенную в складки. Складки могут быть односторонними (рис. 16, 1), встречными или бантовыми, причем бантовые складки могут быть и двойными (рис. 16, 3). Иногда весь воротник закладывают в мелкую складку и прострачивают на машине так, что остается непростроченным край в 1—1,5 см, который и образует плиссировку (рис. 16, 4). Или же на нижнюю часть заложенного в мелкую складочку воротника с наружной и внутренней стороны накладывают прямую полосу материи, которую прострачивают на машине узорной строчкой. Оборочка над этой полоской материи остается непростроченной.

В к. Элок (Нижний Каратегин) ворот *пар-пар* делают очень высоким и у основания его нашивают полосу черного цвета. Белая материя прострачивается черными нитками, черная — белыми. Черная полоса материи называется *муллак*, а все платье *қазоқии пар-пари муллакаш сиёх*. Вообще в Нижнем Каратегине платья *пар-пар* выделяются своими высокими воротниками, доходящими почти до середины щек, и различными видами их оформления.⁵⁵

У джиргатайских таджиков (к. Пилдони-Миёна) пришлось видеть платье с отложным воротником, по краю обшитым плиссированной

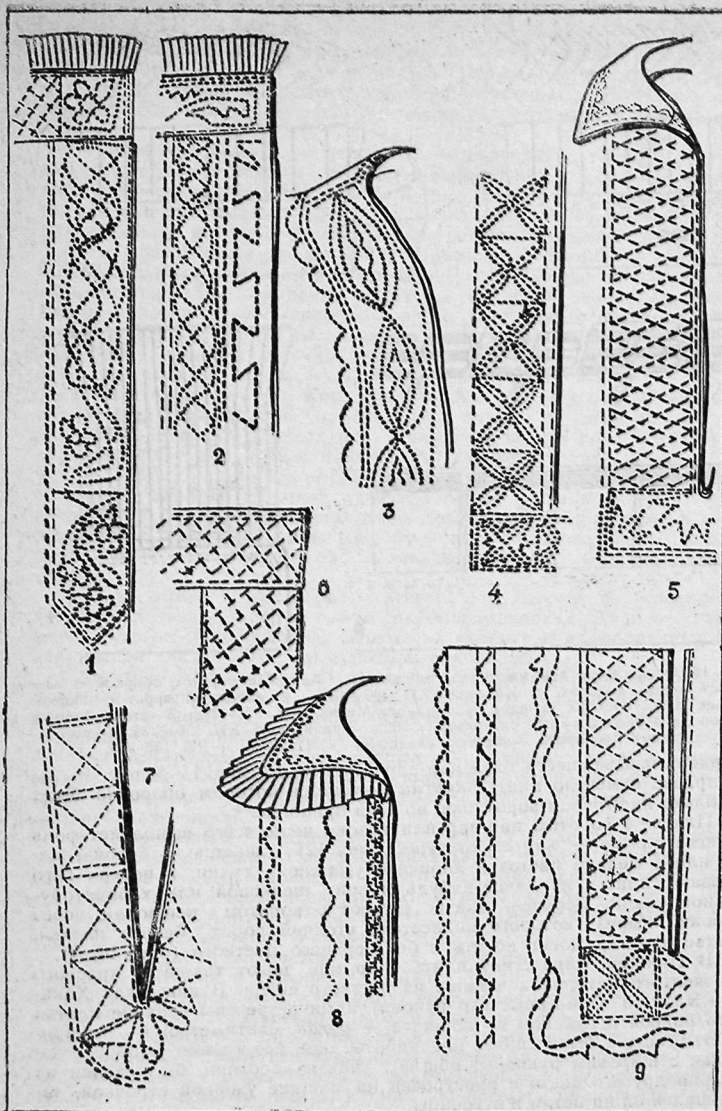


Рис. 15. Типы узорной строчки на воротах женских платьев: 1—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—229; 2—к. Ялдамич, 1957 г., КП 306—434; 3—к. Пилдони-Миёна, 1957 г., КП 306—218; 4—к. Нушор, 1957 г., КП 306—294; 5—к. Нушор, 1957, КП 306—335; 6—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—244; 7—к. Умарак, 1954 г., КП 156—104; 8—к. Пилдони-Миёна, 1957 г., КП 306—208; 9—к. Нушор, 1957 г., КП 306—284.

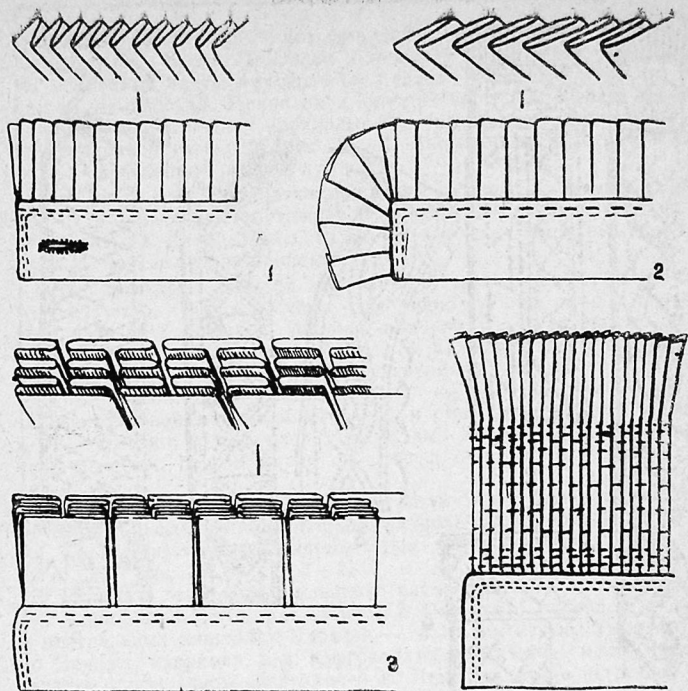


Рис. 16. Оформление воротов платья оборкой: 1—стоячий ворот с оборкой в виде односторонних складок, к. Ялдамич, КП 306—434; 2—отложной ворот с оборкой в виде односторонних складок, к. Пилдони-Миёна, КП 306—208; 3—стоячий ворот с оборкой в виде двойных бантовых складок, Калаи-Хумб, КП 156—229; 4—стоячий ворот с оборкой в мелкую складочку, к. Пунн-Шор, КП 156—33.

оборкой, называвшееся тоже пар-пар (рис. 13, 10; рис. 15, 8; рис. 16, 2); в Дарвазе отмечено платье *куртаи шэпера*, в котором оборочка была не только на стоячем воротнике, но и на приполке.⁵⁶

Платье с воротом пар-пар или казоки чаще всего выполняет роль нижнего платья — *куртаи тагнуш* (рис. 12) и шьется из белой гладкой или в мелкие цветочки хлопчатобумажной ткани, а поверх него надевают платье из какой-нибудь яркой шелковой или хлопчатобумажной ткани. Верхнее платье делают с воротом пешчокак, через глубокий вырез которого виднеется стоячий ворот белого платья. Платье пар-пар могут носить и без верхнего цветного (рис. 14, 3).

В Нижнем Каратегине платье пар-пар шьют также из красного или желтого материала и даже из пестрого ситца. В кишлаках Хакими и Элок (б. Оби-Гармского района) нами встречены верхние платья этого покроя с рукавом на обшлаге — *булак*, сантиметров 6—7 ширины. Эти платья были сшиты для работы, они, безусловно, удобнее, чем платья с широким рукавом; обшлаг, как и воротник, был сделан из материи другого цвета и прострочен на машине узорной строчкой, застегивался он на петли и пуговицы.

В к. Ёгид женщины вместо того, чтобы под верхнее платье с глубоким вырезом надевать белое платье пар-пар, надевают специально для этого сшитый нагрудник, имеющий стоячий воротник с плиссированной оборкой, создающей впечатление, что надето еще нижнее платье.

Третий вид ворота — отложной — *ёкагардон, лабгардон, чапги-ребон* (Дарваз и нижние кишлаки Каратегина) и *қазоқй* (верхние кишлаки Каратегина) (рис. 13, 7—8; рис. 12, 1). При этом виде ворота, как и при описанных выше двух других, делают вертикальный и горизонтальный разрезы. Вертикальный разрез подшивают снизу материалом, края обычно прострачивают узорной машинной строчкой. Воротник кроют из сложенной вдвое ткани и пришивают вокруг горизонтального разреза. Бумагу в отложной воротник не прокладывают. Концы воротника оформляют по-разному, чаще всего подгибают в виде углов различной формы. Сам воротник иногда тоже украшают узорной машинной или ручной строчкой. Этот воротник иногда застегивают на петлю и пуговицу, часто же совсем не застегивают.

В верхних кишлаках Каратегина белые платья с отложным воротником носят как нижние, заменяя ими платья со стоячим плиссированным воротником. Поверх них надевают платья красного цвета, а отложной воротник нижних платьев выпускается наверх.

Четвертый вид — это ворот старинного покроя — *куртаи китифак*, сходный с воротом мужской рубахи того же названия. Ворот кроют следующим образом: первоначально делают вырез для шеи, а затем дополнительный горизонтальный разрез вдоль правого плеча. По краю ворот обшивают каемочкой и завязывают на нитяные завязки (рис. 13, 12).

В настоящее время ворот китифак сохраняется в основном на детских платьях. Лишь в самых нижних кишлаках Дарваза, например в Зыгаре, такие платья, сшитые из карбоса и из фабричных тканей, носили как девушки, так и пожилые женщины.

Лет 70—100 тому назад, по словам женщин, платья покроя китифак были распространены гораздо больше, их носили не только девушки, но и молодые женщины первое время после замужества. Для кормления детей распарывали немного боковые швы или делали по бокам груди разрезы, края которых обшивались кантами. Ворот у шеи скреплялся завязками. В к. Нушор (Каратегин) такой ворот был также с дополнительным разрезом сбоку, с левой стороны, как в мужских рубахах шоинак.

В годы нашего обследования в к. Куглик (Каратегин) платье с воротом китифак, сшитое из фабричной ткани, носила 64-летняя женщина Махшуль. По объяснению других жителей кишлака, муж Махшуль был муллой, сам носил рубахи с воротом китифак и жене не разрешал носить платья с разрезом спереди. Она к этому привыкла и носит ту же одежду и после смерти мужа.

В к. Чильдара мы застали старух, носящих два платья, — нижнее с воротом китифак и верхнее — пешчокак (рис. 14, 1). В к. Ялдамич носили такие два платья в старину, но в настоящее время не носят.

В 1948 г. О. Л. Данскер в к. Ёгид видела платья с треугольным вырезом у ворота и вставкой из другого материала, которая либо подшита к одной стороне вертикального разреза и завязывается у другой, либо имеет у краев тесемки, завязывающиеся на шее сзади. К верхней части вставки иногда в виде украшения пришивается горизонтальный ряд пуговиц.⁵⁷ Эта вставка, несомненно, является имитацией платья с воротом китифак, как бы надетого под платье с верти-

кальным разрезом, подобно тому как это делается и в мужских рубахах.⁵⁸

На платьях всех указанных видов, сшитых из фабричных материй, ворот и подол почти всегда прострачиваются узорной машинной строчкой нитками другого цвета, чем само платье (рис. 14 и рис. 17). Часто, если даже все платье сшито руками, подол, приполлок и ворот выстрачиваются на машине. Иногда вместо машинной строчки ворот и подол прошивают иглой узорной строчкой, швом назад иголку — *каик*. При прострачивании узорной строчкой подола его подгибают широким рубцом или подшивают снизу другим материалом, который называется *адиб*//*адиф* или *фаровез*. Во внутрь часто прокладывают полосу бумаги для того, чтобы было удобнее по твердому прострачивать узор. В последнее время строчку на подоле и по вороту иногда прошивают крючком *дарафшак*.

На платьях из кустарной материи подол подгибают в виде небольшого рубчика, который подшивают руками и на машине не прострачивают.

В к. Зыгар подол иногда подшивают белой материей, пришитой с левой стороны вдоль подола и выпущенной на 3 см в виде канта, который прострочен на швейной машине узорной строчкой черными нитками. Материя эта пришита для того, чтобы создать впечатление, что надето два платья, так как платья в Зыгаре делают узкие и подержнее платье надеть еще одно трудно.

В последнее время появилась мода делать на подоле одну или несколько складок сантиметров 2—3 ширины, называемых *дудомана*, *миёнчин*, *камарак*; их может быть до пяти-шести. Первоначально складки делались как запас на случай усадки материала. Сейчас это повсеместно приобрело характер моды, и в к. Ёгид, например, складки делают даже на платьях из кустарной материи куртачи.⁵⁹

За последнее время на платьях для молодых женщин край подола, как и рукава, обшивают белым фабричным кружевом *тур*, а иногда вышитой или плетеной тесьмой.

Как уже указывалось, покрой праздничных и повседневных женских платьев совершенно одинаков. Только, идя в гости, женщины надевают платье поновее, из лучшего материала, а по возможности — несколько платьев, одно на другое. Верхним надевают обычно какое-нибудь яркое, цветное хлопчатобумажное или шелковое платье, иногда украшенное спереди нашивной узорной тесьмой или нашивным вышитым нагрудником или же вышивкой, выполненной на самой ткани платья.

Тесьма — *шероза*, *зияки курта*, *пешак* нашивается всегда только на платья с вертикальным разрезом ворота; в старину она была распространена значительно больше, чем теперь. Сейчас она носится редко, но еще хранится в сундуках у многих женщин Таджикибада, Гарма и Калаи-Хумба и используется в свадебном костюме таджичек Каратегина и киргизок Джиргаталы.⁶⁰

Шероза представляет собой тесьму, нашитую двумя полосами, 80—100 см длины, 4—5 см ширины каждая. Обе полосы внизу сшиты вместе, примерно до половины всей длины, вверху они раздвигаются и идут вдоль краев вертикального разреза ворота. Внизу тесьма оформлена бахромой или кистями (см. рис. 18). Тесьма часто бывает вышита ручным тамбуром или крестом; выполненная тамбуром — большей частью местной работы, что же касается вышивки крестом, то нами не встречены экземпляры, происхождение которых было бы точно

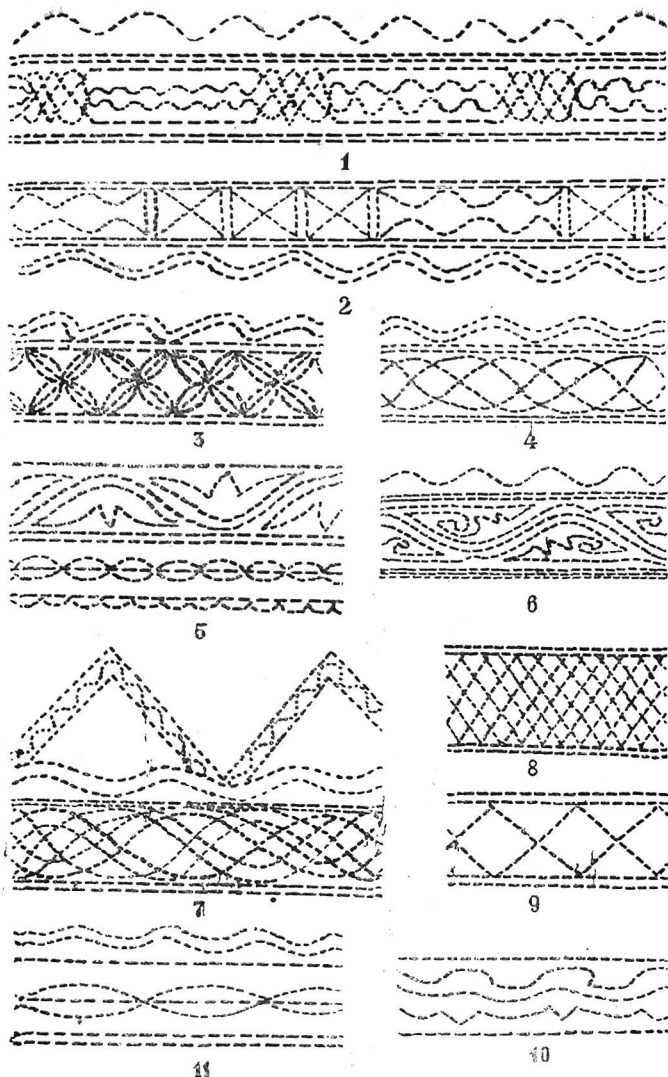


Рис. 17. Типы узорной строчки на подолах женских платьев: 1—к. Нушор, 1957 г., КП 306—311; 2—к. Егид, 1956 г., КП 273—133; 3—к. Пилдони-Миёна, 1957 г., КП 306—218; 4—к. Нушор, 1957 г., КП 306—284; 5—к. Нушор, 1957 г., КП 306—294; 6—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—229; 7—Калаи-Хумб, 1957 г., КП 306—310; 8—к. Умарак, 1954 г., КП 156—104; 9—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—244; 10—к. Зыгар, 1956 г., КП 273—252; 11—к. Зыгар, 1956 г., КП 273—278.

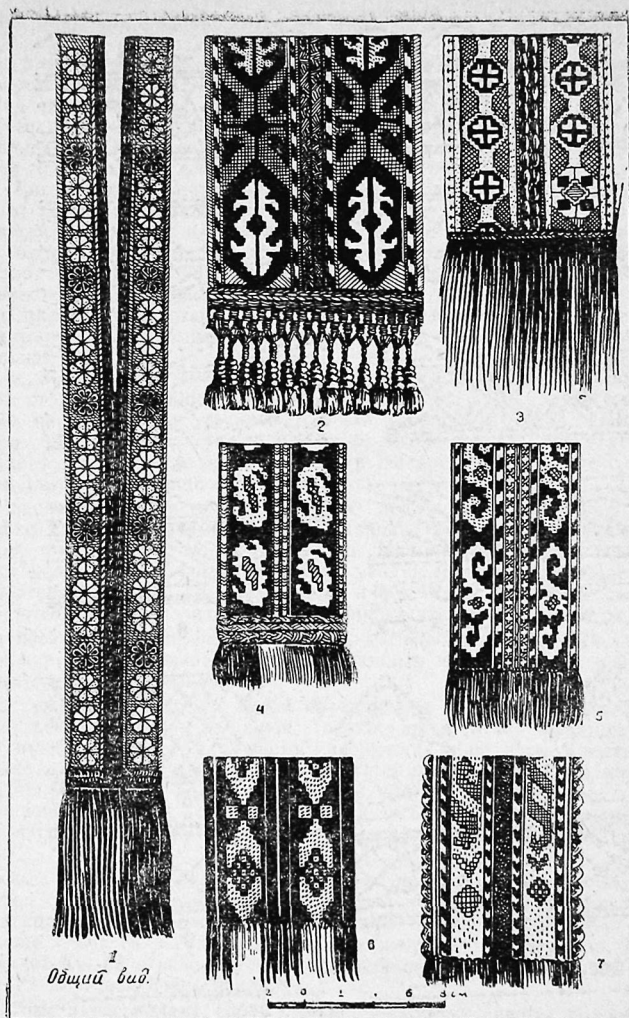


Рис. 18. Нашивная тесьма на перед платья *широз*, *зияк*: 1—тесьма, вышитая крестом, к. Нушор, 1957 г., КП 306—401; 2—тесьма, вышитая крестом, к. Кошой, 1957 г., КП 306—51; 3—тесьма, вышитая крестом, к. Нушор, 1957 г., КП 306—275; 4—тесьма, вышитая тамбуром, к. Нушор, 1957 г., КП 306—406; 5—тесьма, вышитая тамбуром, к. Нушор, 1957 г. КП 306—402; 6—тесьма тканая и вышитая, Қалаи-Хумб, 1954 г., КП 156—246; 7—тесьма, сотканная на станочке *заминбофй*, к. Нушор, 1957 г., КП 306—407.

известно; по-видимому, все они привозные: либо бухарской (шахриябзской), либо киргизской работы.

Наряду с вышитой тесьмой, на женские платья нашивались также тканые узорные тесемки. Они были привозные и местной работы — ткались на примитивном маленьком станочке *заминбофй*. Наконец в Каратегине, а также в Дарвазе изредка носят шероза в виде двух черных полос, сплетенных на руках, или иногда сделанных из черной материи, шириною 4—5 см, длиною больше метра, с нашитыми на полосы серебряными круглыми бляшками *ситора* и полумесяцам *качак*, иногда в сочетании с бухарскими монетами (рис. 22, 1).⁶¹ По словам местных жителей, украшения эти были привозные — из Бухары и Ферганы.

В нижних кишлаках Дарваза — Ёгиде и Зыгаре на женские платья с вертикальным разрезом и стоячим воротом вместо тесьмы нашивают вдоль разреза две прямые полосы *пешак*, украшенные вышивкой, значительно более короткие, чем тесьма — 44—49 см и шире — сантиметров 8; внизу полосы сшивают вместе и заканчивают небольшими кисточками. По внутренней стороне они всегда обшиты цветным кантом (рис. 19. и рис. 20. 1).

На платьях из кустарной материи куртачи эти полосы делают из карбоса, так как куртачи по фактуре непригодны для вышивки швом *сияхдузи*. На платьях из фабричной материи их делают из той же материи, причем в к. Ёгид вышивают кручеными шелковыми нитками, гладью вприкреп, по рисунку, нанесенному на ткань чернилами или карандашом. В кишлаках Зыгар и Пуни-Шор, где традиции вышивания швом *чападузи* еще очень сильны, на нагрудниках даже из фабричных тканей вышивку чаще делают некрученым шелком, швом чападузи, нередко с сохранением традиционных элементов орнамента. Однако рисунок на них наносят не контуром из ниток, а карандашом или чернилами.

Нагрудники для девичьих платьев с воротом китифак встречены нами главным образом в кишлаке Зыгар,⁶² где их называют *шоинак*. Все они вышиты швом *сияхдузи*, нашиты на платья из куртачи и представляют собой прямоугольный кусок карбоса размером 30—32×40—48 см, (рис. 20, 21). Вышивка обычно имеет форму вытянутого по вертикали прямоугольника, нижняя сторона которого завершается в форме треугольника или половины шестигранника. Верх шоинака оформляют соответственно вырезу ворота и обшивают каймой.

В Среднем и Нижнем Дарвазе встречались платья с горизонтальным разрезом ворота, в которых вышивка на груди — *пеш* имела форму треугольника, а на плечах — *пуштак* — прямоугольника⁶³. Нами нагрудник в форме треугольника был встречен в 1952 г. в к. Каланак выше Гарма, однако точных данных о происхождении платья, на котором он был нашит, получить не удалось.

В женских и девичьих платьях из к. Зыгар с нашивными передами *пешак* и *шоинак* конец рукава всегда украшается узкой нашивной узорной полоской — *сари остин*, из карбоса, вышитой крестом — *пухтадузи*, реже гладью; ширина вышивки обычно 4—6 см (рис. 20; рис. 21, 5—6).

Помимо обшлагов, на девичьи платья иногда дополнительно нашиваются между локтем и концом рукава поперечные куски карбоса размером 10×20 см с вышивкой, состоящей из двух параллельных черных полосок, называемых *чобек* (разрез), окруженных мелким орнаментом, выполненным крестом (рис. 21, 5—6).⁶⁴ Иногда обшлаг и

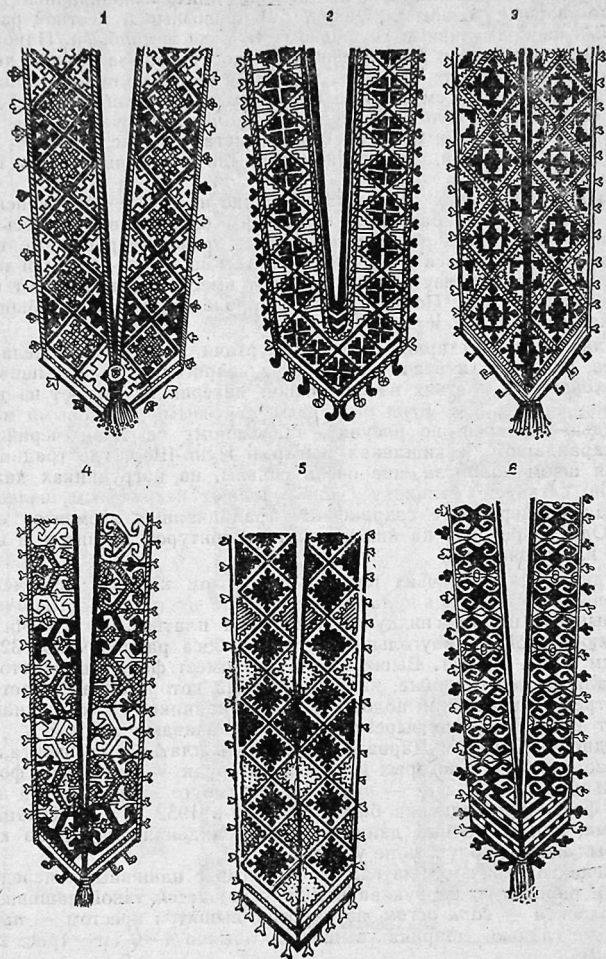


Рис. 19. Нашивные вышитые переды *пешак* для женских платьев, дарвазской работы: 1—к. Пуни-Шор, КП 156—238; 2—к. Зыгар, КП 273—265; 3—к. Егид, КП 273—348; 4—к. Егид, КП 273—98; 5—к. Пуни-Шор, КП 273—239; 6—к. Зыгар, КП 273—278.

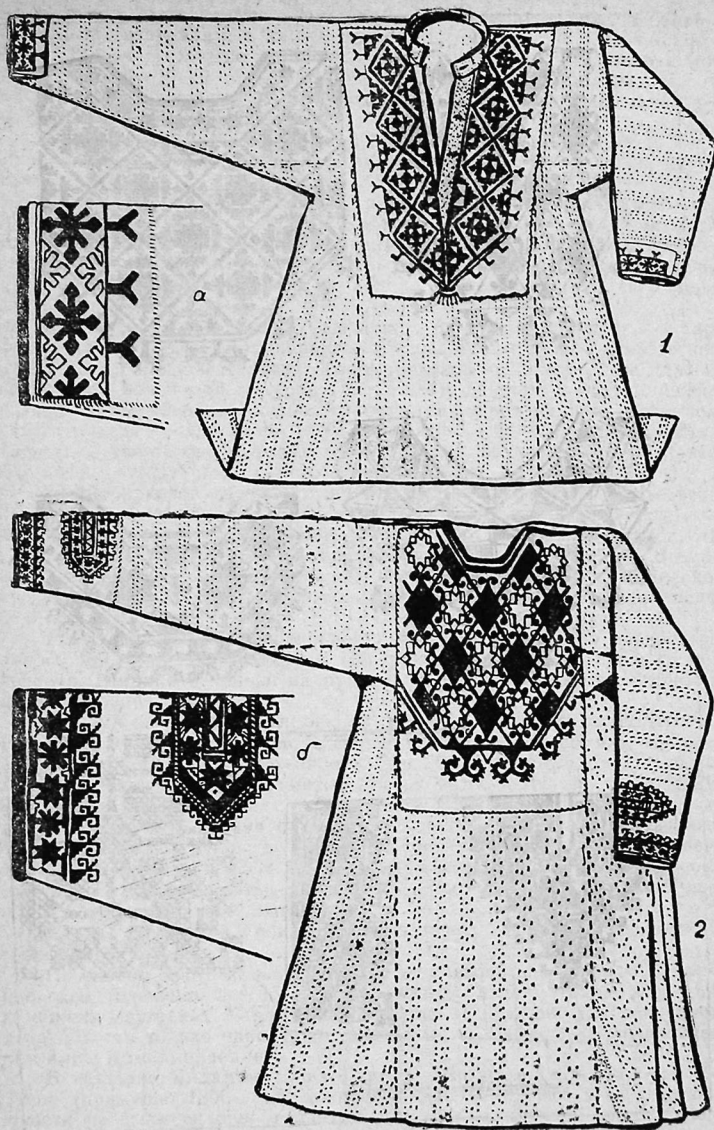


Рис. 20. Дарвазские платья старинного покроя: 1—женское платье из кустарной ткани куртач с вышитым нагрудником и обшлагами, к. Егид, 1954 г., КП 156—6, а—деталь рукава; 2—девичье платье из кустарной ткани, с вышитым нагрудником и обшлагами, к. Зыгар, КП 273—273, б—деталь рукава.

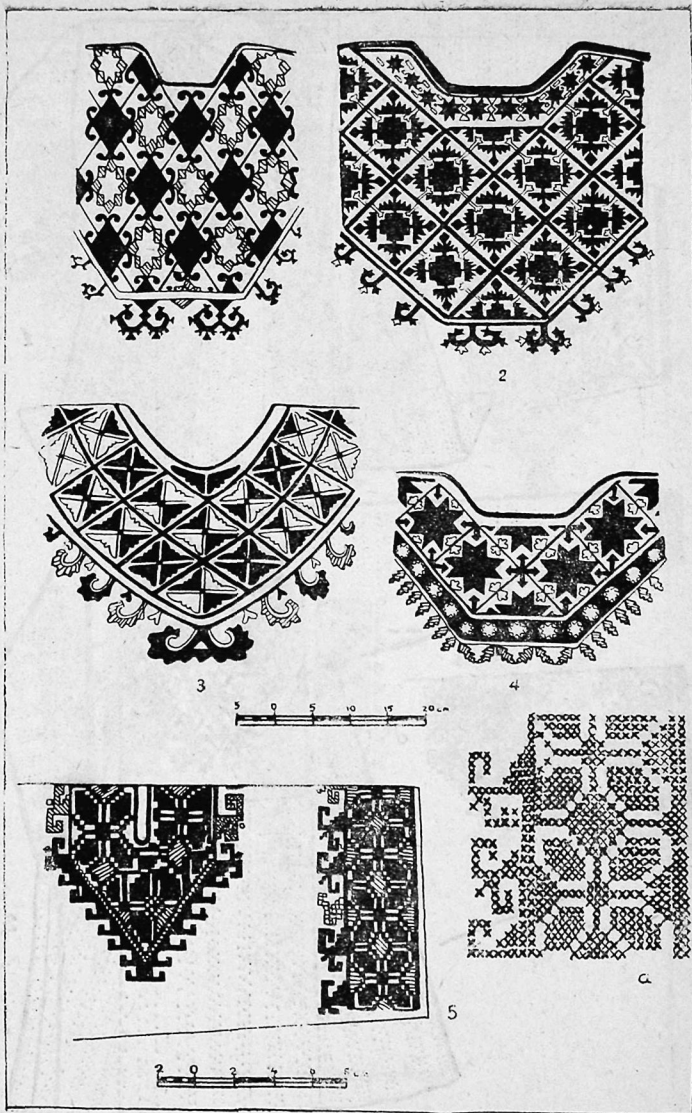


Рис. 21. Нашивные вышитые переду для девичьих платьев, дарвазской работы.
 1 — к. Зыгар, КП 273—254; 2—к. Умарак, КП 156—84; 3—к. Зыгар, КП 273—255;
 4—к. Зыгар, КП 273—263; 5—вышитый рукав, к. Зыгар, КП 273—264; а—деталь
 вышивки.

эта вышивка выполняются на одном куске материи. Судя по собранным нами материалам, а также по сообщениям С. П. Русяйкиной и А. К. Писарчик, раньше на месте вышитых черных полос, на расстоянии около 20—25 см от конца рукава, делали поперечные разрезы — *чобк*, которые украшались вышивкой и служили для продевания руки во время домашней работы.⁶⁵

По воспоминаниям Кавгоновой Мунаввар из к. Егид, *чобк* к делали на платьях для молодых женщин, на платьях для старух их не делали.

Помимо нашивных вышивок, иногда вышивка наносится непосредственно на ткань платья. В Каратегине и Дарвазе украшают такой вышивкой только платья из гладких хлопчатобумажных фабричных тканей. Ею могут быть украшены только рукава или концы рукавов, иногда концы рукавов и подол, реже расшивается и перед платья (рис. 22).

Наиболее распространена вышивка на концах рукавов — сари остин (рис. 23, 24). Она характерна для всех районов Каратегина, Среднего и Нижнего Дарваза. Концы рукавов вышиваются на платьях из красной или белой материи (рис. 14, 4). Ширина вышивки бывает разной: в к. Зыгар на платьях старинного покроя на конце длинного узкого рукава — 12—15 см, в Калаи-Хумбе — 25—30 см, в Таджикибаде (к. Нушор) она доходит до 50—60 см, захватывая иногда весь или почти весь рукав до самого основания (рис. 25, 4 и рис. 26, 4).

Концы рукавов вышивают на платьях всех фасонов, чаще всего на белых платьях (особенно со стоячим и отложным воротником), которые обычно носят как нижние, поэтому и рукава у них делают сантиметров на 30 длиннее, чем у верхних платьев (рис. 12 и 14). Вышивка рукавов на белом платье чаще всего выполняется на отдельном куске материи, который отпаривают при стирке платья, чтобы шелка не линяли.

Украшение вышивкой одновременно рукавов и подола распространилось по всему Каратегину и Центральному Дарвазу сравнительно недавно. Ширина вышивки на рукавах и на подоле делается примерно одинаковой — до 30 см.

Самыми эффектными являются платья со сплошь вышитым передом; их надевают в качестве верхнего платья невесты и в торжественных случаях молодые женщины (рис. 22, 2; рис. 25, 3—4; рис. 26, 2—3—4). Такие богато расшитые платья встречаются не везде. Нами прослежено их бытование в Верхнем и Среднем Каратегине — от к. Пилдон до к. Ялдамич по правому берегу Сурхоба и от кишлаков Таджикибадской группы до к. Булкос по левому, а также в Дарвазе, начиная от Калаи-Хумба и до самого нижнего кишлака Зыгар. Особенно богато вышитые платья отмечены в каратегинском кишлаке Нушор и в дарвазском кишлаке Зыгар.⁶⁶

Иногда вышивкой покрыт не весь перед, а только верхняя его часть (рис. 25, 1, 2).

По словам местных жителей, платья с вышитым передом в прежние годы (очевидно лет 15—20 тому назад) делали также в средних и нижних кишлаках Каратегина,⁶⁷ однако экспедиции удалось видеть и приобрести только одно такое платье в к. Самсолык, расположенном выше Комсомолабада.

В кишлаке Ялдамич (близ Гарма) рисовальщица Махбура Бобиева (примерно 1896 года рождения) сообщила, что в ее детстве и юности не было сплошь вышитых платьев, вышивали лишь переда или нагрудники. Платья со сплошь вышитым передом начали появ-



1



2



3

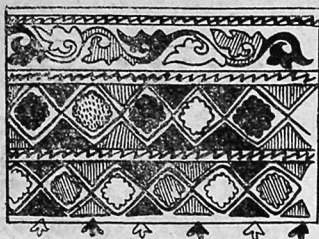


4

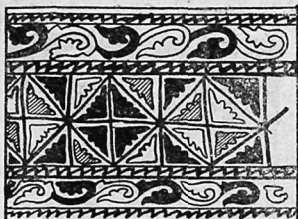
Рис. 22. Нарядные платья: 1—девушки в нарядных платьях, к. Яхч, Комсомолабадского района, 1953 г.; 2—девушка в вышитом платье, Калаи-Хумб (Дарваз), 1954 г.; 3—платье с вышитыми рукавами, Калаи-Хумб (Дарваз), 1954 г.; 4—платье с вышитыми рукавами, к. Даран-Мазор, Таджикабадского района, 1953 г.

ляться в этих местах лет сорок назад, т. е. в 20-х годах, однако вначале узор на них был мельче. Махбура считает, что крупный узор таджикабадских платьев лучше.

По нашим наблюдениям, в Каратегине вышивается обычно только переднее полотнище стана, в Дарвазе же вышивка переднего полотнища почти всегда сочетается с вышитой полосой, проходящей по по-



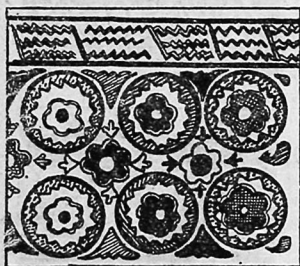
1



2



3



4



5

Рис. 23. Вышитые концы рукавов (Дарваз): 1—к. Умарак, 1954 г., КП 156—47; 2—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—228; 3—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—247; 4—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—225; 5—к. Умарак, 1954 г., КП 156—75.

долу, а иногда захватываются и боковые клинья платья (рис. 22, 2; рис. 26, 2). На одном из платьев из к. Зыгар вышивка сделана не только на концах рукавов, по всему переду и подолу, но и на спине, где оставлено невышитым только место для кос (рис. 25, 3. слева).

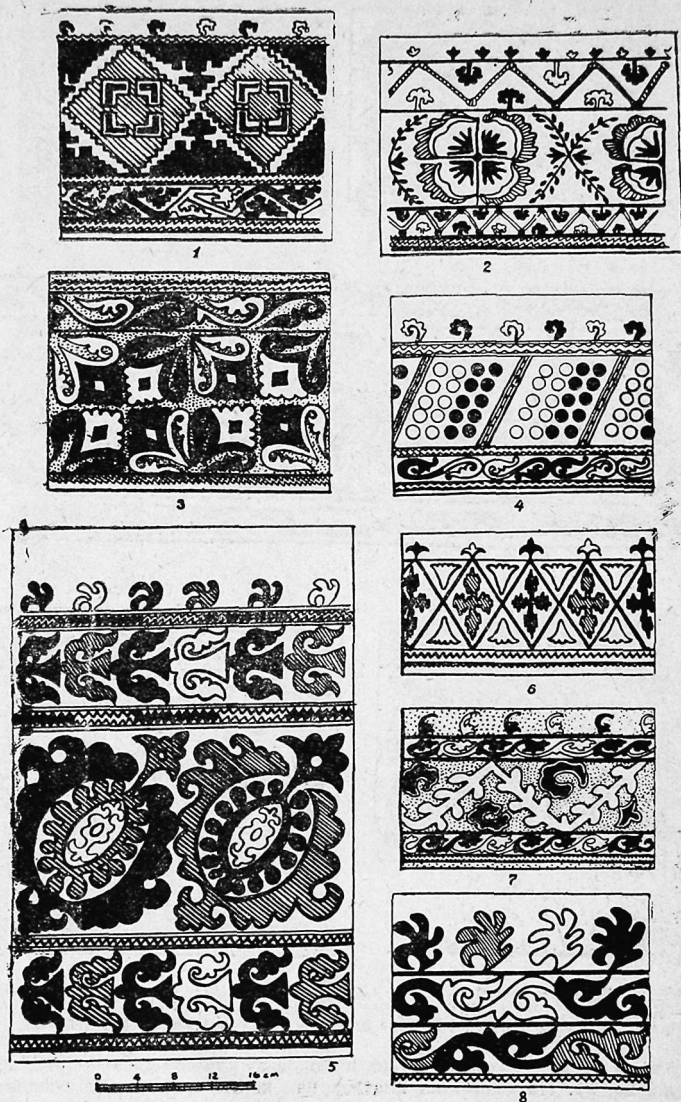


Рис. 24. Вышитые концы рукавов (Каратегин): 1—к. Кошой, 1957 г., КП 306—52; 2—к. Нушор, 1957 г., КП 306—388; 3—к. Ялдамич, 1957 г., КП 306—451; 4—к. Кошой, 1957 г., КП 306—82; 5—к. Нушор 1957 г., КП 306—277; 6—7—концы рукавов, рис. Х. А. Жаба, к. Кочони-Боло, 1957 г., 8—то же к. Ялдамич.

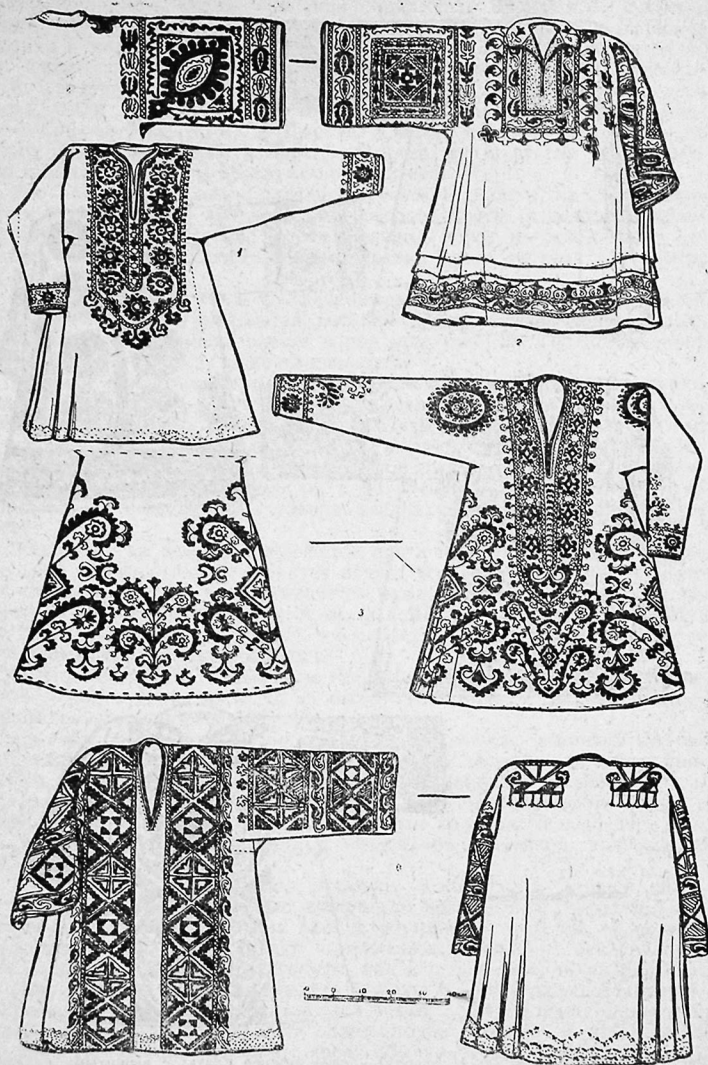


Рис. 25. Нарядные платья: 1—вышитое платье из красного сатина, к. Зыгар, 1956 г., КП 273—278; 2—то же, к. Нушор, 1957 г., КП 306—294; 3—то же, к. Зыгар, 1956 г., КП 273—207; 4—то же, к. Нушор, 1957 г., КП 306—310.



Рис. 26. Нарядные платья: 1 (вверху)—белое нижнее платье с вышитыми рукавами, к. Нушор, Каратегин, 1957 г., КП 306—284; 2—вышитое платье из бордового сатина, Калаи-Хумб (Дарваз), 1954 г., КП 156—244; 3—платье из желтого сатина, вышитое, к. Нушор (Каратегин), 1957 г., КП 306—311; 4 (внизу)—платье из красного сатина, вышитое, к. Нушор (Каратегин), 1957 г., КП 306—312.

Не давая детального описания орнамента вышивки,⁶⁸ отметим только, что на платьях в Каратегине он более крупный, а в Дарвазе, особенно в нижних его кишлаках, мельче и более ажурный, с большим количеством незашитого фона между отдельными элементами.

В Каратегине встречены платья, на которых, помимо вышитого переда, были вышиты гладью сзади на плечах изображения амулетов — *хайкал* (рис. 25, 4). В Дарвазе платьев с узором хайкал мы не видели, однако женщины к. Ёгид сообщали, что в старое время амулеты вышивали, причем обязательно крестом.⁶⁹

Все встреченные нами платья дарвазской работы со сплошь вышитым передом были красного или розового цвета (в основном красный сатин),⁷⁰ в Каратегине еще и желтого; ворот на них обычно отложной, стоячий или просто в виде вертикального разреза (например, в к. Зыгар).

В к. Зыгар платья из фабричной материи, наряду со сплошной вышивкой, нередко украшаются вышивкой, проходящей только вдоль вертикально разрезанного ворота и под ним (рис. 25, 1). Концы узких рукавов в таких платьях тоже вышиваются.

На всех вышитых платьях из фабричной ткани, за исключением зыгарских, вышивку делают крученым шелком, гладью вприкреп — *гулдузи* или *гулдузии якруя*, как называют этот шов в Каратегине. На платьях, выполненных в к. Зыгар, вышивка сделана некрученым шелком, швом сияхдузи, т. е. с левой стороны, но по рисунку, нанесенному карандашом или чернилами, а не нитками, и узор значительно отличается от традиционных узоров, вышивавшихся швом сияхдузи на карбосе.

Вышивка на одежде встречается почти во всех кишлаках, однако отдельные кишлаки особо славятся искусством своих мастериц. В Дарвазе это неоднократно упоминавшийся нами к. Зыгар, а также Калай-Хумб с соседним кишлаком Умарак, а в Верхнем Каратегине — Нушор, Ярхаб, Ялдамич; большой известностью у населения пользуется бывшее искусство хаитских женщин.⁷¹

В Дарвазе платья с вышитым сверху донизу передом начали появляться перед войной, но тогда их было очень мало, а широко распространялись они за последние годы.

Из всего сказанного видно, что мода на сплошь вышитые платья для средних и нижних кишлаков Каратегина — явление уже почти прошедшее. Сейчас она продвинулась в верхние кишлаки Каратегина и в Дарваз. В нижних кишлаках Каратегина бытуют в основном платья с вышитыми рукавами, а иногда и с вышитым подолом. В последнее время появились платья, украшенные машинной вышивкой, привозимые из Душанбе.

Женские шаровары — *эзор*, *пойчома* (Каратегин и Дарваз), *лозимй*, *тамбу* (Дарваз) делают до щиколотки ноги, всегда широкие. Повседневные шаровары шьют из хлопчатобумажных материй — сатина, ситца, тика, праздничные делают из шелковых материй — бекасаба, атласа, а самые зажиточные щеголихи, как и в Душанбе, — из бархата.

Шаровары из шелка и бархата бывают синего и красного цветов, из красного ситца и сатина делаются редко, обычно шьют синие или синие с цветочками или вообще какие-нибудь темные. В к. Кушагба (Верхний Каратегин) женщины носят обычно черные шаровары, синего цвета надевают лишь в траурные дни.

Верхняя часть женских шаровар называется *лифа* и делается всегда из какого-нибудь материала попроще. Раньше, вероятно, это делалось в целях экономии, сейчас же — по традиции. Хотя женщины и го-

ворят, что можно шить шаровары целиком из одной материи (так были шиты шаровары по заказу экспедиции), но обычно они предпочитают делать лифа из другой ткани. Для продергивания тесьмы край лифа отгибается наружу (реже внутрь), образуя широкий рубец — *тахкардаги*. Отверстие для поддержки называется в Каратегине *дахани лифа*, *шикофй*, в Дарвазе еще *чобак*, *пейхиштак*, а сама тесьма *ресмон* или *банд*, или *банди эзор*. В Каратегине лифа делается двойной, и для продергивания тесьмы в ней прорезается спереди отверстие.

В Дарвазе на женские шаровары идет 3—3,5 м фабричной материи, в Каратегине—4; более узкой полущелковой кустарной материи—*беқасаб* требуется до 5 м.

Чаще всего шаровары шьются следующим образом. Отрезаются куски ткани на нижнюю часть шаровар, и из них сшивается сквозной мешок,⁷² к которому пришивают верхнюю часть лифа (из другого материала)⁷³ (см. рис. 27). Затем мешок складывают вдвое (по ширине) и отмеряют ширину нижнего отверстия штанины (см. рис. 27, 2), которое по местным женским мерам должно быть равно четырем расставленным пальцам. Заложив остаток углом по косой линии, верхний конец которой приходится на середину длины шаровар (без лифа), его срезают. Из срезанных треугольных лоскутов сшивают ромбовидную вставку — *хиштак*, которую и вшивают в шаровары в шаг. Вшивается хиштак острыми углами либо в штанины, либо в верхнюю часть шаровар (рис. 27, 1).

Концы штанин в шароварах оформляют по-разному. Почти повсюду в Дарвазе и, частично, в верхних кишлаках Каратегина низ штанин подгибают и подшивают рубцом (рис. 27, 5). Иногда концы штанин обшивают цветным кантом (рис. 27, 4). Такая обшивка другим материалом называется, как и на платьях, *мағзй* (в Дарвазе), *кува* или *адиб* (в Каратегине). Пожилые женщины обшивают штанины сплетенным на руках шнурочком из хлопчатобумажных или шерстяных ниток.

Края штанин женских шаровар в Среднем и Нижнем Каратегине, а также нарядные шаровары в кишлаках Верхнего Каратегина и в Дарвазе обшивают вышитой тамбурным швом тесьмой, называемой *зияк* или *шероз*, которую делают шириной от 5 до 10 рядов тамбурного шва (рис. 27, 3). В настоящее время молодые женщины предпочитают привозные из Душанбе узорные тесемки, тканые на особых станочках, в которых нити основы пропускаются через отверстия в картах.⁷⁴ Под тесьмой штанина собирается в небольшую сборочку. На внутренней стороне, на шве, где сходятся концы тесемки, пришивается небольшая кисточка. В Каратегине концы штанин с внутренней стороны подшивают подкладкой, называемой *таҳпочағй* или *сарпоча*, сантиметров 10 ширины; это делается для большей прочности.

На шароварах молодых женщин шов штанины с внутренней стороны, от края до начала клинцев, прострачивают узорной машинной строчкой в виде извилистой линии — *качак*, иногда же прошивают мелкими стежками швом назад иголку, разноцветными нитками.

Узорной строчкой украшают и низ штанин. Узор обычно проходит по краю подкладки сарпоча. Как отмечает С. П. Русаякина, лет 30—40 назад нижняя часть женских шаровар по однотонному фону часто покрывалась вышивкой в виде разбросанных мелких цветочков.⁷⁵

В кишлаках Камароу⁷⁶ и Шульмак, находящихся близ Навабада, а также в к. Самсолык встречены женские шаровары, концы штанин которых со стороны пятки собраны в виде горизонтальных сбор — *чинчак*, в результате чего над ступней получается пышный напуск (рис. 27, 6). Шаровары с такими же сборами, называемыми *генчак*,

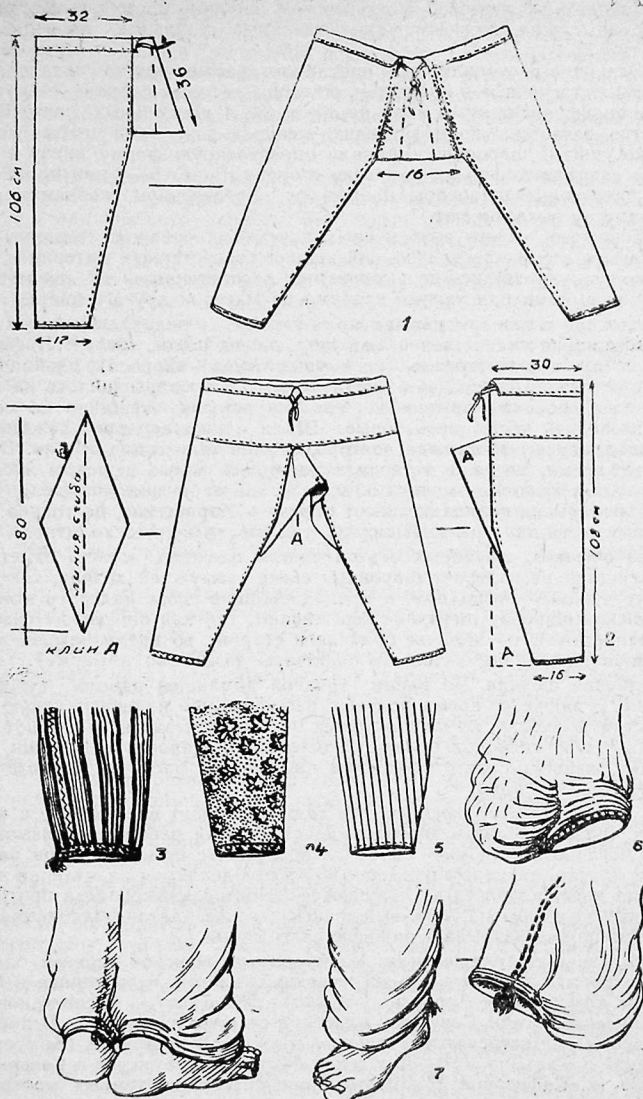


Рис. 27. Женские шаровары: 1, 2—раскрой. Оформление штанин: 3—штанины обшиты вышитой тамбуром тесьмой, к. Кочон, КП 306—379; 4—обшиты другим материалом, к. Кочон, КП 306—380; 5—подогнуты и подшиты рубцом, к. Егид, КП 156—232; 6—концы штанин собраны в сборки и обшиты тесьмой, плетеной на руках, к. Кама-роу, КП 59—1; 7—то же, к. Пшихарв, 1954 г., КП 156—111.

приобретены экспедицией в дарвазском кишлаке Пшихарв. В отличие от предыдущих эти шаровары сделаны двойными, на подкладке (рис. 27, 7).

Очевидно разновидностью описанного фасона можно считать и шаровары, встреченные в к. Куглик, штанины которых собраны с внутренней стороны нитками в виде наметки (3—4 продольных шва). Такая наметка делается, по объяснению женщин, для того, чтобы новые, только сшитые шаровары, приняли определенную форму внизу и свободно спадали только на внешнюю сторону. Через 3—4 дня после носки, когда новые шаровары принимают определенную желаемую форму, наметку вытаскивают.

Основные отличия современных женских шаровар от старинных заключаются в том, что раньше они шились из кустарных материй и концы штанин украшались не вышитыми, а сплетенными из шерстяных ниток тесемками или узкими кантами из материи другого цвета.

Женские шаровары раньше шили узкими, на подкладке, на них шло четыре аршина таких тканей, как *шол*, *алоча*, *адрас*, *шохи*.⁷⁷ Лифа делалась из другого материала (преимущественно карбоса), двойная, на нее тоже нужно было 3—4 аршина ткани. Шаровары шились на подкладке для большей прочности, так как раньше женщина не могла себе позволить часто шить новые. Шили одни шаровары, сажали их на подкладку и носили года полтора, снимая только для стирки. В настоящее время, когда в магазинах появилось много дешевых хлопчатобумажных тканей, женщины обычно их имеют по несколько пар. Сейчас шаровары на подкладке шьют иногда в Каратегине, но только для пожилых женщин, да в к. Пшихарв, так как там очень холодно.

Из обычаев, связанных с этой частью одежды, можно отметить, что женщина не надевает шаровары своей замужней дочери, так как муж ее чужой — *номахрам*, а принадлежащие снохе надевать можно; из женских шаровар ничего не перешивают, так как они *харом* (нечистые, запретные), по этой же причине в старину во время намаза женщинам положено было снимать шаровары (записано в Гарме).

Рабочая одежда. Во время грязной домашней работы (уборки, стирки), а также во время полевых работ обычно надевают какую-нибудь старую рубашу, но ни при каких обстоятельствах не работают без одежды.⁷⁸ Иногда подол рубашки засовывают в шаровары. В наши дни молодые женщины часто одеваются на полевую работу в колхозе более нарядно, чем дома.

В Джиргатальском районе, где таджики живут попеременно с киргизами, таджички, как и киргизки, когда идут на работу, подвязывают талию поясным платком — *белбоғ*, чтобы платье не мешало при работе. Эти платки, размером примерно 95×95 см, делаются из материи черного или красного цвета и украшаются вышитой каймой. Два противоположных угла обычно тоже вышиваются; когда платок подпоясывают, то вышитый угол открывает нижнюю часть спины.

Верхняя выходная одежда. Из предметов женской верхней одежды остановимся прежде всего на женских жилетах, называемых в Каратегине *камзулча*, в Дарвазе — *васкат*. Жилетки — явление новое, появились они в годы Советской власти, в старину их не было. В настоящее время они встречаются только в Нижнем Каратегине (Комсомолабадский район), но в 30—40-х годах были очень модны и в Северном Дарвазе (к. Сафедорон).⁷⁹ Шьются они обычно из темных материй, праздничные — из плюша или бархата и отделываются белыми пуговицами и машинной строчкой.

Женской зимней одеждой служит сшитое в талию пальто или стеганный халат, у интеллигенции — жакетки типа пиджака. Женское пальто *камзул*, *канзул* или *камзур* шьется чаще всего из черного плюша или бархата. Молодые девушки Каратегина делают его иногда зеленого, в Таджикабдском районе — красного цвета. Шьют его с отложным воротником, лацканами, хлястиком на талии, по бокам делаются карманы. Спереди камзол застегивается на пуговицы белого цвета.

Женские халаты — *чома* по покрою одинаковы с мужскими, только шьются из более ярких материалов — пестрого ситца или сатина, бекасаба или цветного бархата. Бархатные халаты носят в основном в Джиргатале, причем до тридцати лет из красного бархата, после тридцати — из черного, синего, фиолетового, зеленого. Халат делают на подкладке из ситца или сатина. Подкладка по краю обшивается кошой полоской другого материала, шириною 4,5—5 см, называемой *адиб*, *адиф* или *фаровез*. Ворот, полы и рукава по краю обшиваются кантом из другого материала, называемым *мағзй* или *қува*. Иногда вместо канта халат обшивается плетеной тесемочкой *зияк*.

Женские халаты иногда застегиваются с помощью петли и пуговицы в отличие от мужских, которые, за исключением камзолов, никогда никакой застежки не имеют.

В старое время у женщин, как правило, верхней зимней одежды не было. Большинство из них в зимнюю пору надевало, если была к тому возможность, лишнее платье. Лишь очень немногие богатые женщины шили себе халаты из карбоса и алачи, застегиваемые с помощью большой перламутровой пуговицы садаф и плетеной петли из цветных ниток. Камзолов раньше у женщин не было совсем, они появились после революции.

При выходе со двора женщины кишлаков Нижнего Каратегина накидывают на голову халаты и камзолы так, что голова немного входит в один из рукавов. Как нам кажется, этот обычай следует отнести к бухарско-гиссарскому влиянию, которое распространилось, правда, далеко не на все кишлаки. Так, например, в Хаите женщины и раньше не закрывались и не прятались от посторонних мужчин; такой же обычай существовал и в нижерасположенных по Сурхобу кишлаках, вплоть до Камароуского ущелья, где женщины уже частично закрывались. По другим сведениям, обычай закрывать голову халатом был и в кишлаках, расположенных поблизости к. Калаи-Лаби-Об, так как в нем до революции помещалась крепость и находился центр амлякдарства. При дворе амлякдара было немало бухарских чиновников, и связи с Бухарой были тесные. Случалось, что бухарские чиновники брали себе в жены местных девушек.

В Гармском районе набрасывание халатов на голову отмечено в настоящее время в кишлаках Нимич и Кочони-Боло близ Гарма, где такой халат называется *чомаи сури* (букв. «праздничная одежда»).

Господству бухарцев обязаны горные таджички и появлением паранджи — верхней одежды равнинных женщин,⁸⁰ называемой *фаранҷй*, или *фарачй*. Паранджа никогда не была типичным элементом костюма горной таджички, проникла в Каратегин незадолго до революции, и носили ее сравнительно немногие, главным образом жены бухарских чиновников и женщины из их окружения. Зажиточные каратегинские женщины надевали ее преимущественно во время свадебной церемонии, а также при поездках верхом на лошади в чужие селения.⁸¹ Сами женщины-горянки шить паранджи не умели и обычно носили привозные из Бухары, Коканда, Самарканда.

Обувь. В женском костюме большие изменения произошли также и в обуви. Повсюду женщины носят фабричные туфли на совсем низком или на не очень высоком каблучке. Широко распространены, как и повсюду в Средней Азии, резиновые галоши так называемого «средне-азиатского» типа, надеваемые часто на босу ногу. Лишь в некоторых кишлаках встречаются еще женские кожаные туфли кустарной работы — *кафши чакй*, *кафши чармй*, в старину распространенные по всему Каратегину и Дарвазу. Самые богатые покупали лаковые туфли — *шидринг*. Кафши имеют острый носок и каблукочок высотой 3,5 см; перед закрытый, полукругом находящийся на ногу, боковые стороны мелкие — 2,5 см, задник 3,5 см высоты; края туфель прострочены цветными нитками. В летнее время галоши и туфли надеваются прямо на босу ногу, без чулок. Зимой носят ичиги (по праздникам лакированные) с галошами, сапоги с голенищами черного или желтого цвета, которые называются почему-то кавказскими, резиновые сапоги. В годы нашего обследования были модны резиновые боты на каблукках, которые носили обычно без туфель. Зимой обувь носят с фабричными чулками, реже с шерстяными чулками — *чуроб* домашней вязки, доходящими до колен.

В некоторых кишлаках Дарваза до сих пор еще женщины, как и мужчины, носят иногда в зимнюю дождливую пору деревянные галоши — *кафши чубин*. Женские галоши часто украшаются орнаментом в виде прорезанных полосок и завитков, иногда их окрашивают в черный цвет котельной сажей. В старину деревянные галоши были наиболее распространенной женской обувью.

Во время полевых работ женщины надевают какую-нибудь дешевую фабричную обувь или кустарную мужскую — *муккй*, *хомак*, *чорук* (см. мужскую обувь).

Головные уборы. Голова женщины по обычаю должна быть обязательно покрыта. Она может быть покрыта платком, платком и тюбетейкой, значительно реже — одной тюбетейкой. Быть при посторонних с непокрытой головой непринято. Женщина не только никогда не ходит с непокрытой головой, но и спит, повязав голову специальным платочком из марли — *шаббандак* или каким-нибудь старым платком.

Молодые и средних лет женщины Нижнего Каратегина, а также некоторые наиболее щеголеватые молодые женщины Верхнего Каратегина и Среднего Дарваза (Калаи-Хумб) надевают тюбетейку, а поверх нее набрасывают платок (рис. 22, 1, 2). В некоторых местах, например в верхних кишлаках Дарваза, подавляющее большинство тюбетеек не носит; лишь наиболее передовые — учительницы, студентки, представительницы колхозной интеллигенции летом носят только тюбетейку, а зимой повязывают поверх нее платок.

Тюбетейки местного изготовления хотя и не очень разнообразны, но по районам в их покрое имеются существенные различия.

В Нижнем Каратегине женские тюбетейки делают круглые со слегка куполообразной макушкой, называются они *тоқиш карсунча*. Шьют их с прокладкой из очень плотного картона. Верх — *тора* (Каратегин), *тола* (Дарваз) и околыш — *гирда* бывают всегда разного цвета: если тора делается синяя, то гирда — красная и наоборот.⁸² Во всю ширину околыша нашивается вышитая тамбуром тесьма — *шероз*, обрамленная сверху и снизу белыми фестончиками. Сбоку пришивается кисточка из шелковых крученых ниток, длиной до 25 см. Такие тюбетейки делают обычно из шелка и бархата, иногда макушку сшивают из нескольких разноцветных полос материи. Наряду с тюбетейками местного изготовления, точно такой же формы имеются в мест-

ных магазинах. Это мода, безусловно, новая, но женщины так искусно их делают, что трудно определить, привозная тюбетейка или сшита местными женщинами.

В Среднем и Верхнем Каратегине молодые женщины носят обычные мужские тюбетейки, часто вышитые. Если тюбетейка шьется заведомо для женщины, ее вышивают более ярким узором и отделяют более яркой тесьмой. В остальном, как говорят женщины, различий между женской и мужской тюбетейками нет.

В кишлаке Пилдони-Миёна нам указали, что в Джиргатале и ближайших к нему кишлаках Верхнего Каратегина женщины тюбетеек для себя не делают, их изготавливают в кишлаках ниже по долине, начиная с Пилдони-Миёна и Хаита. Не шьют женских тюбетеек и в Дарвазе, хотя за последнее время их стали носить и там.

В большом ходу также привозные четырехгранные тюбетейки, сплошь вышитые гладью и называемые *чамандагул* (букв. «цветы на лугу»), бархатные, вышитые бисером — *мухра*, из зеленого бархата с узором. миндаля, называемые *чустӣ* — чустская (черных тюбетеек этого типа женщины не носят), а также четырехгранные тюбетейки, вышитые крестом.

В старину женщины тюбетеек никогда не носили, это считалось неприличным.⁸³

Несмотря на то, что тюбетейка с каждым днем все больше входит в обычный женский костюм, основным головным убором женщин Каратегина и Дарваза в настоящее время нужно считать все же головной платок. Способы повязывания его и названия в различных кишлаках в различные отрезки времени были очень разнообразны, и мы не можем их все привести. Остановимся на наиболее распространенных. В будничные дни женщины накидывают на голову большой белый платок из марли или кисеи, называемый в Дарвазе *соба*, в Каратегине — *дока* или *латта*. На этот платок идет 3 м марли, сшиваемой в две точки. Более нарядными считаются фабричные платки — *румол*, *нумол*. Особенно распространены шелковые платки с кистями *нумоли зовутӣ*, *нумоли заргаронӣ*, *нумоли фаранг*, *нумоли рубаст*; они бывают чаще всего одноцветные — желтые, красные, голубые и т. п. Более светлые и яркие тона носят молодые, более темные — пожилые женщины. Модными считаются фабричные шелковые вязаные, с выпуклым узором платки белого цвета или нежных оттенков розового, голубого и желтого цветов, называемые *нумоли фиҷим*, а также белые крепдешиновые платки с кистями. В большом ходу красные хлопчатобумажные платки с белыми и светло-розовыми цветами, называемые *нумоли гардӣ* (Дарваз и Нижний Каратегин) и *докаи шол* (Верхний Каратегин), а также хлопчатобумажные фабричные с кистями и с каймой, украшенной орнаментом из цветов, называемые *нумоли қамарут*. В зимнее время носят полушерстяные платки с цветастой каймой, называемые *нумоли шол* или тоже *нумоли қамарут*.

Манера ношения платков весьма разнообразна: чаще всего платок складывается по диагонали вдвое и свободно накидывается на голову так, что все четыре конца его свешиваются вдоль спины; про такой способ надевания платка говорят: *латта дар ақиб партофт*, *латта дар пас партофт*, *суни пушт партофтағӣ* (буквально «брошенный за спину»). Концы платка на спине могут завязываться легким узлом (рис. 28, 1—2). Иногда один или два конца перекидываются вперед; в Дарвазе такой способ ношения называется *соба*. Если платок шелковый и накидывается на тюбетейку, то он почти всегда прикрепляется к ней булавкой или брошкой.



1



2



3



4

Рис. 28. Способы повязывания платка: 1—*латта дар ақиб партофтагӣ* (платок закинут на спину); 2—платок завязан на спине свободным узлом, название то же, к. Казнок, Гармского района, 1957 г.; 3 — способ повязывания платка *гирди фук*, к. Казнок, Гармского района, 1957 г.; 4—способ повязывания платка *таги мана(ҳ) бастагӣ*, к. Дин-Та, Комсомолабадского района, 1953 г.

Во время домашней работы или в обычное время дома женщины обвивают платок вокруг головы. Здесь бывает очень много вариантов. Чаще всего сложенный вдвое по диагонали платок накидывается низ-

ко на лоб, и один конец его обвертывается вокруг головы, а потом забрасывается от затылка вверх, на темя, где он свободно лежит. Такой способ ношения и все имеющиеся варианты называются в Каратегине *латтаи гирди сар* (платок вокруг головы) или *латтаи печондагй* (закрученный платок).⁸⁴

При выходе из дома или при встрече с посторонними мужчинами женщины (особенно пожилые) закрывают одним из концов платка рот и нос. Этот способ ношения платка называется *гирди фук*, *гирди фусук* или *фукунул* (рис. 28, 3).

В нижних кишлаках Каратегина молодые женщины-модницы повязывают платок, закрывая лоб и завязав концы на затылке односторонним или, реже, двусторонним бантом. Этот способ ношения платка называется *фаш*.⁸⁵ Иногда повязка односторонним бантом называется еще *мушки бегиюн* (рис. 29). а повязка двусторонним бантом называется *сумбул* (рис. 29). В настоящее время платок таким образом обычно повязывают поверх тюбетейки, в старину его повязывали без нее.

Молодые женщины в этих кишлаках повязывают голову несколько по-другому: на тюбетейку накидывают большой платок, затем берут другой четырехугольный небольшой платочек, свертывают его по диагонали широкой полосой и повязывают вокруг головы наподобие кокошника (рис. 29, 3—4). Такой способ называется *сарбандак* или *чиликак*, в Комсомолабаде называют так же небольшой платок, повязанный вокруг головы, концы которого завязаны узлом на лбу.

Женщины Дарваза часто повязывают платок, надвинув его на лоб и завязав концы на затылке. Этот способ называется там *дурха* (рис. 30, 1—2).

В зимнее время молодые женщины накидывают на голову сложенный вдвое по диагонали платок, концы его перекрещивают под подбородком и завязывают сзади на шее; такой способ ношения называется *таги мана(х) бастагй* (рис. 28, 4). В нижних кишлаках Каратегина платок таким образом повязывается иногда поверх тюбетейки.

В старину в Дарвазе женские головные платки делались из кустарных тонких белых материй типа кисеи — *борикй* или *шашй*, очень длинные (свыше 3 м) и широкие. Из борики (30 см шириной) платок сшивался в четыре точки: на один платок шло 14 чубазов (более 11 м) материи; из шашы (50 см шириной) платок сшивался в две точки, и материи шло 6 чубазов (около 5 м).⁸⁶ При тканье этих материй на платки для молодых женщин вдоль кромки в основе пропускались три узкие разноцветные полосы, образующие каемку около 1,5 см ширины. Головные платки делались также и из шелковой материи *қазин*.

По словам Мунаввар Кавгоновой из к. Егид, в старину такие длинные головные платки носили способами, называемыми *фукунул* и *дурха*, но повязываемыми совсем иначе, чем описанные выше современные способы под этим названием. Пожилые женщины, оставив на спине длинный конец, наматывали платок вокруг головы, пропускали его под подбородком, закрывая краем нос и рот, и забрасывали конец на темя. Этот способ ношения платка назывался *фукунул* (рис. 30, 3, 4). Женщины же средних лет, оставляя на спине свободный конец платка, который волочился по земле, что считалось модным, наматывали остальную часть платка вокруг головы, закрывая лоб, а концом закрывали рот и нос. Этот способ ношения платка Кавгонова назвала *дурха* или *фукунул*. Что касается молодых женщин, то они закрывали лицо совсем, а концы иногда забрасывали на голову. Такой способ повязывания платка назывался *харам* (рис. 31, 2).



Рис. 29. Способы повязывания платка: 1—*фаш* или *мушки бегичон*, к. Яхч, Комсомол-
 абадского района; 2—*фаш* или *сумбул* (гиацинт), Яхч, Комсомолabadского района;
 3, 4 (внизу)—способы повязывания праздничных платков девушек и молодых, к. Яхч,
 Комсомолabadского района, 1953 г.

В административных центрах Каратегина и Дарваза женщины из зажиточных семей до революции носили высокие налобные повязки *пешонабанд*. Повязки были золотошвейные, бухарской работы или сделанные из шелковых платков, в которые закладывалась широкая полоса картона.⁸⁷ Пешонабанды появились под влиянием семей бухарских чиновников, но широкого распространения не получили.



1



2



3



4

Рис. 30. Способы повязывания платка в к. Егид (Дарваз): 1, 2—современный способ ношения платка *дурха* (вид спереди и сзади), 1954 г.; 3, 4—старый способ ношения платка пожилыми женщинами *фукунул* (закрыт нос и рот), показывает Кавгонова Мунаввар, 1954 г.



Рис. 31. Старинные способы ношения платка молодыми женщинами: 1—*фукунул* (закрыт нос и рот), к. Егид; 2—*харам* (скрытый); женские прически: 3—молодой женщины, Калаи-Хумб, 1954 г.; 4—пожилой женщины, к. Пшихарв, 1954 г.

В старину в Каратегине и Дарвазе бытовала стеганая шапочка со сквозным мешочком для пропускания кос сзади — *кулута, телпак, шабкуллак*, кое-где она встречается у старух и сейчас.⁸⁸

Прическа. Волосы женщины переплетают лишь в те дни, когда моют голову, т. е. раз в неделю; в остальные дни они приглаживают волосы гребнем или рукой, смоченной водой или маслом.

Голову моют по определенным дням — воскресенье, понедельник, четверг. Считают, что в пятницу можно мыть голову только во второй половине дня, после намаза *пейшин*. В среду, вторник и субботу мыть голову, по старым поверьям, грех; считалось что это может привести к тому, что волосы будут вылезать, будет трястись голова, умрет кто-нибудь из близких и т. п.

Моют голову теплой водой с мылом, потом полощут чистой водой и натирают корни волос и сами волосы коровьим маслом для того, чтобы они лучше росли и не лохматились. Иногда голову сначала моют мылом, затем натирают кислым молоком или пахтаньем, а потом расчесывают волосы гребнем и смывают теплой водой. В к. Егид, как отмечает О.Л. Данскер, женщины при мытье головы расплетают и расчесывают сначала одну косу, после чего смачивают водой и, намылив, расчесывают гребнем, смывают мыло, скручивают волосы жгутом. Затем расплетают вторую косу и моют таким же образом вторую половину головы, после чего разводят в чистой воде немного масла, споласкивают все волосы жирной водой, расчесывают гребнем и заплетают косы.

Еще не так давно пожилые женщины Дарваза вместо мыла пользовались иногда для мытья головы жирной глиной, называемой *хоки сафед* или *хоки сар*, которая в Дарвазе привозилась из Вахиои-Боло, из кишлаков Сагирдашской группы (Хавдок) и из Каратегина — в виде брусков голубого цвета, длиной в четверть и сечением в три пальца.

После того как голова вымыта, волосы расчесывают и заплетают, сильно смачивая каждую прядь водой. Вылезшие при расчесывании волосы аккуратно собирают, сматывают в клубочек и закладывают в щель стены дома, в расщелину ивы или тута. Бросать на землю выпавшие из головы или остриженные волосы считалось большим грехом.

Волосы заплетают следующим образом: на голове гребнем делается прямой пробор — *фарк*, от середины лба до затылка. В Дарвазе иногда пробор делается иглой дикобраза или специальным металлическим стержнем *фаркросткун*. Если волос на голове немного, то заплетают только две косы за ушами, называемые *тах*, *тагак*, в Дарвазе еще *гусй*. Эти косы обычно плетутся в три пряди, которые при плетении подворачиваются вниз. Молодые женщины иногда заплетают косы в пять или семь прядей. Такие косы называются по числу прядей *панча* или *хафта*, а в кишлаке Казнок *бурьёбоф* (букв. *бурьё*—цыновка, *боф* — основа наст. времени гл. *бофтан*—вязать, плести). В последнем названии подчеркивается уже техника плетения. Если волос достаточно, то с боков, над ушами, плетется еще по косе, называемой *торак*, *торкокулак*, *кокул*, в Дарвазе (Пшихарв) еще *сегак*, *пуча*. В Каратегине плетется обычно по одной такой косе с каждой стороны, в Дарвазе, по словам женщин, в парадных случаях их бывает до 20—30,⁸⁹ мы видели до пяти (рис. 31, 4). Таких косичек бывает четное и нечетное число, безразлично. Иногда плетется всего одна коса из 5—7 прядей (рис. 31, 3).

Густые волосы сейчас иногда заплетают без приплетных кос; о таких волосах говорят *муи холй* и обычно носят вдоль спины—*муи дар пас партофтагй*, а если на голову надета тюбетейка, то иногда косы обертывают вокруг головы — *муи гирди сар*. В некоторых кишлаках

Дарваза, например в Егиде, молодые женщины, заплетая две косы, одну перекидывают наперед.⁹⁰ В удаленных от центров кишлаках часто спереди от конца пробора на лбу до уха по краю волосяного покрова заплетают две тоненькие косички — *пича, печа*, оплетая ими лоб (рис. 31 и 32). Косички печа заплетаются девочкам, девушкам, а также молодым женщинам и старухам.⁹¹ В некоторых кишлаках Каратегина молодые девушки не заплетают себе эти косички, считая их прической пожилых.

Иногда девочкам и девушкам на затылке оставляют прядь волос, из которых заплетается маленькая косичка *паскокулак* или *пасак* (рис. 32). Эта косичка остается у молодой женщины до тех пор, пока она не родит первого ребенка, а иногда и дольше. Сейчас такая косичка заплетается далеко не всегда, совсем не плетут ее в дарвазском кишлаке Пшихарв, тогда как в остальных кишлаках Дарваза она встречается. В Дарвазе и в Каратегине, особенно в Комсомолабаде, у шей, около щек, часто оставляется прядь волос, которая смачивается водой и свивается рукой в локон — *зулф*. В Комсомолабадском районе зулф носят как девочки и девушки, так и замужние женщины лет до 40, вообще же зулф считается принадлежностью прически замужней женщины. В Нижнем и Среднем Каратегине девочки и девушки на голове иногда заплетают много мелких косичек, такая прическа называется *чиликак, панчак, чилчура* или *панчара* (рис. 32, 2).

Как и повсюду в Таджикистане, в кишлаках Каратегина и Дарваза к собственным косам женщины все еще часто приплетают (как и в старину) искусственные косы, которые делаются из простых или шерстяных ниток черного цвета. Называются такие косы *кокул, чамолак, пучабанд*, в Дарвазе еще *чура, шода, кужик*. В Дарвазе самыми распространенными являются искусственные косы с кистями на конце *кокули валашкак* (рис. 32, 4; рис. 33). Длина таких кос с кистями делается 80—85 см. В дарвазских кишлаках Курговад и Пшихарв искусственные косы делаются толстыми, с более массивными кистями и сантиметров на 10 длиннее, чем в других местах. В Дарвазе искусственные шерстяные косы, приплетающиеся девочкам, а иногда и девушкам, окрашиваются в красный цвет (как и в Припамирье)⁹² и делаются значительно короче и тоньше, чем косы для взрослых (рис. 32, 2). Нити кистей часто окрашиваются в белый и красный цвет способом перевязки. Образованные из них кисти имеют на концах красные помпончики. Незаплетенная часть нитей над косами называется *решак*, заплетенная часть кос — *тана* или *сегак*, кисточки на концах — *пунак, пулак, тупак*.

В кишлаках Пилдони-Миёна и в Джиргатале пожилые женщины приплетают искусственные косы из верблюжьей шерсти (с верхней части ног и шеи верблюда), называемые *улама*. Такие косы не только допустимы, но иметь их приплетенными к волосам во время чтения намаза считается богоугодным делом — *савоб*, так же как и косы, сделанные из ягнячьей шерсти; подплетать же к волосам выпавшие волосы можно, но читать намаз с такими волосами нельзя.

Сейчас для молодых женщин Дарваза, а особенно Каратегина, искусственные косы чаще делаются с подвесками, состоящими из мелких шелковых кисточек, с бисеринками на концах нитей или кисточек из бисера, плетеных шариков из шелковых ниток, называемых *чавз*, спирально загнутой проволоки, пуговиц и т. д. (рис. 32—33). Называются такие подвески *чамолак, кокул, бандак* и *кужик* (Пшихарв). Особенно большого искусства в их изготовлении достигли женщины Каратегина. Девушкам такие подвески делаются к двум основ-



Рис. 32. Прически: 1—девушки, к. Нушор, Таджикабадского района, 1957 г.; 2—девушек (слева) и молодой женщины (справа), к. Тегирми, 1956 г.; 3 (внизу слева)—прическа девушек и девочек из многих косичек, называемая *панчара*, *чилчура*, *чиликак*, к. Нушор, Таджикабадского района, 1957 г.; 4 (внизу справа)—девочки к. Пишхарв, 1954 г.

ным косам и косичке у затылка (рис. 32 1, 2). Иногда косы внизу связаны, и к ним прикрепляется одна подвеска (рис. 34, 3). Такие подвески часто изготавливаются отдельно и прикрепляются к связанным косам просто булавкой.

Если плетут много косичек, то под ними прикрепляют планочку со шнурками-подвесками, украшенными пуговицами, кисточками, бисером и цветными нитками (рис. 34, 4).

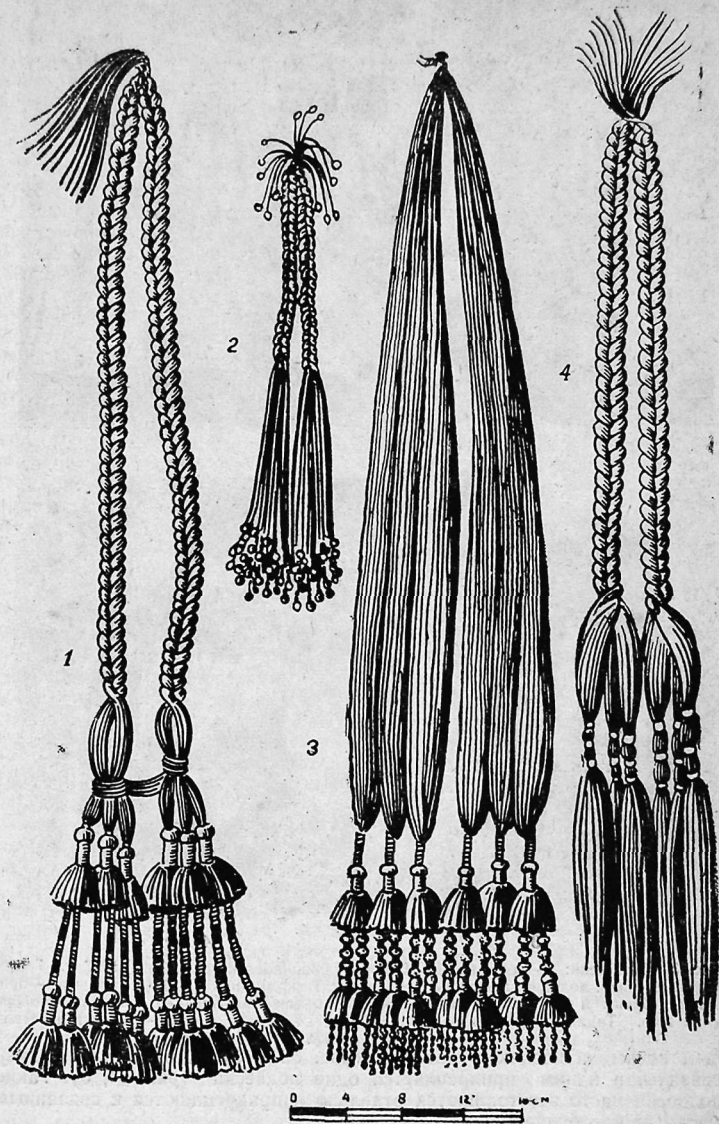


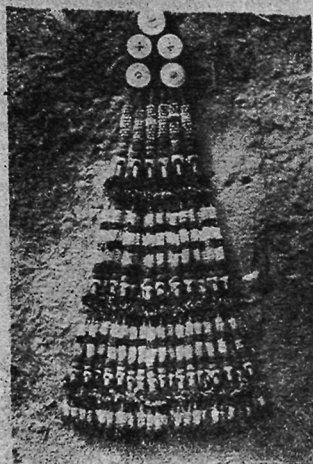
Рис. 33. Искусственные косы: 1—косы для женщины, к. Пшихарв, КП 156—202; 2—косички к волосам девочки, к. Пшихарв, КП 156—132; 3—косы для женщины, к. Умарак, КП 156—48; 4—косы для женщины, к. Умарак, КП 156—67.



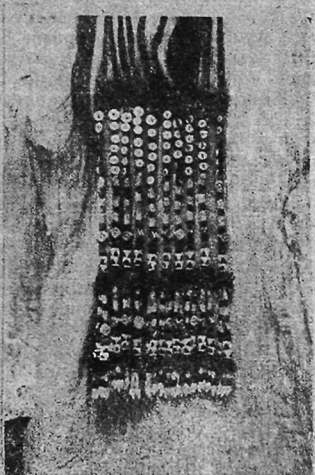
1



2



3



4

Рис. 34. 1 — отпускание волос у девочек, к. Нушор, 1957 г.; 2 — прическа молодой женщины из к. Егид, 1956 г.; 3 — *кокул, бандак* — одна подвеска, прикрепляемая к двум косам, к. Кадара, Гармского района, 1957 г.; 4 — подвески к мелкозаплетенным косичкам, к. Нушор, Таджикабадского района, 1957 г.

В Каратегине косы девушек украшают также длинными полосами черного материала или тесьмы, на которые густо друг за другом нашиваются пуговицы *садаф* или круглые серебряные тисненные пластинки (рис. 32, 1). Иногда пуговицы нанизываются на нитку и продеваются сквозь заплетенные косы. В Джиргатале и ближайших к нему кишлаках, в отличие от других мест, девушки и девочки кокул почти не носят, они вплетают в концы шерстяные нитки или полоску материи, чтобы косы не расплетались.

Школьницы районных центров и кишлаков, расположенных неподалеку от них, вплетают в косы яркие шелковые ленты и на концах завязывают банты.

Пожилые женщины носят косы связанными на спине, соединяя концы их перевязкой *решта*, *қафо* или *қафобандак*, *пуцагирак*. В Дарвазе кафобандак делается из шерстяных ниток, окрашенных технической перевязки в различные цвета. Иногда концы кос соединяются металлической цепочкой, к которой часто привязываются ключи от дома. В кишлаках Ёгид, Пуни-Шор и Пшихарв концы кос соединяются шнурком, который лежит сзади на шее, а сами косы петлями спускаются спереди на грудь (рис. 34, 2).⁹³ В Пшихарве косы иногда спускаются спереди на грудь и концы их завязываются узлом *кужик*.⁹⁴

Украшения. Женщины и особенно девушки широко используют различные украшения. Теперь многие женщины покупают их в местных магазинах или в городских ювелирных магазинах — серебряные или изредка золотые кольца с камешком, дутые серьги в виде полумесяца, бусы, брошки, которыми закалывают разрезы рубах, и, реже, — часы.

В кишлаках до настоящего времени сохраняются кустарные ювелирные украшения, иногда старинные, выполненные местными ювелирами или иногда ювелирами Бухары и Ферганы. Эти украшения сделаны обычно из металла — меди или серебра в сочетании со старинными монетами, различными бусинами, бисером или стеклярусом.

Наиболее распространенным украшением женщин кишлаков являются ожерелья, надеваемые на шею, — *муҳра*, *муҳраи гардан*. Ожерелья *марҷон* обычно делаются из нескольких нитей коралловых бус или их имитации, которые перемежаются серебряными бусинами филигранной работы или какими-нибудь другими бусинами, или же старинными бухарскими серебряными монетами. Такое ожерелье называется *муҳраи тангаи подшоҳӣ* (букв. «ожерелье из шахских монет») или иногда *танга*. Посредине ожерелья имеется часто большая бусина из раковины⁹⁵ или из серебра или же какая-нибудь очень крупная монета, иногда прикрепляется серебряный треугольник с подвесками. Ожерелья надевают по несколько штук, более короткое ближе к шее, а затем последовательно более длинные. В Дарвазе ожерелья делаются также из нескольких нитей бисера с какой-нибудь большой бусиной посредине. (рис. 35, 3—4—5). Такое ожерелье в Пшихарве называется *шавгин*. В последнее время стали модными ожерелья из какого-нибудь одноцветного бисера, нити которого заплетены в косички.

Другим, не менее распространенным видом украшения (особенно в Дарвазе и в кишлаках Верхнего Каратегина) являются бисерные повязки на шею, называемые *гулибандак*, *хафобанд*, *кашелак* (Пшихарв), *қанҷак* (Верхний Каратегин).⁹⁶ Они представляют собой неширокие узорные сеточки из цветного бисера и стекляруса.⁹⁷ Особенно высоко ценятся старинные повязки из черного бисера с узорами из белого бисера. Повязки изготавливаются обычно самими женщинами

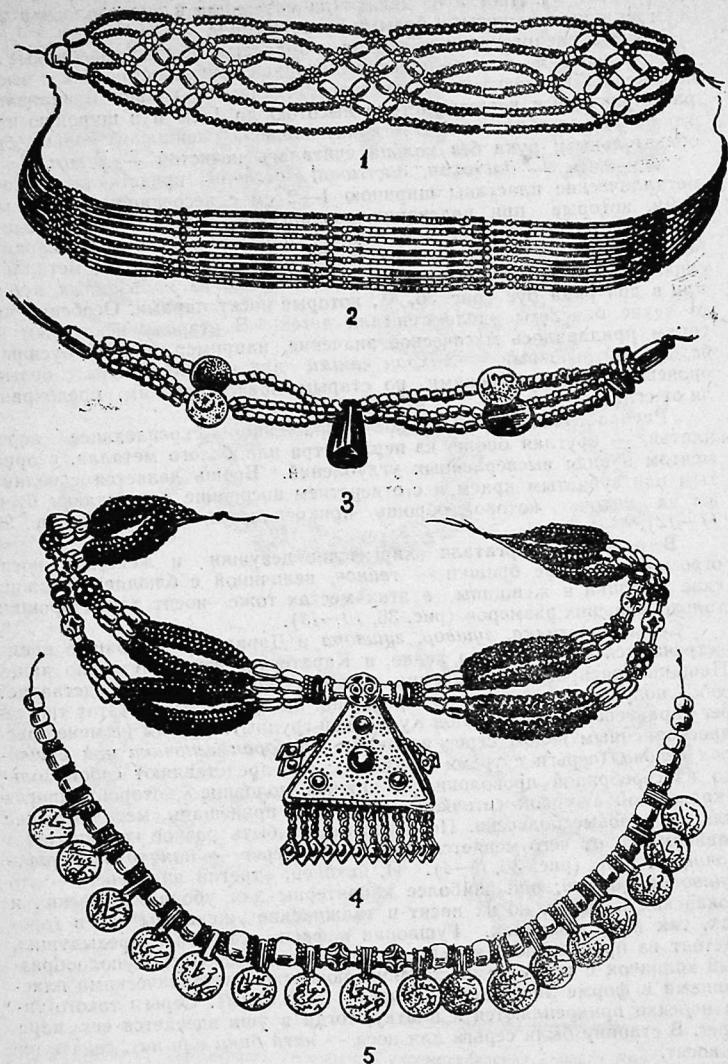


Рис. 35. Женские украшения: 1—бисерная повязка на горло, к. Кошой, 1957 г., КП 306—91; 2—бисерная повязка на горло, к. Пшихарв, 1956 г., КП 156—110; 3—ожерелье, к. Кошой, КП 306—92; 4—то же, рис. Х. А. Жаба, к. Кочони-Боло, 1957 г.; 5—ожерелье *танга* из старинных бухарских серебряных монет; рис. Х. А. Жаба, к. Нушор, 1957 г.

(рис. 35, 1—2). Иногда их делают из материала в виде полосы в 2,5—3 см ширины с нашитыми белыми пуговицами.⁸⁸

Очень распространены кольца и браслеты, обычно серебряные или медные. Кольца—*чалла*—плоские с гладкой поверхностью или с высоко посаженными глазками из цветного стекла: к кольцу припаивается расширяющийся кверху раструб высотой до 1 см и в широкую часть его помещается глазок. В старину ношение женщиной кольца было обязательным; рука без кольца считалась нечистой — *харом*.

Браслеты — *дастохан*, *дастмона*, *дастпона* представляют собой металлические пластины шириною 1—2 см с несоединяющимися концами, которые при надевании раздвигают. Поверхность браслетов гладкая, иногда украшена несложным орнаментом в виде процарапанных полосок или глазков из стекла (рис. 36, 5—6). Помимо металлических, в Дарвазе существуют браслеты *дастак* из нанизанных в один или в два ряда бус (рис. 36, 8), которые носят парами. Особенно часто такие браслеты делают для детей. В старину некоторым бусинам придавалось магическое значение, например, черные бусины с белыми пятнышками — *мухраи чашмй* или черные бусины с белыми опоясывающими полосками, по старым представлениям, предохраняли от сглаза.

Распространено нагрудное украшение, скрепляющее ворот платья, — круглая брошь из перламутра или белого металла, с орнаментом в виде высверленных углублений. Брошь делается с волнистым или зубчатым краем и с отверстием посередине для вставки бусины на ниточке, которой брошь прикрепляется к платью (рис. 36, 11—12).⁸⁹

В районе Джиргаталя киргизские девушки и женщины носят огромные круглые брошки — *тейноч*, величиной с блюдо; таджикские девушки и женщины в этих местах тоже носят такие брошки, только меньших размеров (рис. 36, 10—13).

Серьги — *халқа*, *гушвор*, *гушвора* в Дарвазе в настоящее время встречаются сравнительно редко, в Каратегине же значительно чаще. Наиболее распространенный вид серег — *гушвораи натй* представляет собой полукруглую дужку из серебряной проволоки и бус (этот тип серег характерен и для районов Кулябской группы). Другим не менее распространенным видом серег являются *гушвораи сепочика* или *гушвораи сепоча* (серьги с тремя ножками); они представляют собой кольцо из серебряной проволоки, к нижней половине которой (иногда украшенной ажурной сеточкой и бусиной) привешаны металлические или коралловые подвески. Подвесок может быть разное количество, в зависимости от чего меняется и название серег — *панчпочика*, *хафтпочика* и т. п. (рис. 36, 3—4). И, наконец, третий вид серег — это *гушвораи қафасй*; они наиболее характерны для убора киргизских и локайских женщин, но их носят и таджикские женщины как в городах, так и на равнинах. Гушвораи қафаси массивнее предыдущих, состоят из проволочного кольца, к которому прикреплен куполообразный колпачок с подвесками, заканчивающимися металлическими пластинками в форме листочков — *баргак* (рис. 36, 2). Серьги такого типа нередко прикрепляются к платку, тогда в уши вдевается еще пара серег. В старину были серьги для носа — *нати бини* или *нат*, сейчас их не носят.

В Каратегине на голову невесте часто надевают украшение в виде серебряной повязки с длинными мелкими подвесками, называемые *қасаба*; такое же украшение, называемое *силсила*, надевают и на шею невесты.

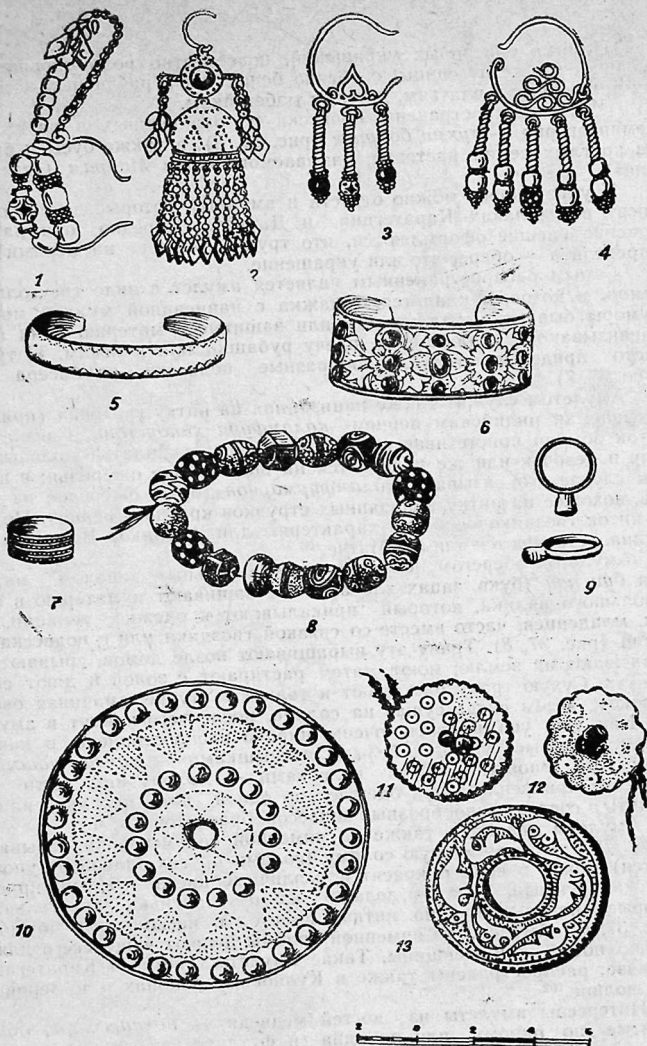


Рис. 36. Женские украшения: 1—серьги, Комсомолабадский район, 1957 г., рис. Х. А. Жаба; 2—праздничные серьги, к. Кочони-Боло, 1957 г., рис. Х. А. Жаба; 3—серьги, к. Нушор, 1957 г., рис. Х. А. Жаба; 4—серьги, к. Кочони-Боло, 1957 г., рис. Х. А. Жаба; 5—браслет, Дарваз, 1954 г., по рис. М. Р. Габе; 6—браслет с глазками из цветного стекла, к. Кошой, 1957 г., КП 306—50; 7—женское кольцо, к. Кошой, 1957 г., КП 306—48; 8—браслет из бусин, к. Егид, 1956 г., КП 273—171; 9—кольцо с глазком, к. Егид, 1956 г., КП 273—191; 10—металлическая брошь на грудь, к. Кошой, 1957 г., КП 306—2; 11—то же, к. Егид, 1956 г., КП 273—204; 12—перламутровая брошь, к. Умарак, 1956 г., КП 273—391; 13—металлическая брошь, к. Кошой, 1957 г., КП 306—5.

Помимо описанных украшений, повсеместно роль украшения выполняют также пуговицы, особенно белые; их в различных комбинациях пришивают к платьям, детским тубетейкам.

Чечь распространены подвески из окрашенных в разные цвета семян огурца — *тухми бодринг* (рис. 37, 3), а также бусы и браслеты из круглых семян растения, называемого *ашки Майрам* («слезы Мариин»).

К украшениям можно отнести и амулеты, которые до сих пор еще носят в кишлаках Каратегина и Дарваза. Нередко они настолько красиво внешне оформляются, что трудно бывает на первый взгляд определить — оберег это или украшение.

Самым распространенным является амулет в виде треугольника — *тумор*, в который кладется бумажка с написанной муллой молитвой. Туморы бывают металлические или зашитые в материю или кожу и привязываются к тубетейке, плечу рубашки или к косам. К туморам часто приделываются разнообразные подвески из бисера и бус (рис. 37, 7).

Амулетом служит также нанизанная на нитку гвоздика (пряность), называемая индийским перцем — *қаламфури хиндустонӣ*. Связка таких ниток обычно пристегивается булавкой к переду платья молодых женщин и девочек или же надевается на шею в виде ожерелья; в последнем случае его называют *қаламфурмарҷон* (букв. ожерелье из кораллов, похожее на нитку нанизанных стручков красного перца). Подвески из ниток гвоздики особенно характерны для кишлаков Верхнего Каратегина, встречаются они и в Матче.¹⁰⁰

Амулетом-оберегом служит трава с сильным запахом, называемая *буи нон* (букв. запах хлеба).¹⁰¹ Ее зашивают в материю в форме небольшого валика, который прикалывают к одежде женщин, девочек, младенцев, часто вместе со связкой гвоздики или с подвесками из бусин (рис. 37, 8). Траву эту выращивают возле домов, срывают, раскладывают на землю, моют, затем растирают с золой и дают ей высохнуть. Сухую траву растирают и толкут в ступке, смачивая овечьим молоком, затем снова сушат на солнце, после чего кладут в амулеты.

Как уже упоминалось, очень широко распространены в качестве оберегов темные бусины с белыми пятнышками — *мухраи чашмӣ* или с белыми опоясывающими полосками — *мухраи пай*. Эти бусины могут прикрепляться к одежде по одной или по две или же входить в состав разнообразных подвесок, браслетов и т. п.

Амулеты делают также из ячменной соломы, они называются *чавак*. Для этого ячменную солому (солома других злаков не употребляется) мочат в воде и красят в различные цвета — белый, красный, желтый, зеленый, а затем делают из нее маленькие треугольнички, которые нанизывают на нитки вместе с несколькими бусинами (рис. 37, 6). Амулеты из ячменной соломы делают чаще всего для детей, но носят их и женщины. Такие амулеты, помимо Каратегина и Дарваза, распространены также в Кулябских районах и в Зеравшанской долине.¹⁰²

Интересны амулеты из когтей медведя — *нохуни хирс*, обычно зашитые по одному или по два в футляре из шелковых ниток (рис. 37, 1—2). Амулетами являются также лодыжечные косточки — *бучул* — коз и баранов.

В Дарвазе часто делают амулеты из дерева *туғ*, которые якобы отпугивают нечистую силу.¹⁰³ Из него делают треугольники и прямоугольные пластинки, всегда резные, оформляемые в подвески вместе с бисером, бусами и монетами (рис. 37, 4—9).

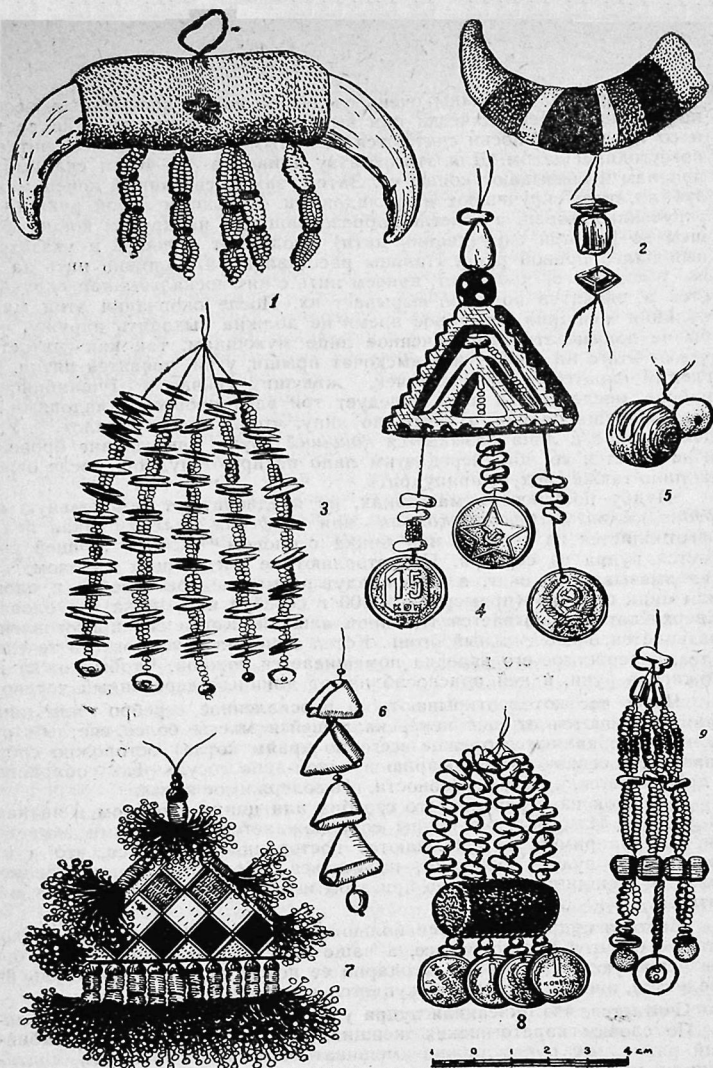


Рис. 37. Амулеты: 1—амулет из когтей медведя, к. Пиллони-Миёна, 1957 г., КП 306—215; 2—амулет из когтя медведя в вязаном футляре, к. Пиллони-Миёна, 1957 г., КП 306—214; 3—подвеска из окрашенных семян огурца, к. Пиллони-Миёна, 1957 г., КП 306—160; 4—амулет из дерева *туф* с подвесками, к. Пшихарв, 1954 г., КП 156—137; 5—амулет от сглаза из двух бусин: крупная полосатая — *мураи пай* (от сглаза), к. Умарак, 1954 г., КП 156—89; 6—амулет из ячменной соломы. Каратегин, 1957 г.; 7—амулет к головному убору ребенка, к. Нушор, 1957 г., КП 306—297; 8—амулет, начиненный толчеными семенами растения *буи нон*, к. Нушор, 1957 г., КП 306—408; 9—амулет из дерева *туф*, украшенный бисером, к. Егид, 1956 г., КП 273—307.

Косметика. Женщины очень следят за своею внешностью, особенно за лицом. Периодически они выдергивают мелкие волоски со щек и со лба. Эти волоски считаются нечистыми и удалять их считается богоугодным делом. Для этого нитку длиной в 30—40 см складывают пополам и связывают концы ее. Затем, зажав связанный конец между зубами, туго скручивают нить ладонями. Пальцами левой руки берут скрученный конец, а в петлю, образовавшуюся на другом конце (бывшем во рту при скручивании нити) продевают большой и указательный палец правой руки. Пальцы расставляют и, наложив нить на волос у корня его, сближают, причем нить с них соскальзывает, скручивается и, захватив волоски, вырывает их. После окончания этой манипуляции женщина некоторое время не должна выходить наружу, чтобы не показывать разгоряченное лицо мужчинам, так как считается, что от этого на лице у нее выскочат прыщи, угри, появятся пятна. По словам каратегинских таджиков, живущих сейчас в Душанбинском районе, после чистки лица следует три раза провести ладонями по вставке в шароварах, а затем, по лицу, чтобы «лицо остыло». ¹⁰⁴ Удаление волос с лица называется *қошчинӣ* (букв. «вырывание бровей») и начинается со лба; перед этим лицо натирают пудрой, после чистки лицо также следует припудрить.

Пудру покупают в магазинах, но предпочитают самодельную *сафедай қалъағӣ*, *сафедай қалъин* или *сафедай қалъин*. Такая пудра изготавливается из серебра или цинка с оловом. ¹⁰⁵ Самой лучшей считается пудра из серебра. Приготавливают ее следующим образом: котел вмазывают в очаг, в него кладут размельченное серебро и олово или цинк и олово (примерно на 100 г серебра или цинка 5 г олова). Сверху котел закрывается глиняной чашкой. Когда все приготовлено, разводится очень сильный огонь. Котел стоит на таком огне в течение часа, содержимое его изредка помешивается ложкой. Чтобы ложка не обжигала руки, к ней приспособляют длинный деревянный черенок.

Через час котел открывают, и перекаленное серебро или цинк (они отличаются от еще неперекалившейся массы более светлым оттенком и появляются прежде всего по краям котла) осторожно собирают и просеивают через марлю в какой-либо сосуд. Так собирается и просеивается, по мере готовности, все содержимое котла.

Порошок из перекаленного серебра или цинка с оловом и является пудрой. Изготовление пудры сопровождается некоторыми запретами, так, например, не допускаются посторонние, считается, что в их присутствии пудра может не получиться. Если пудру приготовляет пожилая женщина, то обычно при этом неоднократно произносится молитва.

Местная пудра пользуется большим спросом в Каратегине, но делать ее берутся далеко не все, а чаще приглашают какую-нибудь более искусную женщину, отблагодарив ее потом за труд чем-нибудь из продуктов, иногда же пудра покупается в готовом виде.

Считается, что описанная пудра удаляет всякие пятна и угри с лица. По словам каратегинских женщин, переселившихся в Душанбинский район, эту пудру нужно смешивать с женским молоком, считающимся целебным, и натирать лицо на ночь, а утром мыть его с мылом. Если это проделывать каждый день, лицо будет очень чистое. ¹⁰⁶

В к. Пшихарв полезным для кожи считается смазывание ее соком плодов растения из семейства пасленовых — *кириог*. ¹⁰⁷ Плоды эти напоминают маленькие помидоры. При болезни глаз ими смазывают веки и кожу под глазами.

Женщины употребляют также для лица румяна, которые покупались раньше у купцов, привозивших их из Коканда и Самарканда, а теперь в большом выборе имеются в местных магазинах.

В Джиргатале и ближайших кишлаках очень распространены искусственные родинки — *хол* между бровями на переносице и на щеках. Их наносят иногда особые «специалистки» следующим образом. Берут иголку с ниткой (хлопчатобумажной или шелковой), нитку обмакивают в сажу с топленным маслом. Затем пальцами растирают переносицу, чтобы оттянулась кожа, в нее продевают иголку с ниткой. Нитку с двух сторон обрезают и оставляют. Через три дня нитку выдергивают. На переносице остается черная несмываемая полоска. Иногда (к. Ёгид) родинка наносится иначе: кожа прокалывается раскаленной иглой и в ранку втирают уголь или сажу. Наряду с несмываемыми делаются и временные родинки, наносимые усмой или химическим карандашом. Раньше как в Каратегине, так и в Дарвазе родинки делали значительно чаще.

Чтобы брови были ровные и красивые, женщины и девушки выдергивают лишние волоски на бровях с помощью той же скрученной нитки или специального пинцета для выщипывания волос — *қошчи-нак*. Брови подравнивают сами или приглашают какую-нибудь женщину. В Ёгиде нижние края бровей подравнивают выщипыванием волосков пальцами, при этом пальцы натирают мелом или золой, чтобы они не скользили.¹⁰⁸ После подравнивания брови обычно окрашивают усмой.

Вообще усма в женском туалете находит очень широкое применение: так, например, в к. Навди усму, растворенную в воде, поливают на волосы, чтобы они стали более темными. Этой же усмой на запястьях рук проводят линии, как бы изображающие браслеты.

Глаза подводят сурьмой, которая употребляется и как лекарство при болезни глаз. Приготавливают сурьму следующим образом: кладут в котел свинец и ставят на жаркий огонь, пока свинец не расплавится.¹⁰⁹ После этого размельчают и бросают в растопленный свинец серу, которая вспыхивает и сгорает. Когда смесь остынет, ее вынимают из котла, растирают между двух камней, просеивают через материю и смешивают с миндальным маслом.

В Каратегине у женщин к праздникам, особенно у невест к свадьбе, принято окрашивать ногти и ладони хной в красно-оранжевый цвет. Хну собирают, когда она еще цветет, кладут сохнуть в тени на два дня, а затем толкут в ступке; потом берут траву, называемую *радавэк*, квасцы — *замк* и кислые яблоки и толкут вместе с хной. Вечером перед сном приготовленную таким образом хну накладывают на ладони рук и ногти и завязывают тряпкой на ночь. Окраска держится до одного месяца, а иногда и больше.¹¹⁰ Окрашивать хной руки и ногти по праздникам считается очень «хорошим» и даже богоугодным делом.

Гигиена. По утрам женщины умываются холодной водой и вытираются полотенцем (раньше чаще вытирались головным платком или рукавом платья). Тело моют раз в неделю или в две недели, летом в холодной или теплой воде с мылом, зимой — всегда в теплой.

Перед мытьем тела замужние женщины выдергивают волосы под мышками и в нижней части живота с помощью клейкого сока растения *камол*, так как иметь в этих местах длинные волосы считается грехом. Соком мажут пальцы и затем выдергивают волосы. Иногда с этой целью используют сок почек тополя или ивы, а также жевательную серу. Выбрасывать эти волосы не принято.

Ногти стригут по определенным дням (в Джиргатале в четверт и пятницу). Бросать остриженные ногти не полагается, считается, что если они попадут в огонь, то потом будут болеть. Обычно обрезки за-вертывают в вату и кладут под порог двери или в расщелину стены.

Одежду стирают в настоящее время довольно часто и всегда горячей водой. Мыло как хозяйственное, так и туалетное завозится в местные магазины и доступно всем жителям горных кишлаков. Сти-рают в тазу, поставленном на землю, присев около него. Сначала от-стирывают светлое, затем — темное. Одежду намыливают, трут и вы-жимают, повторяя это два-три раза, пока она не станет чистой, затем выpolаскивают в чистой воде.

В старое время в Каратегине и Дарвазе варили черное мыло *со-буни сийхак*, которым стирали одежду и мылись. Для этого прежде всего приготавливали поташ — *ишкор*; брали траву — *шурак*, суши-ли ее дней 7 на солнце, потом сжигали, получившуюся золу клали в мешок и заливали водой в котле. Дав воде настояться, мешок с зо-лой вынимали, а воду процеживали и кипятили до тех пор, пока не оставалась густая масса поташа. К ней добавляли топленого или льняного масла, или животного жира, и смесь снова кипятили часа три.¹¹¹ Когда она немножко остывала, из нее формовали куски мыла.

В к. Нушор для получения поташа употреблялось еще растение *камол* и *хор* — колючка. В Дарвазе поташ для мыла добывался еще из золы, получаемой при сжигании помета овец и коз.

В Дарвазе иногда белье стирали и без мыла, при помощи травы *чокарваш*, которая растет на летовках. Осенью выкапывали корни этой травы, раздробляли камнем, чтобы они скорее высохли, толкли и просеивали. Во время стирки зеленые корни заливали в чашке во-дой, затем размазывали по одежде; при трении стираемой одежды получалась пышная пена.

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

Первой одеждой для новорожденного является *куртаи чиллагй* — рубашка сорокадневия; их обычно бывает две. Считается наиболее желательным надеть на новорожденного первую такую рубашечку старую, оставшуюся от другого ребенка, который благополучно прожил в ней первые сорок дней своей жизни, считающиеся наиболее опас-ными. Если же старой рубашки, оставшейся от своих старших или чужих детей, нет, то приходится шить новую. Шьется она предпочти-тельнее всего из старого материала — из износившегося платья ма-тери или рубахи отца, а еще лучше — бабки или деда. Если ничего подходящего нет и приходится шить из нового материала, то его по-купает в магазине какая-нибудь близкая родственница или кто-нибудь из соседок. Для девочки покупается красный или белый ситец, для мальчика можно и синий. Кроит и шьет рубашку обычно сама мать. Шьют ее чаще всего без воротника, с разрезом вдоль правого или левого плеча, но делают и с воротником — кто как умеет. Подол и рукава обычно не подшиваются; делается это для того, чтобы рубец не натер тело ребенку, но главное — это является своеобразным обе-регом, призванным ограждать жизнь ребенка от всяких несчастий, способствовать тому, чтобы он хорошо рос, не болел, был красивым, чтобы не подвергался сглазу, чтобы после него еще родились дети.¹¹²

По сообщению Махумы Кодыровой из кишлака Халкарф (Ка-ратегин), в старину подол рубах у девочек из-за боязни нарушить благополучие не подрубался до самого замужества. В настоящее вре-

мя этот обычай далеко не везде соблюдается — подол и рукава на детских рубашках зачастую подшиваются, особенно женщинами, имеющими швейную машину. Так, в к. Калаи-Лаби-Об жительница этого кишлака Халифа сшила рубашечку для своего новорожденного ребенка не только подрубленную, но даже и вышитую по подолу машинной строчкой.

После того, как ребенку исполнится сорок дней, куртаи чиллаги снимают и надевают другую.

В настоящее время куртаи чиллаги иногда надевают на ребенка не только в течение сорока дней, но до тех пор, пока он из нее не вырастет и она не станет ему мала. Если к этому времени она еще не износилась, то ее оставляют лежать на дне колыбели до тех пор, пока не родится следующий ребенок у матери ребенка или у какой-нибудь ее соседки или родственницы.

Биби Рахмона из Гарма рассказывала, что в старину куртаи чиллаги делались из старого платья матери или отца и шились на левую сторону, с воротом китифак. Сверху надевалась другая рубашечка из нового материала. Через сорок дней нижняя рубашка снималась и оставалась в колыбели или же из нее шили подушечку. Иногда в нее складывали бобовые растения и закапывали в навоз. Это был своеобразный магический прием для того, чтобы и ребенок полнел и рос так же, как, набухая, полнели положенные в рубашечку бобы. После 40 дней ребенку на ручки и ножки надевали браслеты из бус. Среди них обязательно должны быть бусы от сглаза — черные с белыми пятнышками.

После куртаи чиллаги детские рубашки бывают разнообразные по покрою; при этом лет до 5—6 различий в одежде мальчиков и девочек почти нет. Для всех детей этого возраста рубашки шьются прямым покроем, длиной по крайней мере до икр, а то и до щиколоток и отличаются друг от друга преимущественно различными типами воротников.¹¹³ Очень распространены детские рубашечки с отложным воротником (рис. 38, 2—3). Этот фасон самый новый, но он получил за последнее время широкое распространение. Называются такие рубашки везде по-разному: в Дарвазе и Оби-Гарме их называют *куртаи лабгардон* или *куртаи чапгиребон*, в Таджикабаде — *куртаи харкандоз*, *куртаи гардонакдор*. Рукав на них делается не очень широкий, прямой, доходящий до кисти руки, а иногда и закрывающий концы пальцев. В Дарвазе и Таджикабаде детские рубашки шьются также со стоячим воротником и планочкой (приполком) спереди, которая, как и воротник, делается часто из ткани другого цвета.

Более старая по покрою рубашка — *куртаи китифак*, с круглым вырезом для шеи и горизонтальным разрезом вдоль правого или левого плеча.¹¹⁴ По краю этот горизонтальный ворот обшивается кантом *кува*, сделанным обычно из другой материи. На плече со стороны разреза имеются завязки или пуговица и петелька. В настоящее время этот покрой распространен больше в Дарвазе и в Нижнем Каратегине, ниже Комсомолабада; в Верхнем Каратегине же, где в старину он также был преобладающим, сейчас он почти не встречается.

В к. Егид встречаются детские рубашечки старого типа, сшитые покроем китифак — с вышитым нагрудником *нешак*. Вышивка делается цветными шелковыми нитками. По наблюдениям О. Л. Данскер (1947 г.), такая же вышивка может быть и на спине, тогда она называется *пасак*, а также вокруг треугольных ластовиц подмышками.¹¹⁵ В последнем случае она бывает видна лишь при поднятии руки или



1



2



3



4

Рис. 38. Детская одежда: 1—костюм девочки, к. Куглик, Таджикабадского района, 1953 г.; 2—костюм девочки, к. Яхч, Комсомолабадского района, 1953 г.; 3, 4—костюм мальчика в летний период, к. Яхак, Комсомолабадского района, 1953 г.

отведении ее в сторону. Иногда украшается вышивкой и нижний край рукава, это называется *чобак* — разрез.¹¹⁶

Встречаются и такие рубахи, у которых вышивка, выполненная крестом, окаймляет полосой треугольный вырез ворота со вставкой из другого материала.

Разновидностью китифак являются платья с воротом в виде полукруглого выреза для шеи, от которого сбоку отходит вертикальный разрез вниз. Называются такие рубахи *куртаи баробарий*, *куртаи баробарак* или *куртаи шоинак*. Этот фасон особенно характерен для Дарваза.

Единственный фасон детских рубах, которые шьются лишь для девочек и не шьются для мальчиков, — это *пешчокак* с вертикальным разрезом ворота (рис. 38, 1). В Дарвазе (Пшихарв) белые рубахи-платья этого покроя шьют иногда из вафельных полотенец и называют *сатранцй*, обычно они бывают цветными, красными. Воротник и подол таких рубах-платьев обычно украшаются фигурной машинной строчкой. Рукава закрывают концы пальцев и иногда украшаются вышивкой. Под такое платье даже самым маленьким девочкам по праздникам надевают нижнее белое платье с отложным или стоячим воротником, отделанным оборкой — *куртаи қазоқй* или *куртаи пар-пар*.

За последние годы наблюдается появление детской рубашки с кокеткой.

Подол и рукава у всех этих рубашек, так же как и у первых рубашек *куртаи чиллагй*, часто не подшиваются с целью оберега (рис. 38, 1; рис. 39, 2). С этой же целью при шитье детских рубашек, как и в женских платьях, иногда края материала на швах накладываются друг на друга таким образом, чтобы и с правой и с левой стороны была видна кромка или бахромы края материи.¹¹⁷ Еще одним магическим средством «предохранения» младенца от сглаза считалось нашивание на перед рубашки круглого лоскута, *остающегося* при покрое от выреза отверстия для головы ребенка и называемого *дахани курта* (к. Хакими).¹¹⁸

К детским рубашкам всегда прикрепляется множество различных украшений-амулетов (см. «Женская одежда»).¹¹⁹

В старое время как на мальчиков, так и на девочек очень поздно начинали надевать штаны. На мальчиков их надевали только после обряда обрезания, т. е. в возрасте 7—10 лет, на девочек немного раньше, лет с 5—6. В настоящее время как на девочек, так и на мальчиков штаны надевают примерно с трех лет, но и сейчас часто можно видеть 5—6-летнего ребенка, расхаживающего в одной рубашке.

Почти обязательной частью детского костюма в Каратегине и Дарвазе является жилетка — *васкат* или *камзулча*. Жилетки шьются всегда на подкладке, иногда по краю обшиваются цветным кантом, спереди делаются карманички. Перед и, особенно, спинка жилетки обычно украшаются ручной вышивкой или узорной машинной строчкой.¹²⁰ Вышивка часто сохраняет характер оберега (рис. 39, 3—4; рис. 40). В Гарме и окрестных кишлаках мальчики носят жилетки лет до семи-восьми; их носят также девочки и девушки.

Для маленьких детей шьют кофточки типа жакеточек и легкие халатики, которые также украшаются вышивкой.

В зимнее время для детей — мальчиков и девочек — делают стеганые халатики на вате — *чома*.

В семьях, где болеют дети, до сих пор иногда шьют лоскутные халатики из разноцветных полос материи, выпрошенных у близких людей. Считается, что такие халатики обладают свойством предохранять своих носителей от сглаза и вредного воздействия злых духов.¹²¹



1



2

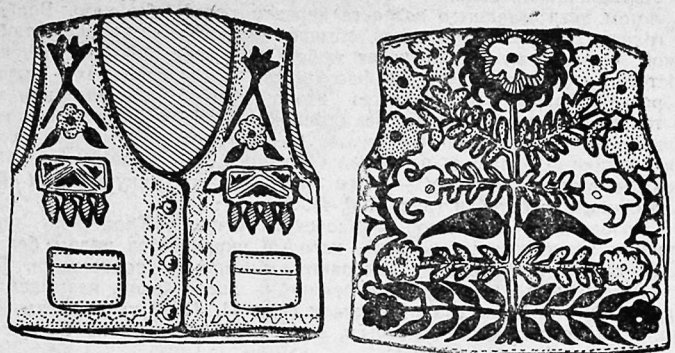


3



Рис. 39. Детская одежда: 1—головной убор ребенка, к. Нушор, Таджикабадского района, 1957 г.; 2—костюм девочки, к. Яхак, Комсомолабадского района, 1957 г.; 3, 4—детская одежда, к. Егид, 1956 г.

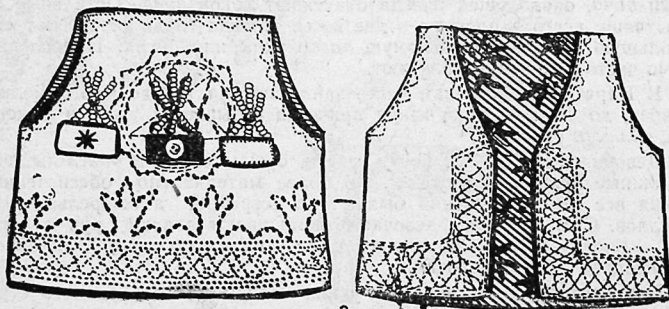
В Дарвазе и Каратегине зимой на детей надевают шерстяные вязанные чулки — *чуроб*, в Каратегине кроме них делают стеганные чулки-бурки — *пайпоқ* или *пайтоба*, которые у начинающих ходить детей перевязываются у щиколотки, чтобы не спадали. При выходе на улицу на эти чулки надеваются кожаные сапожки *махси* или галоши.



1



2



3

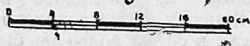


Рис. 40. Детские жилетки *васкат*: 1—Калаи-Хумб, 1954 г., КП 156—259; 2—к. Егид, 1956 г., КП 273—197; 3—к. Егид, 1956, КП 273—195. На спине пришиты амулеты.

Переходя к описанию детского головного убора, следует сказать, что летом дети младшего возраста нередко ходят без него. Вообще же голова девочек покрывается обычно платком или, иногда, тюбетейкой, а мальчики всегда носят тюбетейки (рис. 38—39). Детские тюбетейки делают такого же фасона, как и для взрослых — конусообразной формы, расшиваются разноцветными нитками или же шьются из шелковой материи, без вышивки. К тюбетейкам самых маленьких детей привешиваются амулеты, бусины от глаза, прикрепляются различные булавки и пряжки—*сузана*к, небольшие пучки разноцветных утиных перышек — *пари мургоб* — на макушку или сбоку, на околыш тюбетейки (рис. 41, 3, 4).

К тюбетейкам мальчиков и девочек, особенно в Каратегине, пришиваются искусственные косички, которые украшаются рядом белых перламутровых пуговиц и заканчиваются бисерными подвесками. Таких косичек бывает две, три или четыре — две с боков, называемые *кокул*, и одна или две сзади — *пасак* (рис. 41, 1). К тюбетейкам девочек прикрепляются также серьги, различные подвески из бисера и бус.

В кишлаках Сари-Пулак и Хакими (Нижний Каратегин) для зимы детям шьют теплые стеганные шапочки *телпак*, имеющие круглую, как и в тюбетейках, макушку, с небольшим околышем спереди, прикрывающим лоб, с более длинной боковой и задней частью, прикрывающей уши и затылок. По краям шапочки обычно обшивают цветным кантом (рис. 41, 2).

Маленьким детям, мальчикам и девочкам, обычно стригут волосы. Первый раз стрижка делается ножницами, затем волосы сбривают бритвой, реже обрезают ножницами. Девочкам продолжают стричь волосы лет до 5—6, оставляя иногда челку—*нешкокулак*, а затем уже отпускаются косы. Волосы девочкам обычно отпускают не все сразу: первоначально оставляют пряди волос с обеих сторон головы и по мере отрастания заплетают в косички, вплетая в них искусственные косы. Лет с шести отпускают все волосы (рис. 34, 1).¹²²

Когда волосы у девочек отрастают, их прическа становится сходной с прической взрослых женщин — на лбу заплетают тоненькие косички *пича*, около ушей иногда отпускают локон *зулф*. Остальные волосы чаще всего заплетают в две косы. Иногда сзади оставляют еще небольшую косичку, называемую *паскокулак* или *пасак*. В последнее время часто уже ее не заплетают.

В Каратегине девочкам часто заплетают на голове много мелких косичек, до 40 и больше; такая прическа называется, как и у девушек, *чиликак* (рис. 32).

Девочки с малых лет носят серьги, бусы, кольца и браслеты, всевозможные пряжки и амулеты. В более материально обеспеченных семьях все эти украшения бывают из серебра, а ожерелья — из кораллов. С малых лет девочкам окрашивают ладони рук и ногти хной, а брови—усмой. Сначала это делает мать или кто-либо из взрослых, позднее — сами девочки.

Что касается мальчиков, то у них волосы на голове часто стригут или сбривают целиком.¹²³ За последнее время мальчики иногда отпускают волосы и зачесывают их на городской манер (*му чапа кардаст* — к. Пшихарв). Если в семье долго не было детей или они умирали или сильно болели, то, остригая волосы, оставляют у мальчика на затылке прядь несрезанных волос (рис. 38). Эти волосы заплетают в косичку и даже приплетают к ней искусственные косы. Косичку

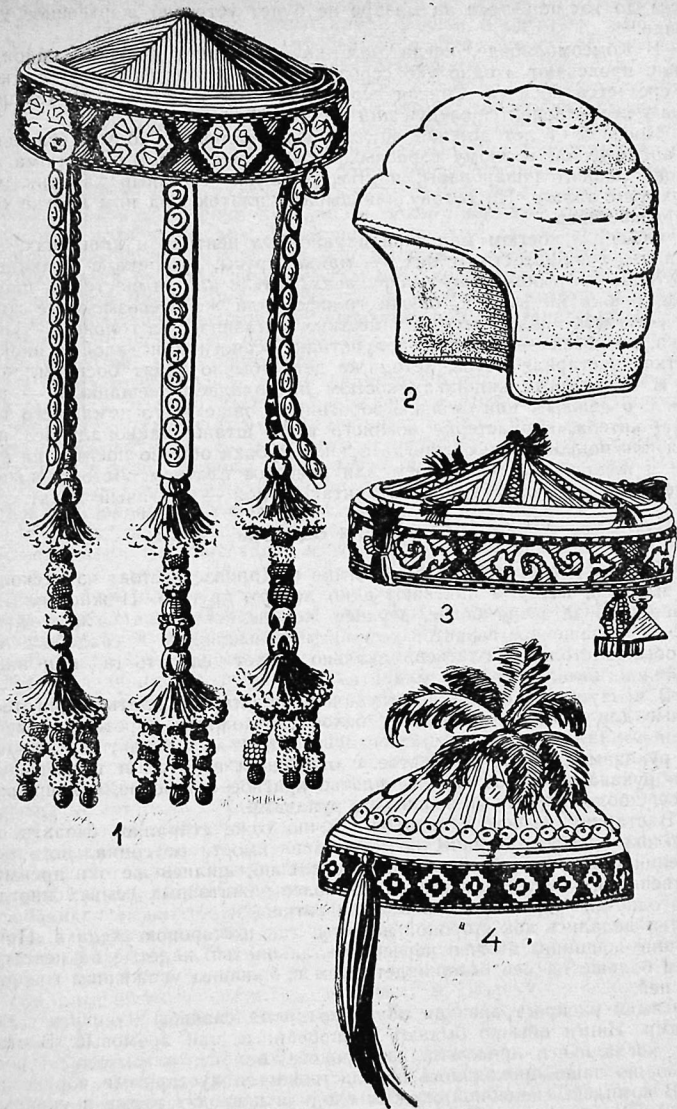


Рис. 41. Детские головные уборы: 1—тоқı — тюбетейка бархатная с тремя искусственными косичками, две боковые — кокул, средняя — пасак, к. Нушор, 1957 г., КП 306—268; 2—телпак — теплая шапочка, к. Хакими-Боло, 1957 г., КП 306—540; 3—тюбетейка с пришитыми амулетом, бусами и кусочком дерева, к. Егид, 1956 г., КП 273—216; 4—тюбетейка для мальчика, к. Сари-Пулак, 1957 г., КП 306—580.

носят до тех пор, пока на мазаре не будет устроено жертвенное угощение.¹²⁴

В Комсомолабаде, когда мальчику оставляют косичку, одновременно продевают в одно ухо серьгу. Серьга снимается тогда же, когда срезается косичка. Снятая серьга остается у матери до тех пор, пока у нее не появится следующий ребенок.¹²⁵

После 6—7 лет детская одежда различается по полу и становится аналогичной костюму взрослых. Обязательной частью костюма девочек становятся шаровары, платье, а зимой стеганный халатик или бархатное пальто. На голову накидывают платок, под ним иногда бывает тюбетейка.

Обычный костюм мальчика в районных центрах и кишлаках, находящихся поблизости от них, — майка, трусы, рубашка с отложным воротником и с обшлагами на рукавах, китель или гимнастерка, шаровары, брюки на выпуск, брюки галифе или же всевозможные готовые костюмы, приобретаемые в местных магазинах; на голове — тюбетейка, на ногах — ботинки, полуботинки, сапоги или галоши, иногда местная кустарная обувь, летом же дети обычно ходят босиком.

В отдаленных кишлаках костюм преобладает смешанный — рубахи с отложным или стоячим воротником чаще всего домашнего пошива, кителя, гимнастерки военного типа, штаны национального покроя или покроя галифе, иногда брюки. Рубаха обычно носится на выпуск и подпоясывается ремнем или поясным платком. Летом надевают еще легкий полосатый халат яктак, зимой — стеганный халат.

СВАДЕБНАЯ ОДЕЖДА

Костюм новобрачной в Каратегине и Дарвазе состоит из нескольких платьев, которые надевают одно поверх другого. Нижнее платье делается обязательно белое, верхнее же, шелковое или сатиновое, — цветное, украшенное вышитой тесьмой или вышивкой. К свадьбе делают обычно столько платьев, сколько может сделать та или иная семья, иногда их бывает до тридцати.

В к. Нушор в одном доме удалось видеть три платья, приготовленные для невесты: нижнее — белое с отложным воротом и очень длинными (длиннее, чем у всех остальных платьев), вышитыми на концах рукавами, второе — желтое, с отложным воротом и тоже вышитыми рукавами. Самое верхнее платье красное сатиновое, сплошь вышитое, с более короткими вышитыми рукавами.

В старину невесте к свадьбе обычно тоже старались сделать по несколько платьев. Количество их, в зависимости от социального положения той или иной семьи, было различно, шились же они преимущественно из кустарных тканей. В более зажиточных семьях иногда было одно-два платья шелковых или ситцевых, остальные из карбоса. Платья делались как стороной невесты, так и стороной жениха. Приходящие женщины обычно пересчитывали платья, надетые на невесту, и чем больше на нее было надето, тем с большим уважением говорили о ней.

Самая распространенная обувь во время свадьбы — ичиги с галошами. Ичиги обычно бывают лакированные или хромовые. В старину, когда ичиги привозили из городов, они считались особой роскошью, но чаще приходилось довольствоваться кустарными чоруками.

В комплекс свадебной одежды входили и входят также и украшения. В Каратегине на шею надевают ожерелье — *зеби гардан* из кораллов и серебряных бусин с треугольным футляром — *туморча* по-

середине, а поверх него серебряная повязка на горло — *силсила* в виде серебряных пряжек с подвесками. В уши продевают серьги — *гушвора*; иногда одни серьги продевают в уши, они так и называются *гушвораи гуш*, а другие, более массивные — *гушвораи қафаси* прикрепляют к косам, возле ушей. На пальцы надевают несколько колец, на руки — браслеты. Иногда, помимо серебряной повязки на горло, повязывают еще серебряную повязку на лоб, которая называется *қасаба* и состоит из двух или трех рядов серебряных пластинок — *ситора* с подвесками. Для этого первоначально делают налобную повязку из бумаги, высотой иногда в четверть, свернув ее в несколько рядов и обернув платком, а поверх нее повязывают уже серебряную повязку *қасаба*. В старину к платью сзади на плечи прикрепляли амулеты — *хайкалча* или вышивали их изображения.

Во время свадьбы лицо невесты обязательно закрывается шелковым платком или марлей. В старину в наиболее зажиточных семьях для этого служили специальные вышитые лицевые занавески, называемые *рубанд*, *чаимбанд* или *рупушак*, приобретшие широкую известность красотой своего орнамента.

Рубанд представляет собой квадратный кусок тонкой, дмотканной материи, изящно расшитый шелковыми разноцветными нитками, узорами, изображающими стилизованных птиц, деревья и т. п. Вышивка производилась по нанесенному черными нитками контуру — *сияхдузи*, с левой стороны — *чападузи*, швом за иголку. Застил всегда выполнялся некрученым шелком. В верхней части, против глаз, мережкой выполнялась небольшая сеточка.

Рубанды ценились сравнительно дорого и были недоступны для бедных семей. Поэтому чаще всего лицо невесты закрывали платком или куском материи. Иногда один рубанд обслуживал все население кишлака, переходя из семьи в семью. Старинных рубандов осталось очень мало, и они сохраняются как семейные реликвии, переходя по наследству от матерей к дочерям.¹²⁶

В настоящее время новых рубандов почти не вышивают, нам встретился лишь один рубанд с еще незаконченным шитьем в дарвазском кишлаке Зыгар. Он вышит на фабричной ткани, узор модернизирован, исчезли характерные для рубандов петухи, появились разнообразные розетки, зубчатые линии и завитки. Рисунок нанесен черными на ткань, вышивка, как и на старинных рубандах, сделана с левой стороны, швом *сияхдузи*, но выполнена грубовато. Грубость работы может быть отчасти объяснена тем, что способ вышивания с левой стороны требует четкого отсчета ниток; это можно было сравнительно легко сделать на кустарных тканях полотняного переплетения при нанесении геометризованного узора, но выполнить старой техникой новые узоры на новом тонком материале трудно.

В старину рубанды вышивали далеко не везде. Вопросами бытования и распространения рубандов занимался Н. А. Қисляков, он описал 23 рубанда, составил схему распространения их и пришел к выводу, что большинство из них происходит из Дарваза в широком смысле этого понятия, включая и долину р. Хингоу. При этом приоритет принадлежит долине Хингоу в ее среднем и верхнем течении.¹²⁷

Собранные нами сведения немного дополнили и уточнили ареал вышитых рубандов, установленный Н. А. Қисляковым. Нами были зарегистрированы рубанды в нижних кишлаках Дарваза — Егиде и Зыгаре, а также в верхних кишлаках Қаратегина — Пилдоне, Хаите и Нушоре. Самым нижним кишлаком, где нам удалось выявить

наличие местного изготовления рубандов, — это к. Ялдамич. Рубанды, встреченные нами в Кочоне и в Гарме, при уточнении их происхождения почти все оказались привезенными из вышележащих кишлаков. Ниже Гарма, в к. Казнок и в к. Шульмак, население не знало их совсем.¹²⁸

На лбу поверх рубанда или платка в старину девушки-невесты и молодые женщины Дарваза носили повязки в виде узких полосок материи, украшенных вышивкой — *сарбандак* или *мандил* (Дарваз).¹²⁹ Старинные полоски вышивались тем же способом, что и рубанды, и часто были так же безукоризненно выполнены.

В настоящее время налобных полосок, как и рубандов, почти не вышивают. Нами встречена только одна полоска — *мандил* современного производства, предназначавшаяся в пару к описанному выше рубанду из к. Зыгар,¹³⁰ остальные все были старинной работы.

В Каратегине рубанд невесте повязывают следующим образом. Набрасывают на голову сложенный по диагонали белый платок, верх которого голову обкладывают комками ваты и обматывают платком или белой чалмой из марли или кустарной материи — *қаламй*, от 3 до 5 м длины. В чалму затыкают куски сахара, деньги или 3 м марли, только после этого лицо закрывают рубандом или заменяющим его платком или марлей. Поверх рубанда голову покрывают еще двумя платками, положенными друг на друга: белым марлевым платком, края которого выступают из-под верхнего платка, а затем шелковым платком — фабричным цветастым или же марлевым, окрашенным способом перевязки *гулбаст*, эти платки называются *чодари сар*.

Часто сари чодар сшивают из двух платков, так что он закрывает почти всю фигуру девушки. Чтобы сари чодар не упал с головы по дороге к дому жениха, его пришивают нитками. Нитки должны быть обязательно белые, чтобы жизнь невесты была светлой; когда старуха пришивает сари чодар, то делает маленький узелок.¹³¹

Одевает невесту всегда многодетная женщина, счастливо прожившая свою жизнь.

По сведениям Ю. Богорад, в кишлаках вблизи Комсомолабада во время свадебных церемоний невесте на голову надевают тюбетейку (в других районах тюбетейку не надевают). Поверх тюбетейки накидывается белая марля, а затем повязывается маленький шелковый платочек *сарбандак*. В этот платочек закладывается бумага, чтобы он стоял на голове в виде кокошника. Если нет шелкового платочка сарбандак, то на голову невесте повязывают чалму.

В некоторых местах Каратегина во время свадебных церемоний на голову новобрачной накидывают паранджу — *фаранҷи*.

Что касается костюма жениха, то в настоящее время он не отличается от бытуемого нарядного костюма молодежи, однако в нем обязательно сохраняется халат, который к свадьбе делается из полупелюшковой материи бекасаб, с шелковым или вышитым поясным платком. На голове — традиционная тюбетейка, которая сверху обматывается поясным платком или шелковой чалмой — *саллаи пешоварӣ*, на ногах — кожаные сапоги с высокими голенищами или ичиги с галошами. Иногда в костюме жениха сохраняются рубаха с шароварами национального покроя, а также кустарные чорукы с шерстяными чулками.¹³²

В старину костюм жениха был полностью национального покроя и часто делался из домотканной материи, только к свадьбе старались

сделать все новое. В более зажиточных семьях его шили из фабричных тканей, а иногда привозили готовые халаты из городов.

ТРАУРНАЯ ОДЕЖДА

Траур соблюдают, в основном, женщины. Траурное платье называется *куртаи азоуна*, платок — *латтаи азоуна*, и делаются они чаще всего синего или вообще какого-нибудь темного цвета, но иногда бывают и белые. Покрой платьев остается обычным, ворот *пешчокак*. Во время траура снимают все украшения и подвески к косам, выплетают и искусственные косы. Молодые женщины и девушки перестают пудриться, краситься и вообще применять косметику, не надевают и тюбетеек, так как красивая тюбетейка — это тоже украшение.

Мужчины остаются в обычной одежде, лишь только стараются не надевать ничего нового.

Если умерший был близким человеком, то траур носится в течение года, до годовичных поминок, после которых переходят на обычную одежду.

Если умерший был дальним родственником, то траур соблюдают только в течение нескольких недель.



В заключение следует еще раз отметить, что до Октябрьской революции население Каратегина и Дарваза отличалось крайней бедностью. Весь костюм горца состоял из домотканых рубахи, штанов, халата и тюбетейки для мужчины и платья, шаровар и платка для женщин, и эти вещи носились до тех пор, пока не спадали лохмотья с плеч. Неудивительно, что при таком скромном гардеробе до нас не дошло ни одного образца старинной дореволюционной одежды.

За годы Советской власти произошли огромные перемены. Большой завоз прочных и дешевых фабричных тканей благоприятствовал тому, что одежда стала шиться почти исключительно из них.

Мужское население Каратегина и Дарваза, отрываясь от привычной среды во время учебы и во время службы в армии, а также в военный период, постепенно отошло от традиционного костюма и восприняло готовую фабричную одежду европейского типа. В быту, в нынешнем мужском костюме, а также костюме мальчиков-подростков встречаются лишь отдельные предметы из национальной одежды в различных сочетаниях с городской. В малоизмененном виде национальный костюм сохраняется только у стариков.

Что касается женской одежды, то надо подчеркнуть, что она более устойчива и сохраняет в основном свои традиционные формы.

В настоящее время бытуют два типа платьев. К первому типу относится платье последней моды с отрезной кокеткой, прямым, нешироким рукавом, вшитым в вырезную пройму, и отложным воротом. Ко второму типу относятся платья традиционного туникообразного покроя, который сохраняется до сих пор и является на сегодняшний день преобладающим.

Платья туникообразного покроя при общем единстве имеют некоторые отличительные черты по микрорайонам. Наиболее распространены сейчас платья широкие в стане, с широкими же длинными рукавами, входящими чуть ли не до колен, и разнообразными вариантами воротников. Эти платья распространились после присоединения Каратегина и Дарваза к Бухаре, т. е. начиная с последней четверти XIX в.

До этого бытовали платья, более облегающие в талии, с сильно суженными книзу рукавами и воротом китифак. Платья этого покроя в настоящее время сохраняются только в кишлаках Дарваза (ниже Калаи-Хумба). Однако встреченные отдельные образцы платьев такого фасона на старухах кишлаков Верхнего Дарваза и Каратегина, а также записанные нами и С. П. Русяйкиной сообщения старух дают основание предполагать, что когда-то этот фасон был распространен повсеместно.

Новые фасоны появляются обычно сначала в нижних кишлаках Каратегина, более близких к населению равнины и столице Таджикистана — Душанбе, а потом постепенно распространяются в верхних кишлаках Каратегина и Дарваза. В распространении городской культуры большую роль играет интеллигенция, а также служащие советских учреждений.

Однако не всегда появление новых фасонов проходило гладко, особенно в первые годы после установления Советской власти. Так, например, очень долго не признавались темные костюмы, кепки, галстуки, и шляпы, так как суеверная часть населения, подстрекаемая муллами, считала, что это одежда неверных, нечестивых людей — *кофир* и мусульманину носить ее не подобает.

Рецидивом суеверий можно считать гонение в 1955 г. на платья со стоячим воротником, отделанным плиссированной оборкой пар-пар. Распространились легенды о том, что после смерти человека ворот пар-пар превращается в змею, которая обвивается вокруг шеи носящей его женщины. Встречались женщины, которые из осторожности некоторое время не надевали таких платьев.

Несмотря на порой встречающиеся трудности, противодействие стариков, новые покровы настойчиво входят в быт. В последние годы в женском костюме намечается довольно определенная тенденция к переходу к платьям новой моды. Собранные у кокетки в сборы, они достаточно широки и удобны для местного быта — сидения на постланых на пол курпачах и жаркого климата, в то же время выгодно отличаются от широких туникообразных платьев нормальной шириной в плечах, более короткими рукавами и станом. Платья на кокетке быстро воспринимаются местным населением. Утвердились в качестве женской верхней одежды и камзолы.

В мужском костюме продолжается неуклонный процесс проникновения все более богатого ассортимента городской одежды.

УЗОРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУСОЧКОВ МАТЕРИИ

КУРАМА или КУРОК

Среди таджиков и киргизов Каратегина и Дарваза, как и вообще среди народов Средней Азии—таджиков, узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов, и многих других,¹ распространен обычай сшивать из разноцветных кусочков материи различные изделия бытового обихода: детские рубашечки, халатки, головные уборы, принадлежности колыбели, свадебную занавеску, за которой молодые сидят во время свадьбы и проводят первые дни после нее, сузани, наволочки на подушки, одеяла, тюфячки для сидения, скатерти, различные мешочки и т. п.

Несмотря на очень широкое распространение таких изделий в быту народов Средней Азии, они не привлекали еще к себе внимания исследователей. Нам не известна ни одна работа, специально посвященная им. Даже больше, в этнографических работах по Средней Азии, по-видимому, нет сколько-нибудь обстоятельных попутных сведений о них. Все, что нам удалось пока найти, это немногочисленные беглые упоминания о тех или иных предметах, сшитых из лоскутков,² или изображения предметов домашнего обихода³ и деталей детской одежды, украшенных узорами из кусочков материй,⁴ без пояснений в тексте.

У таджиков Каратегина и Дарваза узорные изделия из кусочков материи бытуют повсеместно, еще больше они распространены среди каратегинских и джиргатальских киргизов.

Для обозначения интересующих нас изделий повсеместно в Средней Азии, как у таджиков, так и у тюркоязычных народов, употребляется термин *курок* и, несколько меньше, *курама*.⁵ Оба эти термина — тюркского корня, и то обстоятельство, что именно они употребляются таджиками, позволяет предположить, что ближайшими передатчиками таджикам обычая шить лоскутные изделия были тюркоязычные народы. В современном таджикском литературном языке сшитые из лоскутков узорные изделия называются термином *курок*. Почти во всем Каратегине и Дарвазе таджики употребляют термин *курама*, в просторечьи чаще *қарама*; термин *курок* бытует только среди киргизов Джиргаталя, а у таджиков зафиксирован в форме *куроқдузӣ* в нижних кишлаках Каратегина (Носиробод и Элок). Наряду с термином *курама* в Дарвазе употребляется еще термин *гулбури* (к. Егид), а в нижних кишлаках Каратегина — *гулакбури* (к. Хакими), *гулакдузӣ* (к. Элок), *буришдузӣ* (кишлаки Оби-Гарм, Носиробод). В Приамирье эти изделия называются *таркдузӣ*.

В настоящее время курама или курок являются одним из традиционных видов народного прикладного искусства, в ряде случаев заме-

няя вышивку или сочетаясь с ней. В каждом доме на многих вещах домашнего обихода можно встретить нередко замечательно искусно сшитые из разноцветных лоскутков узоры, иногда старые, традиционные, иногда новые, созданные молодыми мастерицами недавно. Не остается неизменным и круг вещей, украшаемых куруками: на некоторых из них лоскутные узоры раньше применялись, а теперь перестали делаться (например, на рукавах женских платьев), но наряду с этим появились новые вещи, например, возникшие за последнее время в новом быту лоскутные коврики над кроватью, покрывала на кровать и т. п.

Молодежь часто не может ответить на вопрос о том, почему те или иные вещи сделаны из куруков. «Это для красоты, нарядности», — говорят одни. «Таков обычай, оставшийся нам от дедов», — отвечают другие. У многих сохранилось неясное представление, что эти вещи обладают «хорошими» свойствами и что их полезно иметь в доме. Только у представителей самого старшего поколения нам удалось найти более отчетливые представления о том, что куруки раньше считались оберегом, что они якобы защищают человека от зловредных козней всяких злых духов. О вере в «защитные» свойства куруков свидетельствует, например, следующий обычай. В течение первых сорока дней после родов, считающихся для роженицы наиболее «опасными», бездетным женщинам не разрешалось навещать ее, так как бездетность объяснялась влиянием на женщину злых духов. Однако если бездетная женщина приходила в дом роженицы, принося ей какую-нибудь вещь из куруков, то ее посещение считалось безопасным. Верили, что в доме, где есть куруки, ни один из членов семьи не может пострадать от действия нечистой силы — *сиёхӣ* или от какого-либо бедствия. И хотя жизнь снова и снова опровергала эту наивную веру, все же отношение к курукам как к оберегу сохранялось.

Явный характер оберега имеют наиболее распространенные формы лоскутной орнаментации — ромб или квадрат, внутренние элементы которых образуют фигуры косоугольного и прямого креста. Роль косоугольного и прямого креста как оберега прекрасно проанализирована Е. М. Пещеревой на большом и разнообразном материале: в охранных знаках на глиняной посуде и в стенных росписях горных таджиков, в ювелирных изделиях народов Средней Азии, в орнаменте киргизов Памира.⁶ Она пришла к выводу, что «фигура креста является схематизированным человеческим изображением, передающим образ духа, который должен охранять человека или вещь от зла и в первую очередь от зла, вызываемого «сглазом».⁷

Значение ромба как изображения лица человека явствует из обозначения таким способом лица у кукол среди таджиков и узбеков.⁸ В Дарвазе в вышивальном орнаменте ромб называется мастерицами *луктак* — кукла (подразумевается лицо куклы). Покойный Г. В. Григорьев, собиравший в 30-х годах материал по орнаменту на глинобитных заборах загородных усадеб в окрестностях Самарканда, однажды на вопрос к мастеру — исполнителю орнамента, что обозначают наиболее распространенные в этом орнаменте ромбы, получил прямой ответ: «Это изображение человека».⁹

Изделиям из куруков в старину приписывались магические свойства. Исходя из основного принципа магии по сходству — подобное порождает подобное, считали, что вещи из многих мелких кусочков ткани влияют на то, чтобы у их обладателей было много потомства, плодился скот, умножалось имущество. Масъуда Усманова, родом из Самарканда, 74 лет, так определила нам роль куруков, изготавливаемых

к свадьбе: «Их шили для невесты и жениха, чтобы они были многодетными, многосемейными, богатыми и защищенными от сглаза и от влияния злых духов» (*Барои он ба келину домод қуроқ медахтанд ки онҳо серфарзанд, аёлманд, бадавлат шаванд, аз ҷашму зиёни қувваи бад эмин бошанд*). Представление о влиянии куროков на обилие и богатство находит свое отражение и в существующем в некоторых местах (верховья Зеравшана) запрете употреблять дастарханы из куროков при поминальных угощениях, так как это могло бы повлиять на увеличение смертности среди населения.¹⁰

Первоначальная функция оберега находит отражение в самом составе вещей, шившихся и по традиции сейчас шьющихся из куороков. В основном это вещи, употребляемые в моменты и периоды, когда, согласно старым верованиям, людям угрожала наибольшая опасность от злых духов: роженице, новорожденному в первые дни и годы его жизни, молодоженам, особенно молодой, во время свадьбы и в первые дни после нее, спящему человеку и т. п.

В семьях, где дети часто умирали, очередному новорожденному шили из куороков новую рубашечку — *куртаи чиллагӣ* (рубашку сорочкодневия), более старшим — халатики, тубетейки и пр. Из куороков шилось также снаряжение колыбели: матрасик, подушечка, одеяльце — *курпачаи рупушӣ* или *курпачаи шикампушӣ*, перевязи для рук и ног — *дастбанд* и *побанд*, чехол на колыбель — *гаҳворануш* (рис. 1, 1—6).

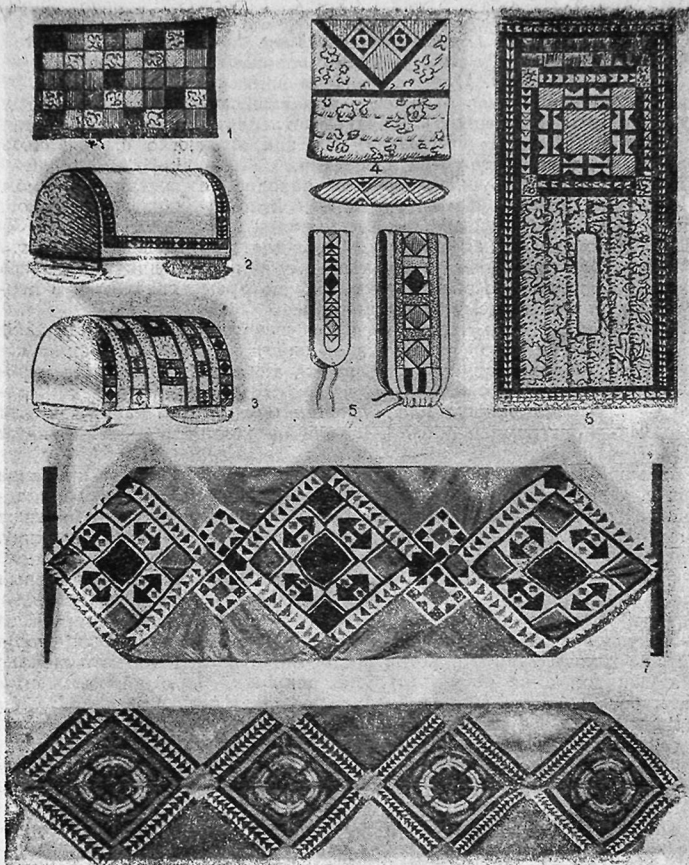
Большой комплекс вещей из куороков заготавливался в приданое девушке. Особое внимание уделяли оформлению постельных принадлежностей, прежде всего подушек. Обычно подушки делают плоские прямоугольные, для двух человек длиной в 130 см — *таксарӣ* (кирг. *частик*) или для одного человека в 70 см — *болишт* (кирг. *балиш*). Вся наволочка делается из одноцветной материи, но один длинный край ее — *қоши таксарӣ* (букв. брови подушки) — украшается узорами из куороков или вышитыми (рис. 1—3).¹¹ При постилании постели на ночь подушка кладется так, чтобы узорный край ее оставался снаружи, выше головы спящего. Тогда посторонний взгляд попадет сначала не на спящего, а на лоскутный узор подушки, который, как считалось, и поглощал возможное вредное действие этого взгляда.¹²

Днем, когда все одеяла складываются кипой на сундуке, подушки располагаются между одеялами так, чтобы входящему в дом сразу бросался в глаза лоскутный узор — *гул* (рис. 3, 1). В настоящее время это делается для украшения комнаты, однако в старину это было мерой против сглаза.

Кроме плоских шьются еще подушки в форме валика, которые тоже иногда украшаются куороками (рис. 3, 2) или сшиваются из полос материи разного цвета. В Дарвазе около 1955 г. начали делать квадратные плоские подушки с узором не с краю, а на поверхности, как у русских диванных подушек (рис. 3, 3).

В приданое входит обязательно одно или два одеяла из куороков — *куртаи қуроқ*, используемые новобрачными для покрытия ночью и для спанья на них (у таджиков при постилании постели вниз укладываются обычно не тюфяки, а сложенные вдвое вдоль одеяла)¹³ (рис. 4, 1 и 4).

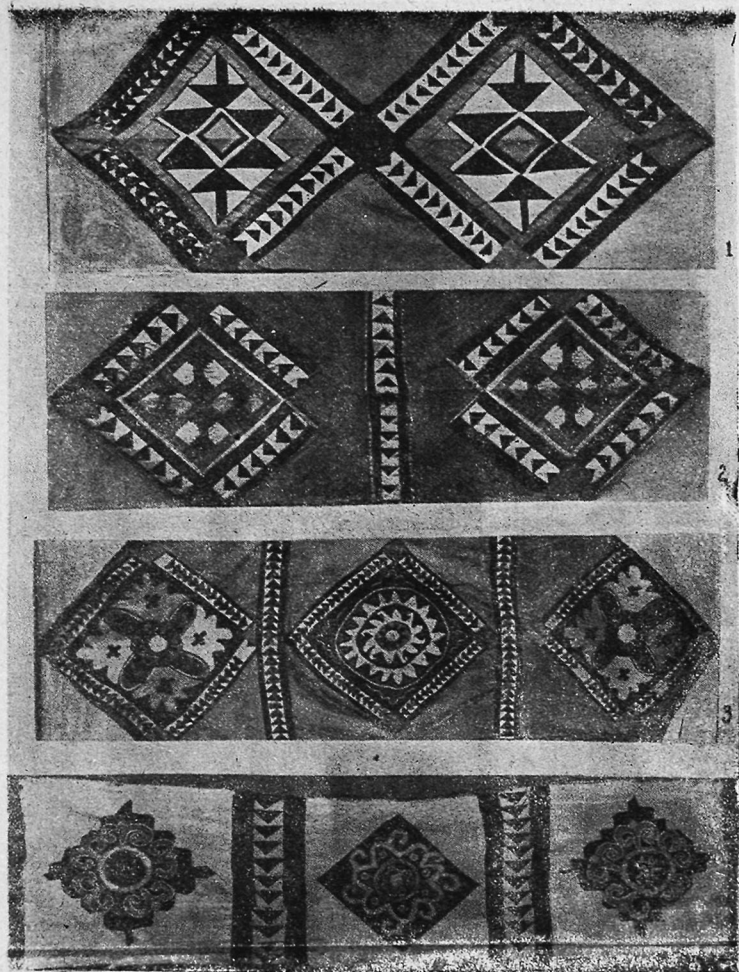
У джиргатальских киргизов и у таджиков прилегающих к Джиргаталоу кишлаков (например, Пилдон) к свадьбе изготовлялась из куороков *отгал* или *ёлпуш* (рис. 5, 1, 2) — специальная накидка на голову и шею для лошади, на которой молодая по обычаю переезжала из дома отца в дом мужа. Середину этой накидки составляли медаль-



8

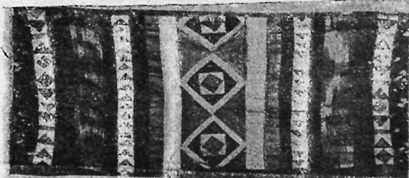
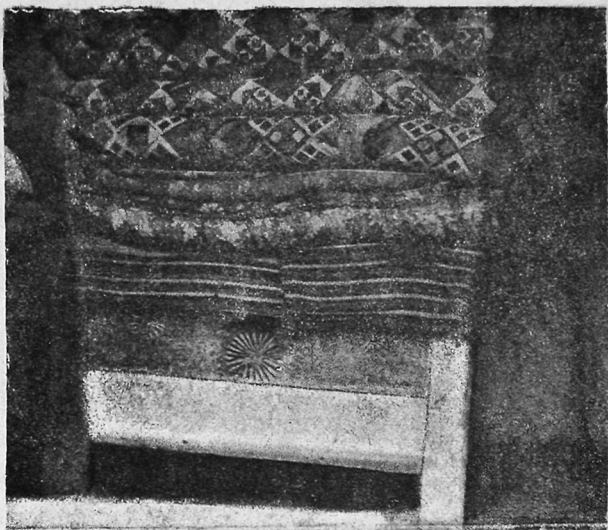
Рис. 1. Предметы снаряжения колыбели, украшенные куроками: 1—одеялье *курпачаи рупуш*, к. Хакими, КП 293—14; 2, 3—колыбель, покрытая чехлом *гахворануш*, кишлаки Казнок и Хакими (зарисовка 1957 г.); 4—киргизская подушечка *частик*, к. Кошой, КП 306—114; 5—перевязи для рук и ног — *дастбанд* и *побанд*, к. Казнок, (зарисовка 1957 г.); 6—матрасик (кирг.) — *тапиштиқ*, к. Кошой, КП 306—106. Узорные края наволочек на подушки: 7—*қоши таксар* из куроков, к. Ялдамич, КП 306—436; 8—*частик*, с вышитым узором, к. Джиргаталя, КП 306—136.

оны из куроков, один из которых приходился на лоб лошади (он назывался *қашқа* — пестрое), а от него вниз к носу шла полоса из черных треугольников или черная гладкая на белом фоне. По обеим сторонам шеи свешивались сшитые углами цветные ромбы, образующие крупную сетку — *туркуз*. По краю вся накидка обшивалась бордюром



4

Рис. 2. Узорные края наволочек на подушки: 1—киргизская наволочка *балиш*, с лоскутным узором *қайчи-қурақ* — ножницы или *калит-қурақ* — ключ от деревянного замка, к. Кошой, КП 306—67; 2—таджикская наволочка *болишт* сшитая техникой *қиёмат-қурақ*, к. Джиргатай КП 273—421; 3—*қоши таксари*, с вышитым узором, к. Нушор, КП 306—391; 4—*қералаи болиш*, узор вышитых медальонов *қушқорак*—рога барана, окаймляющие медальоны белые зубы—*қунгера*, лоскутные полоски и треугольнички — *раҳбанд*, к. Умарак, КП 156—59.



2



3



4



5

Рис. 3. Лоскутные предметы домашнего обихода: 1—одеяла и подушки, сложенные на день, к. Яхак-Юс; 2—лулаболини гулбури — наволочка на подушку в форме валика, к. Егид, КП 273—79; 3—таксари гулбури — наволочка на плоскую подушку, к. Егид, КП 273—67; 4—рафиди гулбури — подушка для прилепливания лепешек к стенкам очага, к. Егид, КП 273—36; 5—остинча — рукав, надеваемый на руку во время печения лепешек, к. Егид. КП 273—54.



Рис. 4. Одеяла, украшенные куроками: 1—курпачи қарама — верх лоскутного одеяла, к. Кочон, КП 306—353; 2—курпачи рама — верх тюфячка-подстилки, узор каймы—*раҳак* из элементов *чашми гов*, медальоны — *гули дафтар* или *гули газита*, полосы из треугольников — *пашапарак* или *думаки боша*; 3—курпача—верх тюфячка с вышитой серединой и лоскутной каймой с узором *келину хушдоман*, к. Зыгао, КП 273—268; 4—курпачи қарама — верх лоскутного одеяла, узор медальонов *чорчашма*, к. Бедаки-Поён, КП 273—435.



1



2



3

Рис. 5. Свадебные принадлежности, украшенные куроками: 1—тушого — свадебная занавеска из куроков (киргизская), к. Кошой, КП 306—128; 2, 3—атчал — попона из куроков, которую набрасывают на голову и шею лошади при переезде молодой из дома отца в дом мужа; сетка из ромбов по бокам — туркуз; полоса медальонов— қатама куроқ, полоса на лбу — қашқа (пестрое, отметина), к. Кошой, КП 306—58. из куроков и бахромой. Если такой накидки не было, на лошадь накидывали одеяло из куроков.

Таджики кишлаков верхнего и среднего течения Сурхоба (Пилдон, Нушор, Ялдамич, Казнок, Яхч), а также киргизы и таджики

Джиргаталя во время свадьбы прибывают в помещении, где происходит свадьба, занавеску *чодар* или *чимилик* (кирг. *тушого*) (рис. 5, 1), отделяя «передний», удаленный от входа угол, где сидят жених и невеста (в некоторых местах Таджикистана — Костакозе, Каниб-ламе чимилик протягивают не через угол, а посредине комнаты, чтобы и постель молодых находилась за ним). Эта занавеска шилась, а местами и теперь шьется из куроков. Таджики заготавливают чодар заранее, часто еще до того, как просватана девушка, а у джиргаталяских киргизов принято шить его за две недели до свадьбы, созывая помочь — *хашар*. В некоторых кишлаках (Казнок, Кочон, Навди) чодар после свадьбы используется для пошивки одеяла, в других (Джиргаталя) его сохраняют и передают для использования только в качестве чодара же на другой свадьбе. В настоящее время обычай изготовления и прибывания в комнате молодых чодара тоже соблюдается, но шьют его чаще всего из больших кусков дорогих материй — шелка, бархата, парчи.¹⁴

В к. Рарз в Фальгаре (верховья Зеравшана) из куроков шили еще занавес, которым во время свадьбы или после рождения ребенка закрывали дверь помещения, где находились молодые или новорожденный. Считалось, что этот занавес «преграждает путь» в комнату злым духам — *балохо*. Роженицу и новорожденного также укладывали на тюфячке или одеяле из куроков.

В приданое входят также два длинных лоскутных тюфячка-подстилки — *якаандоз* или *курпача* (рис. 4, 2 и 3), которые в старину обязательно были из куроков и часто шьются из куроков и теперь. В Каратегине усадить дорогого гостя на такой тюфячок считается особым почетным.

К свадьбе шили еще два курочных дастархана: один — *дастархони маъракагӣ* очень большой, употребляемый во время всевозможных сборищ (свадьбы, обрезания и т. п.), второй — *дастархони таги чодар* или *дастархони таги чимилик*, маленький, употребляемый молодыми во время пребывания за свадебной занавеской и позднее. Существовало представление, что есть пищу с этого дастархана богоугодное дело — *саовоб* и что чем дольше люди едят с него пищу, тем больше грехов им прощается. Поэтому такой дастархан изнашивался обычно до крайнего предела.

В Каратегине принято шить девушке к свадьбе два мешочка: для зеркала — *ойнахалта* и (меньший) для гребня — *шонахалта*. В них хранится всякая мелочь: зеркало, гребень, мыло, духи, иголки, нитки, наперсток и т. п. В доме мужа молодая прибывает эти мешочки на видном месте на стене в почетной «верхней» части комнаты. Раньше эти вещи также играли роль оберега, предохраняли от глаза, в наши же дни ойнахалта и шонахалта шьют чаще всего как традиционное украшение из больших кусков бархата и других дорогих материй, хотя в некоторых семьях их все еще сшивают из мелких кусочков ткани, образуя традиционные узоры.

У киргизов Джиргаталя, помимо ойнахалта и шонахалта, к свадьбе шьются из куроков еще другие мешки различных размеров и назначения: *баштык*, *қошчавук*, небольшие прихватки для котла, подставки под чайник с заваренным чаем и прочие мелочи.

В приданое каратегинской и дарвазской девушки обязательно входят еще два предмета хозяйственного назначения, украшенных узорами из куроков: круглая плоская подушка *рафида* (рис. 3, 4), на которую женщина во время печения хлеба кладет сырую хлебную лепешку, прилепляемую к стенке очага, и нарукавник — *остинча*

(рис. 3, 5), надеваемый на руку при посадке лепешек в печь. Эти вещи шьет мать девушки. Молодая употребляет их, когда готовится в доме мужа первую пищу — печет пресные лепешки с маслом и готовит лапу (обычай *дастпеша*),¹⁵ которые съедают родственники обеих сторон, высказывая пожелания, чтобы молодая была хорошей стряпухой и имела бы много детей.

Раньше было принято делать платья из длинных полос разных материй контрастных цветов, а также нашивать на концы рукавов платья молодой медалыоны из куроков,¹⁶ которые теперь целиком вытеснены вышивкой.

Изделия из куроков играли роль и в похоронных обрядах. В Каратегине к надгробным шестам привязывают иногда платочки из куроков. Имеются сведения о том, что считалось богоугодным делом укладывать покойника на тюфячок и подушку из них.¹⁷ Изделия из куроков фигурируют иногда в обрядах, но для Каратегина и Дарваза мы, к сожалению, сведений об этом не имеем.¹⁸

В настоящее время ткани для изготовления куроков покупаются в магазинах, причем часто дорогие — сатин, бекасаб, атлас, шелк, бархат, самых разнообразных расцветок.

В старину для этого наиболее употребительной тканью был карбос, а наиболее распространенным сочетанием цветов — белый и черный (для получения последнего белый карбос окрашивали). Материю резали на большие куски и сшивали их толстыми нитками кустарного изготовления. Раньше узоры куроков не сочетали с вышивкой, теперь это — частое явление (рис. 1, 1, рис. 2, 3, 4, рис. 4, 3). По сообщению 50-летней Назокат Каримовой, уроженки к. Яхч (Комсомолабадский район), «лоскутные изделия были издавна, вышивка же появилась после установления Советской власти (*қ рамаҳо ай қадим мондааст, ин гулдузиҳо баъд аз Ҳукумат баромадааст*).¹⁹

В старину ткани на куроки редко приобретались специально. Как известно, среди таджиков существовал обычай, согласно которому во время различных важных семейных событий и празднеств (сговор, кройка и шитье одежды жениха и невесты, свадьба, первое укладывание в колыбель младенца, первая стрижка волос младенца, а также на похоронах глубоких стариков)²⁰ принято было раздавать присутствующим куски материи. По существовавшим представлениям, эти куски материи обладали магическими свойствами: они «способствовали» тому, чтобы носящий их человек дожил до соответствующего события — первого обрезания волос своего ребенка, до его свадьбы, дожил до такого преклонного возраста, как человек, на похоронах которого был получен данный кусок материи, и т. п.

Поэтому в старину тщательно собирали все кусочки тканей, полученные таким образом, и куроки, в первую очередь предназначенные для детей, шили именно из них, добавляя к ним в случае необходимости ткани, приобретенные другим путем. Для детских изделий из куроков, например, для рубашечки новорожденного, принято было набирать еще лоскуты, выпрашивая их «у семи дверей», причем обращались с просьбой в такие дома, где было много детей и где они хорошо росли, не болели, не умирали, где люди жили обеспеченно и благополучно, где оба супруга прожили вместе до старости.

Считалось, что каждый цвет ткани имеет свое назначение. К сожалению, сейчас это уже забыто и сведений о свойствах разных цветов удалось собрать очень мало. Самой сильной мерой против сглаза считалось сочетание черного и белого цветов. Черно-белые узоры называют часто *балодуркуна* (отвращающие зло) или *қурамаи чашии*

(курама от сглаза), т. е. так же, как и черно-белые бусины, считающиеся оберегами от сглаза. Но имелось также мнение (записано в к. Нушор), что чем больше в курке тканей разнообразных цветов, тем более богоугодно — *савоб* употребление таких вещей. Они якобы обладают свойством предохранять от различных бед и болезней. Желтые тона, по поверью, предохраняют от желтухи, синие — от коклюша, красные считаются тоже обладающими «хорошими» свойствами, но в обследованных нами кишлаках никто не мог сказать, какими именно.²¹

Поскольку в старину куроки имели своим назначением прежде всего предохранять от сглаза, то их старались делать из больших, бросающихся в глаза кусков. Так, из крупных лоскутов старались шить детское одеяльце.

Принцип лоскутности имеет глубоко традиционный характер. Повидимому, именно поэтому в быту таджиков встречается так много самых разнообразных вещей, сшитых из кусков различных тканей. Так, в старину ластовицы подмышками женских платьев должны были быть из ткани иного цвета, чем само платье. Часто вещи, сшитые даже из дорогих тканей, пестрят кусками другой ткани, хотя это не вызывается необходимостью. Украшенные вышивкой квадратики для подушек сшивают с кусками тканей другого цвета, вышитые круглые подушки имеют по краям полосы материи других, обычно контрастных цветов и т. п.

Всевозможные магические представления были связаны и с процессом изготовления куроков. Лоскутную детскую рубашечку сшивали длинными, толстыми и крепкими нитками, чтобы жизнь ребенка была длинной и крепкой. Кое-где сохранился обычай шить крупные изделия из куроков (одеяла, тюфяки) коллективно, собирая для этого помощь, участницам которой подавалось угощение, — так же, как это делалось при изготовлении больших декоративных вышивок на равнинах. Таким образом, созывая хашар, принято, например, у таджиков к. Кошой в Джиргатале, шить лоскутную занавеску чодар. К этому примешиваются и другие более поздние верования и суеверия, возникшие уже на почве ислама. Так, одна старуха из Нижнего Каратегина рассказывала, что она шила лоскутную рубашку младенцу, сидя в мечети во время совершения там мужчинами намаза в канун праздника Курбан. Считалось, что в таком случае благодать от совершенного намаза нисходит на этого младенца и обеспечивает ему долгую жизнь.

По технике выполнения все лоскутные изделия можно разбить на две группы: 1) сшитые из разноцветных лоскутков квадратной и треугольной формы,²² комбинированных очень разнообразно и часто образующих узорные полосы и медальоны, которые в больших вещах, в свою очередь, komponуются в более крупные узоры, и 2) сшитые из длинных узких полос материй различного цвета.

Первая группа имеет большее распространение в быту, и именно к этим изделиям, в основном, прилагается название *курок* и *курама*. Подавляющее большинство узоров этой группы состоит из различных комбинаций треугольников и квадратов. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Цветной, чаще всего черный треугольник на белом фоне (рис. 6, 1), почти во всех обследованных нами пунктах Каратегина и Дарваза таджики называют *думаки боша* — хвост кобчика,²³ а джиргатальские киргизы — *туморча* — амулет или *турна* — журавль. Помимо названия *думаки боша*, нами зафиксированы для этого узора еще наз-

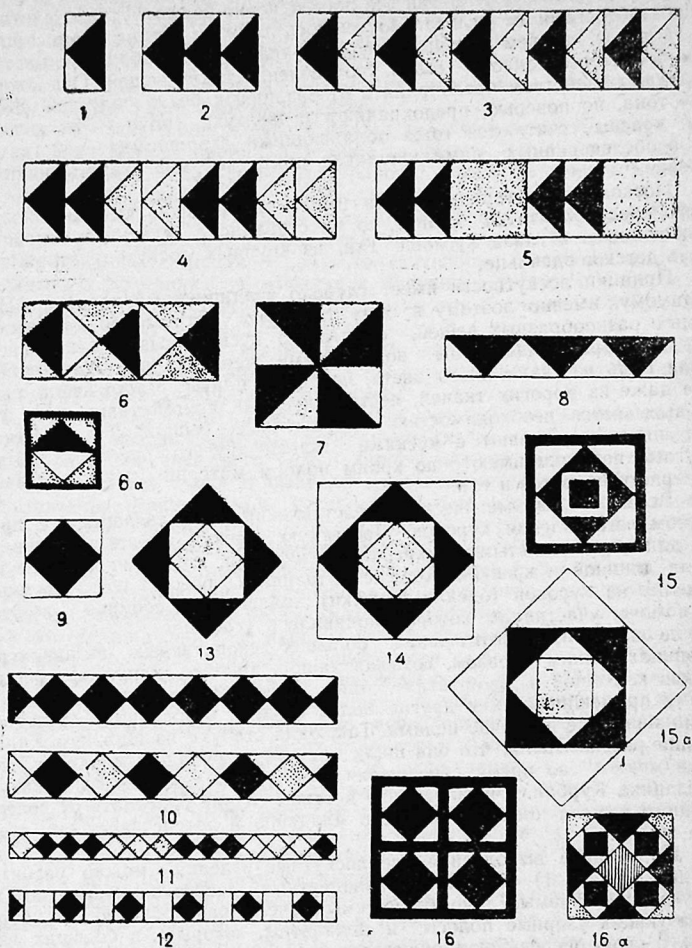


Рис. 6. Различные узоры из треугольников: 1—*туморча* — амулет или *думак* *боша* — хвост кобчика; 2—5—*пашапарак*—бабочка(?) или *турнактор*—вереница журавлей, *раҳак*—дорожка; *раса* или *раҳбанд* — преграда; 6 и 6а—*келину хушдоман*—невестка и свекровь; 7—8—*қавурға*—ребра (кирг.); 9—15а—*чашмаки гов*—глазик коровы, *бутакуз* (кирг.)—глаз верблюжонка; 16 и 16а—*чоргула* или *чорчишма*—четырёхглазковый (узор).

вания *пашапарак* — бабочка в к. Казнок и Кадара (ниже Гарма) и *туморча* — амулетик в к. Умарак (Дарваз), к. Кочон (около Гарма) и в долинах Хакими (Нижний Каратегин), а также среди киргизов Джиргаталя.

В долине Хакими сходством описываемого узора с амулетом объясняют запрет применять его на подстилочных тюфячках, так как сидеть на изображении амулета грех. Однако джиргатальские киргизы, также называющие этот узор *туморча*, на тюфячках его применяют.

Больше всего узор *думак* *боша* применяется в виде полосы, где каждый из треугольников упирается вершиной в основание соседнего. Такая полоса называется большинством каратегинских таджиков *рахак* — дорожка, иногда *раса* (кишлаки Муджихарф и Нушор) или *рахбанд* — запирающий путь (нечистой силе) (к. Умарак), а киргизами *турнактор* — вереница журавлей (рис. 6, 2).

Полоса *рахак* употребляется как бордюр, окаймляющий отдельный узорный медальон или целую композицию, а также как элемент, разбивающий орнамент узорного поля наволочки, одеяла и т. п. на отдельные членения. В окаймлениях больших вещей треугольники *рахак* бывают большие, особенно в Дарвазе, где они достигают размера $9 \times 4,5$ см (к. Зыгар, рис. 4, 3), если же полоска окаймляет небольшой медальон, то треугольнички бывают маленькие — 2×1 см.

Цветное решение полосок *рахак* чаще всего пестрое — черные и красные треугольнички по белому фону (рис. 6, 3 и 4), в Нушоре даже многоцветное. В Нушоре записано мнение мастерицы о том, что черно-белые полоски *думак* *боша* делают «в городе», у каратегинцев же они должны быть пестрыми. По нашим наблюдениям, почти исключительно черно-белые полоски треугольников бытуют у киргизов.

Из треугольников делают еще узор в форме ромба, соединяя основаниями два треугольника контрастирующих цветов: белый — черный, белый — зеленый, синий — красный и т. п. Вершины треугольников направлены в противоположные стороны; поэтому и сам узор называется *келину хушдоман* — невеста и свекровь, так как в семьях эти представительницы двух поколений часто враждуют и придерживаются на все противоположных взглядов. Узор *келину хушдоман* часто встречается в Дарвазе, где он появился недавно, в 1954—1955 гг., и изредка в нижних кишлаках Каратегина (долина Хакими, Муджихарф и др.), где его считают старым. В верхних кишлаках Каратегина ни у таджиков, ни у киргизов он нами не зафиксирован. В Дарвазе он применяется главным образом в окаймлениях ойнахалта, дастарханов и курпача (рис. 4, 3 и рис. 3, 3).

Очень широкое распространение в качестве составной части разнообразных узорных медальонов и больших композиций имеет квадрат; иногда встречаются изделия (детские одеяльца, большие одеяла, тюфячки), весь узор которых состоит из сочетающихся по принципу контрастных цветов квадратов (рис. 1, 1). В Каратегине и Дарвазе такие изделия немногочисленны, хотя зарегистрированы они нами почти повсеместно.

Узор из черного или красного квадрата, поставленного на угол в центре белого квадрата (рис. 6, 9—14), таджики называют *чашмаки гов* — глаз коровы (вола), а киргизы — *бутакуз* — глаз верблюжонка. Это один из наиболее старых и наиболее распространенных элементов лоскутного орнамента — как территориально, так и по своему применению в самых разнообразных вещах. Особенно часто он встречается на детских вещах, подушках, одеялах, свадебных занавесках. В больших вещах он комбинируется с гладкими одноцветными квадратами или входит в более сложные композиции.

Встречаются медальоны из учетверенных узоров *чашмаки гов*, называемые *чоргула* — четырехузорные, или *чорчашма* — четырехглазковые (рис. 6, 16 и 16а).

В самой простой форме — в виде полосы цветных квадратов, поставленных на угол на белом фоне, этот узор часто встречается в наружной или внутренней кайме различных крупных и мелких вещей. Квадратики на полосе чередуются — черные и красные, по одному или, чаще, по три (рис. 6, 10—12, рис. 4 и рис. 5). Особенно любима такая кайма из чередующихся трех квадратов у киргизов, у таджиков она встречается реже, у них, как упоминалось, чаще делается кайма из треугольников. В Дарвазе кайма из *чашмаки гов* кое-где таджиками называется, как и полоса из треугольников, *рахак* — дорожка; киргизы называют ее всегда *бутакуз*.

Более сложный медальон чашмаки гов состоит из квадрата, обшитого четырьмя белыми треугольничками, а потом четырьмя более крупными черными (рис. 6, 13); он часто входит в разнообразные композиции. Киргизы такой медальон называют уже не бутакуз, а *қаттама-қурақ* (по-видимому, из *қатлама қурақ*, т. е. курок в виде слоеной лепешки).

Есть еще один узор — в виде черной полосы с двумя треугольниками, примыкающими к ее концам своими основаниями, по бокам которой находится по ромбику (рис. 7, 1—4). Таджики называют его *чигас*, *чигасак* — перекладина,²⁴ а киргизы — *калидқурақ* — курок с узором ключа.²⁵ Чаще всего он бывает черно-белым, и его, как и черно-белые треугольники, называют в Каратегине *қуроқи чашмӣ* — курок от сглаза (в Ура-Тюбе и Пенджикенте — *балодуркунак* — отвращающий несчастье). Иногда берется только половина узора чигасак и помещается перпендикулярно к центральному квадрату розетки со всех четырех сторон (рис. 7, 4). Есть еще вариант узора чигасак, называемый *оғтоб баргашт* — узор заходящего солнца (рис. 7, 4а). Узор чигасак очень распространен на всех изделиях каратегинских таджиков и киргизов, прежде всего на детских вещах и свадебных принадлежностях. Он считается очень старым. В Дарвазе он нами не зарегистрирован.

Ромб, к двум противоположным углам которого примыкают основаниями треугольники (рис. 7, 5 и 6), называется в Каратегине и Дарвазе *дучигасак* — двойной чигасак или, как и предыдущий узор, *чигасак*. Он распространен у таджиков (у киргизов встречается редко) главным образом в бордюрах отдельных медальонов и целых композиций. Обычно ромбик делается красным, а треугольники черными. Иногда с каждой стороны ромбика бывает по два треугольника.

Узор в виде красного квадрата с восемью лучами из белых треугольников, похожий на звезду (рис. 3, 3 и рис. 7, 7), имеет много названий: у таджиков он называется *гули ғуза* — узор хлопка, *гули гирд* — круглый узор, *гули чандгула* — составной, многоузорный, *чапула* — обратный узор, а у киргизов — *алмақурақ* — узор яблока, *чулдузқурақ* — узор звезды. Этот узор распространен по всему Каратегину и Дарвазу и применяется во всех изделиях в центре композиции или как составная ее часть. Насколько можно судить по сообщениям наших информаторов, это не очень старый узор.

Из красных (или черных) и белых квадратов составляется узор в виде прямого креста на белом фоне или белого креста на цветном фоне (рис. 4, 2 и рис. 7, 8). Называется этот узор таджиками *шоҳмотнусқа* — шахматный узор (Комсомолабадский район) или *гули дафтар* — узор тетради, *гули газита* — узор газеты (к. Нушор) или *чорхона-чорхона* — клеточки (к. Ялдамич). Все эти названия новые, но население считает этот узор старым. Распространен во всем Каратегине среди таджиков и киргизов (в Дарвазе не зарегистриро-

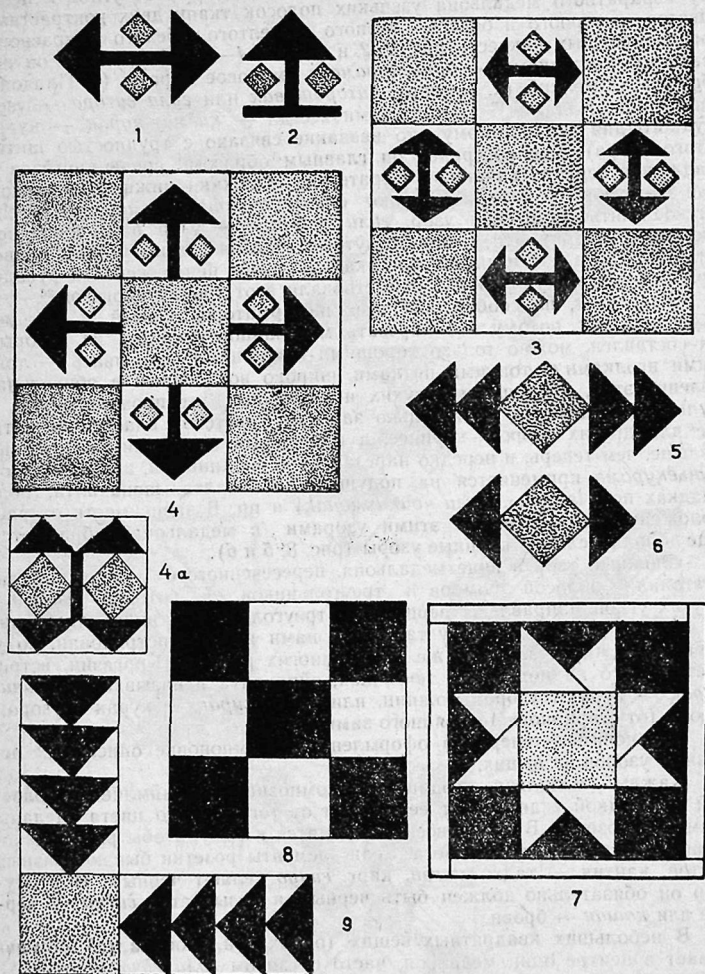


Рис. 7. Различные узоры из треугольников, квадратов и ромбов: 1—4—*чигас* или *чигасак* — жердь, насест, *каликдуроқ* — курок в форме ключа (от старинного деревянного замка); 4а—*гули офтоб баргашт* — узор заходящего солнца; 5, 6—*дучигасак* — двойной чигасак; 7—*гули фуза* — узор хлопка, *гули гирд*—круглый, *чандгула* — составной, *гули хайрӣ* — цветок мальвы или *чапула* — обратный узор; 8—*шоҳмотнусқӣ* — шахматный узор, *гули дафтар* — узор тетради, *гули газита* — газетный или *чорхона-чорхона*—узор в клеточку, узор из квадратиков; 9—*раҳак*—дорожка или *турнақатор* — вереница журавлей.

ван). Применяется таджиками главным образом на одеялах и тюфячках, киргизами также и на ойнахалта и разных сумках.

Интересен узор из ступенчато укорачивающихся от углов к центру квадратного медальона узеньких полосок ткани двух контрастных цветов — черного и белого, черного и желтого, белого и красного, расположенных накрест (рис. 2, 2 и рис. 8, 4—6). Называется он по-разному: таджиками — *дуньёкурама* — мировое курама (к. Пилдон), *буцияк* — мелкий (к. Нушор), *ситорашавак* или *гули ситора* — узор звезды (к. Ялдамич), а киргизами всегда — *қиёмат-курак* — курак судного дня (по-видимому, это название связано с трудностью шитья этого узора). Распространен он главным образом среди киргизов и таджиков верхних кишлаков Каратегина. Таджики нижних кишлаков, где этот узор не шьют, называют его *духти ҳоитӣ*, *гули ҳоитӣ* — хаитское шитье, хаитский узор, *гули пар-пар* — узор плиссированной рюшки и говорят, что к ним лоскутные изделия с этим узором привозили из Хаита, который славился как местный центр женских рукоделий. По-видимому, таджики заимствовали этот узор у киргизов.²⁶

Узор этот, по сообщениям всех информаторов, новый, и это, несомненно, так, потому что нарезать мельчайшие полоски, из которых он составлен, можно только хорошими ножницами, а сшивать — тонкими иглками и тонкими нитками, широко вошедшими в обиход населения этих, в прошлом глухих и удаленных от промышленных и культурных центров, мест только за годы Советской власти. Лоскуты же для других узоров — крупнее, а в прошлом они были значительно больше, чем теперь, и нередко нарезались не ножницами, а ножом. Узор *дуньёкурама* применяется на подушках, ойнахалта, шонахалта, подкладках под чайник (*таги чойникмонак*) и пр. В зависимости от расположения квадратиков с этими узорами в медальонах образуются еще дополнительные крупные узоры (рис. 8, 5 и 6).

Сложный узор в виде медальона, пересеченного от угла к углу по диагонали полосой ромбов и треугольников, к которой из двух других углов направлены вершинами треугольники в виде наконечника стрелы (рис. 8, 1—3), у таджиков нами не зарегистрирован, но у киргизов Джиргаталя, так же как и многих районов Киргизии, встречается часто на подушках, тюфячках, ойнахалта и называется *қайчи-курак* — курак с узором ножниц, или *калит-курак* — курак с узором ключа (от старинного деревянного замка).

Остановимся теперь на оформлении и компоновке описанных основных узоров на вещах.

Каждый медальон, входящий в композицию, окаймляется полоской из гладкой ткани. Цвет ее зависит от того, какого цвета сделаны элементы розеток. В целом всегда стремятся к тому, чтобы рядом находились контрастирующие цвета. Если элементы розетки бывают разных цветов, кантик — тадж. *мағзӣ*, кирг. *ғичув* делают черным. В к. Нушор он обязательно должен быть черным и называется *сиёҳӣ* — черное или *қошак* — брови.

В небольших квадратных вещах (ойнахалта, шонахалта) обычно бывает в центре один медальон, часто с узором *гули ғӯза* (рис. 3, 3) или с учетверенным узором *дуньёкурама* (рис. 8, 5 и 6). Этот центральный медальон бывает окружен каймой из треугольников или из ромбов, или из комбинации тех и других, несколькими полосами гладкой материи контрастных тонов, а иногда еще второй каймой из треугольников или ромбов.

И у таджиков, и у киргизов бывает, что середина медальона вышита и только кайма сшита из лоскутных треугольников или ромбов, случается же, что бывают вышиты и они (рис. 1 и 2).

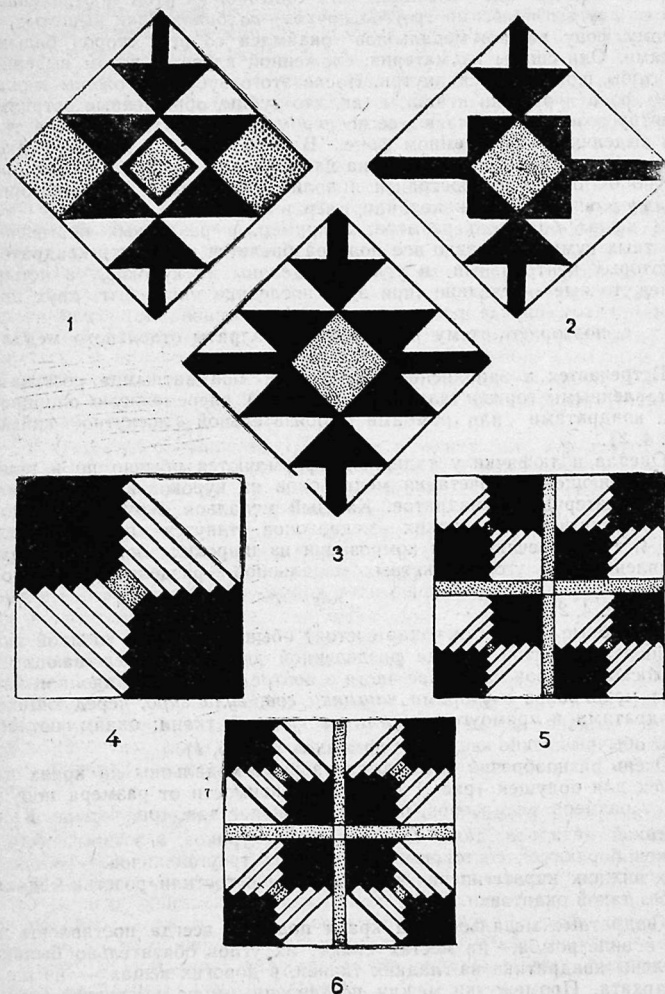


Рис. 8. Виды куроков: 1—3—*қайчықурақ* (кирг.) — узор ножниц или *калидқурақ* — узор ключа (от старинного деревянного замка); 4—6—узор из сочетания ступенчато укорачивающихся мелких полосок, называемый *дуньёқ* арача (включающее в себе трудности) всего мира, *бучияк* — мелкий; *ситора* — узор звезды; *киёматқурақ* — узор судного дня, *гули пар-пар* — узор плиссированной рюшки.

Следует еще упомянуть об одном способе оформления края узорного медальона. Он встречен только раз в к. Умарак в Дарвазе на наволочке (рис. 2, 4), в которой на белом фоне расположены три вышитые квадрата, поставленные, как обычно, на угол и отделенные один от другого полосами треугольничков—*рахбанд*. Край вышитых по черному фону розеток-медальонов окаймлен со всех сторон белыми зубцами. Они сшиты из материи, сложенной вдвое, и потом вывернуты, чтобы шов оказался внутри. После этого зубцы положены между краем фона и розетки и вшиты так, что зубцы, обращенные остриями к центру розетки, окаймляют ее по периметру, свободно лежа на ткани и выделяясь на ее темном фоне. В Каратегине и Дарвазе такой прием оформления края медальона нами больше нигде не зафиксирован, но он очень распространен в долине Зеравшана и в некоторых местах у равнинных таджиков, например, в Ура-Тюбе.

В вещах большего размера, например, в различных киргизских лоскутных сумках, нередко все поле разбивается на девять квадратов, из которых центральный и угловые сделаны из куроков, а четыре промежуточные — гладкие (при этом последние могут быть двух цветов и в таком случае располагаются накрест попарно) или наоборот, т. е. повторяют схему разбивки на квадраты отдельного медальона.

Встречается и заполнение всего поля «шахматными» розетками (поставленными горизонтально или на угол) попеременно с одноцветными квадратами или ромбами с обязательной лоскутной каймой (рис. 4, 2).

Одеяла и тюфячки у таджиков оформляются обычно по принципу повторяющегося сочетания медальонов из куроков и гладких или пестрых матерчатых квадратов. Каждый медальон окружен каемкой. Ряды лоскутных и гладких медальонов тянутся по диагонали (рис. 4, 4). Встречается и композиция из широких полос с рядами поставленных на угол лоскутных медальонов, разделенными полосками треугольничков; по краю идет кайма, объединяя все в единое целое (рис. 4, 2).

Свадебные занавески чодар состоят обычно из куска гладкой ткани (иногда вышитой, иногда разделенной двумя перекрещивающимися полосами ромбов на четыре части в центре) и широкой двойной каймы из медальонов с узорами *чашмаки гов*, *гули гирд*, чередующихся с квадратами и прямоугольниками из гладкой ткани; окаймляют обе каймы обычные узкие каемки из ромбиков (рис. 5, 1).

Очень разнообразно сочетаются узорные медальоны на краях наволочек для подушек (рис. 1 и 2). В зависимости от размера подушки и от размера медальонов, последних бывает два, три, четыре. Каждый такой медальон, даже если он не из куроков, а вышит, обычно окружен бордюром, состоящим из полосок треугольничков. Только в самых нижних каратегинских кишлаках мы встретили розетки-медальоны без такой окантовки.

Квадратные медальоны на краях подушек всегда поставлены на угол, в виде ромба, на местах стыка их углов обязательно бывают вставлены квадратики из гладких тканей, в дорогах вещах — из шелка, бархата. Промежутки между поставленными на угол лоскутными квадратами заполняются гладкими кусками ткани.

В подушках с тремя большими узорными медальонами часто на местах стыка углов (над и под ними) помещается по два меньших медальона, обычно с иным узором, чем на основных (рис. 1, 7).

Иногда медальоны на подушках не соединяются друг с другом, а отделены один от другого вертикальной полосой треугольников. Если медальонов два, то такая полоска бывает одна (рис. 2, 2), если три, то полосок бывает две (рис. 2, 3 и 4).

В детских вещах, например на матрасике для колыбели (рис. 1), иногда встречаются перекрещивающиеся широкие черные полосы, ряды треугольников, образующие зубцы, и т. п.

За последние годы лоскутные медальоны для подушек иногда нашиваются на ткань в виде аппликации. Этот прием встречен был в к. Пилдони-Поён, Ялдамич, однако широкого распространения он не получил.

Вторая группа лоскутных изделий — это изделия, выполненные из нарезанных длинных узких полос материй разного цвета. Кроя полосы, стремятся к тому, чтобы они были одинаковой ширины, а сшивая, подбирают цвета так, чтобы они правильно чередовались и чтобы рядом были темные — *одмиёна* и яркие, веселые — *шухона* тона. Изделия из полос материи в настоящее время распространены сравнительно мало, но все же бытование их отмечено почти во всех обследованных нами таджикских и киргизских кишлаках Каратегина и Дарваза. Термин *қуроқ* или *қарама* к этим изделиям обычно не применяется. В нижних кишлаках Каратегина — долине Хакими и Муджихарв — они называются *мулифа*,²⁷ в к. Казнок — *қува*, в к. Ялдамич — *хатхатак*, в к. Пилдон и у киргизов Джиргаталы — *тилимй* (от *тилим* — ломоть, долька).

В старину в Джиргатале, Пилдоне, а может быть и в других кишлаках Каратегина из полос разных материй шили женские платья.²⁸ В настоящее время их нет, но у джиргатальских киргизов нами была встречена женская набедренная одежда — *белдемчи*, вид распахивающейся спереди короткой юбки, сшитой из вертикальных, слегка расширяющихся книзу полос бекасаба и адраса (рис. 9, 5).

В наши дни лоскутное шитье из полос применяется в Каратегине и Дарвазе в больших дастарханах — *дастархони маъракагй*, тюфячках — *қурпачаи якаандоз*, нарукавниках — *остинча*, используемых молодой при печении хлеба. Но чаще всего так шьют по традиции стеганные детские халатики, которые или целиком сшивают из разноцветных полос (рис. 9, 4), или делают в них только полосатые рукава. Считалось, что чем больше число кусков материи и чем больше количество цветов в таком халатике, тем лучше он охраняет от злых духов (в одном халатике мы насчитали 32 полосы, сшитые из 61 кусочка материи; подкладка этого халатика также состояла из 21 кусочка).

Сшитые из полос детские халатики встречаются в верхних кишлаках Каратегина — в Джиргатале, Пилдоне, Нушоре. Шитье их сопровождалось, а иногда и теперь сопровождается рядом магических действий. Например, материю для них выпрашивали у родных и соседей (иногда родственники сами шьют такой халатик и надевают его на ребенка). Поэтому у киргизов такой халатик называется «выпрошенным» — *талоо-чапан*, у таджиков же — *ҷомаи тилимй* — халат из долек. В киргизских талоо-чапан на рукавах иногда бывают лоскутные медальоны с узором *бутакуз*.

По-видимому, к этой же категории изделий следует отнести детские тюбетейки, сшитые из четырех разноцветных долек, контрастных цветов, расположенных по две накрест. Такая тюбетейка зарегистрирована нами в к. Зыгар Калаи-Хумбского района. Околыш ее состав-



Рис. 9. Детские вещи с нашитыми цветными кусочками материи: 1—тубетеечка — *токичай чиллагй*, надеваемая на младенца в первые 40 дней его жизни, к. Хакими, КП 293—10; 2—чепчик — *кулоқчин* или *телпакча*, надеваемый на маленьких детей зимой, к. Хакими, КП 293—9; 3—передник—*пешгир*, украшенный оборкой и нашитыми кружочками, к. Умарак, КП 273—397. Изделия малафа, сшитые из разноцветных полос материи: 4 — стеганный детский халатик — *тилимй*, к. Пилдони-Миёна, КП 306—150; 5—женская киргизская набедренная одежда, род распахной юбки—*беадемчй*.

ляла лоскутная каемка из чередующихся красных и черных квадрати-ков *чашмаки гов* на белом фоне.

Принцип сочетания в головном уборе долек разных цветов применяется и в головных уборах взрослых, например в шапочках из овчин, где бывают накрест расположены черные и белые дольки.

Есть еще один вид изделий, который, как нам кажется, тоже может быть отнесен к лоскутным изделиям. Это вещи, сшитые из какой-либо ткани, к поверхности которой прикреплены маленькие лоскутки материи.

Наиболее простым и в то же время наиболее выразительным образом таких вещей может служить детская рубашка, на перед которой нашит круглый лоскут — *дахани курта*, остающийся при вырезании отверстия для головы ребенка и считающийся верным средством от сглаза. Однако чаще на детских вещах бывает нашито много кусочков материи. В Каратегине так шьют детские вещи в семьях, где дети часто умирают, чаще всего для «выпрошенных и купленных» — *талбидаю харида* детей, т. е. таких, над которыми был совершен обряд покупки их родителями.²⁹ Такая одежда, по распространенному суеверию, должна была охранять младенца от посягательств злых духов, насылающих на него болезнь.

В к. Муджихарв экспедицией был приобретен один такой летний халатик — *яктаи гадой* — «нищенский» (рис. 10, 1—2). Как и для других лоскутных халатиков, материал для него был выпрошен у семи соседей, остальное было добавлено из кусочков, полученных на свадьбах, похоронах и пр. Якта сшит из белого мадеполама без подкладки, все швы наружу. На рукавах, спинке и обеих полах нашито по три вертикальных ряда треугольничков из материи разного цвета, называемых *туморча* — амулетики. Всего на халатике нашито 109 треугольничков, прикрепленных к ткани строчкой посередине; края их торчат, как лохмотья, имитируя одежду нищего или дервиша. Кроме рядов туморча, на рукава и спинку нашиты полоски гладкой одноцветной материи — алой, синей, красной, которые изображают землю и называются *морак*.³⁰ Изображение это, помимо защиты от злых сил, должно обеспечить ребенку жизнь длинную, как змея.

В Муджихарфе этой же техникой шьют тибетейки для новорожденных — *тоқиачи чиллагй* — тибетейка его первого сорокадневия, — по старым представлениям, самого опасного с точки зрения вреда от злых сил. Она бывает из белого мадеполама с прикрепленными к ней черными треугольничками — *думаки боша*.

По-видимому, пережитком описываемого вида лоскутных изделий следует считать распространение в детской одежде не только старого, но и нового покроя (таких как тибетейки, фартуки, капоры), всевозможных нашивных украшений, чаще всего в виде нескольких уменьшающихся и видных один из-под другого кружочков с неподшитыми краями (рис. 9, 1—3).

Все собранные нами материалы позволяют сделать следующие заключения.

Узорные изделия из куроков в настоящее время широко распространены на всей территории Каратегина и Дарваза. В Каратегине эти изделия бытовали повсюду, и население считает их исконным старым своим искусством. Среди джиргатальских таджиков и в каратегинских кишлаках, прилегающих снизу к Джиргаталю, прослеживается определенное влияние киргизских изделий: применение узора дуньёкурама, отсутствующего в Дарвазе, и в каратегинских кишлаках, расположенных ниже Гарма, изготовление некоторых специфич-

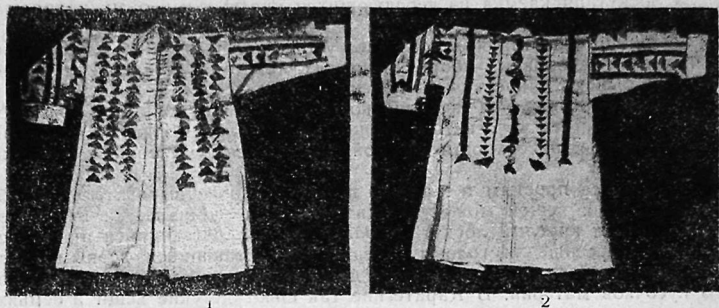


Рис. 10. Детский халатик — *яктаки гадой* — «нишенский», с нашитыми рядами лоскутных разноцветных треугольничков — *туморча*, к. Хакими, КП 293—7: 1—перед; 2—спинка.

чески киргизских вещей, таких как курочная накидка на голову и шею лошади, используемая при переезде молодой в дом мужа, подкладки под чайник и пр. Что касается Дарваза, то собранные нами сведения позволяют предположить, что там, как и в Припамирье, в конце XIX и начале XX в. эти изделия не имели большого распространения, а может быть и отсутствовали совсем.

Дарвазские изделия из куроков отличаются от каратегинских большим размером треугольников и отсутствием ряда распространенных в Каратегине узоров — таких как *чигасак*, *шоҳмот*, *дунёкурама*.

В старину куроки имели ясно выраженный характер оберега, являясь в этом отношении полной аналогией вышивок. Ряд лоскутных узоров заменяет собою вышивку на соответствующих предметах у равнинных таджиков (подушки, свадебные покрывала и пр.). Наиболее действенными как оберег от сглаза считались черно-белые узоры из треугольников *чигасак*, *чахмаки гов* и, по некоторым сообщениям, узор *шоҳмот* — схематическое изображение креста.

В наши дни значение куроков как оберегов забывается, они превратились в любимый традиционный вид прикладного искусства, имеющего в первую очередь декоративное значение. Молодые мастерицы прилагают много изобретательности и труда, чтобы создать новые, часто очень тонкие и трудоемкие узоры, например *дунёкурама*.

Грубая мата двух или трех тонов сменилась дорогими тканями самых разнообразных цветов. Все чаще в изделиях лоскутные узоры сочетаются с вышивкой, образуя в лучших образцах высокохудожественные произведения народного декоративного искусства.

ПИЩА

Сведений о пищевом режиме и питании таджиков Каратегина и Дарваза в литературе очень мало. Краткие упоминания о пище таджиков Дарваза и о блюдах, приготавливаемых там во время свадьбы, имеются у А. А. Семенова¹ и Г. А. Арандаренко;² у последнего приводятся также и краткие сведения о недавнем распорядке приема пищи, состоящей из мучной похлебки или лапши, хлебных лепешек, выпеченных из муки с примесью муки из сушеных ягод шелковицы или диких трав, и из мясных кушаний, которые дарвазцу приходилось есть очень редко, «не более двух раз в году у себя дома, не более пяти раз у соседей по случаю празднеств свадебных, поминальных, обрезальных».³

Очень интересные сведения о молочном хозяйстве горных таджиков и приготовлении ими молочных продуктов приводит Е. М. Пещерева.⁴

Одним из основных продуктов питания таджиков Каратегина и Дарваза в настоящее время являются мучные изделия: хлеб в виде различных лепешек домашнего приготовления и очень разнообразный ассортимент мучных кушаний, приготавливаемых обычно в виде похлебок, лапши, клецок. Эти кушанья приправляют растительным или коровьим маслом, молоком свежим и кислым или, чаще всего, разведенным в воде сушеным сыром *курут*, а также приправой *нигул*, *ну-гул*.

Кроме упомянутых мучных изделий и блюд домашнего приготовления, за годы Советской власти, особенно после Отечественной войны, вошли широко в употребление и всевозможные мучные изделия фабричного приготовления, вроде макарон, вермишели и пр., которые местное население покупает в магазинах, но готовит их по-своему. В районных центрах и в тех пунктах, где имеются пекарни, население покупает также печеный хлеб, булки и всякие хлебные изделия, пряники и печенье, формовой хлеб — *нони булка* или *нони хлеф*. Последний называется так в противоположность хлебным лепешкам, выпеченным дома или в пекарнях и называемым *нони обй*; булочки так и называются *булличка*.

Вместе с хлебом и хлебными изделиями сейчас в питании занимают большое место и различные крупы, кроме гречневой, которую местное население пока избегает употреблять. Первое место среди круп принадлежит, несомненно, рису, который сеется теперь в Каратегине во многих местах. В Дарвазе и по Хингоу рис сеют очень редко, и поэтому его завозят либо из Каратегина и Куляба, либо из Душанбе. Вслед за ним можно назвать дробленку из пшеницы, пшено и различные бобовые, употребляемые и как основной продукт для приготовления всяких блюд, и как добавление или приправа к какому-нибудь

кушанью; это фасоль — *лубй*, чечевица — *наск*, маш — *мош*, бобы — *боқло*, горох — *нут*, *нахуд*, чина — *мулкак*, горошек — *мулк*, *мушунг* и др.

Второе место в пищевом рационе занимает мясо домашних животных и птиц и, в очень ограниченном количестве и не везде, дичь и рыба. Вслед за ними идут всевозможные молочные продукты. Употребляются они главным образом в виде квашеного молока, пахтанья и сушеного сыра. Большинство кушаний горных таджиков — всевозможные мучные похлебки, кисели и супы заправляются этими продуктами. Из квашеного молока сбивается масло, которое употребляют чаще всего в перетопленном виде.

Овощи в настоящее время стали занимать довольно значительное место в питании, ассортимент их расширился, в дополнение к давно известным таджикам луку, красному перцу, тыкве, арбузам, дыням, капусте кольраби, свекле, кориандру и укропу повсеместно в пищевой рацион вошли морковь, картофель, помидоры и огурцы, начинают употреблять в пищу и капусту кочанную, нередко едят баклажаны, редис и редьку. В пищу употребляют также и довольно большое количество диких растений, а также некоторые сорта грибов.

Немаловажную роль играют также ягоды и фрукты, особенно виноград, абрикосы, яблоки, тут и грецкие орехи, а в Дарвазе еще и винные ягоды — *анчир*. В большом количестве используются сахар и конфеты, а за последние годы, в связи с некоторым развитием пчеловодства, стал употребляться в пищу и мед.

Жиры употребляются как животного, так и растительного происхождения: нетопленое коровье масло — *маска*, топленое масло — *равгани зард*, баранье и говяжье сало — *чарбуи гуспанд* и *чарбуи гов*, льняное — *равгани зафир* и ореховое масло *равгани чормағз* местного производства и завозное хлопковое масло — *равгани пок*, *равгани охёк*⁵ или *равгани зовут*. Особенное предпочтение отдается бараньему курдючному салу — *равгани думба* и топленому коровьему салу. В некоторых кишлаках (например, в Егиде) использовалось только баранье сало и коровье масло.

Очень часто животные жиры при приготовлении пищи употребляются в смеси с растительным, а также и мясные блюда готовятся на растительном жире. Жир, как растительный, так и животный, перед употреблением в пищу *ширин мекунад* или *доғ мекунад*, т. е. прокаливают в котле или в какой-либо другой посуде при очень высокой температуре, так что от него идет густой дым. Только топленое масло прокаливают при более низкой температуре, так как при высокой температуре оно перегорает.

Разберем каждый из видов продуктов питания в отдельности.

Хлеб и мучные изделия. Пшеница для приготовления муки употребляется как местная, так и, чаще всего, завозная, привозимая из Гиссарской долины.

Перед помолом на муку пшеницу, как правило, моют в проточной воде в больших чугунных котлах, корытах из оцинкованной жести и т. п., рассыпают на постеленные на земле или на крышах домов паласы и хорошо просушивают на солнце. Мука из такой пшеницы, смолотой на местных водяных мельницах, отличается высокими вкусовыми качествами. Из муки, смолотой на больших механизированных мельницах, хлеб, по мнению местного населения, не получается таким вкусным, так как пшеница при размоле ее на мельницах будто бы пе-

регорают и теряет свои качества. Поэтому очень часто к сортовой пшеничной муке, покупаемой в магазинах, при выпечке из нее хлеба примешивают некоторое количество своей муки.

Раньше, кроме обычной муки, готовили впрок из пшеницы еще *талкон*, для чего пшеницу варили до готовности и сушили, а потом мололи и ссыпали в посуду. Перед едой эту муку разводили водой, молоком, пресным или кислым, и ели ложкой или маленькой деревянной лопаточкой, иногда добавляя прокаленное и остуженное льняное масло. Талкон брали с собой в дорогу, на охоту и т. п. Сейчас он готовится очень редко. (В Оби-Гарме высушенную пшеницу поджаривали в котле, смешав с горохом, и потом уж мололи).

На приготовление муки используются также ячмень и просо, а за последнее время часто и кукуруза. Изредка с этой целью используют и некоторые бобовые — бобы, чечевица, горох и др.

Обычно муку заготавливают с осени на всю зиму, так как во многих местах Каратегина и Дарваза небольшие горные реки зимой замерзают и стоящие на них водяные мельницы не работают. Смолотую муку держат в закромах — *хамба* или в *кул* — особых ларях на ножках, слепленных из смешанной с коровьим пометом глины и оштукатуренных глиной же с примесью мякины (см. рис. 51 в главе «Жилище»). Небольшое количество муки хранят в переносных ларях круглой или квадратной формы — *кулича* (см. рис. 54, 9, 13, в книге «Таджика Каратегина и Дарваза», вып. I, Ремесла, в дальнейшем «вып. I»).

Закрома устраиваются в кладовых — *хучра*, *амбор* или *ганчур*, пристроенных к жилому дому и сообщающихся с ним дверью, либо построенных отдельно от жилого дома (см. главу «Жилище»).

В прежнее время, согласно обычаю, продуктовой кладовой ведала старшая женщина в доме, она же хранила и ключ от нее; все мужчины в семье, а иногда и младшие женщины, не говоря уже о посторонних людях, не имели доступа в кладовую.⁶

Мука из ларя или закрома доставалась большими ложками с длинным черенком, называвшимся *кошуқи ордбардор* (рис. 61, 1, 2, вып. 1), которые кое-где встречаются еще и сейчас. Они делались из дерева, а иногда из половинки полой тыквы, прикрепленной к черенку. Муку для замешивания теста брали определенной мерой. В Дарвазе такой мерой служило лукошко с гнутыми стенками и досчатым дном, называвшееся *боловду*, *болоғдун* и *чорьяк* и часто украшенное резьбой или расписанное (рис. 70, 1, 2, вып. 1). Теперь в качестве меры часто употребляют эмалированную, алюминиевую или жестяную посуду. Перед замешиванием теста муку обязательно просеивают через сито — *злак*.

Хлеб готовится местным населением либо кислый, либо пресный. Кислый хлеб называется *нони хамир*, а пресный — *нони фатир*. Хлеб печется в виде круглых лепешек различной величины и различной толщины.

Для заквашивания теста употребляют закваску — *хамирмо*, представляющую собою остатки теста на стенках блюда-квасни после того, как из нее вынули очередную порцию подошедшего теста. Это тесто соскабливают со стенок квасни специальной железной лопаточкой, называемой *качик* (рис. 1, 5), собирают в кусок и сохраняют зарытым в муке до следующего раза. Если почему-либо такого старого теста нет, то готовят новую закваску, для чего небольшое количество муки замешивают на гранатовом или виноградном соке или на кислом молоке, и когда это тесто закиснет, его употреб-

ляют в качестве закваски или просто замешивают на воде немного муки и дают прокиснуть. Это называется обновлением закваски — *тоза кардани хамирмо*. Закваску обновляли обязательно перед семейными праздниками — *туй*, а также перед поминками — *худой*, так как во всех этих случаях выпекалось большое количество хлебных лепешек. Обновляют закваску и тогда, когда на лепешках появляются пузырьки, которые при выпекании обгорают, т. е. если, как говорят, *нон гул мезанад*. Считают, что это происходит потому, что через тесто или закваску перешагнул кто-нибудь или пробежала кошка, отчего закваска стала ритуально нечистой.

Квашней служит углубленное деревянное блюдо-миска — *корсон* (рис. 61, 6, вып. 1) или более плоское деревянное же блюдо, обычно служащее для еды — *табақ* (рис. 59, 4, вып. 1). В больших семьях, где такая квашня или блюдо не может вместить потребное количество теста, используют более крупную посуду. Например, в к. Пишхарв (Дарваз) нами приобретена большая миска конусообразной формы — *гулдун*, выточенная из ствола, по-видимому, грушевого дерева, имеющая в диаметре около 70 см (рис. 61, 7, вып. 1).

Тесто замешивают на теплой воде и солят обычно соляным раствором — *намакоб*, который всегда держат в небольших глиняных горшочках с одной ручкой (рис. 46, 5, вып. 1) — *намакдон*, *намакчома* или *намакобчома*⁷.

Замесив тесто, его покрывают чем-нибудь, обычно скатертью, на которой подают пищу — *дастархон*, и дают ему время выкиснуть, после чего приступают к разделке. Пресное тесто тоже, замесив, оставляют постоять некоторое время перед разделкой.

Разделяют тесто на полу на расстеленной вверх мездрой выделанной бараньей или коровьей шкуре, с которой удалена шерсть. Эта шкура для теста называется *сурфа*. Тесто делят на кусочки необходимой величины, скатывают их в шарики — *завола* или *себак* (яблочко), раскладывают их тут же и дают подняться. Это называется *завола гирифтан*. Затем берут куски теста и начинают делать из них лепешки, либо раскатывая их на специальной деревянной круглой доске на низких ножках *тахтаи нонросткун* (рис. 61, 9, вып. 1)⁸ при помощи толстой и короткой скалки с двумя ручками — *чубак*, или *нонросткун* (рис. 61, 4, вып. 1), либо просто разминая сперва шарики на разостланной сурфе, а потом растягивая на руках получившуюся толстую лепешку. На доске раскатывают обычно лепешки *гирдача* и *чапот*. Раскатанную лепешку перебрасывают потом на специальную круглую подушку — *рафида*, сделанную из соломы⁹ и обшитую материей, кладут эти подушку на ладонь левой руки и, повертывая ее пальцами левой же руки, правой рукой растягивают тесто до краев подушки.

После этого окунают пальцы правой руки в воду и мокрыми пальцами дотрагиваются в нескольких местах до краев лепешки, быстро перебрасывают ее вместе с подушкой на ладонь правой руки и затем подушку с лежащей на ней лепешкой одним ударом быстро и довольно сильно прищлепывают к горячей стенке очага и отнимают подушку, а прилипшую к стенке лепешку прихлопывают еще рукой в тех местах, где она пристала в стенке очага неплотно. Для того, чтобы не обжечь руку, на нее надевают специально сшитый из материи стеганый рукав, называемый *остинча*. Когда лепешка начинает румяниться, ее, чтобы не подгорела, сбрызгивают водой или пахтаньем, набираемым прямо в горсть из поставленной около очага чашки. Готовую лепешку отделяют от стенки очага большим загнутым ножом

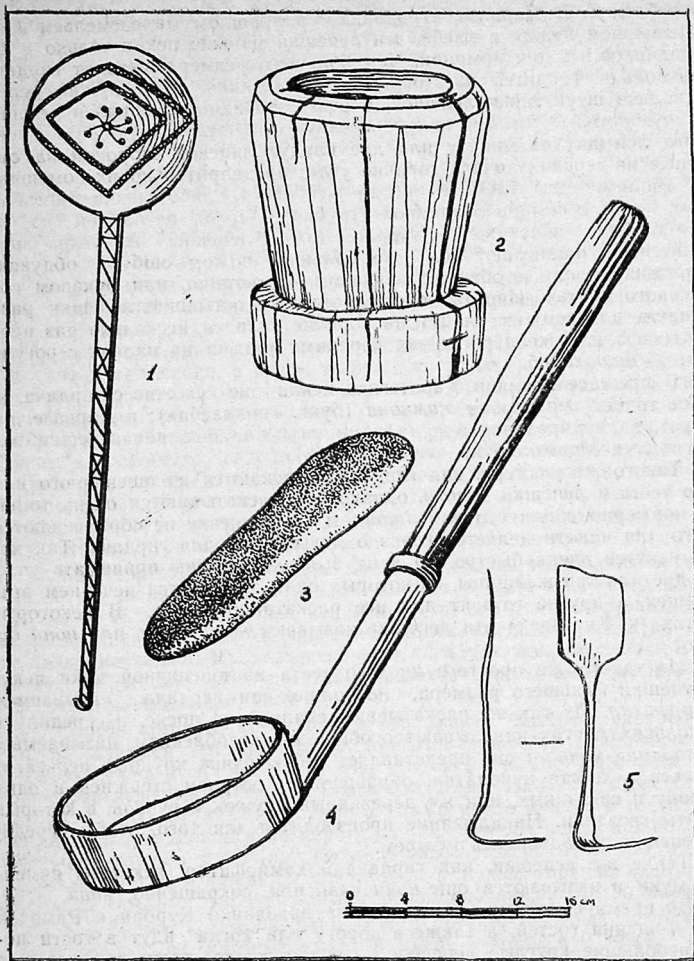


Рис. 1. Кухонная утварь: 1—кафгир—металлическая шумовка, КП 404/410; 2—угурак—деревянная ступка, КП 273/26-а; 3—санги угурак — камень-пест, КП 273/26-б; 4—эф-лофу—медный ковшеобразный сосуд для приготовления пищи, КП 245/2; 5—качик—железная лопаточка для соскабливания остатков теста со стенок квашни, КП 273/163.

для резания лапши — *ошбур* (рис. 40, 1, вып. 1), сбрызгивая опять водой, чтобы немного отмякла, и кладут лицевой стороной вверх на ту же кожаную скатерть, на расстеленный дастархан или в деревянную большую чашку. Так пекут в Каратегине большие, до 50 см в диаметре и больше, лепешки из кислого теста, толщиной 1—1,5 см — *гирдача*, являющиеся излюбленным видом хлеба для повседневного

потребления. В Дарвазе, страдавшем в прошлом малоземельем и испытывавшем нужду в хлебе, эти лепешки раньше пекли только в дни праздников и в дни поминок. Чем большего размера выходят гирдача, тем больше гордится изготовившая их хозяйка. Если нужно испечь несколько штук таких лепешек, а очаг уже немного остыл и лепешки не румянятся, тогда полuisпеченную и отделенную от стенки очага лепешку на минуту или две кладут лицевой стороной на сметенные на середину очага горячие угли; предварительно их помешивают щипцами для углей и иногда раздувают либо непосредственно ртом, либо с помощью длинной трубки — *тута*, сделанной из полого стебля борщевика — *куруш*. Когда лепешка на углях зарумянится, ее поднимают тем же большим ножом ошбур, обдувают приставшую золу и обтирают рукавом — *остинча*, или рукавом собственного платья. Иногда черствые или же остывшие лепешки разогревают, для чего их кладут на горячие угли и несколько раз переворачивают или же держат над горячими углями на палках с рогулками — *душохацуб*.

В прежнее время в Каратегине пекли еще схожие с гирдача, но более тонкие лепешки — *нимнона* (букв. «полхлеба»); в Дарвазе, наоборот, в дни праздников и на поминки пекли большие лепешки толще гирдачи — *гавсак* (букв. «толстенький»).

Такого же размера, как гирдача, выпекаются из пшеничного кислого теста и лепешки *чапотй*, однако они раскатываются очень тонкими, примерно, как тесто для лапши, и при выпечке не сбрязгиваются. Тесто для чапотй делается гораздо мягче, чем для гирдача. Так как они пекутся очень быстро, то в их выпечке должны принимать участие две или три женщины, из которых одна занимается печением этих лепешек, а другие готовят для нее раскатанное тесто. В некоторых местах (к. Курговад) эти лепешки называют *нони лаппа* или *нони дунпста*.

Из такого же простого кислого теста из пшеничной муки пекут и лепешки меньшего размера, но толще, чем гирдача, называемые *хамирфатир*. Их так же раскатывают скалкой на доске, и середину в нескольких местах накалывают особым приспособлением, называемым *мухпар* или *нонпар*; оно представляет собою пучок крупных перьев из крыльев и хвоста куропадки, обращенных острием стержней в одну сторону и связанных, или же деревянный кружок с ручкой, в который набиты гвоздики. Накалывание производится для того, чтобы середина лепешки не вздувалась пузырем.

Такие же лепешки, как гирдача и хамирфатир, пекут из ячменной муки и называются они *нони чавй* или, сокращенно, *чавй*.

Во время семейных празднеств, на праздники Курбан и Рамазан для угощения гостей, а также в дорогу или когда идут в гости пекут небольшие круглые лепешки — *кулча*, кислое тесто для которых замешивается из пшеничной муки на молоке с добавлением топленого масла и яиц. Кулча пекутся очень небольшие и толстые, вроде булочек, диаметром в 8—10 см. Иногда к свадьбе для угощения невесты пекут такие же хлебцы, но сплошь покрытые дырочками, наколотыми посредством мухпар, — *холхолак* или *кулчаи арус*. В Оби-Гарме терминоном кулчаи арус называют большую толстую лепешку диаметром около 50 см и весом до 3—4 кг.

Помимо лепешек, выпекаемых на стенках очага, делается хлеб из кислого теста, выпекаемый без масла в котле и называемый *котурча* или на раскаленной каменной плите — *тобасангй* (*тоба* — сковорода, *санг* — камень).

Отметим еще *кумоч* — толстую лепешку из кислого теста, замешанного на молоке, с маслом и яйцами, которую пекут в золе очага; под очага чисто подметают, кладут на него приготовленное тесто, покрывают его перевернутым котлом, либо какой-нибудь другой посудой или листьями капусты, тыквы и пр., а поверх нагребают горячие угли, выметенные до этого из очага. Таким же способом пекут и простые лепешки *тагалобй* (букв. «испеченные под огнем») или *кулчай тагалобй* и лепешки из кукурузной муки — *садрй*. Кукурузные лепешки из кислого теста — *загора* пекут на стенках очага, причем тесто замешивается круто, а лепешки делают небольшие и довольно толстые; иногда тесто для них ставят на молоке с добавлением масла. Такие же лепешки из просяной муки называются *загораи арзанй*, или *нони арзанй*, а из муки, смолотой из итальянского проса (*кунок*), — *нони кунюк*.

Кислое тесто из пшеничной муки идет еще для приготовления многих видов хлебных изделий, жареных или вареных в масле. Упомянем своеобразный толстый хлеб — *паловгун* из крутого теста, который, как пирог, начиняют мукой, поджаренной в большом количестве сливок или масла, а потом жарят в котле на масле. К жареным изделиям относится род печения *озук* или *орзук*, называемого таджиками Джиргаталя также *бурсоқ*. Тесто для них круто замешивают на молоке с прибавлением яиц и масла, затем раскатывают его до толщины в сантиметр, сплошь накалывают, режут ромбиками и варят в котле в кипящем масле. Иногда вместо накалывания нарезанные куски теста прокатывают на решетке. Готовят их на праздники и особенно в дорогу, завертывая в чапоты, а иногда нанизывают на нитку вперемежку с грецкими орехами и сушеными абрикосами.

Жарят в котле в кипящем масле и небольшие продолговатые лепешки из кислого теста — *чалпак*. Иногда в тесто для них добавляют *нигул* — толченый с солью и красным перцем мелко нарезанный лук. Эти лепешки раздают на праздники детям, когда они ходят по домам с поздравлениями. Их называют еще *чагалдак* или *чекалдак*. В Дарвазе (к. Умарак) отмечено также изготовление таких же примерно лепешек, называемых *буй*.¹⁰

Сортов пресного хлеба тоже очень много. Наиболее употребительными являются лепешки *фатир*, приготовляемые из пшеничной муки. Тесто для них месят просто на воде с солью, а иногда на молоке с маслом. Эти лепешки не бывают очень большими. Их пекут в тех случаях, когда не хватило кислого хлеба, а также когда и идут в гости, в дни семейных праздников и на дорогу. В тех случаях, когда нужно быстро получить горячий хлеб (при неожиданном приходе гостей или при приготовлении таких кушаний, для которых нужен горячий хлеб), пекут большие пресные лепешки *хасфатир*, сплошь наколотые нонпаром.

К этой же категории относятся и пресные слоеные лепешки *тахмол* или *қатмол*, которые жарят в масле в котле при приеме гостей, на семейные праздники или когда идут в гости. Для слоения употребляют коровье топленое или сливочное масло, сливки, а также хорошо прокаленное растительное масло.

Кроме того, пресные небольшие лепешки прослаиваются толчеными грецкими орехами, луком, истолченным с солью и красным перцем, толчеными же выжарками, полученными при вытапливании бараньего сала. Эти прослоенные лепешки пекут, прилепляя к стенкам очага. Называются они всеобщим именем *фатир*, но в зависимости от прослойки к этому добавляется соответствующее пояснение, например,

фатири чазакдор — фатир с выжарками, *фатири пиездор* — фатир с луком и т. п. Из ячменной муки тоже пекут пресные лепешки — *фатири чавин*.

Остается еще отметить небольшие пресные сдобные булочки *кулчафатир* размером до 15 см в диаметре и до 3 см толщиной.

Очень часто из-за отсутствия пшеничной или ячменной муки хлеб пекли из разных заменителей, главным образом из муки бобовых, ассортимент которых в Каратегине и Дарвазе довольно велик. Это бобы, горох нут, чечевица, горошек. В зависимости от сорта бобовой муки назывались и лепешки — *нони боқлогй*, *нони наскй* и др. Иногда муку из этих бобовых смешивали с пшеничной или ячменной. В годы Отечественной войны выпекали хлеб с добавлением муки из сушеного картофеля, называемый *тушканон*, или муки из высушенных недозрелых ягод шелковицы, называемый *нони тутй*. Пекли хлеб и с примесью *талқон* — муки из сушеных спелых ягод тутовника. В неурод и голодные годы к муке подмешивали также и муку из некоторых сушеных трав, например, ревеня — *чукрй*, торона и др.

Из печеного хлеба в сочетании с молочными продуктами готовится довольно большое число блюд. Это прежде всего любимое *фатирмаска*, приготавливаемое из горячих лепешек *хасфатир* или *фатири равғанй*, а в Дарвазе и из *гирдача*, которые (обычно пару) кладут в большое деревянное блюдо, а между ними большой кусок сливочного масла — *маска* и разминают деревянной ложкой, сперва отламывая с краю лепешек небольшие кусочки, а потом хорошо перемешивая эти кусочки со сливочным маслом, размягчившимся между горячими лепешками. Когда масса станет однообразной, ее ложкой же собирают на блюде горкой и едят руками. Кушанье это очень питательное и, как говорят, *зйрхйр* (букв. трудно съедаемое, т. е. сытное). Для того, чтобы его можно было съесть побольше, к нему подают в чашке кислое молоко либо пахтанье, которое едят время от времени по очереди отпивают и которое, как говорят, *одамро сафедил мекунад* — «делает сердце человека белым». Фатирмаска делают обычно весной, когда молочных продуктов бывает больше, и часто для гостей, так как кушанье это считается одним из лакомых.

Не менее лакомым и почетным блюдом, часто подаваемым гостям, является *курутоб*. Для его приготовления разогревают немного пахтанья или разведенного в теплой воде сухого сыра — *курут*, выливают в большое деревянное блюдо, крошат в него специально испеченные сдобные пресные лепешки *тахмол* или *фатири равғанин*, посыпают сверху мелко нарезанным репчатым луком и заливают раскаленным коровьим топленым маслом. Иногда лук поджаривают в масле, которым заливают накрошенный хлеб. Более или менее сходны с этим блюдом два других, часто приготавливаемых тоже для гостей — *руганчйшй* и *ширчйш*. Для приготовления первого разогревают в котле пахтанье, крошат в него хлеб и продолжают подогревать, пока хлеб не размякнет. Тогда все выкладывают на блюдо, собирают хлеб горкой и в середине ее делают углубление, в которое наливают раскаленное топленое масло. *Ширчйш* отличается только тем, что вместо пахтанья употребляют молоко.

Из тех же продуктов, но в другой комбинации готовится тоже очень высоко ценимое кушанье *ширрйған*. Кипятят молоко, выливают в него раскаленное топленое масло и продолжают кипятить эту смесь еще немного, после его выливают в чашку или большое деревянное блюдо, крошат туда хлеб и едят. Иногда топленое масло заменяют бараньим курдючным салом. Это блюдо считается

горячительным¹¹ и его готовят поэтому для рожениц и маленьких детей, а также людям, у которых болит горло. В Дарвазе и в Джиргатае существует поверье, что если хозяин дома даст это кушанье своему врагу или человеку, который втайне задумал против него что-нибудь плохое, то этот человек откажется от угощения и тем самым обнаружит свое враждебное отношение, а если не откажется и поест, то это кушанье должно его убить.

По утрам, особенно осенью и зимой, готовят *ширчай*, т. е. кипятят в воде *шамма* — спитый зеленый чай, доливают такое же количество молока, немного солят и этим варевом заливают накрошенный в чашки хлеб с положенными сверху куском сливочного или топленого масла. Если нет масла, то кладут кусок топленого бараньего курдючного сала. Иногда вместо масла и сала употребляют сливки, а также иногда добавляют в молоко толченые грецкие орехи. Кушанье это считается очень сытным и питательным и по своим свойствам — горячительным, а вследствие простоты своего приготовления подается часто гостям на завтрак. Прежде, за неимением чая, вместо него заваривали травы — *зардгулак*, *алафи чой* или *чойках*.

Более простым и довольно часто приготавливаемым блюдом является *шакароб* (шакар — сахарный песок + *об* — вода): в чашку с холодной водой крошат свежеспеченную еще горячую пшеничную или ячменную лепешку, солят и заправляют зеленью — зеленым луком, гашником и красным перцем, толчеными с солью.

Как мы выше говорили, основное место после хлебных изделий в пищевом рационе таджиков Каратегина и Дарваза занимают всякие мучные киселеобразные похлебки, лапша, клецки и т. п. Нередко в них добавляют разные крупы, горох, фасоль, а также овощи, а весной и летом — дикорастущие травы. Нами записано пятьдесят рецептов таких блюд. Среди них первое место принадлежит различно заправленным супам-похлебкам, по своей консистенции нередко скорее похожим на кисель. Они готовятся либо путем поджаривания на масле муки, в которую потом наливают воду, а иногда молоко или пахтанье, и кладут, если полагается, овощи, зелень и прочее, либо наоборот, сперва варят бульон, кладя в него овощи, крупы, бобовые и зелень, а потом уже заправляют суп мукой.

Из похлебок, приготавливаемых первым способом, нами записаны супы только из поджаренной и разведенной потом водой пшеничной муки — *атола*, *отала*,¹² *ордбирён* (иногда разводится молоком и тогда называется *ордбод*), *атолаи зарзарй* и *буламоқ*. Отличаются они один от другого только своей густотой, а также количеством положенного в них масла. В Гарме и Оби-Гарме варят больше для детей и рожениц супы *ширбат* или *хурук*,¹³ которые отличаются от буламок только тем, что их варят не на воде, а на молоке, и *турушак* (букв. «кисленький»), который готовится таким же точно способом, но на пахтанье.

Вторым способом, т. е. без поджаривания муки, приготавливаются *атолаи кочй* или просто *кочй*; в кипящую воду кладут немного пшеничной муки, и когда суп загустеет, его выливают в блюдо и сверху заливают горячим молоком или поливают разогретым топленым или сливочным маслом. *Атолаи хурй* или *шира* отличается от предыдущего блюда тем, что пшеничную муку замешивают, как на лапшу, и потом разминают в воде, чтобы отделить крахмал — *шира*, и из этой воды потом варят похлебку и заправляют пахтаньем (кое-где ее готовят из бобовой или гороховой муки). *Атолаи шира*, *атолаи дастшикан*, *шираи хумшикан* готовятся из овощей и зелени, которые варят в воде и потом заправляют мукой, а если для изготовления этого блю-

да употребляется какой-нибудь определенный (смотря по сезону) сорт съедобной дикой травы, то и блюдо называется по имени этой травы. Так, весной готовят суп из травы *модел*,¹⁴ которую мелко режут и варят в воде, а потом заправляют мукой, лапшой или кусочками раскатанного как для лапши, но порезанного крупными кусочками пшеничного пресного теста — *тупна*, иногда добавляют еще лук и гашнич. Кушанье это называется в Гарме *моделоба*, а в Дарвазе — *атолаи модел*. Весной же готовят (в Дарвазе) такой же суп из травы *ровшук* — *оталаи ровшук*.

Иногда супы варят и без заправки их мукой. Так, например, варят суп из гороха — *нахүдшүрбо*, из недозрелой пшеницы — *думбулшүрбо*, из маша (с добавлением свеклы, капусты кольраби и выжарок — *чаз* или масла, а за последние годы и картофеля) — *мошоба*, суп из маша и риса с поджаренным в масле луком, заправленный кислым молоком, — *мастоба*. К этой же категории супов с крупой можно отнести и *кашк* — густой кашцеобразный суп тоже из полужрелой пшеницы, но, в отличие от думбулшурбо, с добавлением гороха и фасоли и заправленный мукой, в который после готовности добавляют пахтанье и посыпают приправой из зелени. Этим же термином кашк называют также суп из дробленой пшеницы, в который кладут очищенные и разрезанные на куски бараньи голову, ноги и кашки, лук, морковь, гашнич, красный перец и соль. Суп этот варят обычно в толстом глиняном кувшине с округлым туловом — *күза*, который, положив в него все необходимое, плотно закрывают, иногда замывают тестом и на всю ночь зарывают в очаг в горячую золу. Едят кашк утром. Кое-где такой суп называют, как и в Припамирье, *боч*.

В настоящее время всякие атола и шира стали готовить гораздо реже, часто их варят как лекарство.

Термином *умоч* называются заправленные пахтаньем или молоком супы, в которые запускают мелкие клецки, приготовленные следующим образом. В чашку кладут немного пшеничной, гороховой или бобовой муки, сбрызгивают соленой водой и перетирают влажную муку руками, в результате чего получаются комочки теста. Чтобы все комочки были мелкими, их просеивают через решето, а оставшиеся в решете комочки покрупнее перетирают еще раз. Пока готовят клецки, в котле варят горох и, когда он сварится, запускают клецки, кипятят до готовности и снимают котел с огня. Когда суп немного остынет, его заправляют пахтаньем, разливают по чашкам или мискам и кладут лук, толченый с красным перцем, гашничем и солью, весной добавляют и мяту. В Дарвазе кладут поджаренный горный лук — *камч*. Это кушанье называется *умочи дүгй*, а если клецки сделаны из просеянной муки — *индун*, если же вместо пахтанья клецки заправляют молоком — *умочи башир*, и тогда уже в него не кладут красного перца и зелени. Обычно клецки на молоке варят весной.

Раньше такие клецки, заправленные молоком, варили в засуху, когда производились всякие магические действия для вызывания дождя.¹⁵

Термином *атола* в Каратегине называют также ряд кушаний, для приготовления которых сперва варят в воде горох, зеленый лук, свеклу или свекольные листья, капусту кольраби, гашнич, укроп, мяту, красный перец (в Дарвазе кладут еще сушеный урюк). Пока это все варится, готовят лапшу из пшеничной муки — *ош*. Тесто для лапши замешивают довольно круто на воде с солью, а потом, накрыв какой-нибудь чашкой, дают ему полежать некоторое время, после чего рас-

катывают на узкой длинной доске — *тахтаи ош* посредством тонкой длинной скалки — *тири ош* или *тирак* (рис. 61, 8, вып. 1); тесто немного подсушивают, складывают гармошкой и режут на этой же доске большим саблеvidным, немного изогнутым на конце ножом — *осибур*. Нарезав тонко лапшу, ее посыпают мукой, поднимают с доски таким образом, что лапша образует пучок тонких волокон, и обжимают рукой, чтобы мука пристала к нитям и они бы не слиплись. После этого лапшу запускают в котел таким же пучком. Когда она сварится, котел снимают с огня, дают лапше немного остыть и, заправив пахтаньем, разливают по чашкам или блюдам и посыпают приправой из зелени. Это блюдо называется также *атолаи ош*, *оши борик* или *оши бурида*, *оши уеро*. Если лапша сделана из ячменной муки, то это *оши чавин*. Если нарезана крупно, шириной до 1 см и длиной 10—15 см, блюдо называют *оши банди чома*, т. е. «лапша (как) завязки у халата». Иногда ее вынимают отдельно на блюдо и заправляют мелко нарезанной зеленью, а потом уже едят и самый суп.

В Дарвазе в лапшу иногда кладут небольшие мясные фрикадельки — *гушти фела* и суп заправляют маслом и жареным горным луком. Тогда это кушанье называют *оши рйи* или *оши фела*. Иногда вместо лапши суп этот заправляют тестом для лапши, нарезанным крупными кусками, и он называется *оши туппа*; в Дарвазе в него добавляют сушеный урюк и лук; тесто иногда не режут, а рвут руками, так как считают, что если лапшу резать ножом, то все кушанье приобретает «холодящее» свойство.

Кроме супов, готовят несколько видов киселей из муки и из крахмала. Из мучных киселей самым употребительным считается *тархалво*, *халвои тар* или *халвои шир*: пшеничную муку поджаривают в топленом масле, разводят водой или молоком и кипятят до тех пор, пока масло не отделится, добавляют сахар и раскладывают по чашкам; иногда, наоборот, разводят сахар водой, кладут муку и размешивают до получения однообразной массы, после чего выливают в раскаленное в котле масло, размешивают и кипятят.

Для маленьких детей приготавливают *ордобод* — в кипящее молоко засыпают немного муки, размешивают и варят, пока не загустеет. В Джиргатале так называли заправленный луком, красным перцем, мятой и кислым молоком мучной суп *шира*, который давали больным, чтобы вызвать аппетит — *иштихоша бишкоя*. Для рожениц по утрам варят кисель *далиди* или *далда*: поджаривают отдельно пшеницу, горох и льняное семя, пшеницу и горох растирают в муку на зернотерке, а лен толкут в ступе; все это смешивают с небольшим количеством поджаренной в масле муки и складывают в посуду, а потом по мере надобности из этой смеси варят кисель на воде, доливают молоком и солят. В Оби-Гарме этим словом называют приготовленную весной и зимой кашу из ободранной на зернотерке пшеницы, заправленную мукой и зеленью. Иногда ее варят сперва на воде, а потом, когда пшеница сварится, доливают молоком и тогда зеленью с луком и перцем уже не заправляют.

Весной обычно из пшеницы же делают крахмал и потом варят из него молочный кисель — *нашоиста*. Для получения крахмала пшеницу вымачивают несколько дней в воде, потом толкут в ступке и крахмал отстаивают в воде, сушат и расходуют по мере надобности. Сваренный кисель выкладывают на блюдо и поливают растопленным сливочным или топленым маслом.

Из киселей надо отметить еще *зирикоб* или *руич*. Для его приготовления берут немного меньше пиалы пшеничной муки и одну

пиалу топленого масла, поджаривают в нем муку и варят густой кисель, который в качестве закрепительного дают роженице или невесте во время свадьбы.

Из каш варят кашу из риса как на воде, так и на молоке. В последнем случае рис сперва варят в воде, когда он готов, доливают молоком, еще кипятят немного, солят, выкладывают на плоские блюда и поливают растопленным коровьим маслом, иногда посыпают сахарным песком. Густую кашу называют *ширбинч* и едят руками или прихватывая кусочками хлеба; жидкую *ширшӯла* или *шӯлаи башир* подают в чашках — *коса* и едят ложкой. Рисовую кашу варят также на воде и кладут в нее морковь, горох, фасоль, лук и гашнич, причем лук сперва поджаривают в масле. Называется это блюдо *шӯла*. Подают его в *коса*, посыпав сверху приправой из зелени, и едят ложкой.

Варят еще кашу из пшена — *сук*, для чего просо или просо итальянское обдирают на обычной водяной мельнице или обрушивают в деревянной ступке ручным способом и отвеивают от шелухи. При приготовлении из него каши сперва поджаривают в масле лук (а иногда и немного мяса), доливают водой, кладут красный перец и морковь, после чего запускают промытое пшено и варят, как рисовую шӯла. Такую же примерно кашу иногда называют *карк*. Пшенную кашу варят и без овощей и перца, на воде и потом доливают молоком. Это *суки башир* или *куноки башир*.

Из ободранной или дробленой пшеницы с горохом и фасолью, иногда чечевицей, с добавлением неизбежных лука, красного перца и гашнича варят жидкие кашицы, которые едят в полдень; называются они *гандумҷӯшак*, *гандумбоҷ*, *дангича*, *гандумкуча* или просто *куча*.

Из новых блюд прочно вошли в употребление *макарон-шӯрбо* — суп из поджаренного на масле лука с макаронами и *макаронбирьён* — то же, но с небольшим количеством воды, чтобы только сварились макароны.

Мясо и мясные блюда. Мясо составляет в настоящее время весьма существенную часть пищевого рациона населения Каратегина и Дарваза, чего нельзя было сказать раньше, когда мясные продукты большинству населения были почти недоступны. Из разных видов мяса предпочитается повсеместно баранина. *Гӯспанд моли биҳишт аст*, *фаршитаи биҳишт аст* (овца — это райское животное, это ангел рай) — говорили в старину таджики. Говядина также употребляется всеми. Козлятина употребляется в пищу в довольно большом количестве, однако ее едят не все; считается, что козлиное мясо обладает «холодящим» свойством и поэтому людям с «холодным» темпераментом не особенно рекомендуется. Конину и верблюжатину местное население употребляют в пищу чрезвычайно редко, больше с лечебными целями, так как этим двум видам мяса приписываются особые «горячительные» свойства.

Куриное мясо едят очень редко, причем обычно зарезанных кур не ощипывают, а перья с них снимают вместе со шкуркой. Голова и ноги, как правило, в пищу не идут и считаются погаными, так как куры постоянно роются в нечистых местах. Перед тем, как нарезать курицу или петуха, их иногда привязывают за ногу и «для очищения» держат без пищи сутки или больше, после чего уже режут. Куриные яйца употребляются в пищу часто, причем существует довольно много способов приготовления их для еды. Из кур варят суп — *мурғшӯрбо* с небольшим количеством воды; за последнее время куриное мясо стали употреблять для плова. Вообще кур готовить не умеют и не любят и делают это по необходимости, когда нет другого мяса. Жарят

кур тоже редко. Иногда их жарят на углях целыми, но распластанными и надетыми на вертел, вернее на большую вилку, сделанную из ветки какого-нибудь дерева.

Другой домашней птицы в Каратегине и Дарвазе раньше не держали, лишь за последние годы в некоторых кишлаках, чаще в районных центрах, стали разводить уток, гусей и даже индеек и цесарок, завезенных сюда первоначально приезжими рабочими и служащими. Цесарок разводят больше ради получения их яиц, скорлупа которых отличается толщиной и прочностью, что ценится при игре в битье яиц, очень любимой таджиками.

Употребляют в пищу мясо диких козлов — *нахчир*, каменных куропаток — *кабк*, горных индеек-уларов — *мурги ҳилол* или *кабки дарӣ*, уток — *мурғобӣ* или *ӯрдак*, изредка перепелок — *бидона* или *кабки реза*. Кое-где употребляют в пищу и мясо голубей, но чаще всего это считается грехом, так как голубь почитается. Из дичи обычно варят суп — *шӯрбо*, очень редко дичь жарят, а с мясом куропаток и голубей иногда делают плов.

Из рыбы в пищу употребляют только форель — *гулмоҳӣ* и *маринку* — *ширмоҳӣ*.¹⁶ Рыбу едят очень редко и всегда в жареном виде. Как исключение, приходилось наблюдать (в верховьях р. Хингоу, в к. Рехч), что очищенную (мелкую форель), надев на палочки, жарили на углях, как шашлык. По рассказам, рыбу пекут иногда на стенках очага, как хлебные лепешки, или на плоских камнях. Рыба считалась *луқмаи ҳалол* — «чистым куском» (как и мясо дикого козла) и на сорок дней делала человека ритуально чистым. Поэтому рекомендовалось ее есть от времени до времени. Представление населения о наиболее желательной пище характеризует следующая поговорка: «*Гӯшти моҳӣ — моҳ-моҳ, гӯшти говӣ — гоҳ-гоҳ, нони гандуму гӯшти ғўспанд — ҳар пагоҳ*» — «рыбу — раз в месяц, говядину — иногда, а пшеничный хлеб и баранину — каждое утро».

Впрок мясо заготавливают редко, так как довольно холодные зимы в большинстве районов Каратегина и в высоколежащих кишлаках Дарваза дают возможность хранить мясо в свежем виде в течение длительного периода, летом же мясо употребляется реже, чем зимой. Тем не менее существует несколько способов консервирования мяса, главным образом, баранины и говядины. Самый употребительный это *кайла* или *қавурма*: нарезанное небольшими кусками мясо, крепко посолив, жарят в сале до полной готовности, вынимают на большие блюда, остужают, складывают в какую-нибудь посуду (раньше — глиняные кувшины для воды — *кӯза* или для пахтанья масла — *чаҳдег* или корчаги — *хум*, а теперь — жестяные, эмалированные или алюминиевые ведра, бидоны и т. п.) и заливают оставшимся в котле после жаренья жиром. Если такое мясо предназначается для длительного хранения, то предварительно выбирают кости и заливают жиром только самое мясо, кости же используют в первую очередь, как скоропортящийся продукт.

Иногда мясо вялили, для чего разрезали его тонкими кусками, солили, кости разбивали, чтобы мозг тоже просолился, и вывешивали на доступном ветру месте, где мясо быстро покрывалось сверху тонкой корочкой, а соль предохраняла его от порчи, а также и от мух, ос и шмелей. Провяленное мясо складывали в мешок и держали в кладовой или же развешивали там же связками по стенкам. Эти два способа консервирования применяли чаще летом. Зимой мясо обычно солили в глиняных кувшинах. Иногда летом его солят и ставят в *чаҳлак* — углубление в полу дома, служащее зимой для отопления.

Самым употребительным мясным блюдом является суп — *шўрбо*, который варят двумя способами. При первом сначала поджаривают мясо с луком на небольшом количестве жира, а потом доливают водой, кладут красный перец, иногда кориандр, и варят до готовности. Такой суп кое-где называют *пухташўрбо* (букв. «жареный суп»).

При втором — сырое мясо заливают водой, кладут лук и варят до готовности. Такой суп называют *хомшўрбо* (букв. «сырой суп»). Иногда, кроме лука, в суп кладут намоченный заранее горох или фасоль, а за последние годы стали класть морковь, картофель, иногда помидоры, и, очень редко, капусту — *капус*. Когда мяса в супе много, то часть его из супа вынимают и едят потом в холодном виде. Называется оно *яхнй* или *гўшти* *обпаз*.

Кроме этих двух видов супов и супов из дичи, о которых мы говорили выше, из чисто мясных кушаний повсеместно готовят жареное мясо — *гўштбирьён*: нарезанное небольшими кусками мясо, предпочтительнее баранину, жарят до готовности в раскаленном жиру, потом солят и добавляют туда много мелко нарезанного лука и красного перца; когда лук подрумянится, кушанье выкладывают на блюдо. Теперь часто, после того как лук поджарится, кладут еще нарезанный картофель, иногда помидоры, добавляют воды и тушат до готовности. В этом случае кушанье называют *кавардак* или *жарков*.

В Оби-Гармском районе раньше готовили *ёлма* — запеченную целиком выпотрошенную баранью тушу в коже, шерсть с которой предварительно счищали ножом и палили. Для этого жар в хорошо натопленном очаге сгребали к одной стороне, на подметенный под клали тушу, а верх и боковое отверстие очага плотно закрывали деревянными крышками, поверх которых настилали разное тряпье, старую одежду, чтобы очаг не выставлялся. Через три-четыре часа мясо хорошо упревало и его ели, отрезая от туши кусками. Делают также *танчўрй* — кладут нарезанное кусками мясо в какой-нибудь сосуд, предпочтительно глиняный, добавляют жир, красный и черный перец, солят, плотно закрывают, иногда даже крышку замазывают тестом и на ночь сосуд зарывают в жар очага. В Дарвазе делают также *кулчака-боб* — из мелко нарубленного с луком и красным перцем мяса делают род котлет и пекут, прилепляя их к стенкам очага. Иногда мясо для этого блюда не рубят, а разбивают на плоском камне другим камнем.

Шашлык из мяса не готовили, только дети, играя, пекли на палочках кусочки мяса, чаще всего подбитых из ручного лука воробьев. Однако способ жаренья на вертеле, по-видимому, был издавна известен населению, судя по приготовлению таким образом кур и рыбы.

Из мясных кушаний, приготавливаемых с добавлением риса, в первую очередь, нужно отметить плов, приготовление которого распространилось особенно широко по всему Каратегину за годы Советской власти в связи с тем, что рис стали сеять во многих местах долины Сурхоба. В Дарвазе, особенно в удаленных от автомобильной дороги кишлаках, плов до сих пор готовится очень редко, а поэтому и неумело, хотя он и здесь считается любимым и самым изысканным блюдом.

Способ приготовления плова везде одинаков: в раскаленном масле или сале поджаривают нарезанное кусками мясо и накрошенный лук, кладут морковь, все это немного жарят не мешая, доливают водой, солят, кладут красный перец и кипятят на небольшом огне, чтобы сварилось мясо. Приготовленный таким образом густой суп для

плова называется *шўрбои ош* или *обрўган* (в Дарвазе). Одновременно готовят и рис: его перебирают, отделяя оставшиеся неочищенными от шелухи зерна — *шолӣ*, камешки, зерна сорняка, куриное просо — *курмак* и пр. Иногда для очистки риса от песка и камешков его промывают особым способом, называемым *сангишў* (*санг* — камень + *шў* — корень глагола *шустан* — мыть): положив в чашку, его промывают тщательно до тех пор, когда вода станет прозрачной, а потом, наливая в эту чашку с рисом воды, сливают ее с частью риса во вторую чашку и повторяют это до тех пор, пока весь рис перейдет во вторую чашку, а в первой на дне останутся песок и камешки. При промывании риса для отделения курмака — *курмакшў* легкие зерна курмака всплывают вверх и их осторожно сливают вместе с водой.

Очищенный и хорошо промытый рис заливают горячей водой, немного солят, закрывают и дают немного постоять, после чего воду сливают, а рис пригоршнями выкладывают в котел, поверх поджаренного и проваренного мяса с луком и морковью, разравнивают железной шумовкой или ложкой и доливают воды, которую льют на подставленную шумовку, чтобы не смыть рис в одну сторону. Воды льют столько, чтобы поверх риса ее было на один сустав указательного пальца — *об аз биринҷ як буғуми лела боло истад*. После этого подкладывают под котел мелко наколотых дров, чтобы они быстро разгорелись, пламя охватило котел и плов быстро закипел. Больше дров не подкладывают и, когда вода впитается в рис, котел закрывают — *дам мекунад* специально сделанной из досок или фанеры крышкой, а чаще перевернутой вверх дном деревянной чашкой или глиняным или фарфоровым блюдом. Это первое закрывание называется *хомдам*. Минут через десять крышку с котла снимают и шумовкой берут рис и переворачивают его верхним слоем вниз, разравнивают, иногда делают горкой, и черенком ложки протыкают в нескольких местах, после чего котел закрывают таким же образом крышкой или чашкой, поверх которых иногда кладут для утепления сложенный несколько раз дастархан. Это второе закрывание называется *пухтадам*. После этого дают плову постоять тоже минут десять, открывают и шумовкой выкладывают горкой на блюда или большие деревянные точеные чашки. Сперва выкладывают верхний слой риса, а когда дойдут до слоя мяса с морковью, то перемешивают все оставшееся содержимое котла, мясо берут в отдельную чашку, а все остальное выкладывают на положенный в блюда рис, а поверх всего кладут уже куски мяса и быстро подают плов на дастархан. Если мясо при обжаривании было нарезано большими кусками, что чаще и бывает, то его нарезают на мелкие кусочки уже после того, как плов подадут к столу; это делает один из присутствующих, чаще хозяин дома, который обрезает и мясо с костей, а кости с остатками на них мяса кладет перед сидящими за дастарханом людьми на край блюда с пловом, учитывая старшинство их как по возрасту, так и по положению: кости с мозгом или с большим количеством оставленного на них мяса даются более почтенным людям, а остальным, что придется. В качестве приправы к плову подают нарезанный лук, иногда редьку, а за последние годы стали подавать и нарезанные помидоры и лук, посоленные и посыпанные красным перцем. Подают также и кислое молоко — *чурғот* или *чака*. Особенно ценной приправой считается черный молотый перец — *мурҷ*.

Кроме плова, из мяса с рисом готовят густую кашу, называемую *шавла*, *шўла* или *ялама*: поджаривают в масле или сале мясо с луком, доливают водой и иногда кладут фасоль или горох, солят и кипят

тят, пока горох или фасоль сварятся, затем кладут рис и варят до готовности, время от времени перемешивая. Когда кушанье готово, его выкладывают на блюдо и перед подачей к столу заправляют мелко нарезанным зеленым или репчатым луком.

Из мучных кушаний в сочетании с мясом можно упомянуть только так называемое *халвохайла*, которое делают, как описанную выше мучную похлебку-кисель *атолаи кочй*, но добавляют мелко нарезанное баранье мясо и сало. При подаче к столу кушанье это поливают еще маслом.

Вообще кушаний из сочетания муки с мясом или теста с мясом, по-видимому, раньше не было совсем, так как приготавливаемые сейчас пельмени — *тушбера* или *плимин* и пирожки с мясом — *самбуса* — явление для Каратегина и Дарваза новое, и если они раньше изредка и готовились, то как новшество, завезенное откуда-то. Так же редко делали и пирожки с мясом и луком.

Как мы говорили выше, население Каратегина и Дарваза предпочитало употреблять в пищу не мясо кур, а их яйца. Яйца едят вареными в воде — *тухми обпаз* или испеченными в золе — *тухми тагялобй*, причем чаще без хлеба. Очень в ходу яичница — *тухмбирьён*, для приготовления которой яйца разбивают в чашку и потом выливают в раскаленное масло и солят. Готовят яичницу и по-другому: разбивают яйца в чашку, солят, кладут, мелко нарезав, репчатый лук, зелень кориандра и красный перец и немного муки. Все это хорошо перемешивают и выливают в котел с раскаленным маслом и поджаривают, не мешая. Приготавливают из яиц своего рода суп, называемый *тухмшурбо* или *тухмпиёба* (*тухмпиёзоба*). Для этого поджаривают в масле лук, доливают водой, и солят, а потом выливают туда два-три размешанных в чашке сырых яйца и добавляют немного красного перца. Иногда яйца поджаривают вместе с луком, а потом уж доливают водой, размешивают и кладут все остальное; такой суп называют *калашо(н)*. Иногда такое же кушанье готовят на молоке, но уже без лука, и называют его *ширбог*. Его едят утром натощак при простуде.

Как мы видим, ассортимент мясных блюд довольно небольшой; характерно отсутствие таких местных блюд, в которых мясо сочеталось бы с тестом.

Овощи, фрукты и дикie растения. Еще короче перечень блюд, в которых основную часть составляют овощи. Прежде всего отметим суп *пиёба* (в Каратегине иногда его называют *обчйшак*), при приготовлении которого подрумянивают в масле мелко нарезанный лук, доливают водой, солят, кладут красный перец, и когда вода закипит, кладут накрошенные хусочками черствые лепешки, дают немного постоять и разливают по мискам, приправляя при еде зеленью.

Осенью очень часто готовят вареную в воде с молоком тыкву, которую при подаче к столу поливают растопленным коровьим маслом. Кушанье это называют *каду лафкан* или *кадуоба* (если варят в воде), а также *ширкаду* или *кадуи бо шир* (когда варят с добавлением молока). Осенью и зимой тыкву часто пекут, зарывая на ночь в горячую золу в очаге. Это *кадуи тагялобй*. Из капусты кольраби (из стеблеплода ее) с добавлением лука, свеклы, картофеля, неизменного красного перца, а также фасоли, гороха или чечевицы варят суп *карамоба* или *карамшурбо*. За последние годы, в связи с широким распространением культуры картофеля, он прочно вошел в пищевой рацион населения как Каратегина, так и Дарваза. Из него готовят суп *тушкашурбо*, причем сперва поджаривают лук, а потом кладут очищенный картофель, доливают воды, варят до готовности и едят, посолив и положив красно-

го перца. Картофель также жарят с луком, с добавлением красного перца, а когда он немного поджарится, доливают воды и тушат под крышкой.

Фрукты население употребляет, главным образом, в свежем виде. Особенно важная роль в питании населения принадлежит винограду. В тех кишлаках, где растет виноград, он в течение ряда месяцев вместе с хлебом составляет утреннюю и дневную еду жителей. Много фруктов сушат впрок — абрикосы, тутовник, яблоки, груши, а в Дарвазе еще и инжир. За последнее время стали сушить и персики, вишню, алычу, но больше не для своих потребностей, а для вывоза и продажи на рынке. Кое-где сушеные яблоки мололи, смешав предварительно с сушеным тутом, и ели, размешав эту муку — *себпуст* с кислым молоком или пахтаньем. Иногда вместо сушеного тута в нее подмешивали жареную пшеницу или ячмень. В местностях, где много насаждений абрикоса, из перезревших плодов его делают пастилу — *тунук*, для чего их протирают через редкое сито и сушат, накладывая эту массу тонким слоем на смазанные маслом доски. Из сушеных абрикосов готовят компот — *зардолуб*, заливая их для этого на ночь кипятком. Такой же компот — *дунок* делали и из сушеных яблок.¹⁷

В условиях полуголодного существования населения до революции особенно большую роль в питании играли ягоды тутовника.¹⁸ Когда поспевал тутовник, то наступала относительно сытая жизнь не только для людей, но и для домашней птицы, которая весьма охотно подбирала упавшие сладкие ягоды шелковицы, и даже для собак.

Часть ягод тутовника употребляли в свежем виде, промывая водой, а остальные сушили. Высушенный тутовник собирали в глиняные кувшины и хранили в неотапливаемом помещении.¹⁹

Раньше сушеный тутовник, перемолотый в муку — *тутпуст*, ели, разводя пахтаньем или кислым молоком. В Дарвазе готовили еще *попланг*: сушеные тутовые ягоды смешивали с ядрами грецкого ореха или со сладкими зернышками из абрикосовых косточек и толкли в каменных ступках. Сушеный тутовник иногда перемалывали в смеси с сушеными листьями ревеня — *барги чукри*, отчего получалась кисло-сладкая мука *тутпуста шапй*, или с примесью жареной или вареной и высушенной пшеницы; такую муку называли *тутпуста манур*.

Из свежих ягод тутовника, где его было много, а также местами из яблок и винограда, раньше варили бекмес — *ширини*. В Дарвахакими (Нижний Каратегин) этого бекмеса готовили так много, что его вывозили на продажу на рынки Гиссарской долины.

В настоящее время вместо бекмеса в домах кишлачной интеллигенции очень часто варят варенье на сахаре из вишни, айвы, алычи и яблок.

Сорта винограда, культивируемые в кишлаках Каратегина и Дарваза, для сушки непригодны, и поэтому изюма и кишмиша местного производства там не было.

Для сохранения овощей и фруктов в зимнее время выработаны свои способы и приемы в соответствии с местными условиями и климатом. Картофель и морковь на зиму зарывают в ямы — *чах*. Лук, выкопав из земли, сушат, не отрывая листьев, и, когда они завялятся, луковички за эти листья связываются в пучки — *даста*, которые подвешиваются к балкам потолка либо в доме, либо в кухне. Тыквы и арбузы зарывают в солому, а виноград, айву и зимние сорта яблок и груш хранят подвешенными за плодоножки к потолку в кладовой или в другом неотапливаемом помещении, причем виноград и груши неред-

ко сохраняют до весны. Для приправы кушаний на зиму сушат укроп, кориандр, красный перец, горный лук; стручки красного перца нанизывают за плодоножки на нитку, и такие связки стручков хранят подвешенными, как и лук, а высушенные стебли горного лука хранят связанными в пучки. Укроп и кориандр обычно сушат и хранят в толченом виде.

В весеннее время повсеместно в пищевой рацион населения Каратегина и Дарваза в той или другой степени входят многочисленные дикие травы. Часть из них употребляется в сыром виде, причем их иногда едят, обмакивая в соль, как например, стебли торона (*Polygonum bucharicum*) или ревеня (*Rheum Maximovici*); другие, например стебли травы *кинг* (*Megacarpa graethis*), тоже едят в свежем виде с солью, предварительно очистив от кожицы, как торон, а корневища, похожие на початки кукурузы или кормовую морковь, едят печеными в золе; клубни чины — *мэнгак* (*Latirus tuberosus*) едят и сырыми и вареными. Некоторые травы служат приправой для кушаний, как, например, мята — *пудина* (*Mentha arvensis*), горные луки (*Allium darvasicum*, *Allium rubiginosum* или *Allium Oshanini*), одуванчик — *қоқуқи боғи* (*Taraxacum* Sp.), укроп — *шибит* (*Anethum* L.) и др. Некоторые растения употребляются как основные или составные части того или иного кушанья. Таковы, например, крупные белые пластинчатые грибы, напоминающие грузди. Они появляются весной в апреле и начале мая в большом количестве на склонах предгорий, покрытых травянистой растительностью, и довольно быстро сходят. Называют их *чагора*, *қорч*, *замбуруғ*. Из них готовят *қорчоба* — тушат с кориандром или жарят на масле; их считают питательной пищей и в Каратегине кое-где называют поэтому *ғўшти сафед* (белое мясо). В Дарвазе (кишлаки Угр и Курговад) едят также, обжарив на масле, сморчки, называемые по-таджикски *дили барра* (букв. «сердце ягненка»). Почти повсеместно в Каратегине и Дарвазе употребляли в пищу луковицы лилейного растения фритиллярии (русс. «рябчик» или «царские кудри») — *ҳолмон*, *олму* или *ёлму*, в изобилии произрастающего во влажных местах в зарослях кустарников на горных склонах и в ущельях. Луковицы эти выкапывали, мыли, перетирали на камнях, как на терке, и затем складывали в кувшины и заливали водой, при этом клетчатка всплывает и ее удаляют, а крахмал садится на дно. Воду в течение недели меняли ежедневно, чтобы удалить из крахмала горечь. Потом осевший на дно сосудов крахмал, слив с него воду, сушили и употребляли для приготовления молочного киселя. Употребление луковок фритиллярии в пищу особенно практиковалось в голодные годы.

Очень многие из таких растений являлись составной частью тех мучных супов, о которых говорилось выше. Например, повсюду употребляют для этой цели зелень растения *модел* (*Allium giganteum*), траву *кокотй* и *қиравч* (латинское название их осталось невыясненным), корневища одной из ферул, называемой *ров* (*Ferula kokapica*) и др. Некоторые травы и растения употребляли раньше вместо чая, например, листья лоха — *барги санҷид*, зверобой — *зардкаҳ*, *зардгулак* или *чойкаҳ* («желтая трава» или «чайная трава»), *пайвандак* и т. п.

Некоторые травы раньше в голодные годы служили в качестве примеси к обычной муке, из которой выпекают лепешки. Для этого травы сушили и толкли в ступках или растирали на камнях, а потом, смешав с пшеницей или ячменем, или же бобовыми, мололи на мельнице. Обладающие горьким или слишком острым вкусом травы пред-

варительно отваривали, а потом уже сушили. В качестве такого замесителя муки употребляли, например, корневища ириса (?) — *гули наврузи*, траву *думи руб* (букв. «хвост лисицы»), корневища дикого тмина — *зира*, стебли ревеня и другие.

Если некоторые из дикорастущих трав и растений употреблялись в пищу лишь в неурожайные годы или при крайней бедности, то другие используются до сих пор либо в качестве лечебных средств, либо как придающие остроту и вкус довольно однообразной и пресной пище в весенний период, когда овощи и фрукты, запасенные с осени, уже кончились, а новых еще нет.²⁰

Молочные продукты. Они занимают в пищевом рационе населения довольно значительное место. В пищу употребляют коровье, козье и овечье молоко. Кобылье молоко не употребляется, так как кобылы обычно не держат.²¹

Как правило, молоко в сыром виде не пили и никаких продуктов из сырого молока, например, творога, сметаны, не приготавливали, и в таджикском языке нет даже слов, выражающих эти понятия. Правда, изредка собирали сливки с сырого молока — *хомқаймоқ* и ели их с хлебом, что, по-видимому, не является самобытным, а скорее заимствованным у равнинных таджиков. Обычно же в пищу употребляют кипяченое молоко и продукты, изготовленные из него, а также варят на молоке ряд кушаний, описанных нами выше. Самым употребительным молочным продуктом является заквашенное кипяченое молоко или варенец, называемое *чурғот* (лит. *чуғрот*). Варенец заквашивают в котле, в котором молоко кипятилось. Закваской — *сафедӣ* или *моқӣ* служит небольшое количество такого же варенца, оставленного от предыдущей порции заквашенного молока или взятого у соседей. Если такой закваски нет, заквашивают пахтаньем — *дӯғ*, оставшимся после отделения масла из варенца. Так как раньше коровы давали мало молока и доились недолго, то почти всю зиму молочных продуктов было мало и закваску для приготовления варенца весной найти было трудно. Поэтому старались сохранить закваску из одной из последних порций варенца. Чтобы она не испортилась до весны, брали кусок полого стебля зонтичного растения *куруш* (вероятнее всего, борщевика), затыкали или замазывали тестом отверстие с одного конца, наполняли получившуюся «трубку» густым кислым молоком — *чака*, из которого удалена сыворотка, замазывали и второй конец трубки и в таком виде хранили ее до весны, подвесив где-нибудь в кладовой или в доме. Весной трубку открывали, брали оттуда содержимое, разводили его молоком и заквашивали кипяченое молоко. Если закваска оказывалась испорченной, молоко заквашивали водой, в которой вымачивали какие-нибудь кислые сушеные фрукты или ягоды, вроде алычи и др., или же, если уже появились завязи свежих фруктов, брали их, выдавливали сок и им заквашивали молоко. Первые несколько раз варенец получался недостаточно густым, но с каждым разом делался все лучше и лучше.

Масло — *маска* таджики Каратегина и Дарваза делают из варенца, который наливают в маслобойку и сбивают в ней мутовкой — *чахчуб*, приводимой во вращательное движение посредством ремня, наматываемого на ручку мутовки.²²

Пахтанье — *дӯғ* употребляется в пищу в качестве приправы или как освежающее питье в летнюю жару, или же идет в дальнейшую переработку для приготовления из него впрок сыра — *турушӣ*, служащего в зимнее время приправой к очень многим кушаньям.²³

Коровье масло употребляют в пищу чаще всего в перетопленном виде. Топленое коровье масло называется *равгани зард*.²⁴

Простоквашу не готовят совсем, и скисшее само по себе сырое молоко в пищу не употребляют, а стараются скормить скоту или же выливают.

Напитки. Из напитков в настоящее время самым любимым является зеленый чай — *чои кабуд*, ставший доступным всем. Черный чай — *чои фомил*²⁵ тоже употребляется, но гораздо реже, в случае отсутствия зеленого чая или как лечебное средство.

Раньше, до революции, чай завозился торговцами в Каратегин и Дарваз из Афганистана и из городов Туркестанского генерал-губернаторства. Из Афганистана чай завозили в рассыпном виде в *хик* — кожаных мешках из снятых целиком коровьих шкур, а из России — в расфасованном виде. Зеленый чай делился на разные сорта, называвшиеся *чои лунка*, *зирачой* и т. п.

В старое время, когда чай для широких масс был недоступен, население употребляло вместо него разные заменители, преимущественно растительного же происхождения.

Для кипячения воды для чая употребляют *чоичуйш* — медные (иногда глиняные) узкогорлые со сливом, без крышки и с одной ручкой на боку кувшины с расширяющимся книзу туловом на довольно высоком поддоне (рис. 3, 1), которые ставят либо около горящего в очаге огня, либо на особый небольшой очаг, специально для этого сделанный. Такие кувшины до недавнего времени были в употреблении повсюду у местного населения Таджикистана и Узбекистана, и только за последнее время начинают вытесняться в городе металлическими, эмалированными и электрическими чайниками, но все еще прочно держатся в кишлаках. Изготавливались они ремесленниками-медниками (*мисгар*) вручную. В подражание им выделялись фабричным способом и завозились на рынки Средней Азии литые чугуные кувшины с откидывающейся крышкой — *чяний*, *кумфон*, однако население всегда предпочитало им тонкие и легкие, а также и небольшие медные кувшины, до сих пор еще пользующиеся большим спросом. В более зажиточных домах можно было встретить и *афтоба-самовор* — самовар кувшинообразной формы с одной ручкой и с длинным носиком, тоже изготавливавшийся городскими медниками в подражание тульским самоварам (рис. 3, 3).

Заваривали чай в тот же кувшин для кипячения воды, только позднее стали появляться фарфоровые чайники изделия русских фабрик Гарднера и Кузнецова, завоз продукции которых в Туркестан особенно увеличился после постройки Закаспийской, а потом и Оренбургской железных дорог. Излюбленной формой были и остаются до сих пор чайники сферической, шарообразной формы. Заварив чай в чайник, дают ему хорошо настояться, для чего чайник ставят либо в горячую золу очага, либо около горящего в очаге огня, пододвинув к чайнику горячие угли. Когда чай поднимется в чайнике шапочкой, его подают к столу и ставят перед хозяином или старшим за столом, который наливает одну чайную чашку чая, снимает с чайника крышку и выливает чай из чашки в него, чтобы перемешать настоявшийся чай. Это повторяют обычно два раза. После этого ждут с минуту, чтобы чай осел на дно чайника, и начинают разливать, не разбавляя его кипятком, как это делают обыкновенно русские.

Чай пили раньше из глиняных местного изготовления небольших неполивных чашек — *фидора*, которые потом тоже были заменены большими фарфоровыми чашками без ручек, называемыми *пиёла*, так-

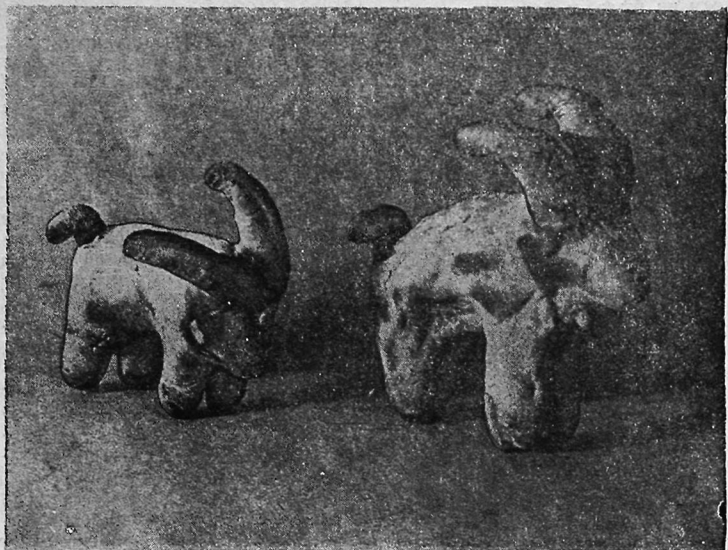


Рис. 2. Испеченные из теста фигурки горных козлов—*нахчирак*, изготовлявшиеся в Дарвазе к празднику Навруза. Фото А. С. Андреева.

же русского производства. Изредка встречались в обиходе и высоко ценились чашки, завозившиеся из Кашгара, преимущественно сероголубого цвета, расписанные по внешней стороне кобальтом. Все присутствующие за дастарханом пили чай обычно из одной пиалы, причем первую, налив очень немного чаю, выпивает разливающий чай, а следующую, тоже налив немного больше половины, он подает правой рукой сидящему от него направо человеку. Тот принимает чашку тоже правой рукой, медленно выпивает чай и возвращает чашку. Затем чашка с чаем подается его соседу справа и так далее, пока пиала не обойдет всех сидящих по кругу и не наступит очередь выпить чаю разливальщику. Последнюю пиалу чая полагается выпить тоже ему же. Считается неприличным наливать пиалу очень полно, а также наливать так, что на чае получается пена. Поэтому стараются, чтобы чай из носика попадал на стенку пиалы, тогда пены не появляется. Точно так же считается совершенно неприличным подавать или принимать пиалу с чаем левой рукой. Если среди пьющей чай компании находится очень уважаемое лицо (по сравнению с остальными ее членами), то разливающий чай, выпив сам первую чашку, может нарушить порядок и подать чай не своему соседу справа, а этому лицу, а потом уже своему соседу. Теперь часто стали подавать для питья чая несколько пиал, однако редко бывает так, чтобы для каждого была дана отдельная чашка, обычно их меньше, чем пьющих чай.

Сухой чай держат в небольших мешочках — *чойхалта*, часто затейливо вышитых разноцветными шелковыми нитками и украшенных разноцветными тесемками, шнурками и кисточками.

Наркотики. Спиртных напитков таджики Каратегина и Дарваза не умели и не умеют готовить. Раньше их в употреблении сов-

сем не было, и только за последние годы, особенно среди сельской интеллигенции, стали входить в употребление спиртные напитки (вино, водка, коньяк, пиво) и лимонад; однако большинством населения, особенно людьми пожилыми, употребление первых строго осуждается, слова *арахур* (букв. пьющий водку) и *пъёниска* (искаж. пьяница) служат словами порицания.

Из опьяняющих средств были в большом употреблении *банг* или *күкнор* — отвар головок мака, реже — *нашга* — гашиш и *афйун* или *таръёк* — опиум. Опиум чаще можно было встретить в Дарвазе и реже — в Каратегине, он считался также противоядием и лечебным средством при кашле. В настоящее время употребление всех этих наркотических средств в результате проводимой разъяснительной работы сведено до минимума.

Употребление табака было издавна известно, причем производилось оно двумя способами: закладыванием в рот под язык так называемого *нос* — растертых на каменной терке зеленых листьев табака, смешанных с небольшим количеством древесной золы и толченой извести, и курением в кальяне высушенных и размельченных листьев табака. В первом случае употреблялся *тамокуи нос* — обычный табак-махорка с зелеными листьями, а для курения в кальяне употребляли высушенные с черенками листья *тамокуи балхй* — балхского табака, листья которого при сушке приобретают желтый цвет.

Первый способ употребления табака распространен очень широко как среди мужчин, так и среди женщин, в то время как курение табака в кальяне, называемом чилим, распространенное раньше, главным образом, в среде чиновных лиц и баев, сейчас почти совсем не наблюдается. В настоящее время среди мужчин входит в обычай курение папирос и сигарет; женщины же предпочитают по-прежнему употреблять нос, курение папирос и сигарет для них до сих пор считается предосудительным.

Табак, закладываемый под язык, держат в табакерках — *носкаду*, *кадуи нос*, *капари нос*, сделанных из небольших полых тыквочек, украшенных зачастую нарисованным или вырезанным орнаментом или инкрустированных кусочками медной, а теперь и алюминиевой проволоки (рис. 60, 1—3, вып. 1). Отверстие табакерки часто отделывают серебром, иногда с чернью, и закрывают либо свернутой жгутом бумагой или кожей, украшенной пучком шерсти или шелковой кисточкой с бисеринками, либо деревянной или специально сделанной серебряной же пробкой с шишечкой наверху и с винтовой нарезкой на конце. Пробка прикрепляется к тулову табакерки серебряной же цепочкой. Табакерка является любимым предметом курильщика и от постоянного пользования делается хорошо отполированной. Нередко она является настоящим произведением искусства и бывает предметом гордости ее владельца. В настоящее время табак стали держать во всевозможных флакончиках из-под духов и стеклянных аптечных бутылочках самой разнообразной формы. Закладывают табак под язык как дома, так и на улице и в общественных местах, причем дело не обходится иногда без нарушения правил гигиены, так как, продержав табак во рту с минуту, его необходимо выплюнуть, да еще после него сплюнуть раза два слюну, чтобы окончательно очистить рот. А так как плевательниц — *ностуфкунак* в быту почти совсем нет, то сплевывают на землю тут же, где сидят, а если сидят в помещении, то очень редко выходят, чтобы выплюнуть табак, а чаще плюют прямо на пол. Если же на полу постелены для сидения кошма, палас или ковер, то часто табак сплевывают под них, загнув для этого край или угол под-

стилки. Табак для приготовления носа сеют повсюду, а табак для курения в кальяне сеют очень редко и чаще привозят его из городов.

Пищевой режим и отношение к пище. Едят обычно и зимой и летом три раза в день. Завтрак называется *ноништа*, *тахтул* или просто *хуроки пагай*. Еда среди дня сейчас почти везде называется *абет* (от русского «обед»), *хуроки чоштгахи* или *пешини*, а вечерний прием пищи — *шом* или *бегай*. Завтракают рано, так как и встают рано. На завтрак подают чай, хлеб, виноград (осенью), кислое молоко. Кроме того, готовят какое-нибудь горячее блюдо — *нарми* или *гарми*, проре мучной похлебки, или разогревают оставшуюся накануне пищу; подают также печеную тыкву — *кадуи тагалови*, которую на ночь закрывали печься в горячую золу очага. Самым любимым кушаньем на завтрак, особенно зимой, считается *ширчой*, подают также сушеный тутовник, иногда в смеси с зернами грецкого ореха, или же тутовый или виноградный бекмес.

Второй раз едят после полудня, в *пешин*, т. е. примерно в час дня. Тут также подают чай, хлеб, кислое молоко и какое-нибудь горячее блюдо. Готовят рисовую с мясом кашу — *шавла* или молочную рисовую кашу — *ширбиринч*, очень часто делают *курутоб*. Летом среди дня же едят свежие ягоды тутовника, абрикосы, яблоки, осенью подают арбуз или дыню.

Основная пища готовится к вечеру. Кроме чая и горячих лепешек, стараются приготовить что-либо посытнее и повкуснее. Летом часто готовят *отала* — лапшу с горохом и зеленью, заправленную пахтаньем, осенью варят тыкву, иногда с молоком, жарят картофель, а если есть мясо, то варят суп — *шурбо* или готовят жареное мясо — *гүшт-бирьён*. Плов готовится сравнительно редко, большею частью для гостей или по праздникам, так же как и рисовая молочная каша. Еда завершается чаепитием. К чаю очень часто подаются сахар, иногда конфеты и печенье или пряники, приобретаемые в магазинах. Иногда в конце ужина едят арбуз.

Прежде, до революции, дневной режим питания был примерно таким же, так же ели три раза в день, за исключением поста в течение месяца Рамазана, когда первый раз ели вечером с наступлением темноты, а второй раз — перед наступлением рассвета — *сахари*, весь же день воздерживались от еды, питья и курения табака. Однако в целом питание было довольно скудным, и если население Каратегина еще обходилось своим хлебом, то население Дарваза постоянно испытывало недостаток хлебных продуктов и было вынуждено применять разные заменители. Очень многие довольствовались чаем с хлебом, к которым иногда раз в день прибавлялась какая-нибудь мучная похлебка, вместо чая заваривали тоже всякие заменители из местных трав и растений.

Кушанья из риса пользовались большим уважением, так как считалось, что рис — это зубы пророка — *дандони пайгамбар*. Поэтому при еде старались, чтобы отдельные зерна риса не падали на землю, а после еды их тщательно подбирали. Остатки таких блюд не полагалось отдавать нечистым животным, например, кошке или собаке. Точно так же не полагалось отзываться неодобрительно об этих блюдах, например, говорить, что кушанье недосолено, недоварено, невкусное и пр., а есть с похвалой. Почти повсюду рисовая молочная каша считалась первейшим блюдом. *Саиди таомхо ширбиринч*, *ширбиринч шохи хуракхо* — «самым благородным из кушаний является рисовая каша, рисовая каша — это царь всех кушаний» — говорили про нее. За нею, уже на втором месте, называли плов и ширравган.

Среди фруктов в Дарвазе занимает такое же первое место инжир, или винная ягода. В некоторых местах особенно почитают тыкву, кушанья из нее, как и кушанья из риса, тоже нельзя называть невкусными и т. п., тыквой клянутся. В Оби-Гарме, например, нами записано даже поверье, что если кто умрет, объевшись тыквы, то попадет прямо в рай. Если в доме готовили кушанье из тыквы и кто-нибудь из пришедших в дом гостей уйдет, не попробовав его, то супруги — хозяйева дома должны считаться разведенными. Очень бережно относятся и к луку, луковую шелуху нельзя бросать в огонь, нельзя на нее наступать, а следует ее выбрасывать в кормушку для коровы.

Вообще к пище относятся до сих пор очень бережно. Особенно бросается в глаза бережное, почтительное отношение к хлебу. Его нельзя было резать ножом или откусывать зубами, а полагалось разламывать лепешку на небольшие куски, а потом уже, взяв такой кусок, отламывали от него меньший кусочек, который можно положить в рот. Нельзя было выбрасывать крошки, а полагалось собрать их и съесть. Большим грехом было топтать хлеб ногами. До сих пор, если кто увидит упавший или брошенный на землю кусок хлеба, то поднимает его и кладет куда-нибудь в сторону, в расщелину стены, в развилку дерева и т. п. Нельзя было класть лепешки верхней стороной книзу. Говорили, что пшеничный хлеб — это «украшение вселенной» — *зинати рӯи замин ай нони гандум*. Однако почти повсеместно хлеб из ячменной муки ставился на первое место, и если к столу подавали и пшеничные и ячменные лепешки, то последние клали сверху, а пшеничные — снизу. Считали, что пророк ячменные лепешки предпочитал пшеничным, а поэтому все правоверные должны тоже больше любить и почитать ячменный хлеб. По другой версии, пророк во время еды, когда были поданы лепешки из пшеничной и из ячменной муки, сперва разломил и стал есть ячменную. Рассказывали легенду о том, что будто сам пророк сеял ячмень, вскапывая землю мотыгой, и сам молотил урожай. Пшеничный хлеб занимал второе место, так как пшеница считалась врагом человека, это ведь она, согласно легенде, послужила причиной изгнания Адама из рая, потому что якобы он по научению дьявола отрезал от пшеничного зерна один кусок, как от дыни, и съел. Хлеб даже одухотворялся. Например, при выпечке лепешек не полагалось оставлять на стенках очага прилипших кусочков теста, нужно было их полностью счищать, так как считали, что если они сгорят, хлеб будет кричать и призывать кару господню на голову той женщины, которая оставила кусочки лепешек на стенках очага. Если ночью ребенку нужно было выйти из дома наружу, то ему давали в руки кусок хлебной лепешки, считая, что в таком случае ему не повредят злые духи, так как хлеб обладает святостью — *нон бузургвор аст*, которой боится всякая нечисть.²⁶

Отношение к хлебу, выпекаемому теперь в пекарнях, несколько иное. Его, например, теперь почти везде режут ножом, и может быть потому, что он сильно крошится, не так уж бережно обращаются с крошками, которые иногда и подобрать-то довольно трудно.

Хлебом, а также и дастарханом, подразумевая под последним разложенный на нем хлеб и вообще пищу, клялись, говоря: *нон занад* — «пусть меня накажет (букв. ударит) хлеб», *ба хурмати ҳамин дастархон!* — «клянусь этим дастарханом!» и т. п.

Приготовление пищи в доме занимается старшая женщина, которой помогают более молодые, выполняя все подсобные работы, а иногда под ее руководством приготавливая и отдельные кушанья. Особенно почетным делом, требовавшим к тому же большого навыка и

уменья, была выпечка хлеба. Она целиком выполнялась и выполняется хозяйкой дома.

Мужчины почти совсем не принимают участия в приготовлении пищи, и только иногда готовят такие несложные блюда, как ячница, мясной суп, жареное мясо, а также плов, который женщины раньше почти не умели делать. Последнее обстоятельство объясняется тем, что рис, раньше не сеявшийся в Каратегине и Дарвазе, не всем был доступен, и плов готовили очень редко. С другой стороны, женщины почти никуда не выезжали и с жизнью и бытом других районов Таджикистана, где рис был более обычным продуктом, не были знакомы. Мужчины же, часто уходившие на сезонные работы в города Туркестанского края, видели там, как готовится плов, а нередко и сами учились готовить его там. Сейчас, наоборот, рис стал обычным продуктом и многие женщины научились готовить плов.

Праздничные и обрядовые кушанья. Из всего разнообразия блюд, составляющих повседневную кухню таджиков Каратегина и Дарваза, можно выделить некоторые, готовящиеся в специальных случаях. Это, во-первых, кушанья, подаваемые гостям, во-вторых, праздничные и, в-третьих, обрядовые.

Во время приема гостей стараются приготовить несколько кушаний, которые подают не сразу, а по очереди, причем промежутки между подачей этих блюд заполняют чаепитием, с которого и начинается всякое угощение.

К чаю подают прежде всего хлебные лепешки, сушеный тутовник с ореховыми ядрами или с орехами, к которым теперь добавляют сахар, конфеты и печенье, а если прием гостей происходит днем, то подают, смотря по сезону, и свежие фрукты: черешню, вишню, ягоды шелковицы, персики, яблоки, инжир, виноград, дыню и пр. Если прием происходит вечером, то из фруктов подают виноград, орехи, яблоки, груши и дыню, а остальные фрукты, которые подаются прямо с дерева, вечером обычно к столу не подают.

Из хлебных изделий, кроме обычных лепешек *гирдача*, пекут слоеные лепешки *тахмол* или *қадмол*, *чапотӣ*, а также мелкие сдобные лепешки *кулча*. Последние подаются и раскладываются на дастархане целиком, а крупные хозяин или хозяйка дома разламывают на куски и раскладывают перед гостями по краю дастархана.

Вслед за чаем подают обычно суп, за которым через некоторое время следует жареное мясо или же курутуб, а завершается угощение пловом, подача которого иногда затягивается до поздней ночи. После плова подают чай без всяких дополнений к нему, и тем угощение заканчивается. Суп подают теперь в большинстве случаев в фарфоровых круглых чашках — *коса*, *дӯғобӣ* или *косаи дӯғобӣ*, каждому гостю по чашке и по ложке, а хозяева и присутствующие другие домашние или соседи, приглашенные по случаю прихода или приезда гостей, часто и суп едят из общей большой чашки. Остальные кушанья подаются на общем блюде. Если гостей и присутствующих много, то каждое кушанье для подачи раскладывают на несколько блюд.

Угощение гостя является делом чести не только хозяина, но и его родственников и ближайших соседей, а иногда и всего селения, как, например, бывало раньше, когда молодой мастер-кузнец приглашал к себе в гости своего учителя, у которого он обучался мастерству. В этом случае все селение принимало участие в приеме гостя, приезжавшего нередко в сопровождении других мастеров, а иногда и своих родственников. Из каждого дома, по мере достатка его хозяев, приносили какое-нибудь кушанье, лепешки, чайники с чаем и пр.

Когда женщины идут в гости, то несут с собою блюдо с пловом — *табақда ош* и сдобные лепешки, а также слоеные лепешки, причем всегда берут четное — *чуфт* число лепешек.²⁷ Если же идут или едут в гости далеко, то плов, конечно, не берут, а ограничиваются хлебными лепешками. Если едут в гости после свадьбы или какого-либо праздника, то берут с собою завернутые в тонкие лепешки — *чапотӣ* жареные в масле кусочки теста *орзуқ* или кусочки жареного мяса, или же *ҳавло*, оставшиеся после праздника. Если едут в гости к близким родственникам, то везут также *даста* — небольшие сшитые из материи мешочки, наполненные урюковыми ядрышками, ядрами грецких орехов, сушеным тутовником, абрикосами и другими лакомствами.

Праздники горных таджиков можно разделить на семейные и официальные, которых всего отмечалось три: праздник Нового года Навруз и праздники Рамазан и Курбан.

Семейных праздников и торжественных дней было довольно много, к некоторым из них приготавливались специальные кушанья. Так, для седьмого дня новорожденного пекли лепешки *гирдача*, из принесенных пришедшими родственницами и соседками продуктов варили вечером кушанье *гандумбоч* — кашницу из дробленой пшеницы, гороха и фасоли. Когда появлялся первый зуб, варили суп из дробленой пшеницы *кашк*, клецки с молоком — *умочи башир*, пекли *кулча* и жарили *орзуқ*, а также для детей жарили в котле, сбрызгивая солевой водой, пшеницу, горох, кунжутное семя, тыквенные семена, орехи и абрикосовые ядрышки, смесь которых называется *гандумбирён*. На торжество первой стрижки пекли *кулча* и *чапотӣ*, готовили *ҳавло*, в ознаменование первых шагов ребенка резали барана, варили *кашк*, в который кладут баранью голову и ноги. На праздник по случаю обрезания пекут *чапотӣ* и *кулча*, жарят *орзуқ*, варят суп и делают плов. На свадьбу, помимо прочих угощений, делают обязательно слоеные лепешки *қадмол*, пекут *чапотӣ*, *кулча*, делают *ҳавло*.

В Дарвазе на свадьбу, если она происходила в начале лета, делали мучные похлебки с травой *модел* — *атолаи модел* или с травой *роу* — *атолаи роу*.²⁸

Из обрядовой пищи в первую очередь нужно отметить *чапотӣ*, которые пекли иногда в очень большом количестве во время поминок или угощений, устраиваемых в память духов предков: резали корову или быка, варили суп — *шӯрбо* и раздавали это угощение односельчанам и другим присутствующим.

На праздник нового года и на религиозные праздники делали *хавло* двух сортов: *ҳавлои сурхак* — красная халва, называемая также *ҳавлои резақ*, *ҳавлои умочақ* или *ҳавлои регӣ*, и *ҳавлои сафедак* — белая халва. Для приготовления первой делали мелкие клецки из муки с водой — *умоч* и поджаривали их в хорошо раскаленном льняном масле, а потом поливали бекмесом из ягод тутовника (теперь поливают сахарным сиропом), перемешивали и складывали в посуду. Для второй в раскаленном бараньем курдючном сале поджаривали муку, потом выливали в деревянную чашку и сбивали сперва ложкой, а когда эта масса немного остынет — рукой, до тех пор, пока она не станет белой и пенообразной. Тогда в нее выливали охлажденный густой сахарный сироп, для получения которого сахар-рафинад заливали кипятком и давали раствориться. Сало с мукой пропитывалось сиропом и, когда вся масса застывала, она была похожа на жирный вкусный белый крем.

Халву раскладывали небольшими порциями на лепешки *чапотӣ*, делали свертки четырехугольной формы и раздавали приходившим

поздравлять с праздником визитерам, которыми обычно бывала киш-лачная детвора. Белую халву иногда готовили зимой и подавали на завтрак. Из хлебных изделий на праздники пекли *кулча*, жарили в масле *чалпак* и *чағалдак*, а также *орзуқ*. Варили и красили куриные яйца и раздавали их вместе со свертками из лепешек с халвой внутри.

На праздник Нового года, а также осенью в Каратегине пекли лепешки из пшеничного солода, называемые *суманаки нонй* или *кулчаи суманак* (иногда *сумалак* или *саманак*) или варили кисель — *шира* из сока, выжатого из пророщенной пшеницы. *Суманак* готовили также в праздники Курбана и Рамазана, также ко дню положения ребенка в колыбель.

Для приготовления солода пшеницу мыли и заливали на сутки водой, потом воду сливали, а пшеницу раскладывали на блюда не-толстым слоем и время от времени сбрызгивали, чтобы она была все время влажной. Через неделю пшеница прорастала; тогда ее либо сушили и мололи на муку, которую употребляли для выпечки солодо-вых хлебцов, примешивая к ней обыкновенную муку, либо толки в ступках, отжимали и собирали в посуду сок, а потом варили из него кисель или же добавляли в него обыкновенной муки, месили тесто и пекли лепешки. Выжимки выбрасывали или же сушили, мололи и подмешивали в хлеб. Обыкновенно пшеницу проращивали рано весной, однако бедные люди делали это и с осени, не надеясь, что весной у них будет пшеница. Лепешки с примесью солодовой муки пекли либо обычным способом, т. е. прилепляя их к раскаленным стенкам очага, либо под горячей золой (в этом случае лепешки завертывали в листья тыквы), либо на поду очага, в последнем случае весь жар из очага сметали и складывали в котел, поставленный на очаг, под очага подметали еще раз, и раскладывали на него сделанные из солодо-вого теста лепешки. Таким образом они пекутся и снизу, на поду, и сверху, от жара, исходящего от котла, наполненного горящими угля-ми. Горячие лепешки ели со сливочным маслом, делая из них *фатир-маска* или *суманакруған*. В к. Умарак, например, на это кушанье зва-ли соседей, говоря *савзай баҳор аст* — «есть весенняя зелень», и уго-щали их. При этом все желали друг другу всякого благополучия в новом году.

Солодовый кисель в Оби-Гарме варили в глиняных кувшинах, в которых предварительно раскаливали топленое масло, потом выли-вали туда либо сок пророщенной пшеницы, либо разведенный водой пшеничный солод, и кувшин на всю ночь ставили в хорошо натоплен-ный очаг или зарывали в жар в очаге, утром вынимали, разливали по чашкам и ели ложками или кусочками хлебной лепешки. В Гарме при приготовлении киселя раскаливали в котле немного масла (что-бы суманак при варке не приставал ко дну котла) и лили в него немного воды, давая ей закипеть, а потом выливали сок пшеницы. Под котел клали крупные поленья дров — *кундаҳои калон*, чтобы кисель понемногу кипел все время. Варящие суманак женщины, обы-чно старухи, надевали белые платья. В полночь котел плотно закрыва-ли крышкой и оставляли его до утра на очаге, жар из которого не выгребали. Утром кисель разливали по чашкам и ели.

Суманак варили тогда, когда в доме все было благополучно, при хорошем настроении — *одамои вақтхуш*, если же в семье кто-нибудь умер, то суманак нельзя было варить или печь. Его никогда не со-лили.

В Дарвазе приготовление суманака бытовало, по-видимому, в са-мом Калаи-Хумбе и в ряде лежащих рядом с ним кишлаков (Ума-

рак, Хек), а в более отдаленных кишлаках по Пянджу (Ёгид, Пуни-Шор, Ризвай, Угр) приготовление суманака нами не было отмечено.

Говоря о ритуальных кушаньях, нельзя не упомянуть об очень интересном обычае, бытовавшем до самых последних дней в к. Курговад — выпекать из теста к празднику Навруза фигурки горных козлов, называвшиеся нахчирак (рис. 2, на стр. 245). К сожалению, более подробных сведений об этом обычае записать не удалось.

«Горячая» и «холодная» пища. В заключение следует остановиться на интересной особенности, присущей, правда, не только таджикам Каратегина и Дарваза, но и всем народам Средней Азии и даже гораздо шире — всему мусульманскому миру, а именно: делении всей пищи по своим внутренним свойствам на «горячую» — *гарм* и «холодную» — *хунук*, на горячительную и охлаждающую. Так, баранина и мясо горного козла, верблюжати́на, конина, рыба считаются горячими, а говядина, курятина и, особенно, козлятина — холодными; из жиров баранье сало, миндальное масло, масло из грецких орехов — горячие, а топленое коровье масло, хлопковое, льняное и кунжутное масло — холодные; пшеничный хлеб горячий, а ячменный — холодный; печеные яйца, кипяченое молоко — горячие, а вареные яйца, сырое молоко — холодные. Некоторые «холодные» продукты меняют это свое качество в зависимости от способа их приготовления. Так, например, считается, что «холодные» говядина и козлятина, изжаренные на бараньем, лошадином или верблюжьем сале или на одном из «горячих» растительных масел, делаются «горячими», а если пожарить «горячее» мясо, например, баранину, на козьем сале, то она будет считаться «холодной» и т. п. Разные мучные или крупяные супы, заправленные кислым молоком или пахтаньем, считаются холодными, а супы, заправленные молоком или сваренные на молоке, — горячими. Растительные продукты различаются по внешним признакам. Так, плоды, фрукты или овощи, у которых цветы красного или желтого цвета, считаются горячими, а те, у которых цветы белого, голубого или синего цвета, считаются холодными и т. п.

Считалось, что каждый человек должен учитывать эти свойства пищи и организовывать свое питание так, чтобы принимаемая им пища соответствовала его *мицоз* — темпераменту по принципу противоположности. Темпераменты всех людей делятся на «горячие» и «холодные». Таким образом, люди с «холодным» темпераментом для поддержания своего организма в нормальном состоянии, в равновесии, должны больше питаться «горячей» пищей, иначе холодные элементы в их организме могут «победить», а это нарушение равновесия может повести к болезни, а в некоторых случаях и к смерти. Точно так же люди с «горячим» темпераментом не должны увлекаться «горячей» пищей, так как это может повести к перевесу в организме «горячих» элементов. Например, многие жалуются, что не могут пить черный чай, так как он «горячий» и вызывает у них головную боль. Попадались и такие люди, которые говорили, что, наоборот, «холодный» зеленый чай им не подходит, а лучше пить черный и т. п.

Бросается в глаза то, что к «горячей» пище относятся наиболее питательные, наиболее калорийные блюда и продукты, в то время как менее питательные относятся к категории «холодной» пищи. Интересно отметить и такое обстоятельство, что некоторые новые продукты, недавно вошедшие или только еще входящие в пищевой рацион таджиков, не совсем еще уверенно отнесены к той или другой категории пищи, о них существует двоякое мнение. Так, например, помидоры, не-

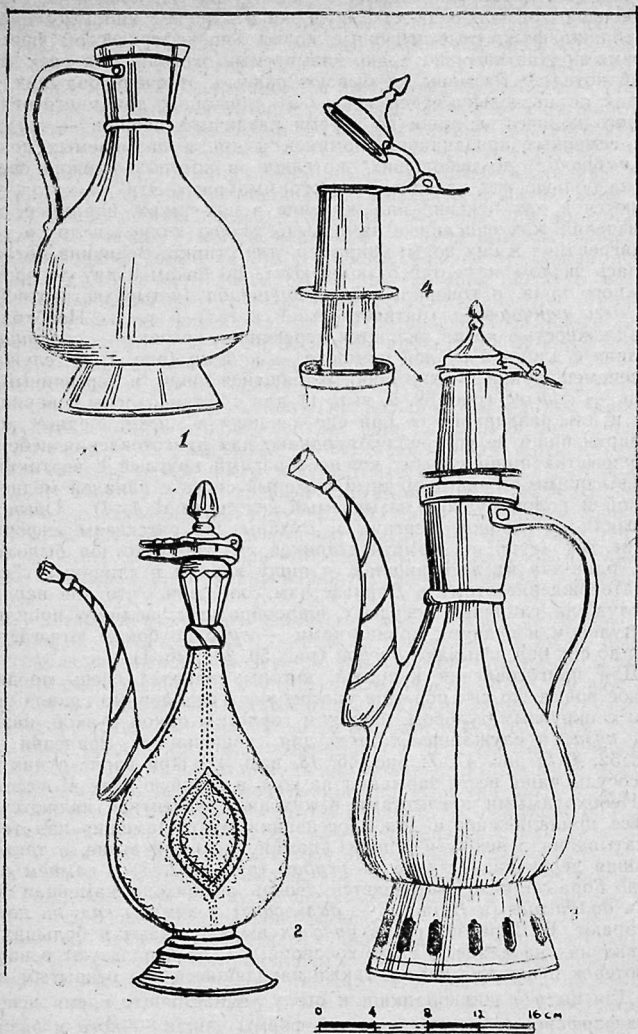


Рис. 3. Медная посуда: 1—*чойчди* — кувшин для кипячения воды, КП 361/3; 2—*афтоба*—кувшин для поливания на руки, КП 247/1; 3—*афтоба-самовар* — самовар, КП 245/1; 4—верхняя часть самовара.

смотря на наличие у них явных признаков «горячей» пищи (красный цвет плодов, желтые цветы), все же некоторыми считаются «холодными», не вполне еще установлена в этом отношении и категория картофеля.

Кухонный инвентарь таджиков Каратегина и Дарваза не отличается большим разнообразием. Для варки и жарения пищи повсеместно употребляют фабричные чугунные котлы полусферической формы с четырьмя прихватками по краю, называемые *дег* или *деги сиёх* (букв. черный котел).²⁹ Размеры их бывают разные, от очень больших, вмещающих по несколько ведер воды и служащих для приготовления большого количества пищи во время различных сборищ — *маърака*, вроде семейных праздников, поминок и др., и называемых поэтому *деги маърака*,³⁰ до небольших котелков, в которых можно сварить плов не больше как из одного килограмма риса. Эти же котлы употребляют и для печения или жарения в них таких, например, хлебных изделий, как описанные нами выше *орзук*, *қатмол* и др., а также для нагревания в них воды, например, для стирки. Величина котла измерялась числом четвертей от края котла по бокам и дну до противоположного края, и говорили *деги чорвачаба* (четырёхчетвертной котел), *деги панҷвачаба* (пятичетвертной котел) и т. д. Необходимой принадлежностью котла являются деревянная крышка — *сарпӯши дег*, железная с длинной ручкой шумовка — *кафғир* (рис. 1, 1), служащая для перемешивания и вынимания жарящейся пищи, и деревянный уполовник — *кафлес* (рис. 59, 9, вып. 1) для снятия пены с варящейся пищи и для разливания ее при еде в чашки и миски. Медных котлов для варки пищи не употребляют, однако для приготовления небольшого количества пищи служит ковшеобразный круглый с вертикальными невысокими стенками медный луженый сосуд с длинной медной же круглой и полый ручкой, называемый *ёғлоғу* (рис. 1, 4). Обычно их привозили из городов Ферганы и Бухары. По рассказам информаторов, не так давно, на памяти стариков, чугунных котлов было очень мало, один-два на весь кишлак, и пищу варили в глиняных сосудах. В подтверждение этому в Дарвазе нам сообщали, что для варки пищи служили глиняные сосуды с шарообразным, немного приплюснутым туловом и с двумя прихватками — *ғура* по бокам, отчего и сам сосуд до сих пор называют *дуғура* (рис. 50, 20, вып. 1).

Для приготовления кушаний, которые варятся очень продолжительное время, до сих пор еще употребляют неполивные глиняные кувшины с округлым туловом, широким горлом и одной ручкой, называемые *кӯза* и служащие также для ношения и хранения воды (рис. 52, 4, 5; рис. 47, 7; рис. 46, 18, вып. 1). При варке в них пищи эти сосуды чаще всего зарывают на ночь в горячую золу в очаге.

Необходимыми предметами в кухонном инвентаре являются также все принадлежности для просеивания муки, замешивания теста и раскатывания лепешек и лапши, упомянутые нами выше, а также небольшая деревянная ступка — *уғурак* (рис. 1, 2, 3) с камнем вместо песта. Гораздо реже встречается теперь в обиходе каменная зернотерка *далдасанг* (в Дарвазе — *дальясанг*) с камнем *ғалтун*, которым растирают. В Дарвазе ступки *чувозак* выдалбливают в больших камнях-валунах на улице, в саду, во дворе и т. д., используют в качестве зернотерок и плоские камни, также находящиеся под открытым небом.

Для подачи жидкой пищи к столу в настоящее время используются фарфоровые полусферической формы чашки — *коса* и различного размера деревянные чашки и миски, а густая пища, вроде всякого рода жарких, плова, густых каш и пр., подается на фарфоровых, фаянсовых, эмалированных или алюминиевых блюдах или тарелках, которые часто ставят в большую деревянную чашку, чтобы при еде крошки и кусочки пищи не падали с блюда.

Для подачи плова существуют также специальные деревянные двойные блюда — *дутабақа* или *таутабақй*, выточенные из одного куска дерева и представляющие собою как бы поставленные одно на другое два блюда (рис. 59, 3, вып. 1).

Для еды жидкой пищи подаются ложки: металлические — *қошуқи тунука*, алюминиевые, деревянные расписные ложки русской работы — *қошуқи най* и деревянные ложки с длинным череном местного изготовления.

За годы Советской власти кухонный и столовый инвентарь обогатился разного рода эмалированной, алюминиевой и фарфоровой посудой. Это тазы, употребляемые главным образом для замешивания теста, ведра, разных размеров кастрюли — *дегча* или *каструлка*, разнообразные фарфоровые тарелки, блюда, блюдца и чайная посуда. Исключение составляют разве сковороды, которые до сего времени широкого признания не получили, вероятно вследствие отсутствия традиции приготовления соответствующих этой посуде блюд, вроде пирожков, пирогов, котлет и т. п. За последние годы стали входить в быт и такие предметы, как примус и керосинка.

Манера еды. Едят в большинстве случаев сидя на растеленной кошке, паласе или ковре на полу, на больших деревянных кроватях — *нарах*, называемых *кат* или *каравот*, или на глинобитных *нарах* — *суфа*, *дукон*. Еда расставляется на *дастархон* — скатерть или кусок материи, которые теперь часто заменяет клеенка. Раньше для этой цели были в обиходе прямоугольные скатерти, сшитые из узких полос полосатой же разноцветной материи, сотканной из овечьей шерсти.

По рассказам стариков, в старину *дастарханы* были большой редкостью и очень часто хлеб при еде подавали на круглой подушке — *рафида*, служащей для прилепливания лепешек к стенкам очага при их выпечке.

Перед едой и после еды полагается мыть руки, однако это делается обычно не перед тем как садиться за *дастархан*, а перед подачей горячего блюда, которое полагается есть руками. Тогда ко всем сидящим за *дастарханом* по очереди подходит кто-нибудь из младших членов семьи с *афтоба* — медным (рис. 3, 2) или глиняным кувшином для воды, с чашкой или специальным металлическим сосудом, над которым моют руки и который называется *дастшй*, *чаламчй* или *чалапчй* и с полотенцем и, поставив тазик, поливает из кувшина воду на руки моющему. Полагается полить воду на руки три раза, после чего нужно дать воде стечь с рук и потом вытереть их полотенцем. Не полагается мыть руки с мылом, а также стряхивать с рук воду после умывания, так как брызги могут попасть на пищу и осквернить ее. Вообще руки почти не мыли с мылом, это стало входить в обиход за последние годы, как и чистка зубов щеткой с порошком или пастой, и то только в среде кишлачной интеллигенции.

Такая же процедура мытья рук производилась и после еды, чтобы не осквернить остатки прилипшей к рукам пищи прикосновением к чему-либо нечистому. Считалось также, что жирные руки необходимо после еды мыть еще и потому, чтобы «благодарить» масла не ушла, а осталась дома. Кроме того, запах масла, исходящий от рук, якобы мог привлечь всяких «нечистых духов».³¹ Это трехкратное ополаскивание рук считалось достаточным для приведения их в состояние ритуальной чистоты. Вытирали руки не только полотенцем, но и краем *дастархана*, поясным платком, а то и полою собственной одежды. Жирные руки после еды, например плова, часто обтирали о голенища сапог или ичигов, а потом уже ополаскивали.

Раньше (а в ряде случаев и сейчас) при еде обходились без ложек. В суп и вообще в жидкую пищу, например в ширчой, крошили хлеб и выбирали его руками, а потом отпивали и бульон. Существует и такой способ подачи супа: в большую деревянную чашку кладут одну на другую несколько тонких лепешек чапоты и на них наливают суп. Едят тоже руками, отрывая от непокрытых супом краев лепешек по кусочку и захватывают им размокшие в супе лепешки, прихватывая и кусочки мяса. Теперь, когда супы стали варить с картофелем, бульон подают указанным способом, а мясо и картофель, сваренный либо целиком, либо крупными кусками, выкладывают и подают в отдельной посуде после супа, в качестве второго блюда. Кашицеобразные или киселеобразные похлебки, лапшу и пр. подают в больших деревянных чашках. К каждой чашке подается одна ложка местного изготовления с длинным череном. Едящие рассаживаются вокруг и едят этой одной ложкой по очереди. Начинает есть старший по возрасту или по положению. Каждый зачерпывает ложкой два раза, потом кладет ложку в чашку, перевернув ее вверх дном, и подвигает черен ложки к своему соседу справа. Сосед, тоже съев две ложки похлебки, передает таким же манером ложку своему соседу справа. Брать в каждую очередь больше чем по две ложки еды считается неприличным, а также не принято и класть ложку, не перевернув ее вверх дном, так как это считается приметой того, что наступит голод или неурожай. Такой способ еды одной ложкой с усвоением культурных навыков населением постепенно исчезает.

Плов едят правой рукой, причем, отделив к краю блюда горсть риса, обжимают ее пальцами, кладут на нее кусочек мяса с приправой из лука и пр. и, прикрыв пятерней, поднимают с блюда и кладут в рот. Едят не торопясь, соблюдая очередность и беря рис с блюда примерно так же часто, как и все сидящие. Густые каши едят тоже руками, иногда помогая кусочком хлеба. Густые киселеобразные кушанья едят, обмакивая в них кусочки лепешки. Так же едят и кислое молоко, под конец отпивая его по очереди через край чашки. Старое правило предписывает не доедать всю еду до конца, а оставлять часть ее младшим или женщинам. Последние доедали все до конца, вылизывали чашку или блюдо, особенно если кушанье было жирное. Это вылизывание — *косалес* считали даже богоугодным делом — *саовоб*.

В прежнее время обычно в семье мужчины ели отдельно от женщин и детей. Им подавали в первую очередь большую и лучшую часть приготовленной пищи, женщины же и дети довольствовались остатками и ели в отдельном углу дома, поближе к очагу. Зимой по вечерам мужчины уходили в *алоухона* — помещение при мечети, где по вечерам собиралось все мужское население кишлака. Туда из домов относили им пищу и чай, которые съедались и выпивались там сообща. Там же принимали и гостей, для которых хозяин приносил на ночь и постель, если гости оставались ночевать.

Подводя итоги приведенным выше сведениям о пище таджиков Каратегина и Дарваза, можно прийти к такому заключению, что состав продуктов и приготавливаемых из них кушаний и выпекаемых сортов хлеба был весьма разнообразным и в целом одним и тем же для Каратегина и Дарваза, однако в последнем, вследствие крайнего малоземелья, питание населения в общем было гораздо скуднее, было меньше хлебных продуктов, меньше скота, больше употребляли в пищу фруктов, особенно ягод тутовника в свежем и, главным образом, в сушеном виде.

В настоящее время основной состав пищи остался тем же самым, но за годы Советской власти пища стала обильнее, к ней прибавился ряд новых продуктов, существенно улучшивших питание населения. К их числу принадлежат такие прочно вошедшие в быт продукты, как картофель, морковь, помидоры, отчасти кочанная капуста и рис, а также сахар, кондитерские изделия и печенье, лапша, макароны, вермишель и манная крупа, которые можно всегда найти в магазинах и лавках широко разветвленной торговой сети. Мед, который раньше знали больше понаслышке, сейчас во многих колхозах распределяется на трудодни.

Вследствие проведения широкой разъяснительной работы и повышения культурного уровня и материального благосостояния народных масс сошло на нет потребление наркотиков — опиума и анаши, улучшились и санитарные условия быта, постепенно население повышает гигиену питания, отмирают привычки пить чай из одной пиалы, есть пищу из общей миски руками или одной ложкой, хотя до сих пор еще скатерть, на которой едят пищу—*дастархон* расстилается на полу.

Прежним, к сожалению, остается в большинстве случаев и порядок приема пищи, при котором основная, наиболее обильная и питательная часть дневного рациона съедается поздно вечером, фактически незадолго до сна.

Проводимые партией и правительством мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства, в частности по развитию садоводства и виноградарства, по разведению плодовых садов на обеспеченной богаре, несомненно, будут способствовать еще большему подъему материального благосостояния населения горных кишлаков Каратегина и Дарваза, а тем самым и дальнейшему улучшению его пищевого режима, а неуклонное повышение культурного уровня населения будет способствовать отмиранию отрицательных черт, сохранившихся от старого быта до наших дней.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Народная медицина таджиков представляет собою мало исследованную область. По этому вопросу мы находим лишь отдельные сведения в работах, изданных как до, так и после революции,¹ в большинстве случаев посвященных либо таджикам равнины, либо вообще оседлому населению Туркестана, в частности, Ферганской долины, которое по своей духовной и материальной культуре очень тесно связано с таджиками равнинных районов Северного Таджикистана, а также в этнографических работах, посвященных горным таджикам.²

Однако материалы и данные, которые можно найти в этих работах, преимущественно освещают магические приемы, применявшиеся местными знахарями для «изгнания» болезни из тела больного или для «предохранения» человека, главным образом женщины в период беременности и роженицы и новорожденного младенца в первые дни после родов, формулы магических заклинаний и т. п. Средства и способы лечения болезней, которые носили в себе рациональное начало, оставались почти не освещенными.

Специальных работ, посвященных вопросам рациональной народной медицины — лечению травами и лекарствами из них сделанными, а также таибской медицине оседлых народов Средней Азии, насколько известно, имеется всего три.³

Что касается народной медицины горных таджиков Каратегина и Дарваза, то она, как видно из приведенного выше обзора, не только не была до сих пор темой специального исследования, но даже не затрагивалась попутно в других научно-исследовательских работах, довольно многочисленных по этой области Таджикистана.

Таким образом, вопросы народной медицины таджиков Каратегина и Дарваза оставались не освещенными в научной литературе.

По заданию Института истории автор настоящей работы в 1943 г. проводил сбор сведений по народной медицине таджиков указанных районов в районе Гарма, а в 1954—1956 гг. работал по этой же теме во время сплошного этнографического обследования Каратегина и Дарваза. Нашими информаторами были большею частью пожилые таджички и таджики-крестьяне. Только один информатор, сообщивший нам много очень интересных данных, был образованным по дореволюционному времени человеком — он прошел полный курс наук в одном из бухарских медресе и много лет занимался лечением травами. Это известный в свое время по всему Каратегину и за его пределами Эшон Малех из к. Аскалон Гармского района, умерший в 1958 г.

На основе собранных материалов нами была написана статья⁴ приложением к которой должен был быть приведенный ниже перечень.

Говоря о современном положении медицинского обслуживания населения, нужно отметить, что в силу ряда причин до сих пор пользуются услугами бабки-повитухи — *момодоя* и *усто* — специалиста по обрезанию, которому подвергаются все мальчишки. Существует и дру-

гая группа врачей. Это костоправы *шикастабанд*, да сохранившиеся еще кое-где табибы. Кроме того, само население применяет много всяких снадобий и средств, иногда вместе с лекарствами, предписанными врачом.

До революции медицина была полностью в руках местных врачей, делившихся на *царрох* — «хирургов», *каҳҳол* — «окулистов» и табибов — «терапевтов». Обычно они проходили курс наук в медресе, где иногда читались и лекции по восточной медицине — *илми тибб*. Представления об анатомии и физиологии человеческого организма не выходили за рамки средневековой медицинской науки Востока, корифеем которой являлся Абуали ибн-Сино, чей знаменитый «Канон», написанный в XI в. на арабском языке, много раз переводился на многие языки средневекового Востока и Запада.

Очень характерно для медицины Востока, в том числе и Средней Азии, представление о зависимости человеческого организма от того или иного соотношения находящихся в нем четырех элементов, соответствующих четырем элементам стихии. Это *савдо*, соответствующее земле; *балғам* — соответствующее воде; *сафро* — соответствующее огню; *хун* — соответствующее воздуху. Однако здоровье человека очень сильно зависит и от сердца, являющегося *раиси аъзо* — главой органов человеческого тела. В зависимости от упомянутых четырех элементов

находится и темперамент человека. Характерно также для таджиков вообще деление лечебных средств, как и пищи, на горячительные *гарми* и на охлаждающие *хунук*, что особенно учитывается при назначении лечения и диеты.

Наравне со средствами и способами лечения, носившими в какой-то степени рациональный характер, в народной медицине таджиков исследуемого района применялось много всяких средств и способов, носивших частично или целиком магический характер. В качестве примера можно привести способ лечения дифтерита *тосак* у таджиков кишлака Ёгид (Дарваз), когда они изготовляли

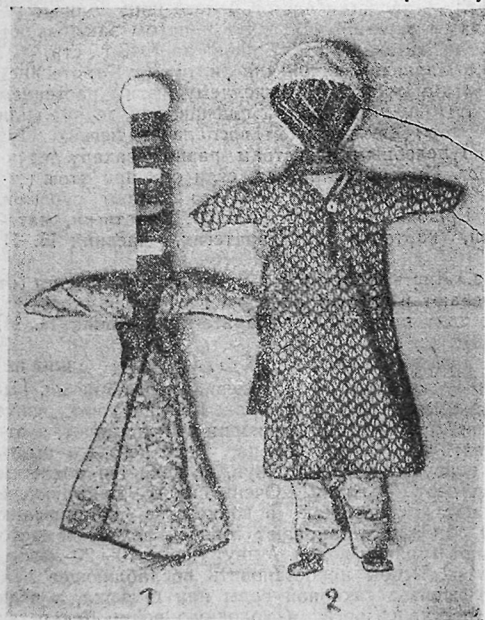


Рис. 1. Куклы, которые в к. Ёгид бросали в реку как магическое средство против дифтерита—*тосак*: 1—*шома-рак* — мужчина (КП 424—2) и 2—*луххак*—женщина (КП 424-1).

ну и женщину и, считая их олицетворением болезни, с песнями, играя на бубнах, относили их и бросали в р. Пяндж, после чего, не оглядываясь, убегали в кишлак (рис. 1). К этой же категории средств лечения от-

носятся, например, и такие, как обмывание детей водой, оставшейся в котле неиспользованной при обмывании покойника, или укладывание ребенка в старую могилу. Сюда же входят и всевозможные ладанки *тумор*, которые население до сих пор носит в большом количестве.

В заключение можно сказать, что, с одной стороны, в народной медицине таджиков Каратегина и Дарваза имеется много отдельных полезных приемов и средств лечения, выработанных многовековой народной практикой или заимствованных у других народов. С другой стороны, в ней мы находим много и знахарских приемов лечения, порою наносящих только вред здоровью человека. Часть их основана, вероятно, на остатках весьма древних народных представлений и базируется на религиозных верованиях.

Эти два основных направления народной медицины, т. е. направление эмпирическое и направление религиозно-магическое, переплетаясь вместе, и образуют тот комплекс, изучению которого наши материалы могут в какой-то мере способствовать.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕЧЕБНЫХ СРЕДСТВ

1. Лекарства и средства растительного происхождения

Барги гули хори сафед — лепестки цветов белого шиповника смачивают несколькими каплями зеленого чая, мнут и потом закапывают в глаза при рези (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 36).

Вилчак или **охчаир** (в Дарвазе), **акчой** или **хилтит** (в Каратегине) — ферула кокандская (*Fegula kokanika*). Выделяемую этим растением камедь пьют в количестве, равном одному пшеничному зерну, или меньше чем по горошине при двустороннем воспалении легких. Она считается «горячей» и по целебным свойствам равной сахару-леденцу — *қадди набот давос*. При болезни глаз, если они при этом чешутся, кусочком камеди смазывают веки, как это делают сурьмой, (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59; Каратегин, материалы М. Хамиджановой, карточка 179; Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 13).

Газанка — крапива. Листья растирают и, завернув в лист от тыквы или в лопух, запекают в горячей золе, после чего, немного остудив, прикладывают к паху при грыже (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 42).

Гаркунда (тадж.) или **мозирьюн** (араб. *مازريون*) — дикий перец или испанская ягода — растение с клубневидными корнями, выделяющими при разрезании желтый млечный сок. Клубни моют, режут крупными кусками и кипятят в воде. Потом корни выбрасывают, а отвар продолжают уваривать до густоты сиропа, после чего его выливают на лист бумаги и подсушивают. Высохнув, он делается похожим на темную жевательную серу — *сақич*. Очень сильно действующее слабительное. Принимают его натощак в количестве «с ядрышко урюка» — *ченни мағзи зардолу* и запивают горячей водой, немного ходят и еще раз запивают горячей водой. Минут через 10—20 лекарство начинает действовать. Чтобы приостановить послабляющее действие лекарства, нужно выпить сахарной воды или бульона, а если это не подействует, то поставить ноги в холодную воду. Лекарство быстро разводится в теплой воде и не имеет ни горечи, ни неприятного запаха, но только иногда после его приема тошнит. Однако, если в течение 20 минут не тошнит, то уж больше тошнить не будет. (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 19).

Гашничи ёбонӣ (тадж.), **кузбаратул барр** (араб.) или **шотара** (инд.) — дикий кориандр. Растения собирают в период завязи семян, сушат, толкут и этим порошком присыпают порез или гнойную рану и завязывают. При кровотечении из носа этот порошок нюхают (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 9).

Гули бунафша — цвет фиалки пьют в заваренном виде при преобладании в организме «горячего» начала — *гармӣ задағӣ* в результате может быть излишнего употребления «горячей» пищи (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 40).

Гули махсар — трава, растущая в альпийской зоне, считается лекарством от всех болезней. При лечении детей магическими действиями веткой этого растения слегка ударяют ребенка. Цветы у растения желтые (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175).

Гулканд, чаланчабин или мураббои гул — розовое варенье. Для его приготовления собирают лепестки только-что распустившихся красных роз с еще не высохшей росой, обрезают у них белые черенки и очищают от тычинок, взвешивают и растирают с сахарным песком в пропорции на 1 фунт лепестков 4 фунта сахарного песка или 3 фунта колотого сахара. Очень тщательно растерев лепестки с сахаром, всю массу складывают в облитую посуду с плотной крышкой и держат на солнце от 40 до 70 дней, причем через каждые два дня перемешивают массу ложкой и опять плотно закрывают. Получившееся густое повидлообразное варенье едят при колотье в боку (плеврит?), левостороннем воспалении легких примерно по 6 грамм за прием утром натощак и вечером перед сном. Утром после приема ничего не едят в течение 2 часов. При туберкулезе легких — *дарди сил гулканд* принимают указанными дозами по утрам в течение 6 месяцев.

Гулканд делают и на меду и при этом добавляют в него толченые корицу и тмин по 2,5 пайса (25 граммов) того и другого. Лепестки роз сушат в тени, и перед тем, как их толочь, минут на 10 оставляют на солнце, а затем быстро размельчают и смешивают с 3 фунтами меда и так же выдерживают на солнце, как и гулканд сахарный. Гулканд на меду сильнее действует и поэтому его принимают вдвое меньшими дозами.

При правостороннем воспалении легких, возникающем от преобладания «горячего» начала, нужно давать *гулканд*, приготовленный из лепестков белых роз (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 11—12).

Зардгулак — сурепка (?). Цветы в свежем или сушеном виде толкут и пьют с водой как слабительное (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Зардолуи кок — сушеный абрикос в размоченном виде прикладывают к нарывам (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Зардҷӯба — имбирный корень. Толкут вместе с сырым курдючным салом, и когда все превратится в однородную массу, из нее делают небольшие, величиной в горошину, пилюли, которые женщина вводит во влагалище, затем ложится в постель, тепло укрывшись. Применяют при бездетности, повторяя до трех раз (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 191).

Испарак — живокость (*Delfinium L.*). Листья и стебель кипятят и теплым привязывают к горлу при болезни горла — *дарди гулу* (ангина?). (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 23).

Кавар — каперсы. Собирают завязи, кипятят и отваром полощут горло при *дарди қиртиқ* (ангина?). (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58).

Камол — одна из ферул. Сушеные листья ее размачивают и прикладывают к чирьям, а также употребляют таким же образом и выделяемый этим растением клейкий сок (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Качул — корень очень душистой травы, который привозили из Ферганы. Кусочек корня брали в рот и сосали во время приступа удушья (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 21).

Корчи харак — гриб (?). Кипятят его и отваром полощут горло при боли в нем — *дарди гулӯ* (ангина?), а сам гриб горячим привязывают к горлу (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 23).

Кошнич (в Дарвазе), **кошницах** (в Вахио), **косний** или **шири харак** (в Каратегине) — цикорий дикий (*Cichorium intybus* L.). Листья толкут и привязывают к опухолям (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58). Корень нарезают кусочками и на ночь намачивают в холодной воде. Утром воду сливают, а из корня варят на сахаре варенье, которое и принимают перед сном в количестве, равном одной ягоде урюка — *ченни як зардолу*. Принимают при желтухе, кашле, водянке в течение от 5 до 20 дней, смотря по состоянию больного (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 3—4). Настой из корней пьют натошак вместо хины при малярии и при желтухе (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29 и по материалам М. Хамиджановой, карточка 179).

Кучала — трава, употребляемая для лечения паралича — *шал-дард*, опухолей и др. Ее едят в вареном виде, а при опухолях прикладывают в сыром виде (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 176).

Малхам — вытяжной пластырь из муки, смолотой из пшеницы, вырощен на неpolивной земле — *гандуми лалма*. Муку заваривают кипятком, размешивают в однородную массу и уваривают до густоты заквашенного молока — *то ғафсии чурғот*, намазывают на бумагу и прикладывают к ране. Этот пластырь очень быстро очищает нарыв от гноя и вытягивает корень — *хартум* чирия (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 17).

Марз — трава, употребляемая при лечении паралича, для чего ее кипятят в большом котле и в остывший отвар сажают больного (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 177).

Мармишон — ежевика. Корни ее кладут в киселеобразный суп из поджаренной муки и едят в качестве потогонного при сыпном тифе — *домана* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 25), а ягоды ее едят натошак при «перегреве» организма — *гармй задагиба*. Считается очень охлаждающим целебным средством (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 25 и 29).

Меъдаках — желудочная трава. Берут нечетное — *тоқ* количество семян растения (7 или 9) и едят их с маслом для очищения желудка (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58).

Моралаф — «змеиная трава», листья которой сушат, толкут, и этим порошком присыпают раны как людям, так и животным. Вылечивает застарелые раны (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29).

Мураббон халилаи зард — варенье из желтого кардамона, дается больным геморроем (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 33).

Мушхор — лопух (*Arctium mayus* Gaerth.). Листья этого растения, называемые *патрун*, предварительно подвяленные, привязывают на опухоли (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175). *Фураи мушхор* — семена лопуха, числом семь, растирают и едят с киселеобразным супом из поджаренной муки — *ордбирён* при грыже в паху (*тунукй*) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 37).

Нахуд — горох (нут) мочат в воде день или немного меньше, затем эту воду пьют, как и сандаловую воду, при сердцебиении (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 21).

Наэно — мяты различные, например, *наэно* (мята перечная), *пудинаи лалма* (мята полевая) и др., подвергаются перегонке и употребляются при кашле (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 32).

Нозбӯ или райхон — базилик, листья его толкут и прикладывают к горлу при болезни горла или, смешав с тестом, прикладывают к сердцу при сердцебиении (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 51).

Оби ток — сок виноградной лозы при весенней обрезке собирают в бутылки и пьют при головной боли одну пиялу, а также смачивают этим соком болячки, называемые *хушкхориш*, которые очень чешутся (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 29).

Ос — миртовое дерево. Древесину и листья употребляют при кашле, водянке, насморке и поносе. Дерево это раньше привозили из Бухары (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 28).

Оташак — трава, употребляемая при лечении лишаев и чесотки. Ее сушат, толкут и порошком присыпают больное место (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 177).

Палпй или парпй, по-видимому портулак, растирали на камне и мазали грудь при левостороннем воспалении легких — *халаи дасти чап* (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Пардам — трава, растущая весной в садах и в поле. Листья привязывают на опухоли и нарывы (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 179).

Пиёз — лук репчатый. Запекают в золе луковицу и, отделив от нее пластинку, еще горячей прикладывают к чирьям и нарывам (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Пупалок или окиркара (?) — трава, корень которой сушат, толкут, и этим порошком присыпают порезы и раны (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 9).

Пучоқи анор — гранатовую корку сжигают, и дым нюхают при угаре (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 29).

Пӯсти мозу — скорлупа чернильных орешков. Небольшой ее кусочек кладут в ранку чирья, после того как из нее удален корень. Это будто бы ускоряет заживление раны (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 16).

Равғани бодом — миндальное масло. Употребляют для очищения и заживления ран. Будто бы был случай, когда этим маслом вылечили загноившиеся раны от укусов собаки. Для этого брали новый карбос, рвали его на небольшие куски, достаточные по размеру для того, чтобы накрыть рану, мочили их в миндальном масле и нагревали, держа на палочках около костра до появления пены, и потом накладывали на рану и завязывали. Больной все время сидел у сандала и держал ногу в тепле. Через неделю рана будто бы очистилась от гноя,

показалось новое мясо, рана стала затягиваться, струнья — отпадать (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 36).

Равгани турб — редечное масло. Для его приготовления натирают белую редьку на терке и отжимают сок. Потом берут 1 фунт кунжутного масла, выливают в котел и хорошенько прокаливают — *ширин мекунанд*, и в раскаленное масло выливают редечный сок количеством больше в три раза по объему, чем было масла, и, поддерживая под котлом небольшой огонь, выпаривают из масла редечный сок, после чего масло остужают и сливают в бутылку. При болях в ухе закапывают в него несколько капель этого масла (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 12).

Равганчизак — трава, соком которой мажут лицо, если появляется сыпь — *шукуфа* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29).

Рис варят в воде без соли и масла и едят в качестве закрепительного, смешав его с откидным кислым молоком — *чака* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 27).

Решай гули лола — корни полевого мака. Отваривают их и пьют при расстройстве желудка, а также этим отваром поят детей, больных корью (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175).

Ришкай лалма или ришкай говак — пажитник (*Trigonella L.*). При неправильно вправленных или застаревших вывихах брали корни и кипятили вместе с 1—2 рыбами (все равно какими) и в отваре, вначале теплом, держали поврежденное место до утра. В результате вывихнутое место принимало тот вид, какой оно и имело в момент вывиха, после чего егоправляли снова (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 62).

Решай харбуза — корни дыни, толкут и мочат в молоке и потом пьют как слабительное (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Санон макка — александрийский лист, **мурч** — черный горький перец и **халилаи сиёх** или **халилаи зард** (мирабаланы — плоды растущих в Индии крупных деревьев *Terminalia chebula*, *Terminalia bergia*, сем. *Combretaceae* или кардамон — плоды травянистых растений из сем. имбирных — *Elettaria cardamomum* и *Elettaria major*, из которых первое растет на юге Индии, а второе — на Цейлоне) толкут и смешивают с сахаром и по утрам пьют в количестве, равном весу 3 тенег. Это способствует пищеварению, вызывает аппетит (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 31).

Сарпистун — трава, считающаяся горячительной, которой в вареном виде кормят страдающих бесплодием женщин (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175).

Сечак или севчук — один из видов эремуруса (*Eremurus M.*). Молодые листья кладут в какую-нибудь жидкую пищу и едят в качестве укрепляющего при боли в пояснице — *миёндард* (радикулит?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 42).

Сири дашти — чеснок дикий. Считается целебным средством при многих болезнях. В к. Егид, Калаи-Хумбского района, например, луковички дикого чеснока едят от малярии, а при головной боли им мажут виски.

Сумбул — корень зонтичного растения *Euryangium sumbul*; корень сжигают и дым вдыхают при угаре (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 29).

Сумбулках — трава. Кипятят, остужают и отвар пьют при востороннем воспалении легких — *халаи дасти рост* (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Талкон — мука из вареной и потом высушенной пшеницы. Употребляется в качестве закрепительного средства, для чего ее разводят молоком, кипятят и едят 2—3 раза в день (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 27).

Тоци хурус — цветы петушинный гребень (целозия), толкут, кипятят и горячими привязывают к горлу при боли в нем — *дарди гул* (ангине?, дифтерите?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 23).

Точгул — трава, растущая высоко в горах на летовках. Берут сок — *шира* этого растения, намазывают им кусок хлеба и едят для очищения желудка. Иногда растение сушат, мелко толкут, порошок этот принимают с той же целью в количестве одной понюшки табака — *як дохтани нос* и запивают водой (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58). Для прекращения действия едят какие-нибудь жирные блюда. При запорах и при желтухе употребляют отвар цветов этого растения (Каратегин, записи М. Хамиджановой, карточка 179). Растение, это по-арабски называется *махмуда*.⁵ Берут его корни, моют и отваривают в молоке до тех пор, пока все молоко не выкипит. Потом корни сушат, растирают и смешивают с равными по весу частями толченого черного перца — *мурч* и сахара, и порошок этот пьют в качестве слабительного утром натощак. Перед приемом, накануне вечером, едят жидкую рисовую кашу с мясом — *шавла* и запивают чаем.

Впрок корни лучше всего заготавливать в начале весны или осени, а листья — во время цветения и завязывания семян. Еще лучше собирать сок во время завязывания семян, для чего надламывают ветки растения. Высохший сок этот очень ядовит; для употребления его завертывают небольшими кусочками в пергамент, накалывают иглой, вкладывают в середину разрезанного пополам яблока, которое обмазывают тестом и запекают в горячей золе. Таким образом получают очень сильное средство, действие которого продолжается до 10 дней. Его принимают в количестве, равном по объему двум зернам горького черного перца, для очищения желудка. Листья растения отваривают, и отвар смешивают с *шира* — киселеобразной похлебкой из муки или делают на этом отваре *ширчай*, т. е. чай с молоком, маслом и солью. Ствол растения обладает теми же свойствами, что и листья. Действие принятого лекарства у людей с крепким желудком начинается через 2 часа после приема, а у некоторых и через 40 минут. В качестве закрепительного выпивают одну пиалу сладкой воды — *кандоб*, одну пиалу *оби набот* — воды, в которой растворен леденец — *набот* или чашку бульона — *оби шурбо* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 1—2).

Тхарч — полынь горькая (*Artemisia absintium* L.). Ее листья растирают, завертывают в лист лопуха, называемый *патрун*, запекают в горячей золе и горячими еще привязывают к горлу при нарыве в нем (ангина?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 37). Прикладывают также к ранам как людям, так и животным (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29). Этим способом также прекрасно излечиваются мозоли (Каратегин, записи М. Хамиджановой, карточка 176).

Харбузан сагак — собачья дыня. Соком ее при головной боли мажут виски (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58).

Хубак — кустарник (по-видимому, кизильник — *Cotoneaster*). Берут семь веток, каждая длиной до локтя, снимают с них верхнюю кожицу, а потом снимают нижнюю кожицу желтого цвета, которую и намачивают в коровьем молоке и на ночь ставят на крышу, а утром молоко это выпивают и запивают недокипяченой водой. После приема лекарства, походив немного, опять выпивают воды и так делают несколько раз. После действия слабительного едят приготовленную из поджаренной на масле муки киселеобразную похлебку — *оталаи баравган* или *ордбирён*. Выпившему это лекарство нельзя переходить через воду (через ручей или арык), не то лекарство «может не подействовать» (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Чуби сандал — сандаловое дерево (привозили из Индии). Кусочек древесины размельчали и намачивали в воде вместе с листьями и стеблями травы *говзабон* (язык коровы) и потом перегоняли при помощи куба. Перегоняемую воду пили по половине пиалы утром или вечером при сердцебиении — *дарди хафақон* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 20). Измельченное сандаловое дерево толкли вместе с листьями бальзамина — *хуно* и потом смешивали с ревенем — *чукри* или *ревоц* или с листьями винограда, делали из этого небольшую лепешку и правязывали ее к макушке головы при головной боли. Одно только толченное сандаловое дерево тоже привязывали к голове (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 28—29).

Шарбати ичос⁶ — шербет из слив. Для его приготовления берут черешню, сливу зеленую, сливу черную и обычную алычу, заливают их водой и кипятят, потом процеживают, добавляя в получившийся отвар лимонной кислоты и сахару и варят до тех пор, пока пена станет красноватой. Тогда сироп сливают в бутылку и принимают понемногу при приступах удушья — *зиқи нафас*, которое наступает будто бы потому, что «при еде связки горла и пищевода переплетаются» — *дар вақти хӯрдани таом рағи ҳалқум ва марӣ ба ҳамдигар пайваст мешаванд* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 21).

Шарбати кўнор — маковый сироп. Для его приготовления берут один фунт сушеных головок мака, немного размельчают их и намачивают на ночь в воде, а утром воду отжимают и процеживают, сливают в котел, кладут туда четыре фунта сахарного песка или 3 фунта сахара-рафинада и уваривают до консистенции густого варенья. Принимают от кашля, насморка, поноса на ночь по половине столовой ложки и запивают чаем. Приняв лекарство, до утра не следует пить холодную воду. Если после приема лекарства человек почувствует опьянение, то нужно взять в рот и пососать кусочек курута. Сироп употребляется и в качестве закрепительного — 1 ложку сиропа запивают чаем и воздерживаются от питья холодной воды (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 9—10).

Шахтут — черные крупные тутовые ягоды. Считаются целебным, охлаждающим средством. Их сок пьют при задержании мочи (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 25).

Шилими синчид — камедь лоха (*Elaeagnus angustifolia* L.). Прикладывают к занозам, и она их вытягивает (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 59).

Шудрука — трава, ее отваривают и отвар пьют натошак при желтухе, чахотке, лишае (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175).

Шири харак или коснй — см. кошнич.

Шири бодом — сок сладкого миндаля. Берут зерна сладкого миндаля, толкут, намачивают в воде, разминают и процеживают, добавляют немного муки и варят из этого жидкий кисель, который дают как потогонное больному сыпным тифом — *домана* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 25).

Фармаш, хатмй или гули хайрй — мальва дикая белая (*Alcea nudiflora* L.). Сок ее смешивают с мукой и скармливают животным при вздутии, а женщины этот сок примешивают к воде при мытье головы (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58). Цветы растирают и варят с мукой из богарной пшеницы, затем эту массу в теплом еще состоянии прикладывают к ранам, что способствует их очищению и заживлению. Ствол мальвы толкут и мочат в воде, потом этой водой тоже моют голову, что будто бы способствует росту волос (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 17). Кроме того, употребляется как средство для очищения желудка. Для этого толкут мякоть ствола, намачивают и отжимают. Получается клейкая масса, которую и пьют. Маленьким детям дают в смеси со сливочным маслом (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29).

Гурай кирьёк — ягоды паслена, дают и мажут ими потрескавшуюся кожу лица (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58).

Қаламфур — красный стручковый перец. При воспалении легких берут семь стручков перца и семь пиал воды и кипятят все это до тех пор, когда останется одна пиала воды. Этот отвар пьют, а корешком от стручка этого же перца, вырвав его из стручка с семенами и намочив в воде, мажут сверху то место, где чувствовалось колотье (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 64).

Қарақот — черная смородина. Считается горячительным средством. Ее в сушеном виде привозят из Тавиль-Дары. Ягоды вымачивают в воде, и воду эту пьют при болях в желудке и в печени (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Қиёми зирк — варенье из корней барбариса. Берут корни барбариса, очищают их от верхней черной кожицы, кладут в котел, заливают водой и кипятят, потом процеживают и отвар уваривают до такой степени, чтобы из 5 частей осталась одна. Тогда добавляют немного курута или откинутого кислого молока — *чака*, еще кипятят, потом выливают на бумагу, подсушивают на солнце и в таком виде хранят. Принимают при переломах, вывихах и ушибах, а также при болезни глаз и ушей кусочками величиной с горошину и вместе с этим съедают немного топленого коровьего масла. Лекарство пьют на ночь, никому не говоря об этом. Это лекарство информатор Эшонни Малех из к. Аскалон, бывший любителем соколиной охоты, испытал на своем ловчем соколе, сломавшем ногу. По его словам, «птица в тот же день после приема лекарства встала на ноги, на второй день почти уже выздоровела, а на третий день была уже совсем здорова. Впоследствии, когда сокол сдох, я для опыта разрезал кожу на месте перелома ноги и увидел, что по линии перелома кости проступила желтая линия» (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 14—15).

Ҳазор испанд — гармала (*Peganum harmala* L.) считается лекарством от всех болезней (в том числе от кори, паралича), от действия нечистой силы — *ацина*, помогает роженицам, а также и жи-

вотным (отелившимся коровам, обьягнившимся овцам и т. п.), для чего этой травой окуривают (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 175). При окуривании три раза произносят:

Хазор испанд, хазор испанд,
Хазору як донаи испанд,
Чашми ҳамсояхи гирду пеш
Бисузад дар оташи тез.

Хазор испанд, хазор испанд,
Тысяча и один хазор испанд,
Глаза окрестных соседей
Пусть сгорят на сильном огне.

Затем зажигают испанд и произносят несколько раз *суф* и *куф*, дым испанда проходит под приподнятой одеждой, окуриваемый человек чихает и «порча из него выходит» — *зиёнаш мебарояд*. Хазор испанд кладут в колыбель под подстилки и тюфяки и носят под одеждой на теле от сглаза (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 40).

Хасанак, хасани маст — трава. Семена ее пьют как рвотное (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1955 г., стр. 29).

Чамилак, шибитак, модел, ров, чукрй и другие дикорастущие травы употребляются в пищу и способствуют очищению организма от всяких вредных веществ, накопившихся в нем за зиму (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 177).

Чифи борик (в Дарвазе), **испагул** или **зуф** — подорожник (*Plantago L.*). Берут листья и, предварительно надкусив их несколько раз, чтобы проступил сок, прикладывают их к ранам и нарывам. Иногда вместо свежих листьев употребляют порошок из сушеных листьев этой травы (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова, за 1954 г., стр. 59). Листья прикладывают также к глазам (Каратегин, материалы М. Хамиджановой, карточка 179). Семена принимают как закрепительное, а листья привязывают на опухоли, но не на нарывы (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 3).

2. Лекарства и средства животного происхождения

Асал — пчелиный мед. Считается горячительным целебным средством от всех болезней. Раньше, когда пчеловодства в Каратегине не было, мед иногда привозили в очень небольшом количестве из Ферганы. Считается, что если семь дней по утрам натошак есть по ложке меда, то можно излечиться от любой болезни. Мед излечивает «72 болезни», так как пчелы садятся на 72 сорта всяких цветов таких растений, из которых каждое в отдельности является лекарством от какой-нибудь болезни. При болезни ног медом намазывают ноги и сидят на освещенном солнцем месте или же держат ноги в сандали, в котором положены горящие угли от урюковых дров. После трех таких сеансов болезнь излечивается (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточки 184 и 124).

Ба пўст гирифтан — обертывание в свежеснятую шкуру какого-либо животного или птицы. Обычно употребляют для этого шкуру барана, который должен быть черным, так как в нем сильнее «горячие» свойства. Однако шкуру барана используют в том случае, если болезнь произошла от «холода»; если же болезнь произошла от увеличения в организме больного «горячего» начала, то тогда, при необходимости применить обертывание шкурой, берут козлиную шкуру, так как она (как и козлиное мясо) обладает «холодящим» свойством. Иногда маленьким детям при простуде прикладывают к животу только что

снятую с перьями кожу курицы, причем последняя должна быть с черными или желтыми перьями, что свидетельствует о более сильных ее горючительных свойствах.

При лечении простуды — *газакй*, явившейся причиной бесплодия, обертывание производится таким образом: берут свежую, только что снятую шкуру овцы, обмазывают ее с мездры овечьей печенью, мелко растолченной вместе с желчью, и сшивают ее мешком, в который и садится раздевшаяся до гола больная. Ее укладывают в этом мешке в постель и тепло укрывают. Так она должна пролежать сутки, после чего должна опять лечь в постель, уже без мешка, и, тепло укрывшись, пролежать несколько дней. Иногда обертывание производят по иному, а именно: больную укладывают на постланные одеяла около сандали с горящими углями таким образом, что ноги больной все время находятся в тепле сандали, а нижнюю половину тела больной обертывают шкурой и одеялами. В таком положении она должна пролежать тоже сутки. В это время ее кормят супом из мяса барана, с которого была снята шкура, а также дают и другую «горячую» пищу. Через сутки шкуру снимают, а больная остается лежать в постели еще двое суток. Все это время при ней находится какая-нибудь женщина, которая обслуживает больную, готовит и подает ей пищу и питье и следит за тем, чтобы в сандали постоянно были горящие угли. В течение всех трех дней и ночей в комнате горит светильник или лампа. Через три дня больная встает, надевает на себя несколько платьев и шаровар, теплую обувь на ноги, повязывается теплым платком и целую неделю ходит одетая таким образом. Потом она начинает постепенно снимать с себя по одному платю и шароварам, пока не дойдет до обычного числа предметов одежды. Все время женщина должна избегать как «холодной» пищи, так и купания или умывания холодной водой. Лечение завертыванием в шкуру чаще проводят весной, причем после прекращения у больной очередных регул и после полагающегося в таких случаях полного омовения (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 192).

Гүшти мор — мясо змеи, вернее, суп из мяса змеи. Голову и хвост змеи отрубают и выбрасывают, из остальной части варят суп и дают есть больным туберкулезом легких — *дарди сил* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 33).

Гүшти рўбах, гүшти гург — мясо лисицы или волка. Раздробив кости, мясо варили в большом котле и в этом отваре принимали ванны больные ревматизмом или парализованные (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 32).

Гүшти чирак — мясо небольшой водоплавающей птицы *чирак* (чирок?). Посолив, его сушили, и когда требовалось, то перед употреблением кипятили в котле с водой и потом этот отвар пили, а также в этом отваре в течение 3—4 дней купали больного правосторонним воспалением легких (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Забони сағир — язык сурка. Вырезанный и высушенный, а затем перед употреблением размоченный язык привязывают к нарывам синего цвета — *хориши кабутак* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 80).

Муми сафед — белый пчелиный воск. Прикладывают к нарывам (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Пүсти мор — змеиный выполозок толкут и едят с хлебом при *хориш* — нарывах (чесотке?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 32).

Пусти сағир — шкура сурка. Шкуру привязывали мездрой к телу при боли в суставах и в спине. Чтобы отволжить шкуру, ее либо клали на траву, либо просто намачивали (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 63).

Равгани тухм — яичное масло. Берут желтки сваренных вкрутую куриных яиц, размельчают их и жарят на сковородке до тех пор, пока из них выступит жир. Этим жиром мажут ушибы, а также застарелые раны (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 16).

Равгани хирс — медвежье сало. Считается сильным горячительным средством и применяется женщинами для излечения простуды, являющейся, по их представлениям, причиной бездетности; сало наливают через воронку во влагалище, после чего тепло укрываются, чтобы не застудиться. При этом не разрешается есть «холодную» пищу (Каратегин, по материалам М. Хамиджановой, карточка 189).

Равгану гүшти сағир — сало и мясо альпийского сурка. Считается целебным при семи болезнях — *хафт иллатанда даво*: малярии — *таб*, лихорадке — *сармо*, кашле — *хуфа*, колотье или воспалении легких — *хала* и др. Женщинами применяется так же, как и предыдущее средство для лечения простуды. Для этого варят из мяса сурка суп, а перетопленным салом, которое при охлаждении совсем не застывает, смазывают половые органы, от чего *захрдон яла мешавад* — «раскрывается содержащее отраву место», и больная получает возможность после этого иметь детей (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 63).

Равгану гүшти кашжалдоқ — сало и кожа барсука. Употребляют как целебные средства при нарывах. Кусок нутряного сала или кусок кожи с подкожным слоем сала привязывают к нарыву для ускорения созревания последнего (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 16).

Хун — кровь. Сушеную и истолченную в порошок свою кровь нюхают при кровотечении из носа (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 9).

Чака — кислое молоко, из которого удалена сыворотка. Употребляют как мазь при солнечных ожогах и при ожогах травой *юган* (*Prangos Lindl.*) (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 62).

Чўчай калак или чўчай талхак — неоперившийся еще цыпленок, которого, зарезав и распластав, еще теплого привязывали к шее при болезни горла, называемой *зиндонак* (ангина?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 37).

Шаст — голубая птица. Суп из мяса этой птицы и само мясо едят при хронической лихорадке — *ларзаи сиёҳ* и воспалении легких. Считается, что синяя птица, живущая в альпийской зоне, ест там *алафи кимие* — целебные травы, и поэтому ее мясо приобретает их свойства и само становится целебным (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 63).

Ширруған — горячее молоко, в которое выливают раскаленное топленое коровье масло. Пьют при отрыжке и как горячительное при простудах (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 62).

Кунгуз — черная жужелица. Ее разминают и прикладывают к местам, пораженным «синей чесоткой» (?) — *хориши кабутак*. (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 27). Иногда ее сжигают и пеплом присыпают нарывы, называемые *баносир* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 30).

Хацарул кониса — камни, обнаруживаемые в желудке (в зобу?) у диких уток, куропаток и другой птицы. Толкут вместе с высушенной внутренней кожей желудка (?) — *сандон*, превращая все это в мелкий порошок, и дают пить детям с недавно появившимся у них камнем мочевого пузыря — *санги масона* в течение 2—3 дней по 2—3 раза в день, по два камешка и одной коже за каждый прием. Нужно только следить, чтобы это были действительно камни, а не кусочки стекла или осколки керамической посуды, часто попадающиеся в желудке птиц (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 25).

3. Разные

Замчи булур — квасцы кристаллические. Одну ложку растворяют в одной пиале воды и дают выпить натошак женщине, страдающей бесплодием в результате простуды — *газак*, происшедшей как от «холода», так и от «тепла». Такую же порцию этого лекарства принимают на второй и на третий день. Тогда, если простуда получалась от «холода», то у женщины начинается кровотечение, причем выходит много черной крови, в противном же случае ничего не происходит и женщина должна нормально рожать детей (Каратегин, дневник М. Хамиджановой за 1953 г., стр. 31).

Зардии тухму намак — сырой яичный желток с пережженной солью прикладывают к ушибам (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 16), а также просто одним желтком смазывают вывихнутые и вправленные члены тела, которые после этого крепко забинтовывают (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 36).

Малхам — пластырь натяжной из равных частей черного изюма, красного лука, голубинового помета и мыла. Все это толкут вместе в ступке и привязывают к нарыву, который от этого якобы очень быстро созревает и лопается (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 15).

Мумиё — целебное средство при переломах. Считают, что его очень много в Шугане и в Шухлинге на Яхсу — *конаш дар Шугон ва Шухлинги Ёхсу*. Его привозили также ездившие в Мекку паломники. Мумиё бывает двух сортов — черное и белое. Его находят в горах, где оно скопляется в виде наплывов (*мечакад* — капает), и туда собираются дикие козы, у которых есть какой-либо перелом; козы лижут эти наплывы, и переломы у них быстро заживают. По виду белое мумиё похоже на пчелиный воск — *муми сафед*, а черное — на черную смолу *сақичи сиёх*, которую жуют для очищения зубов. Мумиё перед употреблением растирают на камне и растворяют в кипятке или просто в холодной воде (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60). На Памире мумиё принимают с мясным бульоном, а в районе Пенджикента — растворив в молоке.

Намак — соль, смешанная с маслом или салом. Употребляют для смазывания ушибов или вывихов и закрытых переломов (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 60).

Ордирийёни беравган — мучную похлебку, сваренную без масла, едят при нарыве в горле (ангина?) (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 37).

Пахтаи кӯҳна — старую вату кипятят в соленой воде и, отжав воду, горячей прикладывают к ушибам (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 62).

Равгани качдум — масло, настоянное на скорпионах. Для его приготовления в бутылку с кунжутным маслом кладут от 50 до 100

скорпионоч. Предварительно отрезав и выбросив кончики их хвостов, бутылку закупоривают, вешают на освещенном солнцем месте и держат ее там в течение 40 дней, перемешивая палочкой содержимое бутылки через день. Потом масло отцеживают и держат на солнце еще 5—10 дней. При камне мочевого пузыря этим маслом мажут лобок в продолжение многих дней. Это же масло при параличе втирают в парализованный орган, после этого больной должен находиться в тепле. На $\frac{1}{3}$ фунта масла нужно 50 скорпионов (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 26).

Равгани намак — соленое масло. Берут 1 фунт кунжутного масла, прокаливают его — *ширин мекунанд* в котле и выливают в него 3 фунта растворенной в воде каменной соли и кипятят до тех пор, пока вся вода испарится. Тогда в котел вливают еще одну чашку и опять кипятят до полного испарения воды. После этого масло остужают, процеживают и сливают в бутылку. Если изготовление этого снадобья производится летом, то бутылку с маслом держат на солнце. Особенно хорошо выдержать бутылку с маслом на солнце в течение первых двух недель осени (в начале месяца *мизон* 22 сентября—21 октября). Если же масло готовят зимой, то его ставят в теплое место. Употребляется оно как натирание при ревматизме — *пайванд-дарад*, причем после натирания нужно спать в теплом месте и избегать простуды.

Соль, оставшаяся после процеживания масла, также идет в дело: ее как вытяжное средство привязывают на нарывы (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 1 и 10).

Пучоки анор — корки граната, уксусная эссенция, трава *шутора* и медные опилки, предварительно растертые на камне, смешивают, дают постоять несколько дней, а затем этой смесью мажут места, пораженные чесоткой — *гишигар* (Каратегин, дневник Н. Н. Ершова за 1943 г., стр. 29).

Канду карасин — сахар с керосином смешивают и при ожогах мажут обожженное место (Дарваз, дневник Н. Н. Ершова за 1954 г., стр. 58).

Кум — песочные ванны. Страдающую бесплодием женщину в полдень засыпают по грудь нагретым песком. Вторая женщина устраивает над головой больной какой-нибудь заслон от солнечных лучей и дает ей питье и еду. В песке больная находится столько времени, сколько может выдержать. Потом она тепло одевается, чтобы не простудиться, и дома ложится в постель и тепло укрывается. Песочные ванны принимают в продолжение трех дней. В это время больная должна есть «горячую» пищу и избегать холодной воды (Каратегин, дневник М. Хамиджановой, за 1953 г., стр. 27).

П Р И М Е Ч А Н И Я

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Изд-во «Дониш», Душанбе, 1966.

СЕЛЕНИЕ

¹ А. Э. Регель. Поездка в Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, т. 18, вып. 2, 1882, стр. 137—141; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. В кн. «Досуги в Туркестане». СПб., 1889, стр. 437—479; Кузнецов. Дарвоз, Нов. Маргелан, 1893, стр. 61—64; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 32—48 (в дальнейшем «Этнографические очерки...»).

² Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. В кн. «Таджикистан». Ташкент, 1925; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент—Самарканд, 1929, (в дальнейшем «Учебное пособие...»); В. В. Гинзбург. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков. СЭ, 1936, № 3 (в дальнейшем «Кишлаки...»); его же. Горные таджики. М.—Л., 1937, стр. 17—19; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, стр. 99—103 (в дальнейшем «Следы первобытного коммунизма...»); его же. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу. СЭ. Сб. статей, вып. 2, 1939 (в дальнейшем «Жилище...»), стр. 149—170.

³ Р. Л. Неменова. О селениях Дарваза. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 10—11, 1956, стр. 33.

⁴ Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие..., стр. 103—105.

⁵ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, стр. 192—199.

⁶ В. В. Гинзбург. Горные таджики, стр. 17—24; его же. Кишлаки..., стр. 59—62.

⁷ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 99—103; его же Жилище..., стр. 151 сл.

⁸ Р. Л. Неменова. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г. Докл. АН Тадж. ССР. 1953, № 9 (В дальнейшем «Предварительный отчет...»), стр. 60.

⁹ Термины *сархад* и *тагоу* употребляются в аналогичном значении и в Кулябе (см. Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка (Северная группа), Сталинабад, 1956, стр. 162), а термин *тагоу* в несколько ином значении — в верховьях Кашка-Дарьи (Б. Х. Кармышева. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, КСИЭ АН СССР, 33, М.—Л., 1960, стр. 55—56).

¹⁰ Обычно население кишлаков сархад было беднее и считалось менее культурным, чем тагоу; поэтому девушек из кишлаков тагоу неохотно выдавали замуж в кишлаки сархад — *дыхтари та ба сархад намедоданд*. (Сообщение студента ТГУ Рахимова, уроженца к. Зувай в долине Хингоу).

¹¹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958, Тр. АН Тадж. ССР, т. 61, стр. 32—34.

¹² Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 153—154; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие..., стр. 103—104; Р. Л. Неменова. Предварительный отчет..., стр. 60; ее же. О селениях Дарваза, стр. 40.

¹³ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, стр. 193.

¹⁴ Сообщение Савлатшо Мерганова, уроженца к. Джорф, 1961 г.

¹⁵ Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна р. Хингоу. СЭ, 1947, № 1, стр. 109; М. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957 (Тр. АН Тадж. ССР, т. 43; в дальнейшем «Земледелие таджиков басс. р. Хингоу»), стр. 53—54; Р. Л. Неменова. О селениях Дарваза, стр. 42. Деление на кишлаки солнечной и теневой стороны отмечено также в верховьях Зеравшана (Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 104), в Северном Афганистане (М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Ташкент, 1927, стр. 5) и в Припамирских странах, где теневая сторона называется термином *нашар*, *нашар*, сходным с дарвазским *нашра*, а солнечная — *петоб* (А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф. В кн. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958, стр. 282; в дальнейшем «Жилище таджиков долины Хуф»).

¹⁶ В Каратегине люди старшего и среднего поколений знают слово *нашра* только в значении «прохладное, тенистое место»; так называют тенистые ложбины, где долго сохраняется снег. Н. А. Кисляков записал в говоре таджиков Вахно-Боло слово *нуш* — сугроб снега. (Описание говора таджиков Вахно-Боло. Тр. Таджикист. базы АН СССР, т. 3, 1936, стр. 55). Распространенное в Припамирье слово *питоб*, соответствующее *октобру*, знают только старики в Дарвазе, где его употребляли в старину в этом значении. В бассейне р. Хингоу оно употребляется только в значении «пологая поверхность, склон». В Каратегине, по-видимому, оно в старину бытовало, так как в топонимике сохранились топонимические названия, в которые это слово входит, например Питоу-Куль, но в настоящее время его не знают.

¹⁷ О посыпании снега на полях земель см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 114.

¹⁸ Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие..., стр. 104.

¹⁹ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Изд. 2-е, испр. и дополн. Душанбе, 1954, стр. 134.

²⁰ В. В. Гинзбург. Кишлаки..., стр. 62; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие..., стр. 104.

²¹ О проведении ирригационных каналов см. М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков басс. р. Хингоу, стр. 57 и сл.

²² Подробное описание к. Езганд, см. Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 152.

²³ Процесс образования таких групп домов описан для припамирской долины Хуф (А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 422, 423).

²⁴ Если в окрестностях кишлака нет поливных удобряемых земель, удобрение выносятся на ближайшие к селению богарные участки (например, в к. Ефуч).

²⁵ Сообщение М. Р. Рахимова; см. также описание этого кишлака Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 153.

²⁶ Сведениями о садах в кишлаках долины Зеравшана мы обязаны М. Р. Рахимову.

²⁷ См. Е. М. Пещерева. Селение Сари-Шухон и его гончарное производство, стр. 1 (рукопись хранится в архиве сектора этнографии Института истории АН Тадж. ССР).

²⁸ Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 97.

²⁹ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 100.

³⁰ Там же, стр. 100.

³¹ См. Список населенных пунктов Тадж. ССР. Душанбе, 1932 г. В послевоенные годы население большинства их переселилось на равнины.

³² Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 461, 473 и сл.,

³³ Зап. РГО, 1849, 111; стр. 212.

³⁴ См. Р. Л. Неменова. О селениях Дарваза, стр. 41.

³⁵ О делении кишлаков интересующих нас районов на кварталы см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 100 и сл.; его же, Жилище..., стр. 151 и сл.; Р. Л. Неменова. О селениях Дарваза, стр. 40 и сл.

³⁶ Н. А. Кисляков. Жилище..., описание кишлаков Езганд и Сафедорон, стр. 152 и 153.

³⁷ Ср. О. А. Сухарева. Быт жилого квартала г. Бухары в конце XIX—начала XX в. КСИЭ АН СССР, 28, М., 1958, стр. 35.

³⁸ Сообщение М. Р. Рахимова.

ЖИЛИЩЕ

¹ Сообщение И. Мухиддинова по материалам из Калан-Хумба и прилегающих кишлаков.

² Любезно сообщено М. Р. Рахимовым. В верховьях Зеравшана существует поверье о том, что в земле повсюду имеется прах умерших («по сто человек на

месте, равном копыту осла»), и поэтому перед постройкой дома необходимо принести очистительную жертву духам этих умерших (М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Диссерт. на соискание учен. степени канд. историч. наук. 1965, стр. 64. Рукопись хранится в библиотеке Таджикского государственного университета в Душанбе). В Ура-Тюбе при постройке дома полагается устроить чтение корана, посвященное духам людей, живших на этом месте (*хатми курфон бахшида ба арвохи гузаштагони хамин макон*). Срок этого, однако, строго не определяется — это может быть сделано до постройки или после нее или даже после вселения в дом (любезно сообщено А. М. Мухтаровым).

³ Любопытен установленный Р. Л. Неменовой в дарвазском кишлаке Егид факт обозначения запада и востока одним и тем же термином, — *қибла*, который как известно, всюду в Средней Азии обозначает запад, так как на западе, вернее на юго-западе, находится Кааба — мусульманская святыня в Мекке; поэтому на запад обращены михрабы среднеазиатских мечетей и обращаются лицом во время молитвы среднеазиатские мусульмане (только в Хорезме мечети ориентированы михрабами на юг, и эта страна света называется там кибла). Север и юг называются в Дарвазе *қутб* и *чиниб*, а восток и запад часто *афтоббаро* и *афтобинину*; восток называется также *боло* — верх, так как в сторону востока здесь идет общее повышение рельефа.

В Джиргатале (к. Кушагба) восток называется еще *олойбод* — алайский ветер; например, говорят: *Дари хунаи мо ғани олойбодай* — дверь нашего дома обращена на восток (сообщение Мазори Махадова, уроженца к. Кушагба, научного сотрудника Института языка и литературы АН Тадж. ССР).

⁴ Сообщение М. Р. Рахимова.

⁵ Ср. со значением этого слова в припамирских языках, как скала, гряда, куча камней, обломков скал (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953; стр. 18; А. К. Писарчик, Жилище таджиков долины Хуф, в кн. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958, в дальнейшем «Жилище таджиков долины Хуф», стр. 390); то же в названии перевала Кара-Корум (Н. Г. Маллицкий, О некоторых географических терминах, Изв. ВГО, 1945, № 5), а в говоре таджиков Вахио-Боло, как каменный обвал (Н. А. Кисляков. Описание говора таджиков Вахио-Боло, Тр. Таджикист. базы АН СССР, т. 3, 1936, стр. 56).

⁶ Аналогичное предание связано с известным мазаром XIV в. Амир Саид Хамадони в Кулябе; якобы для доставки из другого места кирпича на строительство этого мазара привозили по одному кирпичу к овцам, и они перенесли на себе этот груз. Вместе с тем в более раннее время в строительстве Хутталы жженный кирпич местного производства применялся очень широко (Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович пишут, что на большом средневековом городище Хишт-Тепе в к. Курбан-Шаид «жилые дома города строились большей частью из жженого кирпича, обилие которого на городище просто поразительно». Предварительный отчет о работах Хутталыского отряда на территории Кулябской области в 1953 г., Докл. АН Тадж. ССР, вып. 11, 1954, стр. 40). В некоторых местах в бассейне р. Хингоу с постройками из жженого кирпича связаны предания об изготовлении кирпичей в другом кишлаке и передаче их на большое расстояние из рук в руки стоящими цепочкой людьми.

⁷ В старом быту горных таджиков, который характеризовался скудостью железа и многих других необходимых материалов, а также крайней нищетой, все эти растительные, а также многие животные материалы — рог, кость, кожа, сухожилия и пр. применялись в многочисленных традиционных очень архаических изделиях и формах. Изучение их имеет большой интерес для истории техники и материальной культуры, особенно потому, что все они, за исключением кости, быстро исчезают и археологическими методами изучать их почти невозможно.

⁸ Ср. с аналогичным устройством кладовых в Припамирье (А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, рис. 94 и 128).

⁹ В Верхнем и части Среднего Каратегина (кишлаки Нушор, Халкарф) наряду с термином *лойдевол* для обозначения глинобитной стены применяется и термин *похсадевол*, употребляющийся для обозначения глинобитных стен в фергано-ташкентских районах. В бассейне же р. Хингоу и некоторых районах Каратегина термин *похсадевол* обозначает стену, выложенную из комков сухой глины.

¹⁰ Подобное оформление стен, называемых *пилталик пахсадевол*, встречается и в Ферганской долине, где возведением их часто занимались приходящие сюда каратегинские мастера — *деволкаш* (А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX вв. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1954, стр. 256 и рис. 8. В дальнейшем «Строительные материалы...»). В Фергану ходили мастера из многих кишлаков Нижнего и Среднего Каратегина (кишлаки Хакими, Казнок), но больше всего из Таджикабадского района и из Хаита. Отходники образовывали артели из четырех человек — *шарик* и работали сдельно, получая до революции за каждую маховую сажень — *қулоч* глинобитного слоя по 0,5—1 танге, в первый год револю-

ции — по 3 танги (при стоимости фунта риса 1 танга), за последние годы — по 10 руб. (старыми деньгами). Средняя дневная норма одной артели колеблется от 25 до 40 кулочей.

Отходники из кишлаков бассейна р. Хингоу ходили на заработки в кулябские кишлаки, где тоже занимались возведением глинобитных стен.

¹¹ В бассейне р. Хингоу и Каратегине чаще употребляется узбекский термин *кесак*, таджикский — *кулух* мало употребителен.

¹² Этот термин обозначает вообще плотный комок земли, например, отделяющийся при вскапывании земли или при пахоте.

¹³ Термином *руфгачуб* в Дарвазе называют также балки, укладываемые над проемами при сооружении окон, ниш, дверей.

¹⁴ Например, в к. Кушагба, Джиргатальского района во время землетрясения 1949 г. устояла только одна имевшаяся в кишлаке каркасная постройка (сообщение Мазори Махадова).

¹⁵ Возможно, при этом учитывается также то, что, как об этом пишет В. В. Гинзбург (Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, СЭ, 1936, № 3, стр. 63, в дальнейшем «Кишлаки...»), каркасные стены стоят не так долго, как глинобитные и, тем более, каменные.

¹⁶ В Дарвазе (к. Пшихарв) термин *санч* обозначает бревно, обрамляющее край нар (ср. припамирское *санч*. А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 454) а в бассейне р. Хингоу (к. Чильдара) — *синч* — балку на открытой веранде, на которую опирается основание столбов, поддерживающих перекрытие веранды с открытой стороны (глинобитная стенка под этой балкой называется *деволи синч*).

¹⁷ См. В. В. Гинзбург. Кишлаки..., рис. 4 на стр. 65.

¹⁸ Там же, стр. 71.

¹⁹ В Ташкенте аналогичное укрепление верха дворовых стен называется *лумбуз*.

²⁰ Ср. Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу. СЭ, Сб. статей, вып. 2, 1939 (в дальнейшем цитируется «Жилище...»), стр. 154—155.

²¹ Нами не выявлено здесь очень распространенное в равнинах представление, что наиболее желательное нечетное количество балок в потолке (Ср. А. К. Писарчик. Строительные материалы..., стр. 268—269).

²² Термин *болор* приводится Н. А. Кисляковым (Жилище..., стр. 155); в посещенных нами кишлаках бассейна р. Хингоу — Сафедорон, Езганд, Чильдара зафиксирован только термин *пучла*.

²³ Ср. ферганское *харй* — главная балка потолка (А. К. Писарчик. Строительные материалы..., стр. 270).

²⁴ *Каргас* — черный гриф, орел.

²⁵ Ср. с припамирским потолком *чорхона* (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 267, сл.; А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 436; В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Архитектура республик Средней Азии, М., 1951).

²⁶ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 155.

²⁷ Иногда рядом с *харпул*, по направлению к стенам, вместо *пучла*, перекрытых досочками, укладывают плотно одна около другой еще по четыре толстых плахи, тоже называемые *харпул*.

²⁸ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 155.

²⁹ В дарвазском кишлаке Ушхарв, чтобы дать земле уплотниться, иногда штукатурку андова наносили только через год.

³⁰ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 155.

³¹ Дарвазские кишлаки выше Калаи-Хумба, к. Умарак, ниже Калаи-Хумба и некоторые кишлаки Каратегина, например, Казнок.

³² Калаи-Хумб и к. Егид в Дарвазе; бассейн р. Хингоу.

³³ Ср. с такими же очагами *чахдон* в Кулябе (А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. Изв. ТФАН СССР, № 15, Сталинабад, 1949, стр. 90).

³⁴ В. В. Гинзбург. Кишлаки..., стр. 66 и 77.

³⁵ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 157 сл.

³⁶ Там же, стр. 163.

³⁷ Интересное сообщение о величине очага в связи с размером выпекаемого в нем хлеба мы записали со слов случайного попутчика в машине. По его словам, в некоторых каратегинских кишлаках, например в Хаите, в к. Калаи-Сурх и др., в старину пекли очень большие хлеба, до 6 ваджабов и даже больше, т. е. чуть ли не в полтора метра в диаметре; такие хлеба назывались *нимнона* — «половинные», были тоньше *гирдача* и толще *чапоты* (о гирдаче и чапоты см. ниже, в главе «Пища»). Наш собеседник привел в пример дом некоего Гадо в к. Калаи-Сурх, где якобы до последнего времени пекли хлеба в 6 ваджабов в диаметре. Соответственно и очаги делались высотой чуть ли не в рост человека. К сожалению, это сообщение осталось единичным, мы не имели возможности его проверить.

³⁸ В 1948 г. в северных горных районах Куляба нам встречались очаги с тремя наваленными бугорками — два по бокам и один сзади.

³⁹ О них см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 255 и сл.

⁴⁰ По-видимому, это было сделано в 1898 г.; А. А. Семенов, посетивший тогда Калаи-Хумб, писал, что городская мечеть «при нас подвергалась капитальной перестройке» (Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 16).

⁴¹ О нем см. А. К. Писарчик. Строительные материалы..., стр. 218 и сл.

⁴² См. Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел (Древний культ в Таджикистане), СЭ, 1934, № 1—2, стр. 182.

⁴³ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 154.

⁴⁴ Любезно записано для нас в 1965 г. А. М. Мухтаровым в Джиргатале со слов Бурхана Батырова, 1916 года рождения.

⁴⁵ Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел. См. также Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). В кн. «Индия в древности», М., 1964, стр. 147 и сл.

⁴⁶ Записано А. М. Мухтаровым в Джиргатале в 1965 г.

⁴⁷ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 162.

⁴⁸ Для конца XIX в. в Каратегине и особенно Дарвазе исследователи отмечают отсутствие дворов (Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, стр. 462 и 463).

⁴⁹ В к. Кушагба выкопанную на пути потока яму, из которой набирают воду, называют *кулмоқ*.

⁵⁰ К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по вопросам. Изв. РГО, т. 6, отд. 2, стр. 106—110.

⁵¹ В Каратегине термином *хуҷра* в домах старого типа называют кладовую, амбар. В бассейне р. Хингоу в прежнее время так называли небольшое жилое помещение без глинобитных нар, с тонкими стенами и крышей, стоявшее особняком или примыкавшее к какому-либо строению. Это было обычно жилище самой обездоленной бедноты, одиноких вдов, которым не под силу было построить более солидный и удобный дом (Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 162—163).

⁵² Подробное описание старой мехмонхоны и ее функций в бассейне р. Хингоу см. Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 163.

Мехмонхона другого типа, в виде большой прямоугольной комнаты с несколькими находящимися друг против друга на одной оси дверями в обеих длинных стенах, описанная В. И. Липским в Гарме (Горная Бухара, ч. 1, СПб., 1902, стр. 234), по-видимому, находилась в доме одного из бухарских чиновников и, вероятно, была построена по образцу равнинных сооружений подобного типа.

⁵³ Сообщение научного сотрудника Института языка и литературы АН Таджикской ССР Мазори Махадова, уроженца к. Кушагба (1961 г.).

⁵⁴ По непроверенному сообщению одного из наших случайных дорожных собеседников, долоны с дверями в передней, не доходящей до потолка стенке делаются в левобережных кишлаках Комсомолабадского и Гармского районов: Хазорчашма, Кул, Камолиён, Зехбед, Яхакпаст, Кизило, Фолума, Таргок, Уштурпаст, Ярхаб, Са-ри-Шухон, Аскалон.

⁵⁵ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 267, и сл. и А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, там же, стр. 423 и сл.; там же приведена литература об ареале этого типа жилища с его наиболее характерным элементом — деревянным срубным сводом над центральной частью жилища — в Припамирье, пригиндукушских странах и в Закавказье, а также различные варианты этого жилища от Шугнана до долины Ванча включительно.

⁵⁶ Н. А. Кисляков. Жилище..., в этой работе приведено описание вариантов этого типа жилища в бассейне р. Хингоу.

⁵⁷ О недостатке строевого леса в Дарвазе см. Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, стр. 440.

⁵⁸ И. И. Зарубин. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистане. Приложение к протоколу XVI засед. Отдел. истор.-фил. наук АН СССР, 2 декабря 1925 г., стр. 4. (цит. по Кислякову. Жилище..., стр. 169).

⁵⁹ Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. СЭ, 1953, № 3, стр. 184.

⁶⁰ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 169, 170. На выявленных Кисляковым различиях между обеими разновидностями жилища бассейна р. Хингоу мы остановимся ниже.

⁶¹ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 169—170.

⁶² В старом быту у припамирцев в местах, где не было течения по дереву, например в Шугнани, широко употреблялись в хозяйстве долбленные корыта разных размеров и назначения (А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 365); в названии *новачо* можно видеть указание на то, что раньше и в Дарвазе

бытовали корыта для приготовления теста, хотя в настоящее время для этого их заменили точеные деревянные блюда.

⁶³ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 162.

⁶⁴ Ср. Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 167.

⁶⁵ Эта дружная семья может служить примером стойкости традиции совместной жизни в одном доме двоюродных братьев, дядей и племянников. Даже переселившись на новое место, на земли нового орошения, ряд ее членов и там поселились вместе (Сообщено М. Р. Рахимовым).

⁶⁶ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 169, 170.

⁶⁷ Так же характеризует различие между припамирским и «арзингским» жилищем Н. А. Кисляков. По его словам, для жилища Припамирья — Ванча характерно «устройство очага в средней части боковых нар, тогда как в доме «арзингской разновидности» он помещается ближе к входу, в одном из передних углов дома» (Жилище..., стр. 169). Второй упоминаемый им признак — количество столбов (для Припамирья — четыре, для арзингской разновидности — три), по нашим данным, не является характерным, жилища с тремя столбами не редки в Ванче (А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 467), а с четырьмя — распространены по всей долине р. Сурхоб (см. ниже).

⁶⁸ По сообщению М. Р. Рахимова, такое устройство очага, когда открытый край его находится под стеной пича, встречается в бассейне р. Хингоу также и в дарвазо-каратегинском варианте.

⁶⁹ Ср. В. В. Гинзбург. Кишлаки..., стр. 76, план № 4 (дом в к. Булкос).

⁷⁰ Ср. А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 465.

⁷¹ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 156.

⁷² Аналогичное оформление передней стенки долона над входом в дом в Дарвазе (без указания кишлака) имеется на фотоснимках А. А. Семенова 1898 г. (Этнографические очерки..., стр. 34 и табл. 11) и в долине Ванча (В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема, стр. 269).

⁷³ См. также Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 156 и сл.

⁷⁴ Сообщение Мазори Махадова, научного сотрудника Института языка и литературы АН Таджикской ССР.

⁷⁵ Описание этого замка см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 276; ср. также А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 358 и рис. 73 на стр. 363; В. Л. Воронина. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. СЭ, 1953, № 3, стр. 184.

⁷⁶ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 159; ср. А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 462.

⁷⁷ В этой связи можно напомнить существующее выражение для определения беременности женщины — *қадашба бача ҳаст* (запись Р. Л. Неменовой). Приводимые нами изображения кадбача были зарисованы В. А. Мешкерис во время экспедиции 1956 г.

⁷⁸ О значении ромба как человеческого лица, человека или антропоморфного существа см. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. сер., т. XII, стр. 109—115; также ниже, гл. «Узорные изделия из кусков материи — *курама* или *куроқ*».

⁷⁹ И. Мухиддинов. Стенные росписи жилищ в сел. Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления. СЭ, 1964, 2. В этой работе содержатся интересные сведения о названиях различных узоров и о технике нанесения их. Помимо нанесения узоров краской или рельефом с последующей раскраской, описывается и прием орнаментации путем нашлепывания на стены комков слегка увлажненной белой глины — *арза* (стр. 110).

⁸⁰ Термином *лекам* в Егиде называют сени с очагом.

⁸¹ Это явление — постройка в большом высоком старом помещении нового маленького и низкого, со своей самостоятельной крышей, встречается и в других местах. Оно было зафиксировано нами в 1959 г. в к. Зидди в верховьях р. Варзоб, под Анзобским перевалом.

⁸² Сообщение И. Мухиддинова.

⁸³ См. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 278—281, рис. 63 и 64; ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 24, рис. 42.

⁸⁴ Фотографию такого помещения в Дарвазе см. А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 113, табл. 11.

Термин *чордара* в том же значении зафиксирован нами в селении Нур-Ата (Самаркандская область, УзССР).

⁸⁵ Такие изображения приведены для долины Хингоу М. С. Андреевым (Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 10) и Н. А. Кисляковым (Охота таджиков бассейна р. Хингоу — в быту и фольклоре. СЭ, 1937, № 4, стр. 115—117, рис. 5—7); о них см. также Н. А. Кисляков. Бурх—горный козел (Древний культ в Таджикистане), СЭ, 1934, № 1—2, стр. 186—187.

⁸⁵ Очень интересные данные о почитании овцы выявлены М. С. Андреевым у припамирских народностей — миф о появлении овцы на облаке с неба, наличие мазара святой овцы, совершение над бараном, закалываемым при поминках и на праздник Курбан, обряда полного ритуального омовения и др. (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, Душанбе, 1953, стр. 63, прим. 2 и стр. 196, вып. 2, стр. 127 и сл.).

⁸⁷ Н. А. Кисляков. Охота таджиков басс. р. Хингоу..., стр. 114—115; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 49.

⁸⁸ Н. А. Кисляков. Охота таджиков басс. р. Хингоу..., стр. 109, рис. 2. Изображения горных козлов очень часто встречаются в Таджикистане на скалах. Им посвящена большая литература (см., например, В. А. Ранов и А. В. Гурский. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. СЭ, 1966, № 2, где приводится библиография по наскальным рисункам Таджикистана). Сводку сведений о почитании горного козла у таджиков см. Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов), Сб. «Индия в древности», Изд. «Наука», М., 1964, стр. 147 и сл.

⁸⁹ См. ниже главу «Узорные изделия из кусочков материи — *курама* или *курок*».

⁹⁰ И. Мухиддинов. Стенные росписи жилищ в сел. Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления, стр. 112—113. В Дарвазе существует обычай прикреплять изображение руки к шесту на мазаре, иногда и на могиле на кладбище, а также оставлять отпечатки пальцев умершей хорошей удачливой хозяйки на куске теста — «чтобы благодать не ушла из дома». Записано М. Рахимовым в Каратегине и Дарвазе).

⁹¹ И. Мухиддинов. Стенные росписи жилищ в сел. Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления, стр. 112.

⁹² См. также иллюстрации в кн. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, стр. 258.

⁹³ М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков..., стр. 8, 9, 14; его же. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. В кн. «По Таджикистану». Ташкент, 1927, стр. 20, рис. 13; А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф..., стр. 478.

⁹⁴ М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков..., стр. 13, 14.

⁹⁵ М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). Ташкент, 1927, стр. 24.

⁹⁶ А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф..., стр. 444.

⁹⁷ Такое оформление верхней части колонны встречается и в долине р. Оби-Ниоу, прилегающей с запада к Дарвазу (А. К. Писарчик. О народном прикладном искусстве Таджикистана. В кн.: «Искусство таджикского народа», вып. 2, Душанбе, 1960, стр. 72, рис. 11).

⁹⁸ В к. Хумби-Вари (долина р. Хумбоу) термин *манча* применяется, помимо деревянных кроватей, еще и для обозначения деревянных нар-полатей, которые иногда устраиваются в современных домах.

⁹⁹ Фото хранятся в МАЭ АН СССР.

¹⁰⁰ В к. Джорф слово *кана-канаи* об имеет еще значение заводы, затон.

¹⁰¹ А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор..., стр. 44.

Подобные сооружения, часто красиво оформленные и поднятые на столбах очень высоко над землей, мы встречали во многих дворах в г. Андижане в Ферганской долине.

¹⁰² В 1962 г. мы видели такой веер-опахало, приводимый в движение водой, в к. Бунай в долине Ванча.

¹⁰³ В старину в Дарвазе плетеные щиты *чапарак* употреблялись главным образом для сушки на них хлопка и были обычно длиной около метра (4—5 четвертей). После появления здесь шелководства чапарак стали использоваться для разведения на них червей и их размер увеличился.

¹⁰⁴ В. В. Гинзбург. Кишлаки..., стр. 72—74 и рис. 10.

¹⁰⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 314—317.

¹⁰⁶ М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 118—119; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 116—117; его же. Жилище..., стр. 163—164; В. В. Гинзбург. Кишлаки..., стр. 70—72.

¹⁰⁷ Н. А. Кисляков. Жилище..., стр. 164.

¹⁰⁸ Применения к этому костру названия *гулхан*, распространенного на равнинах, нам здесь слышать не приходилось.

¹⁰⁹ Насколько высоко оценивалась самим народом воспитательная роль для молодежи таких вечерних собраний, видно из таджикской пословицы: *Гарди мехмонхона аз гарди мактабхона беҳ* — пыль мехмонхоны (места вечерних мужских собраний на равнинах) лучше пыли мактаба, т. е. беседы в мехмонхонах учат большему, чем ученье в мактабе.

¹¹⁰ Зарисовку этого интересного мазара около к. Калаи-Хусайн, имеющего айван со всех четырех сторон, см. В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Ягулема. В кн.: «Архитектура Средней Азии». М., 1951, стр. 276.

¹¹¹ И. И. Зарубин. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистане..., стр. 4.

¹¹² М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 270; А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, стр. 473.

¹¹³ Обзор и описание жилищ в этих районах, а также библиографию см. М. И. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Института истории и теории архитектуры Акад. архитектуры СССР, вып. 5, М., 1946.

¹¹⁴ Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 273.

ОДЕЖДА

¹ В нашем изложении мы имеем ввиду прежде всего следующие работы: К. А. Абрамов. Записка о Каратигенском владении, составленная по расспросам. ИРГО, т. 6, 1870, стр. 109; Г. А. Арндаренко. Каратегин (по расспросным сведениям). Военн. сб., 1878, № 5, стр. 122; В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. ИРГО, т. 17, 1881, в. 1, стр. 47; Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. ИРГО, т. 20, вып. 3, 1884, стр. 244—246; Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки припамирских стран. ИРГО, т. 22, вып. 2, 1886, стр. 102; Васильев, кап. Статистический очерк Каратегина. Военн. сб., 1888, № 10, стр. 430; Г. А. Арндаренко. Дарваз и Каратегин. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, стр. 451, 457, 463; Кузнецов. Дарвоз. Новый Маргелан, 1893, стр. 65; Н. Юхновский. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча. «Туркестанские ведомости», 1894, № 65; Н. В. Богоявленский. В верховьях реки Аму-Дарьи (долины р. Хингоу и Ванджа), Землеведение, 1901, 8, вып. 1—2, стр. 11, 18; А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М., 1908, стр. 52; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. М., 1911, стр. 161; Г. Андреев. В Каратегине. «Туркестанские ведомости», 1916, № 21, 30, 37.

² В. И. Липский. Горная Бухара, т. 1, СПб., 1902—1905, стр. 106.

³ А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903 (в дальнейшем «Этнографические очерки...»).

⁴ А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). М., 1900.

⁵ М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киоги-зов Памира. Ташкент, 1928.

⁶ Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу—в быту и в фольклоре. «Советская этнография», 1937, № 4, стр. 106.

⁷ Е. М. Пещерева. Поездка к горным таджикам. КСИЭ АН СССР, 3, 1947, стр. 48.

⁸ О. Л. Данскер. Опыт этнографического изучения кишлака Иогит (Восточный факультет ЛОЛГУ. Этнографическое отделение). Л., 1948 (рукопись дипломной работы, Архив сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР).

⁹ С. П. Русаякина. Поездка в Таджикскую ССР. КСИЭ АН СССР, 4, 1948, стр. 81—86; ее же. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области. КСИЭ АН СССР, 6, 1949, стр. 28—33; ее же. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. Автореф. канд. дисс. КСИЭ АН СССР, 20, 1954, стр. 86—98; ее же. Народная одежда таджиков Гармской области. Среднеазиатский этнографический сб., 2. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер. т. 4, 7, 1959, стр. 132—214 (в дальнейшем «Народная одежда»..., 1959).

¹⁰ Н. А. Кисляков. Свадебные лицевые занавески горных таджиков. Сб. МАЭ, АН СССР, 15, 1953, стр. 291—316.

¹¹ Подробнее о разновидностях этого шва см. Р. Рассудова. Узбекский художественный шов. Ташкент, 1961.

¹² Вышивка крестом встречается и в других горных районах, так, например, этим способом вышиты наиболее архаичные образцы женских платьев Кулябской группы районов (см. З. А. Широкова. Архаические детали в женской одежде горных районов Кулябской области, Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 3, Душанбе, 1953, стр. 103—104; в дальнейшем «Архаические детали...»).

¹³ Сообщено М. Рахимовым.

¹⁴ Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 142 и сл.

¹⁵ Русаякина называет их *куртаи муллоча* (Народная одежда..., 1959, стр. 156). А. А. Семенов по этому поводу писал: «На голое тело горный таджик надевает длинную белую бумажную рубашку *курта*, хотя, должны оговориться, в большинстве случаев *курта* носят только муллы и вообще лица привилегированные. Почти же весь простой народ надевает вместо рубашки прямо на тело легкий бумажный халат *акта* (Этнографические очерки, стр. 28—29).

¹⁶ Ср. с хуфской рубахой *яктайе*, также имеющей вертикальный разрез сбоку (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Тр. АН Тадж. ССР, т. 61, 1958. Примечания и дополнения Писарчик А. К., стр. 399, рис. 83, фиг. 3).

¹⁷ С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 157.

¹⁸ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаяйкина. Культура и быт таджикского крестьянства, вып. 1, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. 24, 1954, стр. 135—136.

¹⁹ С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 158.

²⁰ Там же, стр. 158—159.

²¹ Н. Н. Ершов. Домашние промыслы и ремесла. В кн. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, 1966, стр. 195—260; С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 150; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 412.

²² См. С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 171—178.

²³ Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 246.

²⁴ Описание обуви *мукки* и *хомак* см. также Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и в фольклоре. СЭ, 1937, № 4, стр. 106.

²⁵ В старину такие деревянные галоши носили даже беки, с тою только разницей, что простые деревянные башмаки изготовлялись из тополя, а для знати они делались из орехового дерева. Шипы на каблуках в деревянных галошах делались высотой более дюйма (Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. ИРГО, т. 20, вып. 3, 1884, стр. 244; В. Голдский. Воспоминания об Алае и Памире. «Туркестанские ведомости», 1892, № 18—19).

²⁶ А. А. Бобринской (Орнамент горных таджиков..., стр. 17—18) пишет, что чулки производятся только в Дарвазе и в горах на юг и восток от него — в Шугане, Бадахшане и Читрале, а в Каратегине и Зеравшане их не вяжут, а носят дарвазские чулки. Однако посетивший Каратегин немного раньше Бобринского кап. Васильев, в числе развитых промыслов Каратегина отмечает и вязанье чулок (Статистический очерк Каратегина, Военн. сб., 1888, № 10, стр. 430). Нами в 1952—1957 гг. наблюдалось вязанье чулок в ряде кишлаков Каратегина (Ляхш, Нушор, Сари-Шухон, Куглик и др.). В 1948—1949 гг. Кулябская этнографическая экспедиция приобрела вязаные орнаментированные чулки местного производства в горных селениях Ховалинга и Сари-Хасора. Осталось невыясненным, является ли здесь этот промысел старым или получил распространение сравнительно недавно.

²⁷ Техника вязанья чулок крючком, применяющаяся в Припамирье (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 248—249), ни в Дарвазе, ни в Каратегине нами не зарегистрирована.

²⁸ С. П. Русаяйкина. Народная одежда, 1959, стр. 176—178; об орнаменте чулок см. М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, стр. 18—25 и табл. I, II, III; И. И. Зарубин. Обувь горных таджиков долины Бартанга. Сб. МАЭ, т. 3, 1915, стр. 91 и табл.

²⁹ Такие же ципки отмечены и среди таджиков долины Бартанга (см. Зарубин И. И. Обувь горных Таджики, стр. 92).

³⁰ Ср. С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 209.

³¹ В настоящее время повсеместно распространено мелкое шитье пилта. В Дарваз оно пришло из Каратегина, до этого там пилта делали очень толстым.

³² Ср. С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 209.

³³ В Дарвазе домотканная материя, из которой шились тюбетейки, окрашивалась в желтый цвет при помощи напыла на ореховом или тутовом дереве или травы *хасанак*; в черный — гранатовыми корками с железными опилками или настоем на угле арчи, красный — мареной — *руян*.

³⁴ Помимо своей непосредственной роли головного убора, в старину тюбетейка служила также мерой сыпучих тел, преимущественно хлеба (см. М. Р. Рахимов. Меры сыпучих тел у таджиков бассейна реки Хингов. Сб. статей по истории и филологии народов Ср. Азии, посвящ. 80-летию со дня рожд. А. А. Семенова. Тр. АН Тадж. ССР, т. 17, 1953, стр. 197—203).

³⁵ С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 171.

³⁶ В соседних припамирских долинах молодежи раньше иногда отпускала длинные волосы, подражая афганцам (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 250).

³⁷ Отмеченные С. П. Русаяйкиной (Народная одежда..., 1959, стр. 142) ситцы с мелкими цветочками по белому фону во время нашего обследования употреблялись только на старушечьи и на нижние платья для молодых.

³⁸ О них см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 212—230.

³⁹ С. П. Русаяйкина. Народная одежда..., 1959, стр. 142.

⁴⁰ Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 463; Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир, стр. 246. В Каратегине кустарная шерстяная ткань продолжает выделяться до сих пор, но идет она на пошив мужской рабочей одежды.

⁴¹ С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 190.

⁴² Разрез ниже кокетки был распространен в Душанбе в довоенный период (сообщение М. Хамиджановой).

⁴³ Ср. А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. Изв. ТФАН СССР, 1949, № 15, стр. 92.

⁴⁴ В Душанбе за последние годы тоже появились платья куртаи *узбаки* с вышивкой на кокетке, подоле и рукавах, которая часто выполняется на машине.

⁴⁵ Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 153, 181—185.

⁴⁶ Ср. украшение вышивкой ластовиц детских рубашек в к. Егид (ниже). Так как ластовица находится под мышкой и не видна, то выделение ее материей другого цвета или обшивание по краю цветной строчкой свидетельствует о том, что в старину с нею были связаны какие-то представления, теперь уже почти забытые, требовавшие ее выделить. В 1938 г. А. К. Писарчик в к. Нур-Ата видела вышитые цветными шелками небольшие розетки под мышками на старинных женских халатах *калча*, относящихся ко второй половине XIX в. Тенденция выделить ластовицу на общем фоне рубахи наблюдается не только у таджиков, но и у других народов. Очень интересные сведения по этому вопросу приводит Н. П. Грикова на русском и поволжском материале. (Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике. СЭ, 1935, № 1, стр. 71—74).

⁴⁷ По сведениям, собранным С. П. Русаякиной, до присоединения Дарваза к Бухаре (1877 г.) дарвазские женщины носили длинные рубахи, широкие в подоле и сильно суженные в талии, с длинными, сильно суживающимися к низу рукавами, так что кисти руки едва проходила, т. е. платья того покроя, который мы застали только в нижних кишлаках Дарваза; бытующая в настоящее время рубаха с широкими рукавами заимствована из Бухары (С. П. Русаякина. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области, 1949, стр. 32); ср. старинные халаты припамирских женщин (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения, А. К. Писарчик, стр. 410).

⁴⁸ Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 182.

⁴⁹ А. А. Семенов. Этнографические очерки..., стр. 30.

⁵⁰ В к. Кочони-Боло (Каратегин), как объяснила Майна Махмадова, существует разница между *кува* и *мафзи*: *кува* — кант, которым обшивают ворот платьев, концы рукавов, халаты и т. п.; *мафзи* — вышивной кант, которым обшивают одеяла; он обычношивается между подкладкой и верхом одеяла, с матерчатым жгутиком внутри.

⁵¹ В Каратегине такой ажурной строчкой пришивают иногда рукава к стану платья.

Ажурная строчка встречена в 1948 г. и на женских платьях из Куляба (см. З. А. Широкова. Архангелские детали..., стр. 105).

⁵² Такое оформление переда применяется и в других районах. В Каратате например, *пешак* на богатых праздничных платьях делают из бархата или плюша.

⁵³ С. П. Русаякина приводит для платья с таким воротом название *куртаи гириуни парпарй* (Народная одежда..., 1959, стр. 182).

⁵⁴ Суеверные старухи Ханта и соседних с ним кишлаков считали землетрясение божьим наказанием за грехи, в том числе и за то, что некоторые женщины начали носить платья с воротом пар-пар, и говорили, что в дом женщин, носящих платье пар-пар, придет несчастье и что за этот грех будут наказывать и на том свете. Поэтому некоторые женщины вернулись к старым традиционным формам платьев.

⁵⁵ Сведения собраны М. Хамиджановой, 1957 г.

⁵⁶ Сообщено И. Мухиддиновым, 1957 г.

⁵⁷ О. Л. Данскер. Опыт этнографического изучения..., стр. 44.

⁵⁸ См. выше.

⁵⁹ В верхних кишлаках Каратегина на женских платьях спереди делают вертикальные складки шириною в 1 см, идущие от плеча до груди, и называемые *миёнчин* или *камарак*.

⁶⁰ См. фото вышитых передов платьев в работе С. П. Русаякиной. Народная одежда..., 1959, стр. 184, рис. 13 и 15, б.

⁶¹ Такое же украшение передов платьев отмечено и в Припамирье (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 408), встречалось оно и в Кулябе, где это украшение называлось *ситора*.

⁶² Вышитый нагрудник *шоинак*, предназначавшийся специально для девичьих платьев с воротом китифак, встречен нами и в к. Умарак (близ Калан-Хумба), по приблизительным данным, он там был вышит лет 35 тому назад.

Как сообщает С. П. Русаякина, в кишлаках Езганд (долина Хингоу) и Кадара (Каратегин) старухи говорили, что лет 50—60 назад и там на перед девичьей руба-

хи нашивался удлиненный квадрат, расшитый цветным шелком с орнаментальным мотивом, взятый с лицевых занавесок (С. П. Русаякина. Поездка в Таджикскую ССР, стр. 81).

⁶³ С. П. Русаякина. Народная одежда таджиков Гармской обл. Таджикской ССР. Автореф. канд. дисс., КСИЭ АН СССР, 20, 1954, стр. 95. Нами детское платье с горизонтальным разрезом ворота, сшитое из карбоса и украшенное на груди вышивкой в виде большого треугольника, встречено также в районах Кулябской группы (З. А. Широкова. Арханские детали..., стр. 103).

⁶⁴ На экземпляре, опубликованном С. П. Русаякиной, приведен узор с вышитыми традиционными петухами, выполненными гладью. К сожалению, не указаны районы, где встречены такие экземпляры (Народная одежда..., 1959, рис. 16, 2).

⁶⁵ С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 186. Ср. памирское *куроб*. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 410; аналогичные разрезы были и на рукавах русских женских рубах; Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике, стр. 75.

⁶⁶ Платье, в которых «вышивкой украшался весь перед — от плеч до подола» бытовали и в районах Кулябской группы (А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., стр. 92).

⁶⁷ Ср. Е. М. Пешерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков. Сб. МАЭ, 17, М.—Л., 1957, стр. 56.

⁶⁸ Вышивальному орнаменту Каратегина и Дарваза посвящена специальная работа Н. А. Белинской «Декоративное искусство горного Таджикистана», Душанбе, 1965.

⁶⁹ Ср. с амулетами, вышитыми спереди на плечах старинных кулябских платьев (З. А. Широкова. Арханские детали..., стр. 104).

⁷⁰ Было встречено только одно платье зыгарской работы со сплошной вышивкой спереди и сзади на голубом сатине.

⁷¹ При просмотре в кишлаке Кочони-Боло с местными мастерицами платьев со сплошь вышитым передом, приобретенных экспедицией, главным образом в Таджикиабаде, местные мастерицы определяли их, как хаитские *хоитдуз*, так как оттуда якобы распространилась мода на них.

⁷² Если ткань кустарного производства, шириной около 30 см, то она сшивается в четыре точки, если материя уже — в пять точек, фабричные ткани берутся соответственно их ширине.

⁷³ В Каратегине нижняя часть отмеряется длиной в 1 м, а лифа—0,5 м. В Дарвазе для определения длины шаровар мастерица складывает материал вдоль, а затем вдвое поперек и, наложив середину полученной ленты на лоб, проверяет, сходятся ли концы ее на затылке. Иначе говоря, в Дарвазе длина шаровар должна быть равной двойной окружности головы.

⁷⁴ Тесемки, выполняемые этой техникой, характерны для Самарканда и Ургута, где они называются *коқма* (Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, стр. 170—171). В Душанбе они распространялись через мастериц, переселившихся сюда из Самарканда.

Аналогичные способы плетения тесемок применяются также у народов коми и у других народов Восточной Европы (Г. В. Шипунова. Народное искусство коми. СЭ, 1960, № 2, стр. 62—63).

⁷⁵ С. П. Русаякина. Поездка в Таджикскую ССР, стр. 83.

⁷⁶ См. Н. Х. Нурджанов. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г. Докл. АН Тадж. ССР, 1953, вып. 9, стр. 50.

⁷⁷ Запись Ю. Богорад, к. Куглик. К сожалению, мы не имели возможности уточнить это сообщение. В других местах (к. Пшихарв, Дарваз) шаровары на подкладке по покрою шили очень широкими.

⁷⁸ Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 243—244.

⁷⁹ Сообщение М. Рахимова.

⁸⁰ Паранджа представляет собой широкий халат с длинными фальшивыми рукавами за спиной. Он накидывался на голову и закрывал женщину целиком. На лицо набрасывалась черная сетка из конского волоса. Паранджа—выходная одежда женщин-горожанок в Средней Азии.

⁸¹ Ср. Е. М. Пешерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 55.

⁸² Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 198.

⁸³ Отсутствие женской тубейки было характерно не только для горных таджиков, но и для равнинных — Ферганской долины, районов Ташкента (Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, С. П. Русаякина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, стр. 150).

⁸⁴ Такой способ повязывания платка был очень распространен в Кулябе в 1948—1949 гг.

- ⁸⁵ Словом *фаш*, как известно, называется выпущенный конец мужской члмы.
- ⁸⁶ См. главу «Ремесла» в кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1.
- ⁸⁷ С. П. Русаякина. Народная одежда, 1959, стр. 196.
- ⁸⁸ Шапочки *кулута* бытовали и в Узбекистане; в Самарканде они сохранялись в costume старух еще в первые годы после Октябрьской революции; См. О. А. Су-харева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник, 1, Тр. Ин-та этнографии, АН СССР, нов. сер., т. 21, стр. 308, М., 1954.
- ⁸⁹ Е. М. Пещерова (Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 49) пишет, что в 1925 г. в долине Ванча ей встречались куклы, у которых, в подражание женской старинной прическе, «почти вся поверхность головы была покрыта очень искусно заплетенными в три и пять прядей косами, которые внизу были сплетены в две».
- ⁹⁰ Ср. тоже для Ванча (Е. М. Пещерова. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 49).
- ⁹¹ Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 415, рис. 8, фиг. 1—5, стр. 416.
- ⁹² М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 251.
- ⁹³ Такая же прическа отмечена и для пожилых женщин Припамирья (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 414—415).
- ⁹⁴ Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 252, 414, 415.
- ⁹⁵ А. А. Семеновым во время его посещения Дарваза отмечены целые ожерелья из раковин и бус, называемые *садаф* (Этнографические очерки..., стр. 31).
- ⁹⁶ Подобные повязки характерны не только для Каратегина и Дарваза, но они под названием *канчак* или *гулбанд* встречаются также в коллекциях МАЭ, из к. Мадрушкат в Матче (№ 3339—36; 3339—40; 3339—60). Встречены они также в 1948—1949 гг. у таджичек Кулябской группы районов. Характерны они и для Припамирья (см. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 416).
- ⁹⁷ Изображение бисерных нашейных повязок *гулибандак* и ожерелий, см. С. П. Русаякина. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР, Автореф. канд. дисс., стр. 94, а также М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2. Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 417.
- ⁹⁸ О. Л. Данскер. Опыт этнографического изучения, стр. 58.
- ⁹⁹ Перламутровые резные броши, помимо Каратегина и Дарваза, распространены были также и в Матче (наши наблюдения 1958 г.).
- ¹⁰⁰ Фонды МАЭ.
- ¹⁰¹ Определить ее не удалось.
- ¹⁰² Фонды МАЭ. № 3339—267; 3339—56.
- ¹⁰³ Ср. хуфское *тоғ*. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Примечания и дополнения А. К. Писарчик, стр. 417—418.
- ¹⁰⁴ Сообщение М. Хамиджановой.
- ¹⁰⁵ Записано М. Хамиджановой в 1952 г. в к. Дехан-Санд (Каратегин).
- ¹⁰⁶ Сообщение М. Хамиджановой.
- ¹⁰⁷ Ср. хуфское *кирйонч* (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 254).
- ¹⁰⁸ О. Л. Данскер. Опыт этнографического изучения, стр. 56.
- ¹⁰⁹ Записано М. Хамиджановой в 1957 г. от жителей к. Яхч (Каратегин).
- ¹¹⁰ А. А. Семенов отмечает, что хной окрашивали не только ногти и ладони рук, но и ногти и подошвы ног, а часто и концы пальцев (Этнографические очерки..., стр. 31).
- ¹¹¹ Масло добавлялось по одним сведениям столько же, сколько и поташа, по другим — на 5 кг ишкура нужно было 1 кг масла (записи Ю. Богорад).
- ¹¹² В Дарвазе и Гарме считается, что если подрубить подол рубашки ребенка, то он будет плохо расти; в Джиргатале же объясняли, что если это сделать, мать ребенка не будет больше иметь детей. В к. Самсолык женщины считают, что подол детской рубашечки не следует подрубать, пока ребенку не исполнится 6—7 лет, в противном случае нарушится его благополучие *раскшн баста мешава*.
- ¹¹³ О покрое воротников подробнее говорилось в связи с женскими платьями.
- ¹¹⁴ Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 190.
- ¹¹⁵ О. Л. Данскер. Опыт этнографического изучения, стр. 48. Ср. Е. М. Пещерова. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 56.
- ¹¹⁶ Подробнее о вышивке *чобак*, см. выше.
- ¹¹⁷ См. выше. «Шитье одежды и швы».
- ¹¹⁸ В Каратегине *дахани курта* употребляют для гадания. Какая-нибудь женщина берет вырезанный дахани курта, кладет его себе на голову и, загадав на какую-нибудь беременную женщину, ждет, кто первый войдет в дом. Если войдет мальчик, значит эта женщина родит сына, если девочка—дочь.

¹¹⁹ А. А. Семенов (Этнографические очерки..., стр. 88) отмечает детские праздничные рубашки «из белой хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которых украшаются оторочками из небольших перламутровых кружков, покрытых различными резными узорами». Такие рубашки, очевидно, встречались только в старину, так как в годы работ Гармской экспедиции они не были отмечены совершенно.

¹²⁰ Прикрепление подвесок на плече, а также украшение его вышивкой отмечено и на русском материале. Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки, стр. 76—77.

¹²¹ Подробнее о лоскутных халатиках см. ниже главу «Узорные изделия из кусочков материи — *курама* или *курок*».

¹²² Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 194.

¹²³ А. А. Семенов о детской прическе в старину писал следующее «Когда дитя подрастает и начинает ходить, это, приблизительно, бывает на втором году — ему впервые бреют или просто коротко стригут волосы. Потом лет до 7—10 волосы стригут довольно аккуратно, но мальчикам в это время не полагается еще носить *тоқи* (ермолки). Происходит ли это от крайней бедности таджика, у которого подчас у самого на голове не бывает ничего, или же вообще не принято — не знаю. Девочкам после первой стрижки больше не стригут волос; когда последние отрастут, их заплетают в две косы по обеим сторонам головы. Иногда более зажиточные родители при этом вплетают в косу малытку какую-нибудь ленту или просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани». (Этнографические очерки..., стр. 83).

¹²⁴ Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 83, 168.

¹²⁵ Сообщение Ю. И. Богорад; о роли уха и различных связанных с ним представлений и магических обрядах см. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 57.

¹²⁶ См. А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза, стр. 17; М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, стр. 16—17; Н. А. Кисляков. Свадебные лицевые занавески горных таджиков, стр. 291—316; его же. Семья и брак у таджиков, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 44, 1959, М.—Л., стр. 107—108.

¹²⁷ Н. А. Кисляков. Свадебные лицевые занавески, стр. 292—294.

¹²⁸ В 1948 и 1949 гг. Кулябской этнографической экспедицией были приобретены два рубанда — один в верховьях Яхсу (Джавзо-Дара), другой — на юге, но происхождения их точно установить не удалось. В 1958 г. Зеравшанским этнографическим отрядом в к. Рог был приобретен вышитый рубанд, привезенный туда из каратегинского кишлака Хилмони, но точных сведений о его происхождении также получить не удалось: ср. данные Пешеревой о том, что чашмбанд-игрушка, приобретенный ею в к. Пальдорак в долине Зеравшана, оказался привезенным из Каратегина (Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 60, прим.).

¹²⁹ Такие же повязки отмечены А. А. Семеновым. «На голову молодые женщины и девушки повязывают узкие (в вершок) и не длинные (четверти в 2—3) вышитые шелком повязки *сарбандак*. Подобная повязка накладывается на волосы, концы же ее подхватываются под косу и завязываются» (Этнографические очерки, стр. 30).

¹³⁰ КП 273—280.

¹³¹ По словам Е. М. Пешеревой, существует представление, что игла с ниткой «должна сделать чистым предстоящий путь и устранить опасность». Такая же нитка с иглой втыкается и в костюм жениха (Н. А. Кислякова. Семья и брак у таджиков, стр. 108).

¹³² Ср. С. П. Русаякина. Народная одежда..., 1959, стр. 178—179.

УЗОРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУСОЧКОВ МАТЕРИИ КУРАМА ИЛИ КУРОК

¹ Узорные изделия, сшитые из лоскутков, бытуют также у белуджей, живущих в СССР, причем узоры и предметы, на которых они применяются, нередко совершенно сходны со среднеазиатскими. Сведениями этими любезно поделилась с нами Э. Г. Гафферберг.

² Так, Наливкины упоминают, что при постилании постели «в изголовье кладется или плоская (*курак*) сшитая из лоскутков разных материй или цилиндрическая подушечка...». (В. Наливкин и М. Наликина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 84). А. Л. Троицкая отмечает, что в Бухаре и Пенджикенте в семьях, где дети часто умирают, шьют халатики из разноцветных лоскутков (Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. СЭ, 1935, № 6, стр. 130, прим. 1). Е. М. Пешерева, описывая обстановку кукольного дома у таджикских детей, упоминает, что верх куколных одеял-тюфячков для сидения, как и настоящих, часто сшивается из кусочков материи (Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, Сб. МАЭ, 17, М.—Л., стр. 58).

³ Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Мат-лы и исслед. по этнографии каракалпаков. В кн. Тр. Хорезмской экспедиции. 3, М., 1958, стр. 387—389, рис. № 8 и 10; Б. Х. Қармышева. Локайские «мапрамачи» и «ильгичи». Сообщ. Республ. истор.-краеведч. музея, 2, Душанбе, 1955, стр. 125.

⁴ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. Археол. и этнографич. работы Хорезмской экспедиции 1945 — 1948 гг., М., 1952, стр. 371, рис. 2 и 4, стр. 383, рис. 1 и 2.

⁵ Таджикско-русский словарь, М., 1954; Узбекско-русский словарь, М., 1940; Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954 и др. В доступных нам дореволюционных таджикских толковых словарях эти термины отсутствуют.

Как известно, словом «курама» называется также в Средней Азии население, образовавшееся в результате смешения двух или нескольких узбекских родов.

⁶ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо Маклая АН СССР, нов. сер., т. 42, М.—Л., 1959, стр. 109—115. См. также М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, Душанбе, 1953, стр. 59, прим. 2.

По записям А. К. Писарчик (1938 г.), таджики Нур-Ата в прошлом наносили знак косога креста на череп лошади, укрепленный на шесте посреди поля или огорода для охраны от «сглаза».

⁷ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 110.

⁸ Е. М. Пещерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, стр. 46 сл.; е. е. Гончарное производство Средней Азии, стр. 112.

⁹ Личное сообщение Г. В. Григорьева, А. К. Писарчик в 1938 г.

¹⁰ Записи М. Хамиджановой во время Зеравшанской экспедиции 1958 г.

¹¹ До сих пор в Каратегине из шьющихся в приданое девушке четырех подушек две обязательно делаются с узором из куроков.

¹² В старину по суеверным представлениям таджиков, как и других народов, взгляду — завистливому, недоброжелательному — приписывалась большая сила; отсюда вытекала масса магических приемов, имеющих целью охранить от сглаза.

¹³ В Самарканде существовал обычай весной и летом выезжать в пригородные сады, где люди спали обычно под открытым небом на берегу хауза. В подобных местах, по старым представлениям, много всяких демонических существ — *чин*, *ачина*, *парй* и др. Поэтому летом в садах самаркандцы старались использовать одеяла из куроков; эти одеяла назывались *бахорпушак* — весенние, которыми покрываются весной.

¹⁴ Свадебная занавеска из куроков шьется также у таджиков верховьев Зеравшана, Ура-Тюбе, Нур-Ата и других мест. В Нур-Ата она сшивается из длинных узких полос разных материй, т. е. по принципу «малафа» (см. ниже). Современные свадебные занавески таджиков северных районов сшиваются обычно из трех точек материи — в середине полоса красного бархата или атласа, по бокам — две белые, из мадаполама. Здесь занавеску шьют за два дня до свадьбы. Собирается много женщин. Кроит и шьет многолетняя женщина, живущая в достатке. Во время кроения мать девушки сыплет монеты и сладости, а присутствующие хлопают в ладоши и кричат: «*Туй шавад, туйба расонад*» — «Пусть будет свадьба».

В долине Зеравшана в некоторых домах местной интеллигенции лоскутные чодары употребляют для покрытия сложенных на день одеял и подушек или набивают на стену над кроватью. То же нам встретилось и у киргизов в Джиргатале.

¹⁵ О нем см. Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 119.

¹⁶ Изображение спинки детской рубашки и рукавов с медальонами из куроков у узбеков Хивы см. К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 389, рис. 29, фиг. 2.

¹⁷ В Бухаре и в долине Зеравшана старухи еще при жизни заготавливают для себя эти предметы и заставляют после смерти уложить на них свое тело. Считалось, что это должно предохранить умершего от мучений в могиле при допрашивании ангелами Мункар и Накир. После похорон эти вещи не несут обратно в дом, а отдают на мазар или в мечеть (сообщение Биби Чулибаевой, уроженки Бухары, 1922 года рождения).

¹⁸ В некоторых районах при выполнении обряда вызывания дождя во время засухи (о нем см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 125—126) одевали в платье из куроков женщину или куклу (пенджикентское *хуса*), выполнявшую роль Сусхотун, которую вели к речке и после ритуальной трапезы обливали водой, имитируя дождь. Этот обычай отмечен в к. Курчу, Китабского района, Узбекской ССР (сообщение этнографа Б. Х. Кармышевой), в Самарканде (сообщение Саидмурода Дмураева, 1900 года рождения), в Пенджикенте (сообщения Мардона Мухаммадиева, 1928 года рождения).

¹⁹ На равнинах, например в таджикском селении Нур-Ата (Самаркандская область), нам пришлось встретиться с обратным явлением — там на некоторых старых изделиях, относящихся, вероятно, к XIX в., вместо дорожек с черными треугольниками на белом фоне, сшитых из кусочков материи, были вышитые крестом треугольнички.

²⁰ По обычаю, если человек умер в возрасте 90—100 лет, на его похоронах не только раздавали специальные кусочки материи *иртиш*, но и все ткани, которые ис-

пользовались при похоронах, — подстилка на похоронных носилках, покрывало — делили на куски и раздавали присутствующим.

²¹ У равнинных таджиков существовало поверье, что обладатели куроков красного цвета бывают краснощеками. Там же считается очень полезным надевать красную одежду при всяких заболеваниях, связанных с появлением сыпи на коже (оспа, ветрянка, корь), — опять-таки магический прием.

²² Разрезание материи на куски называется *кашк*, *кашкбурй*, *буриш*.

²³ Эта птица, по поверью, отличается долголетием (якобы живет более 100 лет), чрезвычайно острым зрением и охотничьими способностями. Ей никто не может причинить вреда. Перья ее пришивают к тубетейке младенца в качестве оберега. Узор хвоста кобчика в лоскутных изделиях, по местному поверью, обеспечивает их обладателю долгую и безопасную жизнь.

²⁴ Так называют также наест для ловчих птиц (соколов).

²⁵ Этот узор раньше был распространен и в северных районах республики под названием *сутумак* — столбик (верховья Зеравшана) или *кулфу калиди лукидон* — деревянный ключ с замком (имеется в виду старинный реликтовый деревянный замок. О нем см. А. К. Писарчик. Жилище таджиков долины Хуф, в кн. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 358 и сл. и рис. 73). Этот узор считался обладающим очень «хорошими» свойствами как оберег. В Ура-Тюбе верили, что он «запирает на замок» путь всяким бедам и опасностям (сообщение Адолат Тошбеков, 1897 года рождения).

²⁶ В кишлаках верховьев Зеравшана — Роге и Пальдораке, где бытует этот узор, его называют *куроқи кирғизй* — киргизский куро́к.

²⁷ У равнинных таджиков *малафа* (арабск. простыня). Наличие изделий, выполненных этой техникой известно нам в Нур-Ата (Самаркандской области) и в Ура-Тюбе.

²⁸ Платя из узких полос ткани, называемые *куроқ*, изготовлялись для невесты в начале второй половины XIX в. и в Нур-Ата.

²⁹ Об этом обычае см. А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. Изв. ТФАН СССР, 1949, № 15, стр. 94.

³⁰ Об изображении змеи на детской одежде у таджиков и связанных с ней суевериях см. М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский р-н (север Ферганы). Ташкент, 1928, стр. 113; М. Хамиджанова. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей. В кн.: «Памяти М. С. Андреева». Тр. АН Тадж. ССР, т. 120, Сталинабад, 1960.

П И Щ А

¹ А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 52, 54, 81.

² Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. В кн.: «Досуги в Туркестане», СПб., 1899, стр. 467 и 468.

³ Там же, стр. 465—466.

⁴ Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. В кн. «По Таджикистану». Ташкент, 1927, стр. 42—59.

⁵ Этот обычай распространен у горных таджиков широко. См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 178.

⁶ По-видимому, из узб. *оқ ёғ* — белый жир.

⁷ Соляной раствор употребляется и для соления другой пищи. Это объясняется, вероятно, тем, что население Каратегина употребляло каменную соль, добываемую в местных соляных коях и имевшую часто примесь камня и песку. Однако, если требуется, подают и толченную соль. В Каратегине для этой цели соль вываривали из воды соленого источника в к. Фолума. Она продавалась на базаре в Гарме в виде небольших шариков, в которые формовалась после варки путем прессования в мешочках из ткани.

⁸ В к. Элок, б. Оби-Гармского района такие круглые доски для раскатывания лепешек изготавливаются также из алебаstra, привозимого из Файзабада. Из приобретенных нами двух таких досок (КП 306—587 и 306—588) одна имеет три ножки, а у второй вместо ножек сделан из алебаstra круглый выступ в виде довольно высокого валика. Среди археологических материалов, добытых экспедициями нашего института за последние годы, имеются сделанные из алебаstra предметы, назначение которых археологам неизвестно. Они весьма похожи на упомянутые доски для теста, однако утверждать их идентичность без дополнительного исследования пока нельзя.

⁹ В Каратегине в некоторых местах эти подушки слепивают из колючих цветков обычного лопуха, называемого *мушор* (*Arctium majus* L.), а потом уже сверху обшивают материей.

¹⁰ В Бухаре *ббй* называют лепешки, которые варят в масле накануне праздников Рамазана и Курбана, а также на поминки.

¹¹ О горячительной и охлаждающей пище см. ниже,

¹² В к. Пшнхарв (Дарваз) *атола* готовят еще из *орди мулкин* (муки из гороха мулкак) и называют это блюдо *атолаи фирни*, т. е. тем же термином, которым в г. Бухаре называют молочный кисель из рисового крахмала.

¹³ *Бат* — у припамирцев мучной кисель. Словом *хурук* в Гарме называют еще и другое кушанье, а именно суп из отварных в воде толченых садовой мяты, гашенича и травы сенчик (какой-то вид ширяша или эремуруса), заправленных мукой и зеленым луком. Суп этот делают только весной и больше для больных ревматизмом.

¹⁴ В Гиссарской долине она называется *сиялаф* и тоже употребляется для приготовления указанного блюда. Латинские названия дикорастущих трав см. ниже.

¹⁵ О них см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 125—126.

¹⁶ Бычки — *сагмоу* (рыба-собака), водящиеся в реках бассейна Сурхоба и верховьев Пянджа, считаются погаными и в пищу не употребляются.

¹⁷ А. А. Семенов. Этнографические очерки..., стр. 81.

¹⁸ Там же, стр. 54.

¹⁹ О переработке тутовых ягод см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 149—150.

²⁰ К сожалению, не удалось собрать образцы некоторых из съедобных растений для их определения, так как экспедиции проводились почти всегда в конце лета и в начале осени, когда травяная растительность, в большинстве состоящая из эфемеров, была уже в отмершем состоянии.

²¹ В старое время держать кобыл, и особенно ездить на них, у таджиков Каратегина и Дарваза считалось даже зазорным.

²² Подробнее о сбивании масла и заготовке молочных продуктов см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 166 и сл.

²³ О приготовлении их см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 139—143.

²⁴ О связанных с перетапливанием масла обычаях и обрядах см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 142 и сл.

²⁵ *Фомил* — значит «фамильный»; такое название сохранилось с дореволюционного времени, когда черный чай продавался в пакетах, на которых была напечатана фамилия владельца фирмы, торговавшей чаем.

²⁶ В долине р. Хингоу записано четверостишие, характеризующее отношение населения к различным видам хлеба: *Чапоти—чапот, гирдача—набот, хамирфатир—асал, загора — касал*—«Чапоти—тонкая, гирдача—леденец, хамирфатир—мед, загора—болезнь».

²⁷ Нечетное количество лепешек — *тоқ* несут только на траурные церемонии. Четное количество лепешек приносят для того, чтобы в доме еще раз было веселье, а нечетное, чтобы печальное событие не повторилось.

²⁸ О свалебном угощении у горцев см. А. А. Семенова. Этнографические очерки..., стр. 81.

²⁹ Такие котлы, по-видимому, изготовлялись иногда и в Каратегине. Так, нами записаны сведения, что в к. Ялдамич отливали котлы.

³⁰ Такие большие котлы обычно держались при мечетях и жертвовались туда dobroхотами.

³¹ В Кулябе точно так же считали, что некоторые продукты, особенно коровье топленое масло, бапанье сало и кипяченое молоко, привлекали к себе «нечистую силу». См. А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года, стр. 91.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; В. И. Кушелевский. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. 1—3, Нов. Маргелан, 1890—1891; Л. И. Семенова (Хохрякова). Чародейство, гадание и лечение сартянок в Самарканде. Справочная книжка Самаркандской области на 1894 год, вып. 2. Самарканд, 1894; Г. А. Колосов. О народном врачевании у сартов и киргизов Туркестана. Тр. Антропологич. о-ва при императорской Военно-медицинской академии, т. 6, СПб., 1903; А. Л. Троицкая. Первые сорок дней ребенка (чилла) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. Сб. В. В. Бартольд. Ташкент, 1927; е е же. Лечение больных изгнанием злых духов у оседлого населения Туркестана. Бюлл. САГУ, вып. 10, Ташкент, 1925; И. И. Зарубин. Рождение пуганского ребенка и его первые шаги. Сб. В. В. Бартольд. Ташкент, 1927; Р. С. Гершеневич. О бытовой гигиене узбекского грудного ребенка. Тр. САГУ, Ташкент, 1928; О. А. Сухарева. Мать и ребенок у таджиков. Сб. «Иран», т. 3, Л., 1929.

² А. Л. Троицкая. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. СЭ. 1935. № 6; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1. Тр. АН Тадж. ССР, т. 7, Душанбе, 1953, гл. III. Рождение, мла-

денчество и связанные с этим обычаи и обряды (стр. 46 и сл.); Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. Тр. Ин-та этногр. АН СССР, нов. сер., т. 11, № 4, М.—Л., 1959, стр. 18 и 49—58.

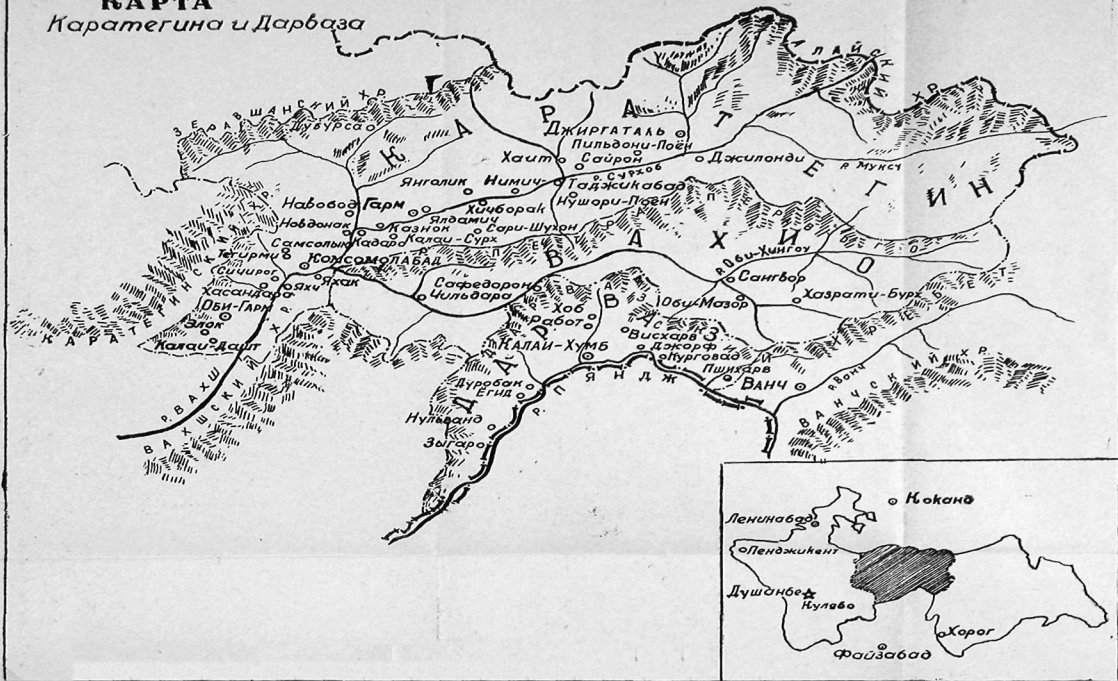
³ З. Л. Амитин-Шапиро. О народной медицине туземных (бухарских) евреев. Бюлл. САГУ, вып. 13, Ташкент, 1926; И. К. Сейфулмулюков. К вопросу о табибизме в Узбекистане. «Медицинская мысль Узбекистана», Ташкент, 1928, № 8—10; Н. Н. Ершов и Н. Н. Кампанцев. О табибской медицине на Памире. Бюлл. Узбекского Ин-та экспериментальной медицины, 1939, № 14.

⁴ Статья опубликована в сб. «История, археология и этнография Ср. Азии». К 60-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, доктора исторических наук, проф. С. П. Толстова. М., 1968, стр. 349—356.

⁵ В арабско-русском словаре Х. К. Баранова (Москва, 1957 г.) это слово переведено «выюнок стрелолистный» (см. стр. 244), а в полном арабско-персидско-русском словаре И. Д. Ягелло—«скамония» (см. стр. 1428), т. е. *Convolvulus Scammonia* L. или тоже «выюнок стрелолистный».

⁶ *Ичос* (*أجامس*) — слива, абрикос, груша, чернослив.

Схематическая
КАРТА
Каратегина и Дарбаза



УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ*

- | | |
|--------------------------------------|---|
| Абет 247 | Афйюн 246 |
| Абр 139 | Афтоб, офтоб 90 |
| Аврупой 58 | Афтоба 253, 255 |
| Адиб, адиф 147, 152, 166, 169 | Афтоба-самовор 244, 253 |
| Адрас 168, 221 | Афтоббаро 277 |
| Айвон 80 | Афтобшину 277 |
| Актай 124 | Афтобру, офтобру 8, 9 |
| Алафи кимнѐ 270 | Ахтахо́на 51, 52, 88 |
| Алафи чой 233 | Ашки Майрам 186 |
| Алмакурак 216 | Агдун (см. яхдон) 105 |
| Алов, алоу 113 | Акчой 260 |
| Аловга(х) (алоуга) 52, 58, 80, 106 | Ачина 267, 288 |
| Аловдонак (алоудунак) 40 | |
| Алови пухта 57 | Баландак 130 |
| Аловхона, алоухона (алоухуна), | Балиш 205, 207 |
| 32, 40, 48, 52, 53, 55, 57, 58, 106. | Балодуркунак 212 |
| 111, 112, 113, 256 | Балохо 211 |
| Алоча 124, 140, 168 | Балғам 259 |
| Амбор 227 | Банг 246 |
| Амлоқдор 169 | Банд 166 |
| Ангиртак, 95, 99 | Бандак 178, 181 |
| Ангушт см. чор ангушт | Банди эзор 166 |
| Андова 30, 34, 278 | Ба пўст (пуст) гирифтан 268 |
| Андован баках 34 | Баргак 184 |
| Андован серках 34 | Барги гули хори сафед 260 |
| Андоваи хасгил 30 | Барги санҷид (сынҷид) 242 |
| Анчир 226 | Барги чукрї (чыкри) 241 |
| Ар-ар 23 | Бат 290 |
| Аракхўр (арақхур) 246 | Баштык 211 |
| Арза 280 | Бача 83 |
| Асал 268 | Бақувват 21 |
| Атлас 139, 165, 212 | Баҳорпушак |
| Атола, отала 233, 290 | Бегай (выган) 247 |
| Атолаи дастшикан 233 | Без 125 |
| Атолаи зарзарї 233 | Бек 283 |
| Атолаи кочї 240 | Белбоғ 168 |
| Атолаи модел 234, 250 | Белдемчї 221, 222 |
| Атолаи ош 235 | Берун 52 |
| Атолаи ро́ва 250 | Бекасаб 127, 139, 165, 166, 169, 212, 221 |
| Атолаи фирнї 290 | Бидона (будана) 237 |
| Атолаи хурї 233 | Бинияк 41 |
| Атолаи шири 233 | Бистчилика 135 |
| Атчал (кирг.) 210 | Бодбарак 103, 105 |
| Аулунї 131 | Бодом 23 |
| Аурез (кирг., из обрез) 73 | |

* По техническим причинам знак *э* в указателях передается через *ы*.

- Болишт 205, 207
 Боло 62, 277
 Боловду 227
 Болор 278
 Болосинч 29, 32
 Борикй 173
 Боф 177
 Бофтан 177
 Бокло 226
 Боч, 234
 Брук 121
 Бубин 36
 Буй (буй) 231, 289
 Буи нон 186, 187
 Буламоқ 233
 Буличка 225
 Бунг 31
 Бунгкуб 34, 35
 Бунгшакй 34
 Бургавч (быргавч) 25, 26
 Буриш 286
 Буришдузй 203
 Бурсок 231
 Бурьебоф 177
 Бутакуз 214—216, 221
 Буғак 150
 Бүчняк 218, 219
 Бүчүл 186
 Былно 25
 Былнокашонй 47
 Было, былои хуна 25
 Былогдун 227
 Васа 32, 34, 111
 Васкат 168, 193, 195
 Вахимча 28
 Вацаб 25, 26, 28, 278
 Вилчак 260
 Возвол 132
 Газакй 269, 271
 Газанка 260
 Гандумбирьён 250
 Гандумбоц 236, 250
 Гандуми лалма 262
 Гандумкуча 236
 Гандумчүшак (чушак) 236
 Ганчур 51, 52, 58, 59, 71, 80, 81, 83, 227
 Гаранй 147
 Гаркунда 260
 Гарм 252, 259
 Гармй 247
 Гармй задагй 261, 262
 Гач 30
 Гашнич 234, 290
 Гашничй ёбонй 261
 Гашт 135
 Гахворапуш (гаворапуш, гаровапуш) 205, 206
 Генчак 166
 Гирда 132, 170
 Гирдача 40, 228—230, 232, 249, 250, 278
 Гирди фук (гырди фык) 173
 Гирди фусук (гырди фусук) 173
 Гирднаъл 131
 Гирдсабад 62
 Гиребон (гиреун) 124
 Говзабон 266
 Гувала 22
 Гузар 17
 Гул (гыл) 205
 Гулакбури 203
 Гулакдузй 203
 Гулбанд 286
 Гулбаст 139, 200
 Гулбури 203
 Гулдузй 118, 120, 165
 Гулдузйи якруя 118, 165
 Гулдун 228
 Гул задан 228
 Гули алов 134
 Гулибандак 182, 286
 Гули бунавша 261
 Гули газита 209, 216, 217
 Гули гирд 217, 220
 Гули дафтар 209, 216, 217
 Гули замин 138
 Гули махсар 261
 Гули наврузй 243
 Гули офтоб барашт 217
 Гули пар-пар 218, 219
 Гули садбарг 138
 Гули ситора 218, 219
 Гули товус 136
 Гули хайри 217, 267
 Гули хор 260
 Гули чандугла 216
 Гули гуза 216—218
 Гули кучкорак 136
 Гули хойти (хойти) 218
 Гулмохй 237
 Гулканд 261
 Гулхан 281
 Гусй 177
 Гушвор 184
 Гушвора 184, 199
 Гушвораи гуш 199
 Гушвораи натй 184
 Гушвораи сепоча 184
 Гушвораи сепочика 184
 Гушвораи кафасй 184, 199
 Гуштбирьён (гуштбирьон) 238, 247
 Гуштингирй 48
 Гушти гург 269
 Гушти мор 269
 Гушти (гушти) обпаз 238
 Гушти рубах 269
 Гушти сафед 242
 Гушти чирак 269
 Гушти фела 235
 Давр 33, 34, 57, 69, 70, 76, 78, 82
 Давру дарича 33
 Далда 235
 Далдасанг 254
 Далида 235
 Дальясанг 254
 Дам кардан 239
 Дангича 236
 Дандони пайгамбар 247
 Дар 49
 Дарафшак 152
 Дарбича 61
 Дарвоза 49, 50
 Дарвозахона (хуна) 49, 50, 88
 Даргоу 10

- Дарди гулу 261, 262, 265
 Дарди сил 261, 269
 Дарди хафақон 266
 Дарди қиртиқ 262
 Дарз 117
 Дарз духтан 117
 Дарзи сарак 117
 Дари дегдон (дегдун) 70, 73, 74,
 76, 87
 Дари партоу 78
 Дари пасак 62
 Дари пога 76
 Дарича 34, 111, 112
 Дари яктабақа 81
 Дари хавлин (навлин, навли) 49
 Дарова 10
 Дароз см. дуқони дароз
 Дарозӣ 80
 Дарун 52
 Даства (дыста) 241, 250
 Дастак 32, 58, 184
 Дастархон ((дыстархун) 128, 205, 221,
 228, 229, 239, 245, 248, 249, 255, 257
 Дастархони маърақагӣ 211, 221
 Дастархони тағи чимлиқ 211
 Дастархони тағи чодар 211
 Дастбанд 205, 206
 Дастмона 184
 Дастанумол 137
 Дастоҳан 184
 Дастанпеша 212
 Дастанпона 184
 Даструмол, дастанумол 137
 Дашту 255
 Даулес (кирг.) 73,
 Даҳани курта 193, 223, 286
 Даҳани лифа 166
 Даҳлез 51, 53, 55, 73
 Девлох 6
 Дево, девор 25, 31
 Дево, девор 45
 Дево, девор 47
 Дево, девор 28
 Дево, девор 278
 Дево, девор 45, 277
 Дево, девор 62, 63
 Дег 254
 Дегдон (дегдун, дегду) 37, 40—42,
 45, 55, 61, 62, 70, 73, 82
 Дегдони гирдачабандӣ 40
 Дегдони калон (калу) 40
 Дегдони лумб (лымб) 40, 83
 Дегдони майда 83
 Дегдони нонбандӣ (нунбанди) 40
 Дегдони чапотибандӣ 40
 Дегдонча 41
 Дегдончаи гардонак 44
 Дегдончаҳақ 41
 Деги маърақа 254
 Деги панҷвачаба 254
 Деги сиёҳ 254
 Деги чорвачаба 254
 Дегча 255
 Ди, дили барра 242
 Диха 6
 Дока 171
 Докаи шол 171
 Долон (долун) 42, 51—53, 55, 59, 60,
 61, 62, 63, 65, 67, 68, 78, 80, 81, 83,
 87, 93, 110, 112, 279
 Долонча 63
 Домана 262, 267
 Дорой 139
 Доғ кардан 226
 Ду (ды) вачаб 256
 Ду вачабу чор ангушт 25
 Дудкаш 40
 Дудомана 152
 Дуқон (дуқун, деку) 63, 76, 78, 79,
 110, 255
 Дуқони боло 77
 Дуқони болоғӣ 73, 78
 Дуқони дароз (дыроз) 71—74
 Дуқони дегдон 71
 Дуқони паси дар 71—73
 Дуқони паси дегдон 72
 Дуқони пеш 73
 Дуқони пуни дегдон 76
 Дуқони сари дегдон 70, 71, 73, 76
 Дуқони сари чаҳи бофандагӣ (бо-
 фындагӣ) 73
 Дуқони сари чаҳлак 87
 Дуқони сартакия 72
 Дуқони таҳ 78
 Дуқони шаҳшин (шаши/н) 71, 72, 73
 Дуқони шилақак 71—73
 Думакӣ боша 209, 213—215, 223
 Думбулшурбо (дымбылшурво) 234
 Думи руба 243
 Дуноқ 241
 Дунёкурама (қырама) 218, 219, 223,
 224
 Дурха 173, 175
 Дутабақа 255
 Дутаноба 130
 Дутар (датор) 61
 Душти хонӣ (хонти) 218
 Дучигасак 216, 217
 Душоха чуб 230
 Дуғура 254
 Дӯғ (дуғ) 243
 Дӯғоби (дуғоби) 249
 Елма 238
 Елму 242
 Елпуш 205
 Еғлоғу 229, 254
 Ека 140
 Екагардон (гардун) 151
 Жарков 238
 Жиб, жип, жиф 34
 Забони сағир 269
 Завола 228
 Завола гирифта 228
 Замбуруғ 242
 Заминбофӣ 135, 154, 155
 Замч 189
 Замчи булур 271
 Зардбед 23
 Зардгулак 233, 242, 261
 Зардди тухму намак 271
 Зардкаҳ 242
 Зардолуи қок 261
 Зардолуб 241
 Зардчӯба (зардчуба) 261
 Зағора 231
 Зағораи арзанӣ 231

Захрдон (зардун) 270
 Зеби гардан 198
 Зерав 31—33
 Зеҳак, зияк 135, 166
 Зиён 268
 Зинапоя 102
 Зиндонак (зиндунак) 270
 Зира 243
 Зиравой 244
 Зирикоб 235
 Зияк 135, 154, 166, 169
 Зияки курта 152
 Зияки чакман 127
 Зики нафас 266
 Зулф (зылф) 178, 196
 Зур уй 73
 Зурхӯр (зурхур) 232
 Зуф 268

Ибар 18
 Илми тибб 259
 Индун 234
 Ироқӣ 132
 Ирғиш 288
 Ислимӣ 138
 Испанд 268
 Испарак 261
 Испағул 268
 Иштиҳо 235
 Ишқор 190, 286
 Иҷос 291

Қабк 237
 Қабки дарӣ 237
 Қабки реза 237
 Қавар 262
 Қавардак 238
 Қадун бо шир 240
 Қадун нос 246
 Қадун тағаловӣ (тағиаловӣ, тағало-
 ви) 247
 Қаду лафкан 240
 Қадуоба 240
 Қаландак (кыландык) 32, 34
 Қалашон (қалашу) 240
 Қалидор 55
 Қалитқурак (кирг.) 207, 216—219
 Қалиғу 81
 Қалтача 284
 Қам 32
 Қамарак 152, 284
 Қамзул 169
 Қамзулча 139, 168, 193
 Қамзур см. камзул
 Қамол 24, 35, 62, 189, 190, 262
 Қамч 234
 Қанзул см. камзул
 Қанҷак 286
 Қапа 58, 102, 105, 106, 281
 Қапан об 281
 Қапарӣ нос 246
 Қапус 238
 Қаравот 99, 100, 255
 Қарамоба 240
 Қарамшурбо 240
 Қарбос 23, 46, 47, 120, 121, 124, 125,
 128, 137, 139, 140, 147, 151, 155, 165,
 168, 169, 263
 Қарбоси маллагӣ 124, 139

Қарғас 278
 Қарғаспуш 33, 69
 Қарғаспуши чорқатора 34
 Қарғасхона (хуна) 33
 Қарк 236
 Қаструлка 255
 Қат 53, 99, 100, 255
 Қатак 62, 72
 Қатаки ток 50, 99
 Қафак 32, 132
 Қафғир 229, 254
 Қафи по 130
 Қафлес 254
 Қафши чаки 170
 Қафши чарми 170
 Қафши чубин 131, 170
 Қачул 262
 Қашак 33
 Қашелак 182
 Қашк 45, 234, 250
 Қаҳ 21
 Қаҳдон (қадун) 52, 71, 88
 Қаҳи кылк 34
 Қаҳҳол 259
 Қачак 129, 136, 155, 166
 Қачик 227, 229
 Қелину хушдоман 209, 214, 215
 Қесак 22, 27, 28, 30, 278
 Қесакедвол 27, 29, 30
 Қиландак 33, 35, 81
 Қинг 242
 Қирйог 188
 Қирйопч 286
 Қирмак 135
 Қитифак 121, 122, 125, 145, 155, 191,
 284
 Қокотӣ 242
 Қокул (қоқыл) 177, 181, 182, 196, 197
 Қоқули валаштак 178
 Қорсон 228
 Қорчи ҳарак 262
 Қос 31
 Қоса 236, 249, 254
 Қосан дӯғоби (дӯғоби) 249
 Қосалеси 256
 Қоснӣ 262, 267
 Қофир 202
 Қочӣ 233
 Қошнич 262, 267
 Қошницаҳ 262
 Қуват 122
 Қужик, қужук (қажык) 178, 182
 Қӯза (қуза) 234, 237, 254
 Қузадон (қузадун) 61
 Қузбаратул барр 261
 Қуйнак 124, 147
 Қук 117, 130
 Қўкнор 246
 Қулмок 279
 Қулӣ 62, 76, 81, 227
 Қулича 227
 Қулута 176, 285
 Қулух (кылух) 22, 27, 30, 278
 Қулухдевол 29, 30
 Қулча (кылча) 230, 249—251
 Қулчан арӯс 230
 Қулчан суманак 251
 Қулчан тағалобӣ 231
 Қулчақабоб 238

- Кулчафатир 232
 Кумок 32
 Кунгра (кынгра) 207
 Кунок 231
 Куноки башир 236
 Кунчи дегдон (кынчи дегдун) 40
 Кунчораоб (кынчораов) 30
 Курмак 239
 Курмакшў (курмакшу) 239
 Курпа 127
 Курпан куроқ 205
 Курпан қырама 209
 Курпача 56, 58, 209, 211
 Курпачан рупуш 205, 206
 Курпачан қырама 209
 Курпачан шикампуш 205
 Курпачан якаандоз 221
 Курта (кырта) 140, 282
 Куртан азоуна 201
 Куртан алвон 144
 Куртаиба робарак, куртан баробарй 193
 Куртан гардонакдор 191
 Куртан гимнастерка 121
 Куртан гириуни парпарй 284
 Куртан гулдузй 144
 Куртан китифак (кытифак) 151, 191
 Куртан лабгардон 191
 Куртан муллои 121
 Куртан муллоча 282
 Куртан пар-пар 193
 Куртан таглуши 150
 Куртан узбакй 140, 141
 Куртан харкандоз 191
 Куртан чиллагй 190, 191, 193, 205
 Куртан чапгиребон (гиреун) 191
 Куртан шоннак 193
 Куртан шохй 144
 Куртан шыпера 150
 Куртан яхтак 124
 Куртан казоқй 193
 Куртача (кыртача) 140
 Куртачй (кыртачй) 139, 152, 155, 157
 Куртачин вакабуд 139
 Куртачин васурк (васырх) 139
 Курта-якта 125
 Куруш (кыруш) 230, 243
 Куф 268
 Куча 78, 236
 Кучала 262
 Қшыныкй 117, 118
 Қылғул 80, 81
 Қынышбод 21
 Қырчов 26
 Лабгардон 151
 Лалдон (лалдун) 52, 55, 88
 Ларзан сиёх 270
 Латта 171
 Латта дар ақиб партофтагй 171, 172
 Латта дар пас партофтагй 171
 Латтаи азоуна 201
 Латтаи гирди сар 173
 Латтаи печондагй 173
 Лик 34
 Лингй, лунгй 128
 Лифа 165, 166, 168, 285
 Лозимй 165
 Лой 21
 Лойбардор 46
 Лойбур 26
 Лойдевол 25, 26, 28, 277
 Лой кардан 21
 Лойкун (лойкын) 26, 46
 Лойшўрй 21
 Лойчуқй (лойчыки) 21
 Локй 26, 128
 Лубй 226
 Лулаболинни гулбурй 208
 Лумбаз 31
 Лумбуз 278
 Лунгй, лынгй 128
 Лухкак, лухтак 83, 204, 259
 Луқман ҳайол 237
 Мадраса 108, 259
 Мазор 90, 113
 Майдақах 21
 Макаронбирьён (бырьён) 236
 Макароншўрбо (шўрбо, шырво) 236
 Мактаб 107, 281
 Малафа 222, 288, 289
 Малхам 262, 271
 Мандил 200
 Манча 99, 100
 Марз 262
 Марза 30, 33
 Марзан девол 30
 Мармиҷон 262
 Марҷон 182
 Маска 226, 232, 243
 Мастоба 234
 Маърака 254
 Мағзй 121, 130, 147, 166, 169, 218, 284
 Маҳ 90
 Маҳалла (маҳалла) 17
 Маҳмуда (маҳмуда) 265
 Маҳси (маҳси) 128, 194
 Мехи танаи девол 61
 Мех чукидан 24
 Меъдақах 262
 Меҳмонни хона 48
 Меҳмонхона (хуна) 29, 31—33, 38, 51—57, 60, 88, 279, 281
 Меҳроб (меҳроб) 30, 111
 Меҳроби девол 30
 Миёндард 264
 Миёнчин 152, 284
 Мизон 272
 Минча 281
 Минсар 244
 Мисқол 46
 Миҳраб см. меҳроб
 Миҷоз 252
 Модел 234, 242, 250, 268
 Моделоба 234
 Мозирьон 260
 Мойра 26, 27, 118
 Мойрадор 26
 Молак 18
 Момодоя 258
 Монй 243
 Морак 223
 Моралаф 262
 Мош 226
 Мошоба 234
 Муаззин, муваззин 113

Муборак 120
 Муборак гардондан 120
 Муи гирди сар 177
 Муи дар пас партофтагӣ 177
 Муи хоӣ 177
 Мукак 131
 Муккӣ 128, 130, 170, 283
 Мулифа 221
 Мулк (мылк) 226
 Мулкак 148, 226
 Мулло (мылло) 282
 Мумиё 271
 Муми сафед 269, 271
 Мураббон гул 261
 Мураббон ҳалилаи зард 262
 Мураи пай 187
 Мурдаҳок 21
 Мурч, мурч 239, 264, 265
 Мурғ (мурғ) 264
 Мурғи ҳилол 237
 Мурғобӣ 237
 Мурғшӯрбо (мурғшӯрбо) 236
 Мури 40, 61
 Мусофир 86
 Мухпар 230
 Мушки беғичон 173, 174
 Мушунг (мышинг) 226
 Мушхор 263, 289
 Мухра (мура, мойра) 26, 171, 182
 Мухраи гардан 182
 Мухраи пай 186, 187
 Мухраи тангаи подшоҳӣ 182
 Мухраи ҷашмӣ 184, 186
 Мынгак 242
 Набот 265
 Навруз 245, 250, 252
 Най 24, 34
 Намак (нымык) 271
 Намакдон (нымыкдун) 228
 Намакоб 228
 Намакобҷома (нымыкоучума) 228
 Намакҷома 228
 Нармӣ 247
 Наск 226
 Нат 184
 Нати бинӣ 184
 Нахуд 226, 263
 Нахудшӯрбо 234
 Нахчир 237
 Нахчирак 244, 252
 Нашар (нышыр) 9
 Нашоиста (нышоиста) 235
 Нашъа 246
 Наъло 263
 Наққош 56, 89
 Нигул, нугул (ныгул) 225, 231
 Нимгула 136
 Нимнона 230, 278
 Нишар, нашар (нышыр) 276
 Нова 35
 Новардон (новардун) 35, 50
 Новачо (дуқони новачо) 70—74, 86, 279
 Нозбӯ 263
 Нолчак 24
 Номаҳрам (номаҳрам) 168
 Нони арзани 231
 Нони (нуни) боклогӣ 232
 Нони булка 225

Нони дупӯста 230
 Нони куноки 231
 Нони лаппа 230
 Нони наскӣ 232
 Нони обӣ 225
 Нони туғӣ 232
 Нони фатир 227
 Нони ҳамир 227
 Нони хлеф 225
 Ноништа 247
 Нони ҷавӣ 230
 Нонпар 230, 231
 Нонроскун (нунроскун) 228
 Нос 246, 247
 Носкаду 246
 Нос туфқунак 246
 Нохунгирак 130
 Нохуни хирс (хырс) 186
 Нул 130
 Нумол 171
 Нумоли гардӣ 171
 Нумоли заргаронӣ 171
 Нумоли зовутӣ 171
 Нумоли рубаст 171
 Нумоли фаранг 171
 Нумоли шол 171
 Нумоли ғичим 171
 Нумоли қамарут 171
 Нут 226, 263
 Нуш 276
 Нашр (нышыр) 8
 Нышра 9, 276
 Оби набот 265
 Оби ток 263
 Оби шурбо 265
 Обрез (оурез) 73
 Обрӯған 239
 Обхона 50
 Обҷакорӣ 50
 Обшин (оушин) 72
 Обҷушак 240
 Оби санг 23
 Овашк 33, 72, 96, 100, 101
 Одамон вақтхуш 251
 Одмиёна 221
 Озук (озык) 231
 Ойнаҳалта 211, 218
 Олму 242
 Олойбод 277
 Ордбирён 233, 263, 266
 Ордбирёни беравған 271
 Ордбод 233, 235
 Орзук (орзык) 231, 250, 251, 254
 Орди мулкин 290
 Орона 120
 Ос 263
 Осноб 28, 109
 Остин 143
 Остинча 208, 211, 221, 228, 230
 Отала, атола 41, 233, 247, 290
 Оталаи баравған 266
 Оталаи қочӣ 233
 Оталаи ровшук 234
 Оташак 263
 Отчал 205
 Офтоб, афтоб 90
 Офтоб барғашт 216
 Офтобру 8, 9, 276

Охур 88
 Охчанр 260
 Ош 234, 250
 Ошбур 229, 230, 235
 Оши банди чома 235
 Оши борик 235
 Оши бурида 235
 Оши руй 235
 Оши туппа 235
 Оши угро 235
 Оши ғела 235
 Оши чавин 235
 Ошхона 52, 106
 Оғил (оғыл) 51, 52, 71, 88, 106
 Оқ ёр 289
 Оқиркара 263
 Пай 130
 Пайвандак 242
 Пайванддард 272
 Пайге (кирг.) 73
 Пайдевол 25
 Пайпок 194
 Пайса 261
 Пайтоба, пайтова 130, 131, 194
 Палампо 102
 Паловгун 231
 Палпий 263
 Панча 177
 Панчак 178
 Панчакаш 30
 Панчара 178, 179
 Панчпочика 184
 Паран дегдон 40
 Парага 32
 Пардам 263
 Пари мурғобй 196
 Пар-пар 145, 146, 148, 150, 151, 284
 Парпй 263
 Парй 91, 288
 Пасак 178, 191, 196, 197
 Паси дар 71, 73, 74, 76
 Паси дегдон (дегду) 71, 74
 Паси печа 74
 Паскавдак 147
 Паскокулак (паскокулак) 178, 196
 Паскук 118
 Патк 81
 Патрун 263, 265
 Пахоли зағер 24
 Пахса похса 22, 27
 Пахсадевол 27
 Пахтаи кўхна 271
 Пашапарак 209, 214
 Пашахайкунак 105
 Пекам 83, 86, 280
 Песузан, пешсузан 117, 135
 Петоб 276
 Печ 55
 Печа 178
 Печга 55
 Пеш 155, 222
 Пешак 125, 147, 155, 156, 191, 284
 Пешгир 222
 Пешдолон 55, 73
 Пешин 177, 247
 Пешинй 247
 Пешкокулак (пешкокулак) 196
 Пешкушо 144, 147
 Пешонабанд 174
 Пешсузан, песузан 117, 135
 Пешталан 73
 Пешток 51, 52, 55, 71, 74, 78, 80—82, 83, 86
 Пешхиштак 166
 Пешчокак 124, 144, 145, 146, 147, 150, 193, 201
 Пнёба, пнёзоба 240
 Пнёз 263
 Пнёла 244
 Пилкак (пылкак) 135
 Пилта 135, 137, 283
 Пилталик пахсадевол 277
 Питоб 276
 Пича 62, 70, 76, 178, 196, 280
 Плимн 240
 Побанд 205, 206
 Пога 40, 55, 58, 61, 63, 70, 71, 73, 76, 78, 115
 Поган дар 61, 63
 Поган пешток 78
 Поён 62
 Пои дегдон (дегдун) 73
 Пойтоба 131
 Пойчома (пойчума) 165
 Покса 47
 Полиса 35
 Полисагузар 35
 Полисачуб 35
 Понздахчилика 135
 Попеч 131
 Попланг 241
 Пориса 35
 Похса 22
 Похсадевол 27, 277
 Почикй 44
 Пошна 130
 Поя (пая) 31, 34
 Пудина 242
 Пудина лалма 263
 Пул (дарв. пул, карат. пыл) 32, 33, 76, 96
 Пулакча 32
 Пули акиб 32
 Пули лаб 32
 Пули мина 32
 Пули танан девол 33
 Пулак (пылкак) 178
 Пулча 32, 33, 278
 Пуни дегдон 76
 Пулак 178
 Пупалок 263
 Пуркуний 118
 Пустаки (пустаки) 128, 130
 Пусти (пусти) мозу 263
 Пусти мор 269
 Пустин 127
 Пусти сағир 270
 Пустлок 24, 35
 Пухтадам (пыхтадам) 239
 Пухтадузй 120, 155
 Пухта шудан 22
 Пухташурбо (шурбо) 238
 Пуча 177
 Пучабанд 178
 Пучагирак 182
 Пучоки анор 263, 272
 Пучок 21
 Пуш 24

Пуштак 155
 Пъениска 246
 Рабат 135
 Рав 31, 32
 Равак 72
 Равок 30, 57, 81
 Равгани (ругани) бодом 263
 Равгани думба 226
 Равгани зағир 226
 Равгани зард 226, 244
 Равгани зовут 226
 Равгани качдум 271
 Равгани намак 272
 Равгани охъёк 226
 Равгани пок 226
 Равгани турб 264
 Равгани тухм (тхым) 270
 Равгани хирс 270
 Равгани чормағз 226
 Равгану гүшти кашкалдоқ 270
 Равгану гүшти сағир 270
 Равганчизак 264
 Радавык 189
 Ранси аъзо 259
 Райхон (райһун) 263
 Рамазон (рамазун) 230, 247, 250, 251, 289
 Раса 214, 215
 Рафида 211, 228, 255
 Рафидан гулбурий 208
 Рахт 128
 Рағд, рағд кардан 30
 Рағд кашидан 34
 Рагдилоу 61
 Рағза 124, 127
 Раҳак 209, 214—217
 Раҳбанд 207, 214, 215, 220
 Рахравак 72
 Раца кашидан 24
 Ревоҷ 266
 Регзамин 35
 Ресмон 166
 Решак 178
 Решан гули лола 264
 Решан харбуза 264
 Решта 182
 Ришқан (рышқан) говак 264
 Ришқан лалма 264
 Ров, роу 242, 250, 268
 Ростак сарак кардағи 117
 Рубанд 120, 199
 Рузан 34, 61, 69, 82, 112, 113
 Рузанчуб 34
 Рузохур 51—53, 88
 Руи дуқони боло 77—78
 Руи хавлӣ (навли) 50
 Руи хелчала 78
 Руич 235
 Руйгардон кардан 21
 Румол 171
 Румоли гардӣ 137
 Румолча 137
 Рупушак 199
 Руфтачуб 28, 278
 Руян 283
 Руғанчушӣ 232
 Рыжд, рыжд кардан 30, 34
 Рыждлау 30

Сабзикорӣ 50
 Савдо 259
 Савзан баҳор 251
 Савоб 178, 211, 213, 256
 Сагдандон 118
 Сагмоҳӣ 290
 Садаф, 169, 182, 286
 Садбарг 136
 Садри 231
 Саисхона 71
 Салла 137
 Саллан мошобӣ 137
 Саллан пешоварӣ 200
 Саллан тибитӣ 137
 Саллача 85
 Саманак, суманак (сыманак) 251, 252
 Самбӯса 240
 Санг 21, 230, 239
 Сангдевол 25, 28
 Санги масона 271
 Санги обӣ 23
 Санги сангоб 23
 Санги уғурак 229
 Сангча 72
 Сангшӯ 239
 Сандай 40, 59
 Сандон (сандун) 271
 Санон макка 264
 Санҷ 57, 80, 278
 Санҷид (сынҷид) 242
 Сарак тепчӣ 118
 Сарбандак 173, 200, 287
 Сардевол 28, 32
 Сардоба, сардова 50, 51
 Сари дегдон (дегдун) 71, 73, 76
 Сари остин 155, 159
 Сари сафил 31
 Сари шиғ (шығ) 31
 Сармо 270
 Сарохур 72
 Сароянда 48
 Сарпачала 31
 Сарпистун 264
 Сарполиса 35
 Сарполисағи 35
 Сарпориса 35
 Сарпоча 166
 Сарпӯши дег 254
 Саррав 29
 Сарсафил 31
 Сартакия 71, 72
 Сарупо 46
 Сарчок 44
 Сарҳад (сарҳад) 6, 7, 275
 Сатранҷӣ 124, 125, 193
 Сафедан қалъағи 188
 Сафедан қалҳин 188
 Сафеддил 232
 Сафедмол 131
 Сафедор 23
 Сафедхок 30
 Сафедӣ 243
 Сафро 259
 Сақич 260
 Сақичак шудан 22
 Сақичи сиёҳ 271
 Саҳарӣ (саҳари) 247
 Саҳн (саһн) 50

- Себак 228
 Себпуст 241
 Севчук 264
 Сегак 177, 178
 Секука 135
 Сел 9
 Селу (н) 102
 Сечак 264
 Сечик 30, 290
 Сиёхгил қардан 45
 Сиёхӣ 204, 218
 Силсила 184, 199
 Синан офтоб 20
 Синҷ (сынҷ) 29, 278
 Синҷдевол 29
 Сипор (сыпор) 24
 Сири даштӣ 264
 Ситора 155, 199, 284
 Ситорашавак 218, 219
 Сиялаф, сияхалаф 290
 Сиябед, сияхбед 23
 Сияхдарахт 23
 Сияхдузӣ 118—120, 155, 165, 199
 Сияхқанҷ 139
 Соба 171
 Собуни сиёҳак 190
 Сокиннак 88
 Сон 125
 Сояру 8
 Соқ 130
 Сузанақ 196
 Сузанӣ 203
 Сук 236
 Суки башир 236
 Сулукӣ (сулықи) 62, 72
 Сумалак (сымалак) 251
 Суманақ (сыманақ) 251, 252
 Суманаки нонӣ (сыманаки нунӣ) 251
 Суманақруған 251
 Сумбул (сымбӯл) 173, 174, 264
 Сумбулқаҳ 265
 Сурма 189
 Сунӣ пушт партофтагӣ 171
 Сурфа (сырфа) 99, 228
 Сурх (сырх) 21
 Сурхқанҷ 130
 Сутум, сутун (сытымб) 33, 72
 Сутумак 289
 Сутуми қадди девол 33
 Сутуми саломга (сытымби салумга) 48
 Сутуми танан девол 32, 33
 Сутумшол 36
 Сутун 33, 72
 Сутуни дари новачо 72
 Сутуни дуқони дароз (дыроз) 72
 Сутуни паси дегдон 72
 Сутуни сари пича 72
 Сутуни танан девол 32, 61
 Суф 268
 Суфа (сыфа) 22, 30, 31, 49, 51, 53, 58, 60, 63, 67, 73, 83, 99, 100, 102, 108, 110, 255
 73, 83, 99, 110, 255
 Суфан тах 63
 Суфан тор 63
 Таб 270
 Табак 228
 Табиб 259
 Тавилбегӣ 137
 Таволгӣ 80
 Таволӣ 80
 Тагак 177
 Тағалобӣ 231
 Тағбыргавҷӣ 25
 Тағбырҷав 25
 Тағи манаҳ бастагӣ 172, 173
 Тағи поға, таи поға 61, 63, 67, 76, 110, 111
 Тағи чойникмонак 218
 Тағи шол 36
 Тағоб, тағоу 6, 7, 275
 Тағи поға см. тағи поға
 Таитабақӣ 255
 Таи тоқӣ 132
 Таксарӣ 205
 Таксарни гулбурӣ 208
 Талоо—чапан (кирг.) 221
 Талбидаю харида 223
 Талкон 227, 232, 265
 Тамба 81
 Тамбу (н) 165
 Тамоқун балхӣ 246
 Тамоқун нос 246
 Тана 178
 Танан девол 30
 Танга 182, 183, 277, 278
 Таноб 24
 Танур 39
 Танӯрӣ (танӯрӣ) 238
 Тапиштиқ 206
 Тарқдузӣ 203
 Тарма 9
 Тарх (тарh) 25
 Тарх қашидан 24
 Тарҳалво (тарhалво) 235
 Тарьёк 246
 Тасма шудан 21
 Тахтан нонростқунӣ (нунростқунӣ) 228
 Тахтан ош 235
 Ташнов, ташноу 61, 69, 76, 83
 Тах 177
 Тахгирак 117
 Тахдевол, тахдеволӣ 25
 Тахқардагӣ 166
 Тахмол 231, 232, 249
 Тахпочагӣ 166
 Тахсинҷ 29
 Тахтул, таътул 247
 Тахуру қардан 21
 Тевана 127
 Тейноч 184
 Телпак 137, 176, 196, 197
 Телпакча 222
 Тепчӣ 117
 Тилим 221
 Тилимӣ 221, 222
 Тирак 235
 Тирез 143
 Тиреза 55
 Тирези остин 124, 144
 Тири ош 235
 Тиркаш 40
 Тит қардан 34
 Тоба 230
 Тобасангӣ 230

- Това 43
 Товус 83
 Тоғ 286
 Тога қардани хамирмо 228
 Тора 132, 170
 Тора 170, 132
 Торак 177
 Тори кос 31
 Торкоқулак 177
 Торон 232, 242
 Тосак 259
 Тоқ 62, 80, 112, 262, 290
 Токии қарсунча 170
 Токии чустй 134, 137
 Токии фарғонағй 137
 Токи лумба (лымба) 30, 62
 Токичаи чиллағй 222, 223
 Тоқчаи собунгирак 61
 Тоқй 132, 134, 197, 287
 Тоқгул 265
 Тоқи хурус (хурус) 265
 Тоғ 186, 187
 Тумор 48, 186, 260
 Туморча 83, 129, 134, 198, 213—215, 223, 224
 Тунук (тынык) 241
 Тунука 255
 Тунуқй 263
 Туй (туй) 228
 Тулак 135, 178
 Тулла 234
 Тур 152
 Туркуз 206, 210
 Турна 213
 Турнақатор 214, 215, 217
 Турушак (тырышак) 233
 Турушй 243
 Тут 23
 Тута 230
 Тутпуст 241
 Тутпусти манур 241
 Тутпусти шайй 241
 Тухмбирьён (тхымбырьё) 240
 Тухми бодринг 186
 Тухми обпаз 240
 Тухми тағиалобй 240
 Тухмпиёба, тухмпиёзоба 240
 Тухмшўрбо 240
 Тушбера 240
 Тушканон 232
 Тушого (кирг.) 210
 Тушқашурбо 240
 Тхарч 265
 Убар 18
 Улама 178
 Умоч 234, 250
 Умочи башир 234, 250
 Умочи дўғй (дуғй) 234
 Усма 189
 Усто 24, 26, 46, 258
 Устон деволгар 26
 Учак (кирг.) 76
 Учакдғ баши (кирг.) 76
 Учок 41
 Учоқи гардон 44
 Уғурак 229, 254
 Урдак (урдак) 237
 Фаранчй 169, 200
 Фараҷй 169
 Фарк 23
 Фаровез 127, 146, 147, 152, 169, 170
 Фарк 177
 Фаркросткун 177
 Фатир 40, 41, 231, 232
 Фатири пиёздор 232
 Фатири равғани (н) 232
 Фатири қазакдор 232
 Фатири қавин 232
 Фатирмаска 232, 251
 Фаш 137, 173, 174, 285
 Фомил (чои фомил) 290
 Фотиҳа (фотиҳа) 20, 48
 Фуқунул (фықунул) 173, 175, 176
 Хала 270
 Халаи дасти рост 265
 Халаи дасти чап 263
 Халифа 191
 Халк 46
 Хамба 81, 227
 Хамбаи минағй 81
 Хамбаи паси дар 81
 Хамбаи пешй дар 81
 Хамбан 81
 Хамирмо 227
 Хамирфатир 230
 Харбузаи сағак 266
 Хари 278
 Харикул 34
 Харипуш 33
 Харкул 34, 278
 Харпуштак 27, 33
 Харрузан 33
 Хартум 262
 Хас 24, 34
 Хаспушак 106
 Хасфатир 231, 232
 Хатми 267
 Хатхатак 221
 Хафабанд 182
 Хик 244
 Хилтит 260
 Химча 24, 28, 31
 Хишт (хышт) 22
 Хиштак 166
 Хиштдевол 27
 Хишт рехтан 22
 Ходаи пиёз 61
 Хок 21
 Хокдозун 47
 Хоки сар 177
 Хоки сафед 21, 177
 Хоки сурх (сурх) 21, 30
 Хоки қок 34
 Хок қандан 21
 Хол 189
 Холхолок 230
 Хомак (хумак) 130, 131, 170, 283
 Хомдам 239
 Хомшўрбо (шурбо) 238
 Хомқаймоқ 243
 Хона (хуна) 51—53, 55, 59, 60, 68, 69, 71, 83, 106
 Хонадароё (хунадароё) 48
 Хонаи аврупой 58
 Хонаи берунғй 81
 Хонаи дарунғй 81

Хонаи каргаспуши даврдор 33
 Хонако 111, 112, 113
 Хор 190
 Хориш 269
 Хориши кабутак 269, 270
 Хосият 20, 21
 Хубак 32, 266
 Худой 228
 Хум (хымб) 237
 Хун 259, 270
 Хунук 252, 259
 Хуроки пагай 247
 Хуроки чостгаҳӣ 247
 Хурсанд 46
 Хурук 233, 290
 Хуса 268
 Хуфа 270
 Хушкхориш 263

 Чака 239, 243, 264, 267, 270
 Чакман 127
 Чакмани қоқма 127
 Чалаи бича 72
 Чалаи гусола 70
 Чалаи мурғ (мырғ) 72
 Чаламчӣ 255
 Чалапчӣ 255
 Чалахатун 88
 Чалла 184
 Чалпак 231, 251
 Чамандагул 137, 171
 Чамбус 46
 Чамбус пушондан 46
 Чандгула 216, 217
 Чанор 90
 Чападузӣ 118—120, 155, 199
 Чапар 31
 Чапарак 31, 39, 62, 102, 105, 281
 Чапардарӣ 31
 Чапгиребон (чапгиреун) 151
 Чапгула 216, 217
 Чапкандӣ 102
 Чапотӣ 40, 45, 228, 230, 231, 249,
 250, 256, 278
 Чарбун гов 226
 Чарбун гуспанд 226
 Чармбаста 131
 Чаҳдег 237
 Чахтӣ 130
 Чахчуб 243
 Чашма, чишма (чышма) 9
 Чашмаки гов 214—216, 220, 223
 Чашмбанд (чышмбанд), 199, 287
 Чашми булбулак (чышми былбылак)
 135
 Чашми гов 209
 Чағалдак, чекалдак 231, 251
 Чағора 242
 Чаҳ 72, 241
 Чаҳдон (чаҳдун) 39, 278
 Чаҳи бофандагӣ 73
 Чаҳлак 39, 40, 45, 55, 57, 61, 62, 87,
 111, 112, 113
 Чаҳлак-сандали 68
 Чекалдак 231
 Чигас 72, 216, 217
 Чигасак 216, 217, 224
 Чигина 16
 Чилик 135

Чилик 173, 178, 179, 196
 Чилим 246
 Чилчура 178, 179
 Чинмилиқ 211
 Чирак 269
 Чияний 244
 Чобык, човык 125, 155, 159, 166
 193, 286
 Чодар 211, 213, 220
 Чодари сар 200
 Чои кабуд 244
 Чои лунка 244
 Чои фомил 244
 Чойках 233, 242
 Чойлоб 102, 104, 105
 Чойхалта 137, 245
 Чойчӯш 244, 253
 Чокарваш 190
 Чольоб 102
 Чор ангушт 25
 Чорбурч кардан 25
 Чорвошкӣ 132
 Чоргула 214, 215
 Чордара 88, 280
 Чордевола 26
 Чордолон (чордолун) 59
 Чормағз 23
 Чорпоргӣ 130
 Чоррешта 132
 Чорсӯ 128
 Чорук 128, 131, 170
 Чоруки баландак (быландак) 130
 Чоруки гирднаъл (гырднаъл) 128
 Чоруки нахчирин баландак 128
 Чоруки почан говӣ 131
 Чоруки пустиакӣ 128
 Чоруки чармбаста 130, 131
 Чорукмуза 131
 Чорукчомис 128
 Чорхона 278
 Чорхона-чорхона 216, 217
 Чорчашма, чорчишма (чорчышма)
 209, 214, 215
 Чорьяк 227
 Чуб 21
 Чубак (чубак) 228
 Чубгаз 46, 173
 Чубдаргил 32
 Чуби сандал 266
 Чубтарош (чувтырош) 45
 Чукри (чыкри) 232, 241, 266, 268
 Чура 178
 Чустӣ 132, 137, 171
 Чӯчаи (чуҷаи) калак 270
 Чӯчаи талхак 270

Ша 108
 Шаббандак 170
 Шабкулак (шавкулак) 176
 Шавгин 182
 Шавла 239, 247, 265
 Шакароб 233
 Шалворрағза 124
 Шалдарад 262
 Шамма 233
 Шамоллано 20, 82
 Шапа 24, 28, 31
 Шарбати иҷос 266
 Шарбати кукнор (кукнор) 266

Шарик 277
 Шаст 270
 Шасутум (шасытым) 48, 72, 95
 Шатапоа 102
 Шашдевола 25
 Шаши 173
 Шашин, шашй 71,—73, 74, 78
 Ша(х)гут 266
 Шероз 120, 135, 166, 170
 Шероза 120, 135, 137, 152, 155
 Шибит 242
 Шибитак 268
 Шидринг 128, 170
 Шикастабанд (шыкастабанд) 259
 Шикофй (шыкофй) 166
 Шилакак 71, 74, 78
 Шилими синчид 266
 Шим 121
 Шими галифе, шими гулофй 121
 Шира 233, 235, 251, 265
 Ширан бодом 267
 Ширан хумшикан 233
 Ширбат 233
 Ширбиринч 236, 247
 Ширбог 240
 Ширинак 33
 Ширини 241
 Ширин кардан 226, 264, 272
 Шири харак 262, 267
 Ширкаду 240
 Ширмохй 237
 Ширравган 247
 Ширруган 232, 270
 Ширчой 233, 247, 256, 265
 Ширчуш (ширчуш) 232
 Ширшўла (шула) 236
 Шиг (шыг) 31
 Шовык 30
 Шогнрд 46
 Шода 178
 Шоинак 122, 151, 155, 284
 Шол 35, 36, 168
 Шола 52, 106
 Шолпуш 35
 Шолчуб 36
 Шоли 239
 Шом 247
 Шомарак 259
 Шонахалта 211, 218
 Шорагза 124
 Шотара 261
 Шох 32
 Шохмот 224
 Шохмотнуска (ныска) 216, 217
 Шохй 168
 Шудрука 267
 Шукуфа 264
 Шўла (шула) 236, 239
 Шўлаи башир 236
 Шўрак 190
 Шўрбо (шурбо) 237, 238, 247
 Шўрбои ош 239
 Шутора 272
 Шухона 221
 Шушилка 102
 Шыкелак 130
 Шылуш 24

Эзор 124, 165
 Эл 106

Элак 227
 Элга 6, 106
 Эшик арқаси (кирг.) 76

Юган 270

Якаандоз 56, 211
 Якадолон (долун) 59
 Якапешток 58
 Як вацаб 26
 Як дохтани нос 265
 Якпула 33
 Якта 223, 282
 Яктаи гадои 223
 Яктаие 283
 Яктак 120, 124, 125, 127
 Яктаки гадои 224
 Якта-курта 125
 Яктай 124
 Якта-челак 125
 Як катор девол 28
 Ялама 239
 Яхдон (яхдун, ағдун) 103, 105, 106
 Яхнй 238

Гавсак 230
 Галбелак 147
 Галтун 254
 Гармаш 30, 267
 Гаша 34
 Гидора (ғыдора) 244
 Гишгар 272
 Гичув 218
 Гура 254
 Гураи кирьёк 267
 Гураи мушхор 263

Кавурга 214
 Кавурма 237
 Қад 83, 140
 Қадбача 83, 85, 86, 280
 Қадмол 249, 250
 Қазин 139, 173
 Қазоқин пар-пар 148
 Қазоқин пар-пари мулкакаш сиех 148
 Қазоқй 147, 148, 150, 151
 Қазоқй пар-пар 148
 Қанк 32, 118, 152
 Қанкбурй 289
 Қайдан 127
 Қайла 237
 Кайроқ 23
 Қайчикурак (кирг.) 207, 218, 219
 Қаламак 29
 Қаламфур (каламфур) 267
 Қаламфури хиндустонй 186
 Қаламфурмарчон 186
 Қаламй 121, 125, 200
 Қандоб 265
 Қанчак 182
 Қарақот 267
 Қасаба 184, 199
 Қатама куроқ 210
 Қатлама (қаттама)курок (кирг.) 216
 Катмол 231, 254
 Катор 28
 Каум 14, 16

- Кафо 182
 Кафобандак 182
 Кашка 206, 210
 Кашкалдоқ 270
 Кибла 21, 277
 Киёмат-курак (кирг.) 218
 Киёмат-курок 207, 219
 Киёми зирк 267
 Қиравч 242
 Қишлоқ 6, 12
 Қолаби кесақрезй 22
 Қолаби хиштрэзй 22
 Котурма 230
 Корч 242
 Корчоба 242
 Кош 83
 Кошак 218
 Коши таксарй 205—207
 Кошуқи тунука 255
 Кошуқи ордбардор 227
 Кошуқи най 255
 Кошчинак 189
 Кошчинй 188
 Кошчавук 211
 Кокма 285
 Кокухи боғй 242
 Кува 121, 147, 166, 169, 191 284
 Кувва 221
 Кулоч 46, 69, 277, 278
 Кулоқчин 222
 Кулф 81
 Кулфак 144
 Кулфу калиди лукидон 289
 Кум 272
 Кумоч 231
 Кумсувок 30
 Кумғон 41, 44, 244
 Кунгуз 270
 Курама, кырама 203, 213, 221, 288
 Курамаи болиш 207
 Курамаи чашмй 212
 Курак см. куроқ
 Курбан (кырбун) 90, 213, 230, 250, 251, 281, 289
 Куроб (кыроб) 285
 Курок (кирг. курак) 203—205, 213, 216, 219—221, 223, 287—289
 Курокдузй 203
 Куроки чашмй 216
 Куроки қирғизй 289
 Курут (кырут) 225, 232, 267
 Курутоб 48, 232, 247, 249
 Кутб 277
 Кучкор 90
 Кучқорак, кушқорак 83, 90, 207
 Кушхона (хуна) 40, 51, 55—58
 Кушқорак см. кучқорак
 Кырымб 22, 277
 Кырымдевол 27

 Хавли(и) (навлин) 50, 55, 80
 Хавло, халво (навло) 250
 Хавлои регак 250
 Хавлои регй 250
 Хавлои сафедак 250

 Хавлон сурхак 250
 Хавлон умочак 250
 Хад (һад) 8, 17
 Хазор испанд 267, 268
 Хайкал 165
 Хайкалча 199
 Халвои (һалвои) тар 235
 Халвои шир 235
 Халвохайла 240
 Халилаи зард 264
 Халилаи сиёх 264
 Хал шудан 22
 Халқа (һалқа) 184
 Харам (һарам) 173, 176
 Харом (һаром) 168, 184
 Хасанак (һасанак) 268, 283
 Хасани (һасани) маст 268
 Хафта 177
 Хафтпочика 184
 Хашар (һашар) 47, 48, 211, 213
 Хашари былнокашй (былнокашй) 17
 Хашари девол 47
 Хашари деволгарй 47
 Хашари хокпартовй 47
 Хачарул қониса 271
 Хел 52, 88
 Хелчала 75, 78
 Химмат 46
 Хино (һино) 189, 266
 Хи́чра (һичра) см. хичра 51—55, 59, 60, 68, 79, 80, 87
 Хонт (һонт) дузй 285
 Холмон (һолмун) 242
 Хота (һота) 50
 Хотакорй 50
 Хучра, хичра (һучра, һичра) 54, 59, 62, 63, 66—68, 87, 95, 227, 279

 Чавак 186
 Чавз 178
 Чавй 230
 Чаз 234
 Чаланчабин 261
 Чамилак 268
 Чамолак 178
 Чангал 23
 Чаррох 259
 Частик (кирг.) 205, 206
 Челак 124, 125
 Чин 288
 Чиниб 277
 Чинчак 166
 Чип, чиф 34
 Чифи борик 268
 Чойнамос 128
 Чома (чума) 126, 169, 193
 Чоман сурй 169
 Чоман тилимй 221
 Чу, чуй 10
 Чувозак 254
 Чулдуз-курак 216
 Чуроб 132, 133, 170, 194
 Чурғот 239, 243, 262
 Чуфт (чыфт) 250
 Чуғрот 243

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОНОМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абдулазим Азимов 51, 58
 Абдуллоев Рахим 55
 Абдуллоев Сияхак 51
 Абдуллохон Олимов 69
 Абдурахим 57
 Абрамов К. А. 52
 Абуали ибн-Сино 259
 Аваз, 13, 14
 Адолат Тошбекова 289
 Аёджумдор II
 Акиби-Горо (Акиби-Горо), летовка 7
 Акрам Муаззамов 74
 Алим (Олим) Шоев 68
 Амирджон Мухтаров 84, 99
 Амир Саид Хамадони, мазар 2/7
 Анджирак, к. 8, 13, 21
 Андижан 46
 Андреев А. С. 4
 Андреев М. С. 15, 25, 47, 48, 81, 82,
 92, 115, 117, 281
 Анзобский перевал 280
 Арандаренко Г. А. 17, 116, 225
 Арганкон (Арганкун), к. 48
 Армения 115
 Аскалон, к. 46, 89, 90, 258, 267, 279
 Афганистан 88, 92, 97, 99, 115, 244,
 276
 Афганский Бадахшан 88, 90, 96
 Афганский Дарваз 9
 Афганский Файзабад 46
 Афтобру 9
 Ахмадов Сафар 51
 Багар (Бағар), летовка 6
 Бадахшон Халилова 83
 Бамиан 115
 Бартанг 283
 Бедак, к. 33, 64
 Бедаки-Боло, к. 6, 7
 Бедаки-Поён, к. 7, 66, 79, 102, 142,
 209
 Биби Рахмона 191
 Биби Чулибаева 288
 Бобиева Махбура 159
 Бобринской А. А. 116
 Боги-Пышон (Боги-Пышун) кв. 6, 8
 Богорад Ю. И. 3, 125, 200, 285—287
 Болошахр, к. 69
 Булкос (Былкос), к. 76, 159, 280
 Бунай, к. 281
 Буни-Ку, кв. 105
 Бурхан Батыров 279
 Бухара 59, 96, 116, 155, 169, 182, 201,
 254, 263, 284, 287, 290
 Бухара Восточная 88, 116
 Вали Нуров 71, 87
 Ванч, р. 30, 70, 279—281, 286
 Вардуч, к. 25, 47, 48
 Варзоб, река, ущелье 92, 280
 Варфат, к. 96, 97
 Вахио 7, 15, 17, 262
 Вахион-Боло 11, 16, 40, 46, 177, 277
 Висхарв, к. 17
 Висхарви, ущелье 11
 Висхарви-Боло, к. 6
 Вишхарв, Вышхарв, к. 8, 106
 Войдара, к. 31, 41
 Вома (Шахри Вома), к. 11
 Воронина В. Л. 70
 Восточная Бухара 88, 99
 Восточный Туркестан 115
 Выгай, кв. 6, 105
 Габе М. Р. 4, 134, 185
 Гадо 77, 80, 278
 Гадо Кабилов 78
 Гарданга, летовка 7

* Против названий, встречающихся по всему тексту многократно, страницы не указываются, а ставится помета *passim*.

Гариб (Фариб), усто 23, 47
Гарм (Фарм), пос. passim
Гармский р-н passim
Гафферберг Э. Г. 287
Гаффор (Гаффор), усто 46, 89, 90
Гиёев Сайфуддин 39, 53
Гинзбург В. В. 5, 40, 56, 107
Гиссарская долина 59, 137, 226, 241, 290
Гориф (Фориф), долина 28, 69, 82
Григорьев Г. В. 204, 288
Гринкова Н. П. 284
Грузия 115
Грум-Гржимайло Г. Е. 116
Гундара (Фундара), к. 6

Давлятов Хаким 68
Давлятьёр Рахимов 55, 57
Данскер О. Л. 117, 151, 177, 191
Дарай-Мазор, к. 12, 160
Дарай-Хакими, долина см. Хакими
Дарваз passim
Дарвазский хр. 15
Дашти-Джум, к. 5
Дашти-Джумский р-н 24, 40
Дашти-Лич, к. 7, 16, 21
Девдара, лошина 18
Дегилмон, Деи-Гилмон (Гилмун), к. 6
Дегилмони-Боло, к. 7, 16
Дегилмони-Мина, к. 7
Дегилмони-Поен, к. 7
Деи-Гилмон см. Дегилмон
Дехаи-Амир, Дияи-Амир, Дии Амир, к. 6, 32, 55
Дехаи-Санд, к. 286
Де(х)и-Баланд, к. 6, 7
Джавзо-Дара 287
Джавони, к. 31, 43—45, 60, 93, 97, 104, 110
Джанги Егиев 74, 76
Джиргаталь, район, к. 11, 22, 49, 118, 137, 152, 169, 171, 178, 182, 184, 189, 206, 207, 211, 213, 214, 218, 221, 223, 231, 235, 277, 279, 286, 288
Джиргатальский р-н 23, 55, 73, 75, 168, 278
Джихоншо Юнусов 67
Джобиров Кадам 70—72, 80
Джон-Эшоно, кв. 6
Джорф, к. 6, 8, 9, 13, 18, 22, 29, 32, 36, 37, 43, 55, 56, 58, 59, 73, 74, 76, 77, 80, 94, 102, 103, 105, 106, 276
Джугуни, леговка 106
Джуйбори-Дарай-Бедак, канал 11
Джуйбори-Муг, канал 11
Джурмарчи, округ в Афганистане 96, 97
Дии-Амир см. Дехаи-Амир
Дии-Калон, к. 6
Дияи-Амир см. Дехаи-Амир
Дии-Та, Дуи-Та, к. 6, 11, 65, 101, 122, 172
Додарбек, усто 62, 68
Доруходжа 16
Дудин С. 10
Дуи-Та, кв. 8

Дун-Тор, кв. 8
Дуробак, к. 17
Дух, к. 15
Душанбе, город 6, 88, 225, 285
Душанбинский р-н 188
Ершов Н. И. 3
Егид к. passim
Егиев Джанги 74, 76
Езганд, к. 12, 32, 75, 78, 276, 278, 284
Еун, леговка 106
Ефуч, к. 7, 276

Жаба Х. А. 4, 129, 133, 162, 183, 185

Зайдуллоев Саадullo 51, 54
Закавказье 115, 279
Закн-Абди, к. 15
Замон Курбанов 73, 75
Зарубин И. И. 69, 115
Зеравшан, река долина 5, 15, 44, 56, 70, 88, 186, 205, 220, 276, 287—289
Зеравшанский хр. 70, 115
Зехбед, к. 279
Зидди, к. 280
Зикрихудоёв Мир 77
Зинг, к. 11, 130
Зогак Халиков 55, 56, 75, 78
Зокиробод, к. 33, 66
Зувай, к. 275
Зыгар (Загар), к. 9, 20, 21—24, 27, 28, 44, 47, 73, 77, 80, 87, 96, 99, 100, 105, 126, 129, 143—145, 147, 151, 152, 153, 155—159, 161, 163, 165, 199, 200, 209, 215, 221
Зыгар, р. 9

Ибар, Ибара 18
Ибаран-Ду, часть сел. 18
Ибари-Дара, часть селения 18
Ибари-Куча, часть сел. 18
Иванов Д. Л. 116
Индия 137, 264, 266

Кааба 277
Кабилов Гадог 78, 79
Кавгонова Мунаввар 159, 175
Кадара, к. 22, 25, 27, 31, 33, 48, 76, 98, 181, 214, 284
Каджбеди-Пешору, к. 8
Каджбеди-Чукурак (Чаакурак) к. 8
Каджбеди-Чухтак, к. 8
Казнок (Казнок), к. 8, 21, 27, 28, 38, 40, 43, 47, 48, 67, 68, 99, 108, 111, 135, 172, 177, 200, 206, 210, 211, 214, 221, 277, 278
Калаи (Калъаи)-Лабн-Об, к. 43, 169, 191
Калаи-Нав, к. 97
Калаи-Сурх, к. 278
Калаи-Хумб (Хым), к. passim
Калаи-Хусайн (хусайн), к. 23, 113, 281
Каланах (Калъанах), к. 12, 25, 32, 43, 46, 67, 68, 155
Камароу, ущелье 11, 52, 76, 166, 167, 169

- Камоллен, к. 279
 Канджун 70, 115
 Канибадам (Конибодом) 211
 Кара-Корум 277
 Каратаг (Каратор), к. 284
 Каратегин (Каротыгин)
 Кармышева Б. Х. 88, 99, 288
 Карчи Рабиев 60
 Кафтаргузар, к. 7
 Кашгар 245
 Кашка-Дарья 275
 Кеврон, к. 8, 17, 18
 Кизил 115
 Кизило (Кизило), к. 279
 Киргизия 218
 Кисляков Н. А. 16, 17, 40, 56, 70, 71, 76, 82, 92, 111, 117, 199, 279, 280
 Китабский р-н 288
 Кишвар Хайдаров 75, 78, 102, 103
 Кобаст, кв. 6
 Коканд 132, 169, 189
 Комсомолабад (Комсомолобод), район-центр 6, 11, 49, 65, 107, 111, 125, 142, 159, 173, 191, 198, 200
 Комсомолабадский р-н *passim*
 Костакоз, к. 211
 Кочон (Кочун), к. 64, 90, 167, 200, 209, 211, 214
 Кочони-Боло, к. 7, 42, 67, 68, 92, 98, 112, 113, 138, 162, 169, 183, 185, 284, 285
 Кочони-Поён, к. 7
 Кошой (Кошой), к. 129, 154, 162, 183, 185, 206, 207, 210, 213
 Кугли(к), к. 43, 51, 54, 151, 168, 192, 283, 285
 Кул, к. 279
 Кули-Афтобру, к. 9, 30
 Куляб, г. 5, 40, 47, 99, 225, 275, 277—279, 284, 285, 290
 Кулябская группа районов 186, 282
 Курбан-Шанд, к. 277
 Курбанов Замон 73, 75
 Курговад, к. 13, 20, 28, 30, 32, 34, 41, 43, 46, 63, 70, 71, 73, 74, 76, 80, 81, 95, 102, 105, 106, 147, 148, 178, 230, 242, 252
 Курчу, к. 288
 Кушагба (Кушагба), к. 18, 22, 25, 41, 43, 52, 59, 81, 165, 277—279

 Лаших, к. 75, 283
 Ленинабад, г. 56, 140
 Липский В. И. 279

 Мадраса, к. 108
 Мадрушкат, к. 286
 Маддингат, к. 16
 Мазори Махадов 277, 279, 280
 Мазори-Шинг, к. 11
 Майна Махмадова 284
 Маллицкий Н. Г. 5
 Мардон Мухаммадиев 288
 Масъуда Усманова 204
 Матча 44, 186, 286
 Махаллан (Махаллан)-Ибари-Об, кв. 18
 Махаллан-Убари-Об, кв. 18
 Махбура Бобиева 118, 160

 Махмадали (Махмадали) Набиев 55, 58
 Махмадъер Рахимов 55
 Махсума Кодырова 190
 Мекка 271, 277
 Мерганов Савлатшо 74, 276
 Мешкерис В. А. 4, 280
 Минна-Ду, кв. 6
 Мирзо Рахмат Бобиев 55
 Миртоб, к. 29
 Мискинабад (Мискинобод), к. 56, 122
 Михроб, летовка 7
 Муаззамов Акрам 74
 Муджихаров, долина 28, 69, 215, 221
 Муджихрав, к. 45, 50, 51, 52, 65, 109, 215, 223
 Мулло Кенджа, к. 11
 Мулло Темур, к. 18
 Муминабад, к. 47
 Мунаввар Кавгонова 159, 173, 175
 Мункар и Накир 288
 Мухиддинов И. 3, 4, 85, 86, 92, 101, 276, 280, 284
 Мухтаров А. М. 277, 279

 Навабад (Навобод), к. 11, 110, 166
 Навди, к. 8, 23, 26, 41, 43, 48, 51, 53, 55, 56, 67, 189, 211
 Наврузали 84
 Нагорный Карабах 115
 Назокат Каримова 212
 Накир 288
 Наливкины 287
 Наманган 132
 Неменова Р. Л. 3, 277, 280
 Нимич, к. 169
 Новошт, кв. 6
 Носиробод, к. 203
 Нульванд, к. 9
 Нур-Ата, сел. 280, 284, 288, 289
 Нурджанов Н. Х. 3, 4, 46, 49, 69, 92, 112
 Нуров Вали 71, 87
 Нушор, к. *passim*

 Оби-Гарм, к. 9, 11, 17, 37, 49, 64, 122, 124, 191, 203, 227, 230, 235, 248, 251
 Оби-Гармский р-н (бывший) 69, 93, 97, 99, 100, 150, 238, 289
 Оби-Даран-Шур, река 7, 9
 Оби-Зыгар (Зыгар), река 9
 Оби-Дурд, к. 69
 Оби-Нюу, река 24, 40, 281
 Оби-Равноу, река 9
 Одилобод, к. 16
 Олимов Абдуллохон 69
 Оренбургская жел. дор. 244
 Осетия Южная 115

 Пальдорак, к. 287, 289
 Памир 204, 271
 Панджшир 92
 Паси-Гезун, к. 7
 Паткиноу, к. 9, 17
 Пенджикент, г. 216, 271, 287, 288
 Пещерева Е. М. 117, 124, 204, 225, 286, 287
 Пилдон, к. 159, 199, 205, 210, 218, 221
 Пилдони-Боло, к. 36, 75, 78

- Пилдони-Миёна, к. 55, 56, 75, 78, 130, 145, 147—150, 153, 171, 178, 187, 222
 Пилдони-Поён, к. 221
 Пингон, к. 13
 Пир, усто 58, 59
 Писарчик А. К. 3, 4, 159, 284, 288
 Питоу-Куль, к. 276
 Поджеи-Боло, к. 7
 Поджеи-Поён, к. 7, 11
 Попов А. В. 35
 Пославский Ю. И. 5
 Припамирье 81, 92, 115, 178, 203, 224, 276, 277, 279, 280, 284, 285
 Пуни-Ду, кв. 6
 Пуни-Куча, кв. 6, 105
 Пуни-Огба (Огба), к. 7
 Пуни-Шор, к. 39, 40, 77, 80, 102, 105, 126, 138, 144, 145, 150, 155, 156, 182, 252
 Пуштарог, к. 12
 Пушти-Кадун, летовка 7
 Пушти-Чашма, летовка 7
 Пшнхарв, к. 14, 17, 26, 47, 70, 71, 80, 87, 102, 104, 106, 117, 126, 128, 130, 131, 133, 144, 147, 148, 167, 176, 177—180, 182, 183, 187, 188, 193, 228, 278, 285, 290
 Пшогед, летовка 6, 103
 Пишиф, летовка 6
 Пяндж, р. 6, 7, 9, 11, 17, 18, 36, 46, 104, 148, 259, 290
 Работ, к. 108
 Равноу, к. 6, 9
 Рарз, к. 211
 Рахимов М. Р. 112, 275—277, 280—282, 285
 Рехч, к. 6, 237
 Ризвай, к. 7, 8, 16, 252
 Ризвонов 75
 Рог (Rof), к. 287, 289
 Рогон (Роғун), к. 69, 99
 Розенфельд А. З. 3, 108
 Ромит, к. 35
 Россия 224
 Рубот, к. 7
 Русайкина С. П. 117, 124, 125, 135, 140, 159, 166, 202, 283—285
 Саадулло Зайдуллоев 51
 Савлатшо Мерганов 74, 276
 Сагырдашт, к. 6, 8, 9, 15, 20, 21, 27, 88, 107—109, 177
 Саид Джамол 79
 Сандмурод Джураев 288
 Сайлон, мастерица-гончар 84, 86
 Сайрон (Сайрун), к. 73, 75, 78
 Самарканд, г. 15, 96, 125, 169, 189, 204, 280, 285, 288
 Самсолик (Самсолик), к. 17, 25, 27, 34, 60, 62—64, 67—69, 92, 107, 145, 159, 166, 286
 Сангвор, к. 81, 82
 Сангеви-Дароз, к. 9, 14, 17
 Сари-Джангал, к. 16
 Сари-Ду, кв. 6
 Сари-Пулак, к. 39, 59, 64, 66, 83, 98, 130, 134, 196, 197
 Сари-Хасор, к. 283
 Сари-Шухон, к. 15, 16, 279, 283
 Сафедоро, к. 15
 Сафедорон, к. 6, 13, 15—18, 21, 34, 55, 57, 69, 73, 75, 97, 112, 168, 276, 278
 Сафолов Хол 68
 Семенов А. А. 102, 116, 279, 280, 282, 286, 287
 Сел, к. 6
 Сесанга, к. 33, 39, 63
 Сичирог (Сичирог), к. 9
 Сияхак Абдуллоев 51
 Сокиев Хушмамад 53
 Сорбух, р. 7, 69, 82
 Ср. Азия 96, 111, 170, 244, 252, 258, 259, 288
 Сурхау, р. 6
 Сурхоб, р. долина 6, 7, 9, 11, 12, 15, 16, 19, 27, 46, 67, 69, 76, 111, 159, 169, 210, 290
 Сусхотун 288
 Таваккаль 60, 63
 Тавиль-Дара, к. 6, 11, 12, 23, 133, 267
 Таджикибад, группа кишлаков, район 9, 11, 20, 32, 66, 69, 73, 122, 135, 152, 159, 160, 169, 179, 181, 191, 192, 277, 285
 Таджикистан Северный 258
 Таргак, к. 279
 Тач, летовка 6
 Ташкент 278, 285
 Тегирин, к. 12, 17, 25, 28, 29, 32, 34, 48, 54, 64, 65, 69, 100, 107, 110, 136, 179
 Тогмай, к. 9, 35—37
 Тохаристан 70
 Троицкая А. Л. 287
 Туркестан 244, 249, 258
 Убайдов 56
 Убар, Убара 18
 Убаран-Ду, кв. 18
 Убари-Дара, кв. 18
 Убари-Куча, кв. 18
 Угр (Уғыр), к. 242, 252
 Узбекистан 244, 285
 Умарак, к. 11, 25, 31, 32, 34, 46, 47, 76, 76, 80, 100, 102, 106, 123, 126, 134, 136, 145, 148, 149, 153, 158, 161, 180, 185, 187, 207, 214, 215, 220, 222, 231, 251, 252, 278, 284
 Ура-Тюбе, г. 56, 216, 220, 277, 288, 289
 Ургут 285
 Урхонов Мардон 77
 Усубджу, р. 18
 Уштурпаст, к. 279
 Ушхарв, к. 22, 25, 27, 31, 34, 46, 278
 Файзабад (Файзобод), к. 46, 90, 287
 Фальгар 211
 Фатхабад, к. 22, 113, 114
 Фахриддин 75, 78
 Фергана, Ферганская долина 22, 46, 81, 124, 125, 155, 182, 254, 262, 268, 277, 285
 Фолума, к. 30, 279, 289

Хавдок, к. 177
Хавлин (навлин) -Та, кв. 6
Кавлин-Тор, кв. 6
Хади (надди)-Афтобру, кв. 8, 9
Хади-Боло, кв. 8
Хади-Ибара, кв. 18
Хади-Мина, кв. 8
Хади-Пову, Хади-Поён, кв. 8
Хади-Убара, кв. 18
Хади-Хучакиён, кв. 17
Хади-Чукуриён, кв. 17
Хади-Шаалиён, кв. 17
Хазорчашма, к. 112, 279
Хазрати-Бурх, к. 6, 15, 16, 46, 113
Хант (нонт), к. 19, 29, 36, 44, 52, 56,
90, 102, 136, 169, 171, 199, 218, 277,
278, 284
Хайдаров Қишвар 75, 78, 102
Хаким Давлятов 68
Хакими, река, долина 8, 30, 38, 39,
44, 56, 59, 62, 64, 65, 69, 82, 83,
88, 98, 99, 101, 117, 150, 196, 203,
206, 214, 215, 221, 222, 224, 241,
277
Хакими-Боло, к. 123, 145, 197
Халиков Зогак 55, 56, 75, 78
Халкарф, к. 28, 31, 48, 190, 277
Хамби-Хоклу, канал 11
Хамиджанова М. А. 3. 284, 286, 288
Хек, к. 8, 11, 16, 21, 252
Хилмони, к. 287
Хингоу passim
Хишт-Тепе 277
Ховалинг, к. 283
Ходжа Валишо 108
Ходжа Негмат 46, 96
Хорезм 277
Хост, к. 8, 102
Хостау, Хостав, к. 18, 123, 126, 130
Худойдод, усто 53
Хумби-Вари, к. 21, 281
Хумбоу, река 7, 9, 11, 51, 58, 108, 281
Хумдон, к., с/с 69
Хутталь 277
Хуф летовка, долина 7, 276
Хушмамад Сокиев 55, 56
Хымбог, летовка 6
Цейлон 264
Чакихо, к. 16

Чахмок (Чахмок), к. 16
Чильдара, к. 12, 32, 43, 75, 78, 102,
103, 146, 151, 278
Чормагзак, к. 50
Чуст 132

Шавркиён, к. 11
Шайхо, к. 16
Шароф 56
Шикорга, уш. 11
Ширг (Шырғ), к. 16
Ширги-Боло, к. 7, 18
Ширги-Поён, к. 7
Ширговад, к. 8, 11
Широкова З. А. 3, 4
Шкев, к. 9, 36, 46, 96, 97, 100, 106
Шодаги-Боло, к. 7
Шодаги-Поён, к. 7
Шугнан 271, 279
Шул, к. 8, 15, 42, 43, 83
Шулонак, к. 11, 28, 78, 79
Шульмак, к. 11, 28, 41, 43, 46, 56,
69, 76, 79, 88, 132, 166, 200
Шульхоб, к. 64, 76
Шур, уш. 9
Шури-Боло, к. 7
Шури-Поён, к. 7
Шуроабд 5
Шухлинг, к. 271

Элок, к. 39, 90, 100, 148, 150, 203, 289
Эшони Малех 258, 267

Юсуф-Али, усто 46

Ялдамич к. 16, 27, 46, 89, 90, 118,
138, 149, 150, 151, 159, 162, 165,
200, 206, 210, 216, 218, 221, 290
Ялдамичи-Сари-Джар, к. 16
Янголик, к. 111
Ярхаб, к. 165, 279
Ярхаби-Калон, к. 8
Ярхаби-Чукурак, к. 8
Яхак, к. 50, 91, 146, 192, 194
Яхакпаст, к. 102, 279
Яхак-Юс, к. 69, 122, 208
Яхсу (Ехсу), р. 92, 271, 287
Яхч, к. 12, 13, 23, 32, 39, 44, 46, 49,
53, 69, 76, 100, 101, 113, 142, 160,
174, 192, 210, 212, 286

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Селение	5
Жилище	19
Одежда	116
Узорные изделия из кусочков материи	203 ✓
Пища	225
Народная медицина	258
Примечания	273
Указатели	293

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

Таджики Каратегина и Дарваза
Вып. 2

Ответ. редакторы:
Николай Андреевич Кисляков
Антонина Константиновна Писарчик

Редактор издательства *Е. Г. Коцабенко*
Технический редактор *З. П. Маслова*
Корректор *Л. Д. Полисская*

КЛ 03451. Подписано к печати 29/VI-1970 г. Формат 70x108¹/₁₆. Печ. 19,625 л.
Приведенных к ф. 60x90—27,475 л.+одна вклейка. Уч.-изд. 28,0 л. Заказ 26.
Тираж 1100. Цена 2 р. 90 коп.

Типография Издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
33	21 сверху	харкуштак	харпуштак
45	8 снизу	немного,	немногие
155	2 "	чобек	чобэк
228	15 "	эти	эту
248	22 "	научению	наущению
251	17 сверху	толки	толкли
304		Учакдѣ баши	Учакды баши
310		Муджихаров	Муджихарв
312		Кавлин-Тор	Хавлин-Тор

Цена 2 руб. 90 коп.